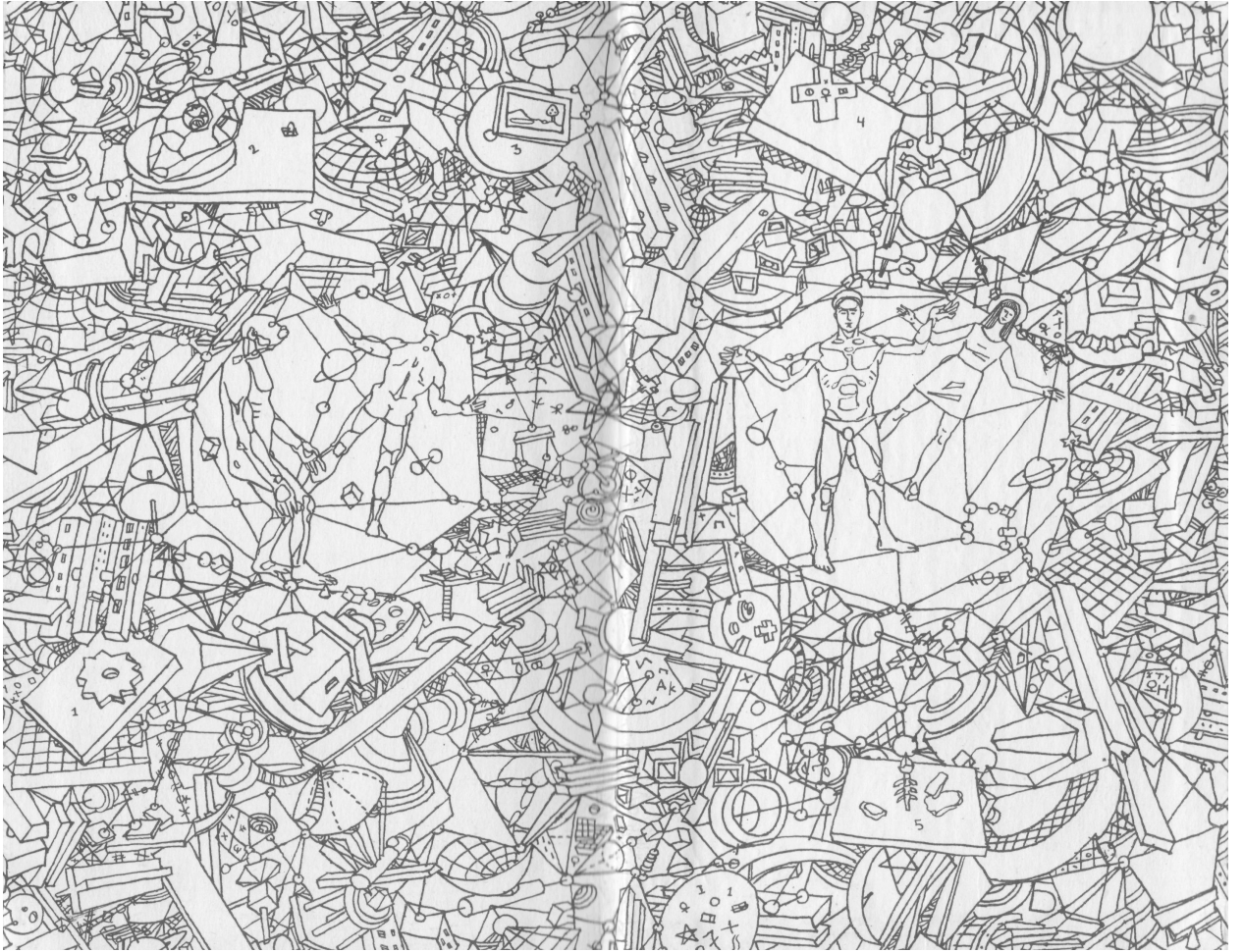

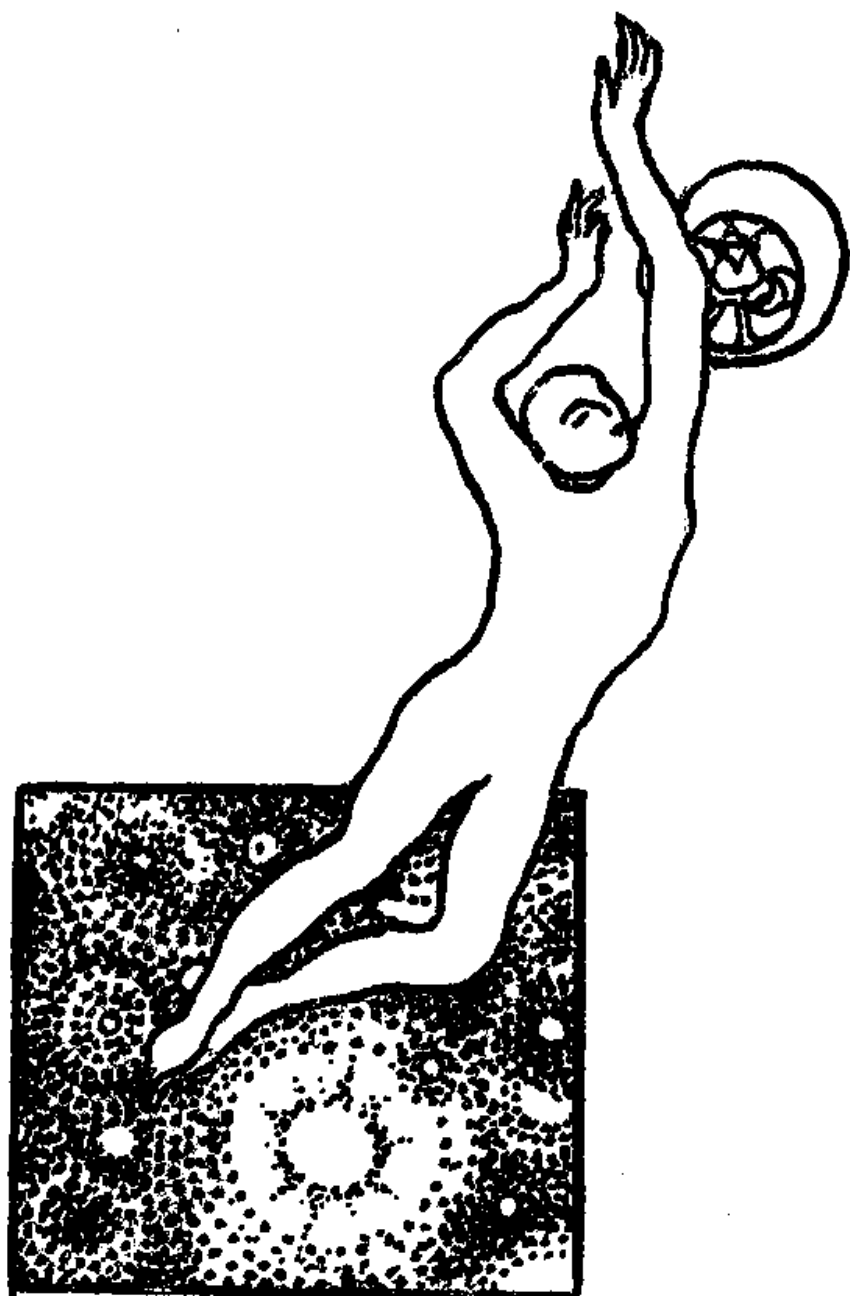

ВЛАДИМИР КОРЧАГИН

АСТИЙСКИЙ ЭДЕЛЬВЕЙС

Двадцать лет спустя

«Мне уже шестьдесят, говорит один из героев романа Владимира Корчагина «Именем человечества» врач Зорин, – и тем не менее я готов повторить вслед за Эйнштейном, что «самое прекрасное и глубокое переживание, выпадающее на долю человека, – это ощущение таинственности окружающего мира. Тот, кто не испытал этого ощущения, кажется мне если не мертвецом, то во всяком случае – слепым». В этих словах, наверное, ключ к пониманию всех произведений В. Корчагина, ключ к пониманию внутреннего мира и самого писателя, отдавшего себя равно науке и литературному творчеству. Я бы добавил только, что наряду с постоянным мотивом чего-то таинственного, загадочного, интригующего в каждой книге его неизменно звучит гимн красоте: красоте природы, красоте человека, красоте человеческих отношений.

Это ощущение таинственности и красоты окружающего мира пришло к нему еще в детстве. Может быть, это было, – вспоминает Владимир Владимирович, – в тот ясный весенний вечер, когда ему посчастливилось увидеть феерическую картину падения огненно-красного болида, с грохотом пронесшегося над дальними холмами, может быть, позднее, когда он с удивлением наблюдал, как, повинаясь движению солнца, медленно, но упорно поворачивается вслед за ним ярко-желтая головка подсолнечника. А может быть, еще позже, когда, расколов с виду невзрачный камень, он обнаружил внутри изумительный узор чистейшей воды прозрачного агата.

Как бы то ни было, именно это ощущение таинственности и красоты окружающей природы привело его на геологический факультет Казанского университета, позволило успешно защитить диссертацию и стать ученым-минералогом. И тут перед ним раскрылся мир, полный таких загадочных тайн, такой совершенной безыскусственной красоты, что ему захотелось рассказать о нем людям. Так родилась приключенческо-лирическая повесть «Тайна реки Злых Духов».

Это был дебют будущего писателя. Дебют удачный. Повесть стала своего рода бестселлером для целого поколения мальчишек и девчонок. Не оставила она равнодушным и взрослого читателя. В течение нескольких последних лет книга претерпела еще два массовых издания, весь тираж которых разошелся практически мгновенно. Исключительно тепло отозвался о повести виднейший писатель того времени Иван Ефремов. Автора книги засыпали письмами, в которых читатели просили рассказать о том, что случилось в дальнейшем с полюбившимися им героями.

В. Корчагин пошел навстречу своим читателям, решил проследить судьбу героев «Тайны» дальше, показать их более взрослыми, повести за собой в аудиторию университета, познакомить читателя с новейшими проблемами геологической науки. Результатом этого явился роман «Путь к перевалу».

Между тем, загадки и тайны мироздания продолжали волновать В. Корчагина и в последующие годы. Его заинтересовал вопрос об истоках человеческого разума, о возможной связи цивилизации Земли с цивилизацией иных миров. Огромную, если не решающую роль в решении этих вопросов сыграли беседы писателя с Иваном Ефремовым. Именно Ефремов дал первый поощрительный отзыв на рукопись нового научно-фантастического романа В. Корчагина «Астийский эдельвейс».

К сожалению, судьба «Астийского эдельвейса» сложилась непросто. В силу не совсем ординарной трактовки некоторых научных и социально-философских проблем лишь после десяти лет «хождения по мукам» «Молодая гвардия» опубликовала сильно сокращенный вариант романа. И только теперь, спустя двадцать с лишним лет после написания, он выходит на суд читателя в своем полном, первозданном виде.

О чем же роман? Сказать это в двух словах просто невозможно. Роман многоплановый. В нем тесно переплелись проблемы чисто земные с проблемами глобального вселенского масштаба, проблемы, вставшие как перед молодой, еще несовершенной цивилизацией

Земли, так и перед многомиллионнолетней сверхсовершенной цивилизацией системы Агно. Здесь читатель встретится и с бесчисленными противоречиями нашего земного общества, и с принципиально отличными, но тоже не идеальными общественно-социальными моделями иных миров. В книге соседствуют как сложные научные проблемы, так и глубокие личные переживания героев, тонко сосуществуют и жесткие бескомпромиссные требования разума, и властные, подчас безрассудные веления любви.

Роман написан в обычной для В. Корчагина манере мягкого лирического повествования, с остро-увлекательным сюжетом и четко очерченными запоминающимися образами героев. В нем читатели найдут немало интересных сведений из геологии, антропологии, палеонтологии, астрофизики. Но эта насыщенность научными данными не перегружает произведение. Автор избегает категоричности, с большим тактом выдвигает научные идеи, образующие фабулу романа, умело вплетает их в сюжетную канву, убедительно показывает, что именно научное призвание, более, чем что-либо другое, может пробудить в человеке громадные внутренние силы, привести к самопожертвованию, подтолкнуть к благородным поступкам, к подвигу, – всему тому, что совершает Максим Колесников.

В романе, как и в других произведениях В. Корчагина, много загадочного, неожиданного, автор остается верным своему кредо: заставить читателя увидеть, почувствовать силу красоты как в недрах прибывшего к нам чудо-звездолета, так и в любом уголке родной планеты. Более того, он убедительно показывает, что именно эта сила даст возможность и нашей далеко не совершенной цивилизации – цивилизации малообразованных, малокультурных, но одаренных необычайно богатой эмоционально-духовной сферой людей, протянуть руку помощи (вот он, чудесный эдельвейс!) значительно более высоко развитым мирам, «зациклившимся» на одном лишь культе разума, загнавшим себя в тупик беспредельной механизацией всех без исключения сторон жизни.

Короче говоря, «Астийский эдельвейс» – это попытка исследовать художественными средствами пути развития цивилизаций, сходных в своем начальном этапе с цивилизацией Земли. Причем исследовать не методом абстрактных рассуждений, а методом проникновения во внутренний духовный мир вполне конкретного человека. Ибо человек и только человек (или иное разумное существо), по мнению автора, всегда остается единственной и высшей ценностью в любое время, в любых мирах Вселенной.

Именно это вызвало наиболее живой отклик у большей части читателей после опубликования журнального варианта романа. Они снова забросали автора письмами с просьбой рассказать о дальнейшей судьбе его героев. В результате «Астийский эдельвейс» также не остался без продолжения. В следующем научно-фантастическом романе «Именем человечества» писатель вновь вернул Максима на Землю, где тот по-прежнему отдает все силы, весь талант на благо своему народу, своей Родине. Автор, однако, и здесь не ограничивается чисто научно-фантастической проблемой создания нейтринного генератора, способного вывести из строя любое термоядерное оружие. В романе решается один из основополагающих вопросов человеческого бытия – характер взаимоотношения людей в самых различных, подчас сверхэкстремальных обстоятельствах, а главное, в нем снова и снова писатель обращается к утверждению, что нет ничего увлекательнее и достойнее, чем разгадка тайн, которыми полна окружающая нас природа.

Следует заметить, что, поскольку роман «Астийский эдельвейс» вышел сокращенным более чем на половину, а некоторые его герои (Татьяна Тропинина и др.) были вообще исключены из повествования, то автор вынужден был во избежание недоуменных вопросов читателей романа «Именем человечества», где Тропинина оказалась одной из главных действующих лиц, внести в эту книгу некоторые из исключенных глав «Астийского эдельвейса».

В данном, полном варианте романа «Астийский эдельвейс» эти главы, естественно, заняли соответствующее место, что не должно удивлять читателя, ранее познакомившегося с романом «Именем человечества».

Вслед за романом «Именем человечества» В. Корчагин издает научно-фантастическую повесть «Конец легенды», где читатель встречается с чрезвычайно загадочным, на первый взгляд, явлением природы, которое имеет вполне естественное научное объяснение. Впрочем, эта сторона повести составляет лишь канву сюжета, на фоне которой разворачивается острейшая, полная драматизма борьба героев В. Корчагина за утверждение общечеловеческих принципов справедливости и гуманизма.

В таком же примерно ключе написан и научно-фантастический роман «Узники страха». В нем опять с одной стороны – научно-фантастическая гипотеза о том, что может произойти на Земле в результате массового применения термоядерного оружия, с другой – полная тайн история загадочного племени людей, живущих на дне неприступной горной котловины.

Это последнее обстоятельство является, пожалуй, наиболее характерной особенностью всего творчества В. Корчагина. В сюжете каждой из его книг заключена тайна, разгадка которой и держит читателя в напряжении от первой до последней страницы, то есть все они написаны в особом жанре, который можно было бы назвать научно-фантастический детектив.

Вышедшая недавно повесть «Подкидыш» являет собой наиболее ярко выраженное произведение названного жанра. Здесь читатель вновь встречается с тайной, разгадке которой посвящен весь ход повествования. Но вместе с тем эта тайна заключает в себе и оригинальную научно-фантастическую идею, актуальность которой особенно велика в наше время и в нашей стране.

В заключение можно сказать, что в настоящее время В. Корчагин заканчивает работу еще над одной научно-фантастической повестью – «Женщина в черном», – повестью об ученых, занимающихся генной инженерией, и морально-этических проблемах, которые встают в этой связи перед человечеством.

Таким образом, в течение указанных двух десятилетий Владимир Корчагин окончательно сложился как один из интереснейших наших писателей-фантастов. И роман «Астийский эдельвейс», бесспорно, является самым значительным, самым лучшим его произведением, и можно порадоваться, что он выходит наконец к читателю в полном объеме, таким, каким он был написан двадцать лет назад

Ахат Муишнский

Часть первая

ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА

1

Нет, наверное, человека, который не сталкивался бы с явлениями, трудно поддающимися какому-либо объяснению. Так было и у Максима Колесникова. Даже чаще, пожалуй, чем у других.

Все началось с тех пор, как отец перевез его на кордон Вормалей. Крохотный лесной поселок, прилепившийся к самому подножью сопки, над Студеной, сразу не понравился Максимке. Да и было от чего. Прежде они жили в Отрадном, селе большом, веселом. Одних улиц, не считая переулков, там четыре. К тому же – клуб, школа, чайная, даже футбольное поле, на которое чуть не каждый месяц приземлялся вертолет. Словом, там жить можно, хоть и говорят, глуше Отрадного нет во всем свете – до ближайшего города больше трехсот километров. А здесь скучища. Всего пять домов. И чуть за околицу – тайга: трясины, бурелом, чащобы. Одна-единственная дорога – на Отрадное, да еще тропинка к озеру, куда впадает Студеная. Озеро – так себе. А уж Студеная – иной ручей больше. Только в озере и купаешься. Если мошкara не очень одолевает. Ну да к мошкare Максимка привычный. А вот ребята...

Ребят в Вормалее семеро. Кроме Максимки, еще Федя с Костей – близнецы, одних лет с Максимкой, Димка-хромой, чуть постарше их, Маринка Старостина и Катя с Ваняткой. Катя совсем маленькая, в школу не ходит. Ванятка тоже. Да и Федя с Костей мухи не обидят. А вот Димка с Мариной – вредины.

Дед Димки по матери – крещеный татарин, а отец, говорят, из молдаван. И хотя ни тот, ни другой ничем особенным не выделяются, сам Димка – вылитый цыган: смуглый, верткий, с черными как смоль волосами и такими цепкими хитрющими глазами, словно только и думает, как бы кого обжулить. Даже хромота Димки кажется чистым плутовством, будто он нарочно привлекает ногу, чтобы скрыть свое проворство и ловкость.

Под стать ему и Маринка. Она, правда, беленькая, с веснушчатым носом и бесцветными бровями. Но ехидства и подковырок у нее побольше, чем у Димки.

А уж задаются оба! И было бы из-за чего. Подумаешь, с самого обрыва в озеро прыгают! И Максимка давно прыгнул бы, если б они под руку не каркали. И прыгнет! Сегодня же прыгнет. Только сначала один, когда никто не видит. Он закатал штаны и, стараясь не ступать на белую от росы траву, припустил вниз по тропинке.

Утро только начиналось. Солнце пряталось где-то за деревьями, снизу, от Студеной, тянуло сыростью. Максимка прибавил ходу и вышел на открытую солнечную поляну. Здесь трава была суше, воздух теплее, а у самой тропы, по обеим сторонам огромной рухнувшей лесины, буйно разрослись кусты малинника.

Он привычно замедлил шаг. Тут, со стороны тропинки, уже почти ничего не осталось. Зато дальше, за лесиной, все было красно от перезрелых ягод. Он раздвинул колючие кусты и взобрался на голый, нагретый солнцем ствол. Ногам было особенно приятно после холодной земли и мокрой обжигающей травы.

Максимка поднялся во весь рост и с хрустом потянулся. Он коренаст, широк в плечах, под рубашкой угадываются тугие, хорошо натренированные мускулы, а руки и ноги черны от загара, сплошь покрыты царапинами и ссадинами. Что самое интересное у Максимки – глаза. Они у него разные. Один темно-карий, другой чуть светлее, с серыми крапинками. Ребята кличут его за это Разноглазым. А Максимке на это наплевать, как и на облупленный нос, заплатанные-перезаплатанные штаны и жесткие непослушные вихри, что упрямо торчат во все стороны. Одно угнетает Максимку – ростом не вышел. Но тут уж ничего не поделаешь.

Насытившись малиной, он спрыгнул на землю и снова зашагал к озеру. Тропинка теперь круто сбегала вниз и будто ныряла в густые заросли пихтача. Холодный утренний воздух словно застыл здесь в тяжелой неподвижности. Максимка припустился бегом.

Но вот и озеро. Длинное, узкое, зажатое с одной стороны обрывом, с другой могучей стеною леса, оно выглядело холодным и угрюмым. Тень от старого кедра, что высился у самой воды, при впадении Студеной, покрывала еще добрую половину озера. Не было ни малейшего желания лезть в воду. Но надо же прыгнуть с обрыва! Именно сейчас, пока здесь никого нет. И доказать этим задавалам, что и он, Максимка, чего-то стоит.

Он снял штаны, сбросил рубашку и, помахав руками, чтобы согреться, побежал к круче. «Главное – не останавливаться, прыгать с ходу!» – твердил он на бегу.

Вот и обрыв. Раз! Максимка спружинил ногами. Два...

Но в это время там, внизу, раздался всплеск, словно кто-то плыл по воде. Он глянул вниз: так и есть, кто-то уже купается. Вот неудача! И кому это вздумалось в такую рань! Он пригляделся. Девчонка? Откуда она взялась, такая рыжая?

Максимка с досадой отступил от кручи. Но девчонка уже заметила его. Она резко отвернула от берега, сильно забила по воде ногами и вдруг вскрикнула. Максимка снова подошел к обрыву.

– Эй, ты, чего орешь?

Но девчонка лишь отчаянно колотила ногами по воде, стараясь добраться до противоположного берега. Вот чумная!

Максимка поежился от налетевшего ветерка и оглянулся по сторонам в поисках брошенной одежды. До нее было, оказывается, далеко. Тогда он ловко прошелся на руках, не спуская однако глаз с озера, и хотел выкинуть еще какой-нибудь номер позабористей. Но в это время девчонка снова вскрикнула и камнем пошла под воду.

Все последующее произошло как во сне. Максимка и не помнит, как прыгнул с кручи, не помнит, как летел с обрыва, не почувствовал удара о воду. Неодолимая сила сразу вытолкнула на поверхность – гладь озера была пустынной.

Неужели утонула?! Он что было мочи поплыл к противоположному берегу, потом набрал побольше воздуха и нырнул. Первые мгновения перед глазами метались лишь стайки испуганных мальков. Но вот в глубине, на фоне черной громады берега, проступило

какое-то смутное красноватое пятно. Максимка метнулся к нему. Она! Руки опущены, голова сникла, и волосы – длинные, тонкие, как золотое облачко, колыхаются в воде. Максимка вцепился в них рукой и рванулся вверх. Уф-ф! Самое страшное позади. Теперь к берегу, туда, где пониже.

Но почему она молчит? Почувствовав под ногами дно, Максимка подхватил девчонку под спину и повернул к себе лицом: глаза закрыты, губы посинели, лицо белое-белое, как снятое молоко.

Он поспешил выбраться на берег. Девочка, видно, лишь чуть моложе его. Но до чего легка! И руки – такие тонкие, словно у малого ребенка. А туда же – плавать!

Максимка положил девочку животом на колено, как учил отец, и надавил на спину. Из рта хлынула вода. Хорошо! Теперь искусственное дыхание. Он положил незнакомку на траву и, опустившись на колени, взял за руки. Как же это делается? Помнится, в школе как-то рассказывали. Локти, кажется, прижать к бокам, поднять руки вверх, потом снова... Но веки девочки вдруг слабо дрогнули, она медленно раскрыла глаза. Максимка вскочил на ноги:

– Что, испугалась, небось? – он строго нахмурился, стараясь скрыть распиравшую его радость. – Другой раз не заплывай в такую даль. У нас тут глубоко! И потом – ключи. Ты не гляди, что озеро так себе. Под тем берегом крутит. Я сам один раз... А ты чего на меня так смотришь?

Девочка, не говоря ни слова, продолжала рассматривать Максимку, словно тот походил на какое-то сказочное диво, потом слегка приподнялась на локтях и что-то тихо шепнула, не отводя от него испуганного взгляда.

– Чего ты там лопочешь? – Максимка хотел снова присесть к ней на траву, но вдруг почувствовал, что руки у него как-то бессильно повисли вдоль туловища, ноги сделались точно ватными, а перед глазами все закачалось, поплыло...

Проснулся он от яркого солнца, бившего в глаза. Так бывало уже к полудню. Максимка вскочил на ноги. Вот так поспал! И надо было уснуть тут, на берегу. А уж сон, сон! И будто с обрыва прыгнул и спасал кого-то...

Он потянулся, почесал за ухом. Там ясно прощупывался небольшой бугорок – не иначе, укусил кто-то.

Максимка взглянул на озеро. Оно сверкало теперь во всю длину, так что больно было смотреть. Искupаться, что ли? Он расправил затекшие руки. Но что это? В пальцах правой ладони запуталось несколько тонких красноватых волосинок.

Откуда такое?... И вдруг вспомнил – он же тащил утопающую за волосы. Так значит... Значит, все это не сон? И девчонка, и все остальное?

Максимка приблизил руку к глазам, снял волосы с пальцев. Тонкий горьковатый аромат остался на ладони. И смутная тревога поднялась почему-то в душе от этого непривычного, какого-то нездешнего запаха.

Вот так история! Куда же подевалась она, сама девчонка? И откуда взялась здесь? В Вормалее таких нет. В Отрадном тоже. Да и девчонка какая-то странная...

Он постарался вспомнить, что же в ней было особенно странного. И не смог. Вот разве волосы, с таким запахом... Да глаза – большущие, длинные и какие-то очень уж зеленые. Не такие зеленые, какие называют еще «кошачьими», а совсем зеленые, как листья на деревьях. И еще взгляд. Не то чтобы он был слишком испуганным, а, скорее, каким-то удивленным, недоумевающим...

Купаться Максимке почему-то расхотелось. Он снова оделся и медленно, то и дело оглядываясь назад, пошел в гору. Навстречу ему, по тропе, бежали ребята.

– Ну что, прыгнул? – еще издали закричала Маринка.

– Раз прыгнул, – просто ответил Максимка.

– Прыгнул! Как бы не так! – обидно рассмеялся Димка. – Он и в озеро боится без нас сунуться. Вон волосы-то – сухие!

Максимка не сказал ни слова. Даже не посмотрел в его сторону. Еще этой весной, сразу, как получил табель за шестой класс, он записал в своем дневнике: «Теперь я семиклассник и должен вырабатывать свой характер. Прежде всего – никогда не врать! И никому не доказывать, что ты говоришь правду. Правда, как и аксиома, не требует доказательств».

К тому же ему просто не хотелось рассказывать всего, что произошло на озере. Слишком это было необычно. И слишком непонятно и таинственно. Он был уверен, что еще не раз встретится с зеленоглазой незнакомкой. Может быть, даже сегодня или завтра. И, возможно, ему снова придется выручать ее из беды. Даже наверняка придется.

Но он не встретил ее ни через день, ни через год. И постепенно стал забывать обо всем, что произошло на озере. А если и вспоминал, то лишь как смутный необыкновенный сон. Да так оно, пожалуй, и было. Ведь никто больше не видел золотоволосой русалки. Вот только волосы, запутавшиеся в пальцах, – откуда они взялись в тот день? Да еще запах от рук – будто кто духами их обрызгал. Даже мать вечером заметила. А уж он мыл, мыл их... Словом, время не раскрыло тайны загадочного происшествия. Зато жизнь в глуши пришлась Максимке по душе. И сам кордон оказался великолепнейшим местечком. И вормалеевские ребята не такими уж плохими товарищами. Что же касается Маринки, то эта гордая, озорная, насмешливая девчонка со вздернутым носом и двумя тонкими косичками за спиной оказалась лучшей из всех девчонок, каких знал Максимка. Она никогда ничего не боялась. Ее никто ни в чем не мог переспорить. И не было, кажется, дела, за которое не бралась и с которым не справилась бы Маринка. Вот из-за нее-то, из-за Маринки Старостиной, и произошла еще одна загадочная история, которая также осталась совершенно необъяснимой.

Все вормалеевские ребята учились в Отрадном. Ходили туда то пешком, то на лыжах. А в дни большой непогоды оставались в школе, где им выделяли под ночлег пионерскую комнату и раздевалку при спортзале.

Так было и на этот раз. С утра зарядил дождь, и ребята решили заночевать в Отрадном. Максимка принялся уже, как обычно в таких случаях, перетаскивать маты из спортзала, когда в раздевалку вбежала Маринка и заявила, что ей позарез нужно домой. Максимке тоже не хотелось оставаться сегодня в школе. Однако другие ребята заупрямились.

– Очень нужно тащиться в такую погоду! – пробурчал Димка.

– Да уж, наплюхает порядком, – поддержали Федя с Костей.

Маринка обвела их насмешливым взглядом:

– Эх вы, запечные таракашки! И впрямь, растают еще. Пошли вдвоем, Максимка!

Из Отрадного до Вормалея можно добраться низовой дорогой, вокруг сопки, – это пять километров ухабов и гатей. А можно спрямить тропинкой, идущей по склону. Маринка предложила идти по тропе.

– А стоит ли? – возразил Максимка. – Поздно уже, а там, говорят, волков видели.

– Фью-ю! – присвистнула Маринка. – Может, и ты останешься?

– Пошли, – махнул он рукой.

Узкая тропинка сначала шла круто в гору, часто петляя меж могучих кедров, потом юркнула в густой ельник и побежала вниз по склону. Дождь перестал. Стих и ветер. Но с каждой ветки беспрестанно обрушивались целые потоки воды. Вскоре оба были мокры насквозь.

– Ничего! – бодро повела плечами Маринка. – Каких-нибудь два километра, и дома!

Но в это время откуда-то издали, сверху, явственно донеслось глухое низкое завывание. Волки! Максим остановился. И в тот же миг сзади и совсем близко послышался ответный вой. Стало жутко.

– Ну, что встал? Бежим! Успеем! – Маринка дернула его за рукав и со всех ног бросилась вниз по тропинке.

Максимка едва успевал за ней. Мокрые ветки хлестали по лицу. Ноги скользили по сырой траве. Раза два он еле удержался на ногах. Но страх гнал вперед и вперед, благо дорога все время шла под уклон.

Наконец ельник кончился. В темноте по обеим сторонам тропинки снова замелькали массивные стволы кедров. Лес будто расступился. Казалось, самое страшное позади. Маринка замедлила шаги. Он попытался перевести дыхание.

Вдруг злобный вопль метнулся прямо в лицо. Он шел оттуда, из мокрой чернильной тьмы, в которую ныряла тропинка, и потому был особенно страшен. Звери обошли их, перерезали им путь. Маринка с ходу остановилась, и он чуть не натолкнулся на нее, поскользнувшись на мокрой хвое.

– Спичек нет? – спросила Маринка, не оборачиваясь. Она тяжело дышала. Чувствовалось, что все в ней дрожит от напряжения.

– Нет, откуда же. Нож есть.

– Это ни к чему. Их много. Надо на дерево. Я знаю тут одно, подходящее. Мы прошли его. Давай обратно. Нет, стой! – она инстинктивно прижалась к нему. – Видишь...

Впереди, совсем близко от них метнулась черная тень. Максимке показалось даже, что он слышит страшный лязг зубов. Маринка изо всех сил сжала ему руку:

– Лезем на лиственницу, вот сюда. Будь что будет. Только не показывай им спину! – она одним махом взвилась на нижний суки ловко, как кошка, начала карабкаться вверх по стволу

И тут произошло самое страшное. Максимка хотел пуститься следом за Мариной. Однако ноги не послушались его. Они стали будто деревянными, не гнулись в коленях, не отрывались от земли. Леденящий ужас тошнотой поднялся к горлу, лишая возможности даже крикнуть. Казалось, так прошла целая вечность.

Вдруг кто-то сильно дернул его за руку:

– Ты что, спятил?! – голос Марины зазвенел от гнева. – А ну лезь, а то вот!...

И сразу вернулась власть над телом. Максимка метнулся к дереву и начал судорожно взбираться по мокрым скользким – Ну, хватит. Тут нам сам черт не страшен, – она устроилась поудобнее на толстом суку. – Давай сюда, на эту развилку. А вам вот, вот, проклятые! – она сложила кукиш и погрозила им вниз, в темноту, откуда ясно слышалась какая-то возня.

Максимка примостился на развилке, глянул в сторону Вормалея. Там не было видно ни огонька. Значит, кордон еще далеко.

Несколько минут прошло в молчании. Потом Максимка сказал:

– Маринка! А знаешь, я ведь струсил сейчас. Честное слово. Даже ноги отнялись. И если бы ты не спрыгнула...

– Ладно, чего там! Который теперь может быть час?

– Часов восемь, не больше. Она вздохнула:

– До света далеко. А у меня уже, кажется, рубашка к спине примерзла.

Максимка не ответил. Он сам чувствовал, что начинает коченеть от холода. Небо прояснилось. В воздухе повеяло морозом. И мокрая одежда словно впивалась в тело. Он собрался в комок и плотнее прижался к стволу. Снизу снова послышался вой и царапанье когтями по дереву. Волкам не терпелось добраться до своей жертвы.

Максимка поднял глаза к небу. Яркие осенние звезды спокойно мерцали сквозь густые ветви дерева, мерцали, как вчера, позавчера, как год назад, и остро щемящее, давно знакомое чувство на миг охватило его: звезды будто манили, звали к себе, притягивали своей извечной тайной.

Злобный отчаянный вопль вернул его к действительности. Он коснулся плеча Марины:

– Ну, как ты?

– Замерзла вконец.

Он сдернул с себя шарф:

– На вот.

Она отстранила его руку:

– Что шарф, когда вымокли до нитки.

Они замолчали. Так прошло часа два. А может, и больше. Максимка потерял всякое представление о времени. Руки дели. Ноги начало сводить судорогой. Ясно, что они смогут продержаться еще совсем немного. А там...

Он снова коснулся плеча Маринки. Ее била дрожь. Тогда он решился. Растер руки. Достал из кармана нож.

– Слушай, Маринка, я сейчас прыгну. Все равно больше мам не выдержать. И их, кажется, всего два. Одного я сразу, не успеет опомниться. А потом...

– Не смей! Слышишь, не смей! – она попыталась схватить его за рукав. Но руки ее уже не слушались.

– Так что нам, замерзнуть тут насмерть? – Максимка вдруг почувствовал прилив злости. – Мы же люди. Люди! И будем околевать из-за каких-то тварей. Нет! Перетрусил я из-за них. А теперь уж... – он свесился, сколько мог, вниз, стараясь рассмотреть притаившихся зверей.

Но в это время сильно зачесалось где-то за ухом. Максимка потер одеревеневшей рукой висок и в то же мгновение вспомнил почему-то зеленоглазую девчонку, ту самую, что встретил в прошлом году на озере, и даже будто увидел ее – испуганную, недоумевающую. Ему показалось даже, что он вновь ощущает тот ни с чем не сравнимый запах, какой исходил от ее волос. Так что же, он опять спит? Но лютый холод и злобное рычание слишком убедительно говорили, что это не сон.

Нет, надо прыгать. Надо! Он осторожно перекинул ногу через развилку. Но тут же ухватился рукой за ствол. А если их много?...

Предательский страх снова сковал волю. С безотчетной надеждой обвел Максимка глазами ночной убор неба и чуть не потерял равновесия от неожиданности: там в холодной черной глубине, прямо у него над головой, среди знакомых дрожащих созвездий, сияла никогда не виданная им голубая звезда...

Что бы это могло быть? На мгновение Максимка забыл и о холоде, и о волках. Яркая, как Сириус, и лучистая, как Венера, звезда, казалось, источала весь спектр голубого свечения от бархатисто-темного индиго до нежнейших тонов небесной лазури. И весь этот спектр словно струился от центра звезды к периферии, подобно бьющему из земли грифону.

Максимка нащупал руку Марины:

– Маринка, смотри! Видела ты когда-нибудь такое?

– Что еще?

– Да эту вон звезду. Взгляни вверх!

– Была нужда! Только этого сейчас и не хватало – звездочками любоваться. Сиди уж!

Но Максимка уже больше не раздумывал. Свет диковинной звезды будто придал ему силы. Решительно соскользнув с развилки, он нащупал ногами следующий сук и начал спускаться вниз.

– Куда ты? Куда?... – послышался свистящий шепот Марины. Но не успела она договорить, как нестерпимо яркий свет ударил в глаза, а внизу, под ногами, так грохнуло, что, кажется, вся сопка разлетелась на куски. Тугая волна горячего воздуха взметнулась от земли. Противно запахло жженой шерстью.

И все стихло.

Марина вихрем скатилась к нему, задышала в самое лицо.

– Что это, молния?

– Кто знает, – Максимка раздвинул ветви над головой, поднял глаза к небу. Там все так же, спокойно помаргивая, горела яркая голубая звезда. – Кто знает... – повторил он, спрыгивая на землю. – И не все ли равно. Давай скорее домой!

Утром вормалеевские охотники принесли на кордон две обгорелые волчьи туши. О необычном происшествии много говорили и в Вормалее и в Отрадном. Судили и так и эдак. Но в большинстве сходились на том, что волков спалило молнией. Так полагал и отец Максимки. И уж кто, как не он, старый лесной объездчик, бывший командир разведчиков,

мог объяснить такой случай. Однако сам Максимка не очень верил в это. Откуда взяться молнии осенью, да еще при ясном небе? А голубая звезда? Нет, тут было что-то иное. Совсем иное. Но больше его занимал другой вопрос.

На следующий день он записал в дневнике: «Трудно понять, что сразило волков. Это так же необъяснимо, как прошлогоднее происшествие на озере. Но для меня важно другое – если бы всего этого не произошло, прыгнул бы я на них с ножом или нет? Я думал сегодня об этом весь день и, кажется, могу написать твердо: да, прыгнул бы, хотя и струсил перед этим, даже именно потому, что струсил. Только так и должен поступить в таком случае настоящий человек. А я давно решил для себя – раз ты родился человеком, то должен стать настоящим человеком».

2

Это день запомнился Максимке надолго. Просто потому, что никогда прежде он не замечал такого яркого неистового солнца, не ощущал столь острого дурманящего запаха оттаявшей хвои, не слышал сразу столько звуков – и от несущихся повсюду ручьев, и от гулко обрушивающегося в логах снега, и от беспрестанно гомонящих в небе птиц. А еще потому, наверное, что никогда Маринка не казалась ему такой красивой и никогда так не хотелось догнать ее, быстро петлявшую меж деревьев от проталины к проталине, ловко перескакивающую через груды нестаявшего снега.

Но она убегала все дальше и дальше. И следом за ней бежало по лужам солнце И в лицо бил тутой пахучий ветер. И все Максимкино существо распирало от буйной, хлещущей через край радости.

А все началось так скверно. На последнем уроке Нина Петровна, учительница биологии, объявила, что расскажет о происхождении человека. Вот скучища! Будто кто не знает, что человек произошел от обезьяны. О чем тут говорить!

Но рассказ Нины Петровны неожиданно оказался интересным. Одного в нем не понял Максимка: почему обезьяны, столкнувшись с суровыми условиями существования, – а это, оказывается, больше всего и способствовало превращению их в человека, – ни с того ни с сего потеряли волосяной покров.

Выждав, когда учительница закончит рассказ, он поднял руку и выпалил:

– Нина Петровна, вот вы говорили, климат похолодал и с едой у обезьян стало плохо... Это понятно. Недаром говорят: с холоду да с голоду и дурак умнеет. Только почему же, научившись говорить и работать, обезьяны в этом самом холодном климате стали голыми?

Все засмеялись. Нина Петровна покраснела от негодования:

– Ну, знаешь, Колесников, если тебе не ясно, почему у человека, который стал пользоваться одеждой, отпала необходимость в собственном волосяном покрове, то мне уж нечего больше сказать, – Нина Петровна развела руками и отвернулась, всем своим видом показывая, насколько вздорным был вопрос Максимки.

Но тот уже не мог остановиться:

– Так что же, по-вашему, обезьяна сначала надела шубу, а потом начала терять волосяной покров?

Нина Петровна нервно сцепила пальцы:

– Да пойми, Колесников, весь этот процесс происходил медленно. Очень медленно. Человек не сразу научился изготавливать даже простейшую одежду. Вначале это были, видимо, лишь фрагменты ее, скажем, повязки вокруг бедер.

Максимка невольно улыбнулся:

– Так тут у человека до сих пор...

Последние слова его потонули в общем хохоте. А Нина Петровна подскочила к парте и схватила дневник.

– Ну вот что, Колесников, мало того, что ты отнял у нас пол-урока, ты еще всякие глупости говоришь. Ставлю тебе двойку за поведение!

Домой Максимка шел в самом дурном расположении духа. Ну, за что, в самом деле, влепили ему двойку? Разве он виноват, что какая-то чепуха получается. Что из того, что процесс развития шел медленно? Все равно обезьяна должна была сначала потерять шерсть, а потом уж думать об одежде.

– Максимка, стой, Максимка-а! – сзади него бежала Марина. – Ты чего это никого не подождал? Там ребята целый митинг устроили. Зря, говорят, Колесникову в дневник записали. А ты вроде обиделся на всех.

– Я не обиделся, а... как бы это тебе сказать? Непонятно все получается. А она, вместо того, чтобы объяснить... – Максимка махнул рукой – Да и вы тоже – нашли когда хаханьки устраивать! Я хотел сказать...

– Ерунда! Правильно ты все сказал. И биологичку высмеял правильно.

– Никого я не думал высмеивать, с чего вы взяли? Просто разобраться во всем хотелось.

– Была нужда, разбираться! А биологичке так и надо! Подумаешь, глупостей ей наговорили. Приехала из своего города... Не люблю городских!

Несколько минут они шли молча.

– Слушай, Маринка, а как ты ко мне относишься? – вопрос вырвался сам собой. Просто потому, что давно вертелся у Максимки на языке. И он тут же пожалел, что спросил об этом, был уверен – Маринка ответит какой-нибудь резкостью. Но ее вдруг словно подменили:

– Как я к тебе отношусь? – она подпрыгнула на одной ножке и, склонив голову набок, как синичка, прищурила глаза. – Ну, этого я тебе не скажу. Или нет, скажу, только на ушко. Хочешь?

Максимка кивнул. А она обхватила его за плечи и, приблизив вплотную пылающее лицо, чмокнула в щеку:

– Понял?

Он даже растерялся от неожиданности. Но Маринка уже сорвалась с места и пустилась по тропинке, ловко перепрыгивая через бесчисленные лужи...

А когда на другой день, опоздав на первый урок, Максимка сидел, стараясь остаться незамеченным, в полутемном тупичке коридора у кабинета биологии, к нему подошла Нина Петровна:

– Колесников?... Что ты здесь делаешь?

– Ничего, просто сижу.. – сказал Максимка, пряча глаза

– Как – просто сидишь? Ты обиделся на меня?

– Нет, зачем же.

– А ну-ка зайдем ко мне.

Она придвинула ему стул, села за стол напротив. – Вот что, Максим. Извиняться перед тобой я, конечно, не стану. Но скажу прямо, была вчера не права. Хотя ты тоже хорош!

Заставил меня вспылить перед всем классом. Я, ты знаешь, ценю и твой ум и твою любознательность. Но пойми, не на всякий вопрос можно сразу ответить. И не только потому, что сами вопросы бывают подчас слишком непростыми. Но потому еще, что и те, кто задают вопросы, могут быть неподготовленными, чтобы разобраться в сути дела.

Мне невольно приходится многое упрощать. К тому же я всегда стеснена рамками урока. А теперь вот, если хочешь, поговорим.

Дело же обстояло не так просто, что, скажем, стало обезьяне жарко, она и потеряла волосной покров. Это явилось следствием очень долгого и сложного эволюционного процесса, где принимала участие масса факторов, включая деятельность желез внутренней секреции. Знаешь ли ты, например, что и сейчас встречаются люди, полностью заросшие волосами только потому, что у них нарушена внутрисекреторная деятельность, а человеческий эмбрион на определенной стадии развития покрыт волосами, так же, как

крохотная обезьянка? Что же касается волос, которые растут у нормального взрослого человека, то это совсем особый, вторичный волосяной покров, а не остаток шерстного покрова обезьян, как может показаться вначале.

Но всего не расскажешь. Вот тебе книга, почитай. Из нее ты узнаешь многое. А если не поймешь чего, сразу приходи ко мне.

– Спасибо, Нина Петровна. Я сам хотел почитать обо всем этом. И на вас я не сердился, честное слово. Пришлось помочь отцу крышу починить, вот и опоздал сегодня...

3

Зима в этом году выдалась снежная. Уже к середине декабря снегу навалило столько, что с иных крыш хоть скатывайся на салазках. В такое время самое раздолье – лыжи. На лыжах и на охоту, и в школу, и просто так, по оврагам, вокруг сопки.

А сегодня они решили побродить по Голому распадку, что за озером. Выбрались вдвоем, так уж получилось. И оттого и радостно Максимке и как-то по-новому неловко. И идут вдвоем, так – молчание. Хочется сказать что-нибудь такое особенное, необыкновенное, а ничего не приходит в голову.

Сегодня же Маринка даже не оглядывается, идет и идет, будто узоры какие на снегу рассматривает. Эх, Маринка, знала бы ты, как часто думается о тебе!

Максимка пошел ей в обгон, стараясь заглянуть в лицо. Но Маринка уже остановилась возле оврага и как-то исподлобья посмотрела в его сторону:

– Рванули?

Он глянул вниз:

– Постой, Маринка, вроде там пни, под снегом. Она свистнула:

– Эх ты, трус несчастный! – И не успел он ответить, как сорвалась с места и исчезла в облаке снега.

Максимка с восхищением смотрел ей вслед. Огонь-девка!

Вдруг там внизу что-то треснуло. И голос Марины:

– Стой, не спускайся! О-ох!...

Он вихрем помчался вниз. На самом дне оврага, в глубоком снегу барахталась Марина. Одна ее нога с обломком лыжи как-то беспомощно болталась в воздухе, другая провалилась в снег.

Максимка подъехал ближе, стукнул палкой по обломку лыжи:

– Эх, мать честная! Как ножом срезало. Достанется теперь на одной лыже плюхать.

Маринка молчала, плотно сжав побелевшие губы. Он наклонился к ней:

– Давай руку.

Она покачала головой:

– Постой...

– Чего постой! – он подхватил ее за локоть и рванул из сугроба. Маринка вскрикнула.

– Ушиблась?

– Н-нога... – Прощешила Маринка сквозь зубы.

– А ну, покажи.

– Чего смотреть-то. Зашибла очень.

Он снял с нее лыжи:

– Держись за шею.

Наверху Марина снова опустилась в снег. Он присел рядом:

– Очень больно?

Она лишь кивнула в ответ.

– Сможешь идти-то?

– Попробую...

Он помог ей подняться. Однако она не сделала и шагу.

– Давай ко мне на закорки. К ночи доберемся.

– Еще чего придумал!

– Не тяни время, Маринка. Метель вон надвигается. Да и вечер близко. – Он легко вскинул ее на спину и заскользил по лыжне.

Вначале все шло хорошо. Но уже через полчаса снег усилился. Лыжню замело. У Максимки занемели плечи. Он прислонился к дереву:

– Посидим, Маринка.

Она соскользнула в снег, положила голову к нему на колени:

– Езжай один, Максим. Позовешь там кого. А я тут.

– Не говори глупостей, Маринка! Сейчас отдохнем и пойдем дальше.

Но метель усиливалась с каждой минутой. Снег лепил уже со всех сторон. Все потонуло в седом мареве. Все чаще и чаще останавливался Максимка, чтобы передохнуть и сориентироваться. И вдруг с ужасом понял, что заблудился окончательно.

Ночь опустилась как-то сразу. И сразу, точно обрадовавшись темноте, завывала, завизжала на все голоса метель. Он бережно опустил Марину в снег и присел рядом, стараясь закрыть ее от ветра своим телом. Она молча уткнулась лицом ему в плечо. Обоим было ясно, что двигаться дальше абсолютно бессмысленно, можно уйти в сторону от дома. Но и оставаться здесь на ночь означало верную гибель.

А ведь где-то поблизости – охотничья избушка. Максимка не раз бывал в ней с отцом. Там и печурка, и запас дров, и спички, и даже мешочек с сухарями, на всякий случай. Но разве найдешь ее теперь, в этом кипящем котле!

– Что нам теперь делать, Максим?... – шепчет Марина в самое ухо. – Может, пойдешь один?...

Он крепче обхватил ее руками, прижал к себе вздрагивающие плечи:

– Не болтай, Маринка. Сейчас я соображу, как нам все-таки идти. Да, пожалуй, вот в эту сторону. Вставай!

– Что толку, Максим, все равно никуда не выйдем.

– Выйдем! Хотя бы укроемся в настоящем лесу. Должен быть конец этой проклятой болотине. – Он поднял ее на руки и понес, сгибаясь под ударами ветра. Шаг, еще шаг... Но тут лыжа ударилась обо что-то твердое, и оба повалились в сугроб.

Так продолжалось долго. Они поднимались, делали несколько шагов и снова падали, утопая в глубоком снегу.

Наконец Максим окончательно выбился из сил. Метель не утихала. Кругом по-прежнему тянулось болотистое мелколесье.

Неужели конец? Он упал лицом в снег и закрыл глаза. И вдруг отчетливо, словно в мгновенной вспышке магии, увидел девчонку с зелеными глазами. Она будто ворвалась в его мутящееся сознание. И сейчас же воздух наполнился знакомым ароматом цветов. От него закружилась голова, стало тесно в груди.

Что это, старый, давно забытый сон? Нет-нет! Только не это, только не спать! Он заставил себя вскочить на ноги и невольно протер глаза – в небе, у него над головой, словно прорываясь сквозь бешено крутящиеся космы снега, ярко и спокойно сияла знакомая голубая звезда, а совсем неподалеку, за седой воющей пеленой и черным частоколом деревьев ясно виднелось светящееся окно. Одинокое светящееся оконце!

– Маринка, смотри! Да ты что, спишь? Нельзя. Нельзя! Ни в коем случае! – Он снова поднял ее на руки – откуда только взялись силы.

Но что это за свет? Не кордон же! А не все ли равно. Только бы дойти. Только бы добраться до этого жилья!

И он шел и шел, стиснув зубы от немыслимого напряжения, продираясь сквозь колючие заросли, скатываясь в ямы, поднимался и снова падал, не выпуская из рук заснувшую Маринку и не спуская глаз со спасительного огонька. Надежды сменялись сомнениями, сомнения – отчаянием.

Но вот огонь мигнул в последний раз и исчез...

Максимка привалился к стволу лиственницы, опустил Марину в снег. Больше не сделать ни шагу! Звонящая тишина надвинулась на сознание, неодолимая тяжесть потянула к земле. Спать, спать... Лишь невероятным усилием воли он заставил себя открыть глаза. Но что это? Из тьмы и клубящегося снега показалось низкое приземистое строение. Охотничья избушка! И сразу – сон долой. Так вот откуда лился этот свет. Какое счастье, что здесь уже укрылись люди и успели развести огонь.

– Живем, Маринка! – Он нашел еще в себе силы поднять ее на руки. Вот и знакомая дверь. Только когда же метель успела чуть не доверху замести ее снегом?

– Подожди, Мариночка, еще минутку, – и, сбросив лыжи, он принялся руками и ногами разгребать высокий сугроб. Потом стукнул в дверь. Никто не отозвался. Он забарабанил обоими кулаками. Но и теперь никто не торопился им открывать.

Тогда Максимка нащупал скобу и изо всех сил потянул на себя. Дверь подалась. Но вместо ожидаемого тепла и света на него дохнуло промозглой тьмой. Он даже отступил на шаг. Затем просунул голову в дверь:

– Э-ге-гей! Есть здесь кто-нибудь?

В ответ ни звука.

Что за наваждение! Он не без опаски переступил порог. Все тихо. И ни малейшего признака, что здесь уже кто-то был.

Ощупью, вдоль стен, добрался Максимка до печурки. От нее несло холодом. А вот и спички. Чирк! Слабый огонек осветил грубые бревенчатые стены, белые от инея углы, низкие нары у стола. И ни души!

На миг Максимке стало страшно. Но только на миг. В следующее мгновение он выскочил из избы, перенес туда Марину и плотно прикрыл дверь.

Теперь к печке. Дров в избе оказалось больше чем достаточно. И вот уже первые золотистые змейки побежали по сухой хвое, по сучьям валежника. Веселый торопливый треск заполнил избушку. Волны живительного тепла всколыхнули застывший воздух.

Он затормошил Марину:

– Маринка! Да проснись ты, проснись! Вот соня! Она с трудом раскрыла глаза:

– А-а... Где я?

– В избушке. В охотничьей избушке! Вот и огонь, видишь? Скоро чай пить будем. А сейчас давай, поближе к печке.

Она подсела к огню, погладила ушибленную ногу:

– Да как же все это? Как ты нашел ее, избушку?

– Как нашел? Не знаю, даже, что сказать... – он покосился на заиндевшее окно. – Чудо какое-то.

Чудо какое-то! – повторяли в один голос и все другие, кто узнал об этой истории. И тут же добавляли, что бывало так и прежде: блуждал охотник по тайге или крутила его метель, и когда уже терял он последние силы, выводило его к дверям какого-нибудь жилья особое охотничье чутье.

Что это было за чутье и почему оно возникало лишь в самый критический момент – этого не мог сказать ни один человек. Но никого такое «чудо» не удивляло. А вот в рассказ Максимки о светящемся окне не верил никто. В лучшем случае приписывали это галлюцинации. Мать же Маринки так прямо и сказала:

– Шуточное ли дело, с такой ношей через весь лес. Тут и не такое пригрезится!

Пригрезится, пожалуй, и могло. И свет, и голубая звезда. Но при чем здесь опять она, зеленоглазая русалка? Он увидел ее точно наяву, она будто склонилась к нему в тот момент, когда он, окончательно выбившись из сил, упал головою в снег.

Однако тогда до сознания Максимки не дошло одно очень важное обстоятельство: таинственная незнакомка была совсем не такой, как в первый раз. Она словно выросла, похорошела, волосы ее красиво струились по плечам, а вместо голубого купальника, какой запомнился ему с того памятного утра, на ней был белый жакет и короткая белая юбочка со странно светящейся отделкой. Только глаза незнакомки – огромные, странно

удлиненные – казались прежними. Но и в них было что-то новое, такое, что Максимка видел лишь у матери, когда его, совсем еще маленького, терзала приступами удушья дифтерия. Словом, русалку будто подменили.

И все-таки он узнал ее. Сразу, в одно мгновение. Только подумал, что это сон. А вот сегодня, просматривая журнальную статью, он нашел такую фразу: «Следует отметить, однако, что комплекс сновидений никогда не включает в себя ощущений запаха...»

4

Весну ждали долго. Вплоть до середины апреля выюжила над Вормалеем пурга. Зато к концу месяца сразу потеплело. В одну неделю солнце согнало весь снег. И Студеная поднялась, забурилась, как самая настоящая река. Она несла сучья, хворост, даже целые вывороченные с корнями деревья. Ребята часами торчали на берегу, глядя, как кружатся в водовороте исполинские кедры, в ветвях которых можно было заметить то зайца, то белку, в страхе мечущихся над мутной водой. Но еще интереснее было смотреть, как река размывает за кордоном обрыв. Вода ярилась там под самой кручей, и целые стены земли вместе с сухой прошлогодней травой, кустами можжевельника, зарослями пихтача, с грохотом обрушивались в реку, вздымая огромные столбы брызг.

В прошлом году этот обрыв раскапывали геологи из Отрадного. Они отыскивали в песке ракушки, которые жили здесь будто чуть не два миллиона лет назад, и говорили, что в таких слоях могут быть даже алмазы.

Максимка и верил и не верил этому. Во всяком случае, никаких алмазов геологи не нашли, только исковыряли весь берег. И теперь Студеная будто спешила подчистить его, срезая все новые и новые пласты.

Когда же вода сошла, и немного пообсохло, Максимка решил покопаться в обрыве. За несколько дней река обрушила столько земли, сколько людям было бы не срыть и за два года. Может, теперь и обнажились эти самые алмазы.

В ближайшее воскресенье он взял лопату и принялся раскапывать тот слой с ракушками, над которым больше всего колдовали геологи. Копал чуть не полдня. Но ничего стоящего так и не нашел. Попалась, правда, небольшая шестеренка из какого-то красноватого металла. Но это было совсем не интересно. Максимка хотел уже метнуть свою находку в воду, как вдруг вспомнил, что кто-то из геологов говорил, будто все, находящееся в этом слое, имеет возраст в два миллиона лет. Вот и верь им после этого!

Металлическая шестеренка двухмиллионотлетней давности! А может, они просто-напросто ошиблись. И разыскивали алмазы совсем не в том слое. Может, сказать им об этом?...

Но когда Максимка принес свою находку в контору геологов, те так и покатались со смеху:

– Что ты говоришь! Нашел шестерню в тех слоях, что мы расчищали в прошлом году в Вормалеевском обрыве? Да знаешь ли ты, что это за слои? Это слои астийской эпохи. Тогда людей и в помине не было. А ты...

– Насчет людей я знаю. Но может, со слоем какая ошибка вышла?...

– Ошибка! – грозно обернулся к нему один из молодых геологов. – Вот! – он пододвинул к себе коробку с ракушками и произнес какую-то звучную латинскую фразу – Главная руководящая форма астия. В Москве подтвердили.

– Как это, руководящая форма? – не понял Максимка.

– А так, что эта раковина точно указывает возраст отложений, в которых она находится.

– Другими словами, хозяйка этой раковины жила только в астийское время, не раньше и не позже, – пояснил другой геолог, постарше. – И, стало быть, слои, в которых ее находят, могут быть только астийскими. А шестеренка явно современная. Видимо, из бронзы, – он взял голубоватый камень и царапнул по шестерне. – Ого! Корунд не берет.

Шестерня пошла по рукам. Геологи заговорили все разом.

– Что-то из новых сплавов. Теперь есть такие.
– А ну-ка ее алмазом. Алмаз не берет!?
– Да, материалец! Откуда она могла взяться?
– Видно, выпала с самолета, откуда иначе.
– Вот так-то, парень. Забирай свое «ископаемое» Максимка обескураженно молчал. Смешно, конечно

было спорить с геологами. Но ведь шестерню он выкопал из самой глубины слоя. Как она могла там оказаться, если упала с самолета?

А на следующий день геологи вызвали его прямо с урока

– Слушай, парень, где твоя находка?
– Дома, в надежном месте. А что?
– Тащи ее сюда. Сейчас же! Да положи в эту коробку из свинца.
– Зачем?

– Зачем-зачем! Все ему знать надо. Ну да ладно, слушай. Непонятно она ведет себя, вот что. Тот корунд и алмаз, которыми ее вчера царапали, стали вдруг такими радиоактивными, что все приборы зашкаливают. Петр Андреевич, наш старший геолог, как узнал об этом, такой разнос устроил, только держись. Он у нас, знаешь!... Да и сами мы теперь видим, едва ли это с самолета. Так что принеси ее нам. Понимаешь, для дела надо, для науки. Может, с уроков сейчас уйдешь?

– О чем говорить, раз для науки. – Максимка взял сумку и что есть духу припустился к кордону.

Не успел он, однако, дойти до дома, как его окликнула Марина:

– Удрал с уроков? Вот здорово! А я совсем сегодня не пошла. Давай на Марьино болото, по клюкву. Теперь прошлогодняя ягода страсть какая сладкая.

– Сейчас не могу, Маринка, дело есть. Та штуковина, что я вчера нашел, очень, говорят, для науки может пригодиться. Геологи сегодня сами в школу приходили. Неси, говорят, ее сейчас же к нам. Вот и ящик специальный дали.

– Так утром и снесешь, была нужда нарочно бежать!

– Нет, Маринка, я обещал. И потом, сам чувствую, надо это. Пойдем завтра, ладно?

Марина как-то нехорошо усмехнулась:

– Ладно, раз уж так далась тебе эта наука. – Она подобрала подол юбки и побежала к своей избе.

А Максимка, не заходя домой, перемахнул через забор в огороды и, посмотрев по сторонам, юркнул в высокую траву за банями, где под корнями бузины был у него тайник, в котором, кроме всего прочего, хранилась вчерашняя находка. Все здесь было в полной сохранности, так, как он уложил

вчера. Но где же шестеренка? Он точно помнил, что положил ее с самого краю, между аккумуляторной батареей и склянкой с кислотой. Однако сейчас там было пусто. Он перерыл весь тайник. Перебрал все вещи. Шестерня исчезла бесследно.

Что за чертовщина! Сверху над тайником в одном месте виднелся холмик свеженасыпанной земли, как это бывает над норкой крота. Но не крот же стащил шестерню! И никаких следов поблизости.

Максимка был в отчаянии. Что теперь делать? Как показаться на глаза геологам? Где искать проклятую шестерню! Если ее стянули ребята, то стоит лишь сказать Маринке, она из них душу вытрясет. А если ребята не при чем?

И все-таки надо поговорить с ней. Вдвоем легче будет придумать, что делать. Но когда он окликнул Марину, как обычно, прямо с улицы, в окне показалась ее мать:

– Маринка? Она по клюкву с Димкой пошла на Марьино болото.

– Пошла с Димкой?!

– Да только что ушли. Беги, догонишь.

Но Максимка ее уже не слушал. Ушла с Димкой! Как же как? Еще год назад он просто не обратил бы на это внимания. Но теперь... Эх, Маринка, Маринка! Он вспомнил, как она

усмехнулась в ответ, и будто горькой полынной пылью запорошило горло. Не хотелось больше видеть ни одной живой души. Он завернул за угол и побрел напрямик в тайгу.

«Ну разве сделал бы так он сам или еще кто, скажем... та, зеленоглазая?» – Максимка невольно улыбнулся. Вот некстати вспомнил. Но мысли упрямо возвращались к таинственной незнакомке. Он живо представил ее такую, какой видел прошлой зимой, и – удивительное дело! – вся горечь, вся обида, только что душившие его, вдруг отодвинулись куда-то в сторону, заглохли, притупились, исчезли совсем, будто растворившись в том непонятном запахе, который снова принес откуда-то весенний ветер. Максимка выбрался на солнечную полянку и глубоко, всей грудью вдохнул хмельной пахучий воздух. Стоило, в самом деле, переживать из-за каких-то пустяков. И геологи тоже! Пусть сами на себя пеняют. Принес он им шестеренку – не взяли. Что же, он должен стеречь ее?

Однако на другой день геологи снова заявили в школу. Пришли со своим начальником. Окружили Максимку со всех сторон. Но что он мог сказать им? Рассказал все, как было. Они опять не хотели верить. Без конца повторяли, что так быть не может, уговаривали «не таить правды». Особенно горячился начальник – черный, похожий на цыгана великан с курчавой бородой:

– Да как она в твои руки-то попала? – не отставал он, буравя Максимку взглядом.

– Я сказал все.

– Он сказал все! И думаешь, кто-то поверит, что ты нашел эту штуковину в глубине слоя? Сказал бы хоть – в осыпи.

– Ничего не в осыпи – упрямо повторил Максимка. – Обрыв сейчас чистый, как зеркало. И я там целую пещеру выкопал, прежде чем нашел шестеренку.

– Ну, с тобой, я вижу, не сговориться. Пошли, ребята! – бородач махнул рукой и шумно направился к выходу.

– Постой, Лукич, не торопись, – остановил его самый пожилой из пришедших, которым, как оказалось позднее, и был старший геолог Отраденской партии Петр Андреевич Крайнев.

Этот худой сутуловатый мужчина со строгим болезненным лицом до сих пор не произнес ни слова. Он безразлично смотрел в окно и, казалось, не обращал ни малейшего внимания на пререкания Максимки с начальником партии. Однако теперь, когда он обернулся к ним, Максимка с удивлением заметил, что глаза геолога смотрят с живейшим интересом.

– Не торопись, Лукич, – повторил Крайнев, с видимым любопытством приглядываясь к Максимке. – Здесь мы едва ли что выясним. Надо на место съездить.

– В Вормалей?

– Конечно. Пусть он там, на обнажении, все покажет.

– А что, собственно, он сможет показать?

– Там видно будет, – загадочно улыбнулся Крайнев.

Речка Студеная невелика. Летом в иных местах мальчишки перепрыгивают прямо с берега на берег. Но бежит она быстро, особенно весной, когда собирает ручьи со всех окрестных сопок. Поэтому течет Студеная в крутых высоких берегах. Обрывы тянутся вплоть до озера. Самый большой из них – Вормалеевский. И ходит о нем любопытная притча.

Говорят, что много лет назад, когда не было еще и Вормалея, стояла в том месте часовня и бил Святой ключ. Святым его назвали потому, что однажды бьющая из земли вода будто бы вынесла на поверхность маленький металлический крестик. И что удивительно: от воды в ключе даже в самую жаркую пору зубы ломило, а крестик, если взять в руки, казался теплым.

Тогда и построили возле родника часовню. Молва приписывала святой воде самые чудодейственные свойства будто и больных она исцеляла и молодость возвращала. За многие версты потянулись к Отрадному старики да калеки.

Но однажды поселился в тех краях беглый вор Малей. И то ли алчность его одолела, то ли наскучило смотреть на нищих и убогих, только выкрал он чудесный крестик. И в тот же год Студеная вышла из берегов и начала размывать долину, пока не образовался крутой обрыв. В воду обрушилась и часовня, и место выхода ключа. Сам же Малей и все его домочадцы заболели страшной болезнью, а дом его спалила молния.

Лишь много лет спустя вырос на этом месте лесной кордон. От сгоревшей усадьбы осталась к тому времени только поросшая бурьяном ямина. Но имя вора Малей так и прижилось к поселку...

Вот эта-то история и пришла Максимке на память, когда показывал он геологам места, где нашел свою шестерню. Пришла потому, что он вспомнил вдруг: шестерня эта, когда он выкопал ее из холодной земли, была заметно более теплой. Тогда он не придал этому значения. А теперь...

– Так ты, говоришь, вытащил свою штуковину из этой норы? – прервал его мысли сердитый голос начальника.

– Да, вот здесь в левом углу. Вон еще и след от нее.

– Невероятно! Металлическое изделие в астийских полях! Или парень все-таки мистифицирует, или я схожу с ума.

– К чему такие страсти, – возразил Крайнев, спокойно раскуривая папиросу. – Шестерня могла завалиться в глубокую трещину, могла переместиться мощным подземным водотоком.

Начальник шумно вздохнул.

– Почти исключено и то и другое. Но за неимением иного объяснения... А в общем, хватит возиться с этой шарадой. Поехали!

– Ты езжай, Лукич, а я тут кое-что посмотрю.

– Что ты здесь еще не видел?

– Хочу проверить кое-какие свои мысли.

– Ну, как знаешь. – Начальник поднялся к машине и через минуту его «козлик» скрылся из глаз.

Тогда Крайнев притушил папиросу и, взяв молоток, начал копать в Максимкиной «выработке». Наконец он сел на кучу земли и снова закурил:

– Н-да, задал ты задачу!

– Так разве я знал...

– А теперь знаешь, почему все так всполошились?

– Теперь начинаю немного понимать.

– Немного? А надо, чтобы хорошо понял. Ты слышал, конечно, что всю историю Земли геологи делят на периоды – кембрийский, силурийский и так далее?

– Это мы проходили.

– Отлично! Значит, ты представляешь, что мы с тобой живем в четвертичном периоде, а до этого был третичный?

Максимка кивнул.

– Так вот, все, что лежит над этим обрывом, ну, хотя бы пески, на которых построен кордон, образовалось в наше четвертичное время. А те глины, что выходят на берегу озера, стало быть, ниже обрыва, они уже третичные.

– А как же сам обрыв, третичный или четвертичный?

– С самим обрывом сложнее. Весь этот береговой уступ, точнее, породы, из которых он состоит, возникли в астийскую эпоху – время как бы пограничное между третичным и четвертичным. Поэтому геологи до сих пор не договорились, куда его лучше отнести. А это время было интересное. Именно тогда обрушилось на Землю первое великое оледенение. И было это около двух миллионов лет назад...

– А вы точно определили, обрыв астийский?

– Только что получены результаты из лаборатории абсолютного возраста. Но если б и ошиблись немного... Ведь самые древние остатки первобытного человека – питекантропа

– до сих пор встречены лишь в слоях каких-нибудь семисот-восемисот тысяч лет давности. Да и было у него всего богатства – палка да камень. Вот и посуди, можно ли поверить в твою находку?

– Да, видно, она действительно в трещину завалилась.

– Кто знает... Никаких следов трещины я не нашел. Да и не это главное. Я, правда, не видел шестерни собственными глазами. Но если верить нашим техникам и приборам... Понимаешь, нет на Земле таких металлов. Нет! Вот что самое непонятное. Можно, конечно, допустить, что это какой-то сверхновый сплав. Но я говорил вчера по телефону со специалистами, те тоже не знают ничего подобного. Словом, загадочная история. А раньше тебе не приходилось видеть что-нибудь в этом роде?

– Раньше? Нет... Мне не приходилось. А вот, говорят, давным-давно...

– Ну? – насторожился Крайнев.

– Только это вроде легенды.

– Давай, давай, рассказывай!

– Так вот, говорят, что в давние времена... – и Максимка рассказал все, что слышал о Святом ключе и воре Малее. – Я потому это вспомнил, Петр Андреевич, что шестеренка моя, когда я выкопал ее из земли, тоже была вроде бы...

теплая. Максимка замолчал и с опаской посмотрел на Крайнова, боясь, что тот поднимет его на смех. Но геолог и не думал смеяться:

– Так-так.. Любопытно! Ты мне вот что скажи, этот крестик... Какого он был цвета и размера?

– Маленький, говорят, был, тонюсенький. А какого цвета? Не знаю...

– Тогда посоветуй, кто мог бы рассказать мне об этом поподробнее.

– А что, думаете, в самом деле могло быть что-нибудь такое?

Крайнев встал, одернул куртку:

– Думаю, если была шестерня, то мог быть и крестик.

5

В этот поход собирались давно. Еще в прошлом году Максимка обошел всех охотников на кордоне и в Отрадном, расспрашивая об озере, что лежало за Лысой гривой. Знали о нем все. Но ходили туда редко. Не любили почему-то охотники этих мест. Даже говорили о них с неохотой. Что-то, по их словам, было там «нечисто». Что именно «нечисто», никто сказать толком не мог. Но достаточно было видеть лица рассказчиков, чтобы стало ясно, что озеро действительно окружает какая-то тайна.

Добраться до озера, казалось, было не так трудно. Сразу за сопкой, что возвышалась над Вормалеем, лежала Гнилая падь, за ней еще одна сопка, чуть пониже, а от нее уж рукой подать до Лысой гривы. Так что за неделю, самое большее – десятидневку можно было, пожалуй, покрыть оба конца, особенно к исходу лета, когда падь немного просыхает. Все, с кем приходилось говорить Максимке, считали, что места эти в общем-то проходимые. По восточному склону сопки идет даже заметная тропинка, часто попадаются гари, а от сопки до Лысой гривы можно дойти по руслу небольшого ручья. Словом, заблудиться Максимка не боялся.

Труднее было уговорить ребят. На словах все они соглашались, что любые рассказы об озере – сплошная чепуха, но стоило завести разговор о походе в те края, как у каждого сразу находилось какое-нибудь неотложное дело.

Наконец удалось договориться и с ребятами. Идти решили впятером. Но в последний момент у Маринки заболела мать, некому стало управляться по хозяйству, и в поход пошли четверо: Димка, Максим и Федя с Костей.

Вышли ранним утром, когда на кордоне еще спали, и к концу дня легко добрались до Дальней сопки. Здесь смастерили шалаш, плотно поужинали и, разложив небольшой дымокур, улеглись на душистой хвое. Начало было удачным.

Однако уже на другой день начались неприятности. Поиски тропы не увенчались успехом, пришлось идти сплошным буреломом. Поэтому еще до наступления темноты ребята выбились из сил, не пройдя и половины пути вокруг сопки. К тому же Димка потерял нож, у Феди развалился ботинок, а Костя натер огромную мозоль. Сам Максимка разодрал брюки и сильно зашиб колено. А до ручья оставалось еще не меньше дня пути.

Ночь прошла тревожно. В небе то и дело полыхали зарницы, снаружи, неподалеку от шалаша кто-то все время хрустел валежником, снизу, со стороны болота, доносились непонятные хлюпающие звуки. Решили спать по очереди, чтобы поддерживать огонь в костре. Но часов ни у кого не было, каждый будил очередного дежурного по собственному усмотрению, поэтому к утру никто не выспался, все были вспыльчивы и раздражены.

Больше всего споров вызвало перераспределение слишком тяжелой поклажи, взятой в дорогу. Наконец Димка догадался вынуть часть провизии из рюкзаков и, уложив в отдельный мешок, подвесить повыше на дерево, чтобы воспользоваться этим на обратном пути. Тут же на привале оставили кое-что из вещей. Потом Димка скрепил имевшимися у него ремнями ботинок Феди, Максимка перевязал, как мог, мозоль у Кости. Только после этого снова двинулись в путь.

Но сегодня дорога была еще труднее. Сплошные завалы, один выше другого, ошестинившиеся острыми сучьями, намертво скрепленные частым молодым ельником, громоздились на всем пути, изматывая силы и все больше усиливая раздражение, оставшееся после бессонной ночи. Димка не выдержал первым:

– К черту! Больше не могу. Совсем нога не сгибается.

– Я тоже, – почти простонал Костя, валясь на грудь валежника. Федя без слов повалился рядом с братом.

Максимка снял рюкзак, вытер рукавом пот. Что можно возразить ребятам? Он еще с утра заметил, что Димка хромотает больше обычного, а Костя еле ступает на стертую ногу. У него самого колено распухло и горело как в огне. Но не возвращаться же обратно!

– Давайте так, ребята, – сказал он, немного подумав. – Димка с Костей пусть останутся здесь или двигаются потихоньку к первой стоянке. А мы с Федей все-таки попытаемся дойти до озера, тут уж недалеко. Ну, а ботинками ты, Федя, обменяйся с Костей.

Федя переглянулся с братом и постучал ботинком о ботинок, как бы желая удостовериться, что они еще держатся на ногах:

– Нет уж, лучше всем вместе...

– Что вместе?

– Домой идти вместе, – добавил Федя, не поднимая глаз от земли.

– Да уж, возвращаться – так всем, – поддержал Димка.

– Значит, все хотите домой? По мамкам соскучились? – вспыхнул Максимка. – А еще говорили – в космонавты. Нужны там эдакие!

– Да кто ты такой, чтобы нас учить! – разозлился Димка. – Давно ли сам боялся нос в тайгу сунуть. Иди один, коль такой храбрый!

– А что, думаешь, не пойду?

– Да брось ты, Максимка! – снова заговорил Федя. – Разве можно одному в такую даль! – Но его тут же перебил Димка:

– А ты слушай его больше. Ну, отойдет для фасона километра на два. И за нами следом. К вечеру же догонит...

– Жди, догоню! – Максимка вскинул рюкзак и, не оборачиваясь, зашагал сквозь бурелом. Эту ночь он провел один. Выбрал дерево покрепче, сделал на сучьях настил из жердей, навалил побольше хвои и, как только свернулся калачиком в этом «гнезде» и накрылся с головой отцовским плащом, так сразу будто нырнул в глухой бездонный омут – несмотря на боль в ноге, на противно гудящее комарье, на страх одиночества, предательски подкравшийся с наступлением темноты.

А утро встретило его грозой и шквальным ветром. Пушечные раскаты грома, казалось, взрывали небо над головой. Шум дождя сливался с шумом леса и грохотом падающих деревьев. И первое, что увидел Максимка, высунув голову из-под плаща, был огромный зигзаг молнии, вонзившийся в землю в каких-нибудь трехстах метрах от его «гнезда».

Буря набирала силу. Тонкие деревья гнулись чуть не до земли. Толстые великаны бились, как в агонии, всеми своими сучьями. Но больше всего пугали молнии. Они сверкали почти беспрерывно и все время почему-то вонзались в одно и то же место.

Так продолжалось долго. Потом дождь перестал. Тучи ушли за сопку. Выглянуло солнце. Ветер сразу стих. Максимка спустился на раскисшую землю и с тоской посмотрел на обступившие его завалы. Теперь их стало еще больше. На миг сердце снова сжалось от страха. Но ведь он дал слово стать настоящим человеком.

Максимка собрал рюкзак, в последний раз осмотрел место ночлега. Огромный кедр стоял теперь, не шелохнувшись. Лишь редкие тяжелые капли время от времени срывались еще с его ветвей. Но сейчас, в свете солнца, сам шум этих капель звучал веселой бодрой музыкой. Итак – в путь!

Только почему все-таки молнии били все время в одну точку? Разве пойти взглянуть? Не беда, что немного в сторону. Он перебрался через несколько завалов и остановился перед крутой глубокой рытвиной. Кажется, где-то здесь...

По обоим краям промоины сплошь тянулась непроницаемая стена леса. Но вправо, чуть выше по склону, маячил просвет. Максимка направился туда и вскоре увидел большую круговину, лежащую по обе стороны рытвины. Земля здесь была черной, твердой, почти каменистой. Он не без опаски вступил на плотную, кое-где потрескавшуюся почву. Местами она вспучилась пузырчатыми стекловатыми буграми. И ни кустика, ни травинки! Видно, не один десяток лет били в этот пятачок огненные молнии.

Но почему именно сюда, в самую рытвину? Он подошел к ней ближе. Рытвина была широкой – не перепрыгнешь. И в глубину гораздо больше человеческого роста – настоящий овраг! В стенках ее виднелся тот же песок и гравий, что и в Вормалеевском обрыве. По дну текла вода, видимо, после недавнего дождя.

Как же перебраться через этот овраг? Максимка прошел немного дальше и увидел, что неподалеку поперек рытвины лежат несколько поваленных лесин. Он поспешил к ним. Так это настоящий переход! Три толстых бревна были плотно уложены одно к другому, даже закреплены по концам кольями.

Кому понадобилось строить такой мост? Максимка перебрался через рытвину и сразу увидел, что дальше в лес тянется заметная прогалина. Тропинка! Та самая тропинка, которую они так долго и безуспешно искали. Вот удача! Максимке показалось, что даже боль в ноге утихла. Теперь – шагать и шагать! Тропинка, правда, еле угадывалась в лесной чаще. Путь по ней часто преграждали упавшие деревья. И все-таки это был не сплошной бурелом, каким они продирались все эти дни.

Уже часа через два тропинка резко свернула вниз и вывела к долине небольшого ручья. Максимка совсем повеселел. Все было так, как говорили охотники. И дорога по ручью оказалась не трудной. Он тек в низких, поросших травой берегах. Но особенно не петлял. И под ногами было почти сухо.

В полдень Максимка устроил привал, сварил кашу, вскипятил чай. Потом лежал немного на сухом пригорке. И снова зашагал вверх по ручью. Живое журчание воды настраивало на бодрый лад, рассеивало все страхи и тревоги. К тому же день был солнечным, но не жарким. Ровный прохладный ветер неизменно дул в лицо, предвещая хорошую погоду и на завтра.

Так прошагал Максимка весь день. А к вечеру ручей вывел его к подножью Лысой гривы. Он узнал ее сразу. Грива оказалась невысокой известковой грядой, снизу поросшей лесом, сверху почти голой, за что, видимо, и получила свое название.

Максимка прикинул время. Солнце еще не коснулось вершушек деревьев. До ночи можно было подняться на вершину гряды. И он снова двинулся вперед. Настроение было приподнятым. Последний бросок – и он у цели!

Однако склон гривы оказался совсем не таким ровным, как выглядел снизу. К тому же большая часть его поросла густым кедровником. Поэтому, хоть завалов здесь почти не было, подъем дался Максимке с большим трудом – чувствовалась сильная усталость. Он уж пожалел, что не заночевал внизу. Зато, когда, преодолев последний уступ и выбравшись на ровную площадку, глянул вдаль, то так и застыл на месте, пораженный открывшейся картиной. Сразу за гривой лежала котловина. Но не просто котловина, а удивительно правильная воронка в виде гигантского конуса. Склоны ее были сплошь покрыты частым ельником, а внизу блестело озеро, то самое озеро, одно упоминание о котором заставляло поеживаться бывалых охотников. Оно открылось как-то неожиданно, всей своей гладью и оказалось совсем не таким, как представлял себе Максимка. Вместо чего-то темного, мрачного, пугающего, взгляду предстало море света. Небо здесь словно приподнялось. Горизонт раздвинулся. А озерная чаша будто пылала в лучах заходящего солнца.

И в то же время трудно было отделаться от мысли, что все это какое-то ненастоящее, необычное, неестественное. Ибо так велика была эта циклопическая воронка, такими плавными, идеально округлыми были ее склоны, так ровно, словно подстриженные под гребенку, сбегали вниз островерхие пирамиды вершин, что, казалось, это не природная котловина, а громадный амфитеатр, сделанный руками каких-то исполинов. И само озеро – круглое, спокойное, с чистой зеркальной поверхностью, напоминало скорее арену сказочного цирка.

Но самым удивительным было освещение. Солнце только что коснулось дальних сопок. И вся эта арена, вся громадная чаша амфитеатра, весь широко раздвинувшийся горизонт – будто горели каскадом ярких красок. В самом верху котловины деревья отливали металлической бронзой, ниже становились медно-красными, потом оранжевыми, а самая середина озера пламенела чистым пурпуром. Ничего подобного Максимка не видел ни разу в жизни. Одна минута такого зрелища могла возместить любые трудности пути.

Но вот краски погасли. В котловине начали сгущаться сумерки. Пора было думать о ночлеге. Больших деревьев на гриве не росло. Зато ветер гулял здесь свободно. А ночь обещала быть прохладной. Максимка прошел в одну сторону, потом в другую, и вдруг заметил глубокую расселину. Две глыбы известняка сходились почти вплотную. Однако между ними мог свободно пройти человек. Это было то, что надо. Оставалось отгородить часть расселины сучьями, набросать сверху веток, и шалаш готов. Костра на ночь можно было не разводить. Комарье на вершине гривы не держалось. А от холода лучше поглубже закопаться в хвое. Так он и сделал.

И уже через минуту спал глубоким крепким сном.

Проснулся Максимка посреди ночи. Не от холода и не от укусов мошкары. Сначала он вообще не мог понять, где он, что с ним. Только постепенно до сознания дошло, что это расселина на Лысой гриве. Но что разбудило его? Этот зуд за ухом, которое он, по-видимому, перележал?

Нет, что-то другое. Да вот, вот оно! До слуха его ясно донеслись звуки музыки.

Музыка здесь, на Лысой гриве?! Максимка высунул голову из-под плаща и прислушался. Не показалось ли? Но нет. Мягкая светлая мелодия лилась откуда-то со стороны озера. Лилась непрерывно. И было в ней что-то необычайно нежное, волнующее, такое, что вызывало неведомую раньше грусть и тоску. Максимке мучительно хотелось что-то вспомнить, поймать ускользающие обрывки каких-то мыслей, понять какую-то давнишнюю тайну. Ему чудилось, что где-то, когда-то он уже слышал и переживал это. Но где, когда? И что «это», что?!

Он выбрался из-под плаща и сел на хвое. Какой уж там сон! Неясная тревога все больше поднималась в глубине души. Щемящая тоска становилась невыносимой. Все его

существо словно наэлектризовывалось под влиянием непонятной музыки. Он еле сдерживался, чтобы не вскочить и не броситься навстречу этим звукам. Несмотря на ночь и холод, несмотря на обступившую его глушь, несмотря на усталость и боль в ноге.

А музыка все лилась и лилась, без малейшего перерыва, без всяких слов. И трудно было понять, играет ли какой-то один неведомый инструмент или целый оркестр. Казалось, звучали

сам воздух, сама темнота, сама ночь. И не просто звучали. Максимка только теперь почувствовал, что в музыку все явственнее вплетается знакомый аромат цветов, тот самый горьковатый аромат, который он впервые ощутил на своих руках в то памятное утро и который не спутал бы теперь ни с каким другим запахом. И аромат этот тоже по-своему звучал. Меняясь в еле уловимых нюансах в такт музыке, он вел мелодию, сливался с нею, делал ее особенно выразительной и яркой.

Наконец Максимка не выдержал и, разбросав сучья, выбрался наружу. Тьма была непроницаемой, воздух недвижим. Лишь в черном, как сажа, небе вздрагивали от холода мириады звезд. Здесь, на Лысой гриве, они казались особенно яркими и крупными. И никогда еще свет их не был так притягательно прекрасен, как в эту ночь, наполненную музыкой и запахом неведомых цветов. Вначале Максимке подумалось даже, что все это и идет оттуда, из самых глубин звездного неба. Но скоро стало ясно, что музыка лилась все-таки со стороны озера. Он обернулся к невидимой во тьме котловине и больше уж не мог оторвать от нее глаз. Там внизу, в чернильной темноте ночи, сияло чистейшим аквамаринном туманное кольцо света. И даже не кольцо, а будто гигантское ожерелье из огромных шаров-самоцветов. А в центре его, подобно яркой форсунке, источающей волны голубого пламени, сияла та самая звезда, какую он видел несколько раз в небе и которая непонятным образом ассоциировалась с воспоминаниями о таинственной незнакомке и всем, что было с ней связано. Мгновенный озноб пронизал Максимку. Он даже оглянулся по сторонам, настолько сильно было чувство, что она где-то здесь, близко, совсем рядом... Но все кругом тонуло в непроглядной тьме.

Между тем туманное кольцо поблекло, на миг распалось на отдельные светящиеся пятна. Но тут же вспыхнуло | миной силой, уже зеленым цветом. Зеленое сияние незаметно для глаз сменилось желтым, потом оранжевым, алым. И вот уже вся гамма красных, оранжевых, пурпурных щитов закружилась в стремительном хороводе, следуя тончайшему фортиссимо таинственной музыки.

Максимка потерял всякое представление о времени. Не было уже ни мыслей, ни тревог, ни волнений. Весь он будто слился с этими звуками, красками, меняющимися оттенками запаха, мерцанием звезд, тьмой ночи и сам стал частью огромной звездной симфонии.

Но вот цвета стали бледнеть, все больше, больше, будто погружаясь в глубины вод, а вместе с ними замирали и звуки. Стало темно и тихо. Лишь волны необыкновенного аромата некоторое время еще плыли по воздуху. Да яркая голубая звезда горела в кромешной темноте. Потом исчезла и она. С севера потянуло холодом. Максимка вернулся к расселине. Разжег костер. Присел на камень. О сне теперь не хотелось и думать. Что значило все только что увиденное и услышанное? Почему озеро светилось и пело? А запах? И звезда? Значит, все это имеет какую-то связь с той давней историей на Вормалеевском озере? Вопросы, вопросы... Но, может быть, завтра что-нибудь разъяснится? Он бросил в костер несколько толстых сучьев и, забравшись в расселину, накрылся с головой плащом.

А когда проснулся, солнце поднялось уже высоко, и вся котловина будто дымилась туманом, клочьями запутавшимся в сплошной щетке вершин. Небольшое облачко тумана висело и над восточной окраиной озера. Зато вся остальная его часть блестела, как огромная капля ртути.

Наскоро позавтракав, Максимка уложил вещи, осмотрел ружье, прикинул, как лучше спуститься к озеру. Рюкзака он решил не брать, спрятал в расселине – мало ли что могло произойти там, внизу. Не взял и плаща. Просто сунул в карман кусок хлеба, несколько

патронов, заткнул за ремень топор и, отметив по компасу азимут, начал спускаться вниз по склону.

Лес по пути был чистым, не слишком густым, да и склоны котловины достаточно пологими. Но глубина ее оказалась значительно больше, чем он предполагал. Поэтому пришлось шагать и шагать, прежде чем деревья расступились и перед ним открылась водная гладь. Но то ли это озеро, какое он видел с вершины гривы? Оттуда, сверху, оно выглядело совсем маленьким, вплотную окруженным лесом. А здесь, внизу, оказалось огромным, больше километра в окружности, и вдоль всего берега шла широкая полоса песчаного пляжа.

Несколько минут Максимка стоял на опушке леса, ожидая, что каждый миг может произойти что-то совершенно необыкновенное. Однако все вокруг дышало самой покойной обыденностью. Большой мухомор торчал возле муравьиной кучи. Густой столб мошкеры висел над водой. Две хлопотливые синицы перелетели с ветки на ветку и усталились на него блестящими бусинками глаз. Ни ветерка, ни звука.

Максимка осторожно ступил на чистый, словно выметенный песок, подошел к воде. Стайка рыб метнулась в сторону. Зеленым перламутром блеснула раковина двустворки. Он снял кепку и с наслаждением вымыл потное разгоряченное лицо. Потом встал, вытер руки о полу пиджака. Вот он и достиг цели. Как ни трудна была дорога. Сколько ни отговаривали его ребята. И ничего страшного! Он вскинул ружье и выстрелил в воздух. Лавинный грохот заполнил котловину. Вот так салют! Максимка перезарядил ружье и выстрелил еще раз. Потом еще. И каждый раз тайга отвечала громовым эхом.

Так пришла частичная разгадка ночного концерта. Котловина действовала как огромный естественный рупор, стократно усиливая любой звук, рожденный на поверхности озера. Но надо было найти еще источник музыки. Максимка снова обвел глазами широкую водную гладь. Она была совершенно неподвижной. Тогда он двинулся вдоль по берегу, стараясь найти какие-нибудь следы на песке. Однако и поверхность пляжа была абсолютно ровной, будто прикатанной гигантским катком.

Что же, здесь никто никогда не ходил? Даже звери? От одного такого «открытия» стало жутковато. А что, если в озере...

И в то же мгновение вода в центре озера словно закипела. Максимка затаил дыхание. Но все быстро стихло. Однако теперь даже в этой тишине было что-то зловещее. Он поспешил к знакомому муравейнику. Пора возвращаться! Но неужели он так ничего больше и не узнает? Нет, пора!

Максимка в последний раз взглянул на гладкое, будто заколдованное в своей неподвижности озеро и, забросив ружье за спину, двинулся вверх. Пора было подумать, как лучше спланировать обратный путь. Но мысли его все время возвращались к событиям последней ночи, событиям тем более загадочным, что посещение озера фактически ничего не разъяснило. Неужели и это все ему показалось? Или приснилось? Однако не прошел он и сотни шагов, как за спиной раздался сильный всплеск, потом что-то свистнуло, тугой волной воздуха заложило уши, и огромная тень пронеслась у него над головой. Ну, это уже не галлюцинация!

Максимка сорвал с плеч ружье и бросился обратно к озеру. По всей его поверхности от центра к берегам все еще бежали крупные высокие валы. Они с шумом обрушивались на берег и начисто сглаживали оставленные Максимкой следы. Он глянул вверх – в небе не было видно ничего, кроме сгущающихся облаков. Озеро постепенно успокаивалось. Нот последняя волна схлынула с берега, и снова воцарилась тишина. Мокрый песок блестел теперь, как гладкая спина морского чудовища.

И тут Максимке стало страшно. Он вспомнил, что где-то читал, будто в некоторых таежных озерах до сих пор обитают древние ископаемые ящеры. А что, если и здесь живет такое летающее чудовище? Он инстинктивно отпрянул за дерево и, не оглядываясь, почти бегом, начал избираться вверх по склону.

Но идти вверх было не то, что спускаться в котловину. Только к вечеру, усталый и голодный, выбрался Максимка на вершину Лысой гривы. Выбрался, к счастью, к самой своей расселине. Но что это? Сучья, закрывавшие вход, разбросаны, хвоя внутри переверочена, плащ разодран в клочья, а рюкзака... нет совсем! Снова и снова переверочил Максимка всю хвою. Выскочил наружу, осмотрел кусты, камни. Рюкзак исчез. А вот и следы. Слишком знакомые, чтобы можно было усомниться в страшной догадке. Медведь! Значит, рюкзака не вернуть. А там и продукты и патроны. И это сейчас, когда его уже тошнит от голода и впереди целых четыре дня пути. Что же делать? Можно пойти, конечно, по следам. Патронов медведь не съест, в худшем случае, разбросает по земле. Но оказаться один на один со старым матерым шатуном – а это несомненно он – когда в ружье последний заряд...

Нет, лучше не рисковать, не тратить время. Если сейчас же спуститься с гривы, идти до самой темноты и завтра встать с рассветом, то к вечеру можно добраться до сосны, на которой они устроили временный склад. Тогда он спасен. Иначе...

Максимка подобрал обрывки плаща, подтянул ремень на брюках и, даже не взглянув на озеро, начал спускаться вниз.

Весь следующий день Максимка шагал по охотничьей тропе. Шагал торопливо, почти без отдыха, даже ягоды рвал на ходу, но только к полудню вышел наконец к знакомой рытвине. Теперь надо было решить, как идти дальше. Если по тропинке – можно пропустить склад с провизией, если по своим затесам – слишком тяжел путь через завалы. И тут он вспомнил, что вскоре после той стоянки, у сосны, на пути у них встретился ручей.

Он бежал прямо вниз по склону и, значит, пересекал тропу. Вот и дорога к затесам. А пока по тропе. Только по тропе! И он снова пустился в путь. Но как ни легче было идти тропинкой и как ни гнал вперед голод, тьма снова застала Максимку в дороге. Ручей был, видимо, дальше.

Пришлось второй раз лечь на пустой желудок и снова дрожать от ночной сырости.

На другой день погода переменилась. Утро было холодным, хмурым. Сильный ветер дул со стороны сопки, наполняя лес тревожным шумом. Серые космы облаков, казалось, цеплялись за верхушки деревьев. Максимка спрыгнул с настила, где провел ночь, и тут же ухватился за ствол дерева – сильно, до тошноты, кружилась голова, на больную ногу трудно было ступить.

Пришлось выломить сук и идти, опираясь на палку. А ручья нет и нет. И тропа повернула куда-то вверх, раздвоилась, запетляла. Лишь далеко за полдень, потеряв почти всякую надежду, вышел он к узкой заболоченной долине. Однако впереди было самое трудное: русло ручья сплошь загромодил бурелом.

Эти оставшиеся сотни метров отняли последние силы. Едва не ползком выбрался он к спасительному шалашу. Но здесь его ждал новый удар. Сосна, на которой они соорудили склад, лежала вывороченная с корнем, и от мешка с провизией остались одни обрывки. Больше не на что было и надеяться. Максимка лег на кучу валежника и уткнулся лицом в пахучий мох. В голове не осталось ни одной мысли. Хотелось одного – лежать и не двигаться...

Но с неба начал накрапывать дождь. Все больше, больше... Сильный озноб пронизал все тело. И сразу вернулось чувство голода. Максимка встал, сорвал несколько ягод и снова полез через завал. Полез, как всегда. Но в последний момент больная нога соскользнула с мокрой лесины, ослабевшие руки выпустили сук, и он неловко полетел вниз. Острая боль опалила ногу. Он попытался встать. Но боль снова пригвоздила к земле. Дождь усилился. Лес застонал от шквальных порывов ветра.

На миг им овладело отчаяние. Боль становилась все сильнее. Видимо, ногу защемило сучком. Или сверху скатился большой комель. Он оказался точно в капкане.

По тут в Максимке проснулась злость. Что же теперь, так и погибать в этом буреломе? Нет, черт возьми! Он еще может ползти. И будет ползти хоть до самого кордона. Он уперся обеими руками в землю, и, преодолевая боль, выдернул ногу из завала.

Сколько времени прошло с той страшной минуты, час или вся вторая половина дня – Максимка не знал. Он полз, продираясь сквозь мокрые сучья, потом переворачивался на тину, жадно ловил ртом стекающие с веток дождевые капли и снова полз, огибая завалы, перебираясь через груды валежника. Дождь то переставал, то усиливался. Временами ветер разгонял тучи, и в лесу чуть светлело. Но через минуту они снова выползали из-за сопки и становилось так темно, будто наступали сумерки. Тогда Максимка с тоской опирался по сторонам, не представляя, где и как устроится на ночлег.

В одну из таких минут и послышался странный стрекочущий звук. Вначале Максимка принял его за шум дождя. Но скоро понял, что это шум мотора. Он нарастал стремительно, как лавина. И вот уже над самой головой повисла огромная зеленая стрекоза. Вертолет! Если бы там знали, что здесь, внизу, ползет он, Максимка! Но вертолет уже скрылся из глаз, и шум его растворился в шуме леса. Максимка в отчаянии повалился на землю.

Однако через несколько минут шум мотора снова начал нарастать, вертолет пролетел в обратную

сторону. Чего он здесь ищет? А что если... Что, если дать ему сигнал?

Максимка лихорадочно обшарил карманы. Вот и спички. Благо он всегда хранит их в резиновом мешочке. В другом кармане нашелся почти сухой лист бумаги и носовой платок. Скорее, скорее!

Не беда, что сырая хвоя не загорается пламенем. Только бы побольше дыму! Он лег на живот и изо всех сил начал дуть.

Наконец плотный столб дыма поднялся к небу. И в тот же миг снова послышался шум мотора.

Ближе, ближе... И вот уже зеленое брюхо вертолета повисло над самой головой. Максимка поднялся на колени, замахал руками. Вертолет снизился. Колеса его коснулись верхушек деревьев, и гибкая лесенка упала в двух шагах от Максимки. Он метнулся к ней, ухватился за скользкую перекладину. Сорвался. Схватился снова, просунул ногу в петлю, прижался всем телом к вибрирующим тросам. Сверху, из кабины, показалось лицо пилота. Он что-то кричал и махал рукой, видимо, заставлял Максимку лезть вверх. Но тот чувствовал, что стоит ему разжать руки, как он снова сорвется.

Наконец лестница поползла вверх, и через несколько минут Максимка мешком свалился на пол кабины. Над самыми глазами склонилось веселое, совсем еще молодое лицо пилота:

– Везуч ты, парень. Мы ведь на профилактику погнали машину, недели на две, не меньше. А тут эта радиограмма. Пришлось сделать крюк. Так что каких-нибудь три-четыре часа, и поминай как звали! Никто бы к тебе не прилетел. А ты, похоже, и в самом деле чуть не дал дуба.

– Нога... – ответил Максимка. – Совсем нельзя ступить. И потом... поесть бы чего.

– Давно не ел?

– Третьи сутки пошли.

– Подходяще! Откуда же ты столько времени топаешь?

– С Лысой гривы.

– Эге! Тут можно нагулять аппетит. На вот пока, – летчик подал Максимке кусочек шоколадки.

– Больше ничего с собой нет. Ну да ничего! Через полчаса будем на базе.

– Какой базе?

– Как на какой! На вашей, в Отрадном. Представляю, что там творится! Шуточное ли дело, человек чуть не погиб. Антонина таким голосом радиовала...

– Какая Антонина?

– Ты уж не тронулся ли с голодухи? Антонина – радистка ваша! Немедленно, говорит, следуйте в квадрат семьдесят три. Да, послушай, у тебя рация, что ли, била?

– Нет.

– Как же ты сообщил им свои координаты?

– А я... ничего не сообщал.

– Как не сообщал? Откуда же им было знать? Вот, смотри, – он показал радиограмму. – В пяти километрах от вершины, азимут восемьдесят шесть...

– Ничего я не сообщал, – повторил Максимка, и вдруг страшная мысль обожгла его. – Так это... Так это о ком-то другом вам радировали. Давайте скорее обратно! Там кто-то в самом деле погибает.

– Вот те клюква! Слышишь, Алексей, – обратился пилот ко второму летчику, сидящему за штурвалом.

– Черт знает что! – громко выругался тот, не поворачивая головы. – Ты вот что, Григорий.

Свяжись-ка с Антониной, пусть уточнит, что и как.

Григорий поправил шлем, покрутил ручки настройки:

– Антонина! Что там у вас случилось, в квадрате семьдесят три, кто терпит бедствие? Как никто?! Постой, постой, ты же только что радировала... Ну не ты, так кто-то там у вас. Никто не подходил к аппарату? Ну как же... ничего не понимаю! Значит, у вас все в порядке? Слышишь, Алексей?

– А, вечно у них так, сам черт не разберет. Идем на базу, там видно будет.

Геологи встретили Максимку как старого знакомого, тут же накормили, сходили за врачом, позвонили на кордон отцу. Рассказам вертолетчиков они просто не поверили, как те ни клялись и ни божились, что получили в пути непонятную радиограмму Антонины. Не произвел на них впечатление и рассказ Максимки о странном поведении молний. Все заявили, что «так бывает», может даже указывать, на близкие залежи железных руд, но что для них, геологов Отрадненской партии, это имеет лишь теоретическое значение, потому что, во-первых, партия занимается поисками алмазов, а не железа, а, во-вторых, сопка Дальняя находится далеко за пределами их планшета.

Что же касается поющего озера, то о нем Максимка счел за лучшее вообще не рассказывать геологам. Не сказал он об этом и отцу. Ребятам же, в ответ на все их расспросы, ответил коротко:

– Мои затесы знаете? Так вот, последний, на старой ели – у самого озера. Не верите, сходите. – Однако на этот раз даже Димка не усомнился в правоте его слов.

Зато спустя полмесяца, когда вертолетчики вернулись на базу, а в школе уже начались занятия, ему снова пришлось держать ответ перед строгим начальником геологов.

– Слушай, хлопец, – сказал тот, вызвав Максимку к себе в контору, – эти вот люди, – кивнул он в сторону пилотов, – второй день морочат мне голову какой-то радиограммой. Максимка испуганно заморгал глазами. Начало не предвещало ничего доброго.

– Нет, то, что они помогли тебе, это хорошо, – поспешил успокоить его начальник. – И я вполне допускаю, что могло быть, скажем, так: увидели они дым, приспустились пониже, смотрят, человек в беде. Ясно, что надо было делать в таком случае. Но к чему эти сказки о несуществующей радиограмме!

– А я говорю, была радиограмма! – решительно заявил Григорий. – И мы перед тем, как заметить дым, не один раз прошли над сопкой.

– Ладно, это я слышал! – нетерпеливо перебил начальник. – Так вот, хлопец, правда, что вертолет уже кружил над тобой, прежде чем появился твой сигнал? Или ты не заметил этого?

– Как можно было не заметить! – ответил Максимка. – Я точно помню, что он прошел надо мною два раза. Потом уж я зажег костер.

– Так, значит, кто-то все-таки вызвал машину к сопке?

– Похоже, что так. Они сразу спросили, не радировал ли я кому.

– И ты, действительно, никому ничего не сообщал?
– Нет, что вы! Мне даже выстрелить было нечем.
– Так кто же и откуда дал эту радиограмму?! – загремел начальник.
– Может, телепатия какая? – несмело предположила радистка.
– Телепатия по радио? – неожиданно расхохотался начальник. – Ну, а ты что думаешь? – снова повернулся он к Максимке.

– Я, право, не знаю, – ответил тот, не поднимая глаз на начальника. И это было почти правдой. Потому что он и сам не мог понять, могла ли быть какая-нибудь связь между загадочной радиограммой и тем, что минут за двадцать до появления вертолета, когда он уткнулся в совсем уж непроходимый завал и чуть не заплакал от боли и отчаяния, в глаза ему вдруг будто ударил луч света и совершенно отчетливо представилась зеленоглазая незнакомка, которую никто никогда не видел, о которой никто ничего не знал, но которая несомненно играла какую-то исключительную роль в его жизни.

6

На следующее лето Максимка устроился к геологам на работу. Рыл шурфы, отбирал образцы, мыл шлиховые пробы. Многое узнал, многому научился. А главное, познакомился с интересными людьми, среди которых особенно интересным оказался уже известный ему Петр Андреевич Крайнев. Именно знакомство с Крайневым и было тем первым толчком, который определил дальнейшую жизнь Максимки, Старший геолог отрядной партии был уже немолод. За двадцать лет, что он отдал поискам сибирских алмазов, он исходил и изъездил столько, что проделанный им путь давно мог достичь Луны. Естественно, ему было что рассказать Максимке. Жизнь геолога, работа геолога богаче приключениями, чем иной приключенческий роман. Не самым замечательным было то, что он раскрыл перед Максимкой совершенно неведомый ему мир – мир камня. И научил видеть в нем не всем доступную красоту, пробудил в Максимке страсть к геологическим исканиям.

Мог ли думать Максимка, что в той самой тайге, где он родился и вырос, и где, как ему казалось, нет ничего, кроме лесов, болот и зверя, скрыты под ногами настоящие клады, и что поиски этих кладов можно сделать целью всей жизни. Ни о чем другом не хотелось больше и мечтать. К концу сезона он решил даже бросить школу и навсегда остаться в геологической партии. Но тот же Крайнев сказал, что если он действительно хочет стать геологом, нужно обязательно кончить десятилетку и потом еще поступить в политехнический институт.

Пришлось снова изо дня в день бегать с ребятами в Отрадное, учить уроки, писать контрольные. Но все это лишь до выходного. А стоило наступить воскресенью, как Максимка брал геологический молоток, лопату, лоток для промывки шлихов и спускался в долину Студеной на «собственную разведку».

Так пролетел сентябрь, первая половина октября. Стало холодно, пошли дожди. Пора было «закрывать полевой сезон». И сегодня Максимка решил в последний раз покопаться на Студеной.

Но погода задурила с самого утра. Сначала шел дождь. Потом посыпал снег. Снизу, от озера, задул сильный ветер.

Максимка с досадой бросил лопату. Снег быстро покрывал только что сделанную расчистку, припудрил лоток с пробой. Видно, придется кончать. Он подул на застывшие руки и, взяв лоток, спустился к речке. Вода жадно слизнула заснеженный верх пробы, подхватила тонкую муть. Привычным движением Максимка начал смывать легкие песчинки. Все больше, больше... Вот уже темная каемка шлиха обозначилась в лотке. Вдруг что-то блеснуло. Неужели алмаз?

Максимка запустил руку в лоток. Большой, с двухкопеечную монету кристалл, совершенно чистый и прозрачный, лежал у него на ладони, отсвечивая чуть приметной голубизной. Максимка

выхватил из кармана обломок корунда, который всегда теперь носил с собой, и царапнул по кристаллу. Твердое острие скользнуло по камню, как грифель по стеклу. Алмаз! Максимка стиснул его в кулаке и, забыв о разбросанных инструментах, не заходя домой, припустился со всех ног в Отрадное.

Старший геолог был в конторе один. Он сидел над картой фактического материала, просматривая пикетажки начальников отрядов. Максимка без стука влетел к нему в комнату:

– Петр Андреевич, алмаз!

Крайнев отодвинул бумаги, взял пачку с папиросами:

– В шлихе?

– Вот, смотрите! – Максимка разжал кулак.

– Это?! – Крайнев вскочил со стула, выронив нераскуренную папиросу, и бережно взял сверкающий кристалл. Все его действия напоминали теперь некий священный ритуал. Даже твердость камня он пробовал как-то по-особенному, словно прислушиваясь к издаваемому им звуку.

– Ну что, алмаз? Алмаз, да? – без Конца спрашивал Максимка, стараясь заглянуть через плечо геолога.

Но тот продолжал священнодействовать, будто забыв о присутствии Максимки. Наконец он поднял голову:

– Где ты взял его?

– Там, на Студеной. Алмаз, верно, Петр Андреевич?

– Алмаз-то алмаз, только... – геолог склонился над камнем.

– Что только? – не отставал Максимка, сгорая от нетерпения.

– Да огранка вот... Не бывает такой огранки у естественных алмазов. Лишь на обработанном камне можно увидеть нечто подобное.

– Но я же его только что отмыл. Прямо из обрыва.

– Прямо из обрыва, говоришь. На какой высоте от воды?

– Метров десять-двенадцать.

– Та-ак... Значит, опять в астийских слоях.

– Да, там же примерно, где я выкопал шестерню. Но что шестерня! Правильно тогда смеялись надо мной. А тут алмаз!

– Алмаз! Не просто алмаз, а бриллиант – алмаз, обработанный рукой человека.

– Как – человека? Ведь вы сами говорили, что в то время не только людей...

Крайнев как-то странно усмехнулся:

– Все говорят, что так, но... – он достал лупу и снова взялся за камень. Максимка следил за каждым его движением. Вдруг лицо геолога как-то странно исказилось!

– Ничего не понимаю... Мистика какая-то!

– А что? Что вы там видите, Петр Андреевич?

– Что-что! Или я брежу, или... Вот, взгляни. Максим взял лупу и направил на то место, которое указал

Крайнев:

– Картинка какая-то...

– Картинка! Это гемма. Понимаешь, гемма! В астий-ских-то слоях! А главное, что здесь изображено!

Максимка снова взглянул через лупу:

– Похоже, цветок:

– Нет, ниже, ниже! На большой грани.

– А здесь человек и вроде... обезьяна. Да, человек протягивает руку обезьяне. И внизу какие-то значки...

– Вот именно. Буквы или математические символы. Словом, такое, что мог создать лишь вполне цивилизованный человек.

– Значит, и эта вещь когда-то провалилась в трещину?

– Какой черт в трещину! Алмаз в сотню карат! Кто выпустит из рук такое сокровище. Тут что-то совсем другое. Камень надо сейчас же отправить специалистам. Нет, стой! – геолог забарабанил пальцами по столу. – Отправил я однажды кое-что, до сих пор не могу простить себе... Что же нам с ним делать?... Сначала, конечно, сфотографируем. Вот так, – он поместил кристалл на черный лист бумаги и полез в шкаф за фотоаппаратом. Максим отошел в сторону.

Вдруг камень засветился. Все ярче, ярче... Максим дернул геолога за рукав:

– Петр Андреевич, он... Ой, Петр Андреевич!!! – больше Максим не успел ничего ни сказать, ни сделать. Кристалл вспыхнул ярким пламенем и через мгновение сгорел без следа.

Геолог, бросившийся было к столу, со стоном повалился на стул. Максим подскочил к нему:

– Что с вами, Петр Андреевич? Вас обожгло?

– Ничего со мной не случилось. Но камень! Камень!!!

– Значит, это был вовсе не алмаз?

– Алмаз! Алмаз чистой воды. Только алмаз и мог сгореть вот так, без остатка. Но отчего?

Отчего?! Восемьсот градусов надо, чтобы алмаз начал гореть. А тут... – он пристукнул полкой куртки черное, еще дымящееся пятно и снова опустился на стул, уронив голову на руки.

Несколько минут прошло в молчании. Потом Максим сказал:

– Петр Андреевич, пойдемте завтра снова туда Снег вон перестал. А там, наверное, этих камней.

– А, глупости! Такие находки не повторяются.

– Найдем, Петр Андреевич, обязательно найдем. Если такой геолог, как вы...

Крайнев усмехнулся:

– Такой геолог... Пойми, дружок, это ювелирное изделие, а не геологический объект. И, стало быть, не геологи, а археологи должны теперь заняться Вормалеем. Разве написать кому? – он полистал записную книжку. – Нет, хватит с меня. Отписался! Да и какие у нас доказательства?

– Как какие, а алмаз?

– Алмаз! Где он, алмаз? Кто поверит, что мы видели его? Я сам себе не поверил бы, если б не это пятно. Бриллиантовая гемма из астийских слоев... Мистика! Наваждение! Бред сумасшедшего! Каждый здравомыслящий человек назовет нас просто шарлатанами. И правильно сделает.

Максим посмотрел прямо ему в глаза:

– Что же, значит, все так и бросить? Никому ничего не говорить?

Крайнев поднялся с места и долго ходил по комнате, покусывая тонкие губы. Наконец подошел к Максиму, мягко коснулся его вихров:

– Нет, дружок, бросать нельзя. Ни в коем случае! Я думаю, что и этот алмаз, и та твоя первая находка могут стать прелюдией к очень большому открытию. И я чувствую, ты смог бы довести его до конца. Но для этого нужны знания. Много знаний. Поэтому кончай школу и обязательно поступай в институт, изучай геологию, палеонтологию, основы антропогенеза. А пока... Пока пусть, кроме нас с тобой, об этом не знает никто.

– Почему?

– Потому что никто не поверит тебе. Могут даже поднять на смех, обвинить в подлоге, как это было однажды у меня. И отобьют всякую охоту к дальнейшим поискам. А я хотел бы, чтоб это стало целью всей твоей жизни.

– Как моей? А вы сами?

– Что я! Я уже слишком стар и слишком болен, чтобы браться за такое дело. Да и слишком велик у Меня груз скептицизма.

– Но вы все-таки думаете, что и алмаз, и шестеренка...

– Да, Максим, и алмаз, и шестерня, и крестик из ключа – все это звенья одной цепи.

– Даже крестик из ключа?

– Несомненно. После прошлогоднего разговора с тобой я беседовал со многими здешними старожилами и пришел к выводу, что история с ключом – истинная быль. Крестик, судя по всему, был небольшой механической деталью из такого же материала, что и шестерня, и так же обладал повышенной радиоактивностью. Отсюда и ощущение теплоты, о которой упоминают все, кто знаком с этой историей. Не исключена возможность, что воды ключа, ионизированные крестиком, действительно обладали целебными свойствами.

– Здорово! Но ведь все это было выше астийских слоев, над обрывом.

– Возможно. Однако самый мощный водоносный горизонт приурочен здесь именно к астийским отложениям. Крестик был, по-видимому, вынесен из них на поверхность земли. Конечно, это слишком маловероятный случай. Но три таких случайности сразу! К тому же я сам несколько лет назад...

– Тоже нашли алмаз?

– Нет, мне попались кое-какие окаменелости. Не совсем обычные окаменелости. Но ты не поймешь этого пока. – Геолог вдруг замолчал, словно спохватившись, что сказал что-то лишнее.

А Максимка так и впился в него глазами, ожидая услышать нечто совершенно необыкновенное.

– Окаменелости значит – кости? – осторожно подтолкнул он Крайнова.

– Да, так мы называем кости вымерших животных.

– Так вы нашли... скелеты наших предков-обезьян? – выпалил Максимка.

– Экий ты прыткий! – улыбнулся Крайнев. – Такого никому и во сне не снилось. К тому же, с остатками обезьян вообще не все ясно.

– Не все ясно?

– Да. Только давай сразу условимся, мы будем говорить об остатках не любых обезьян.

Их было много. Одни вымерли, не дав после себя никаких новых видов. Другие оказались пращурами современных горилл, шимпанзе, орангутанов. Мы будем говорить только о тех обезьянах, которые считаются прямыми предками человека. Их называют рамапитеками. Так вот, эти-то рамапитеки и ставят до сих пор в тупик ученых-антропологов. Дело в том, что остатки их нигде не поднимаются выше астийских слоев. Кости же наиболее примитивных людей-питекантропов встречаются лишь начиная с верхов свиты Джетис – что-то около семисот тысяч лет назад. А от астия до питекантроповых слоев – ни единой косточки!

– За полтора миллиона лет?!

– Да, почти полуторамиллионный интервал лишен всяких ископаемых остатков наших родичей.

– Куда же они подевались?

– Вот это и составляет самую загадочную страницу нашей родословной. А правильное сказать, ее просто нет, этой страницы. Будто кто нарочно выдрал из летописи планеты. И что было между рамапитеком и питекантропом – одному богу известно.

– Так, Петр Андреевич, может, плохо еще здесь искали?

– Попробуй, поищи!

– А что? И попробую! Я давно уж этим делом интересуюсь. С тех пор, как прочел одну книжку, – учительница дала.

– Правильно, Максим. Стоящее это дело. Поэтому и советую тебе – займись им в будущем. И не где-нибудь, а здесь, в Вормалее. Именно здесь слои астия хранят какую-то тайну. Может быть, самую большую тайну, с какой сталкивался человек.

– А что это может быть за тайна, Петр Андреевич?

– Трудно предположить. Получается, что еще в астийское время... Нет, это невозможно,

невероятно, просто не укладывается в голове. И в то же время такие факты... Голова раскалывается от противоречий.

Долго не мог уснуть Максим в тот вечер. В словах геолога было что-то недосказанное. Чувствовалось, что он знает гораздо больше, чем открыл перед Максимом, и оттого вся история с алмазом выглядела особенно интригующей. Не давала она ему покоя и на следующий день.

– Знаешь, Маринка, – говорил он по пути из школы домой, – все наши обрывы на Студеной хранят, оказывается, великую тайну, и если разгадать ее...

– Сразу богатым станешь?

– Сказала тоже! При чем тут богатство? Помнишь, я рассказывал тебе о шестеренке? А вчера мне попался камень. Интересный такой! И Петр Андреевич, геолог, говорит, раз есть здесь такие вещи...

– Петр Андреевич, Петр Андреевич! – перебила Маринка. – Присушил он тебя, что ли? Только и знаешь теперь, что в земле рыться. Димка вон вчера такую лисицу притащил. Шкура – бархат! Хвост – в-во! А тебя опять на обрывы потащило.

– Мало ли в тайге лисиц. А тут такой камень! Петр Андреевич сказал, никак нельзя мне это дело бросать. А надо кончать институт и обязательно докопаться до самой тайны.

– Что же ты, и после института хочешь в земле копать?

– Не только в земле. Но раз я начал это, раз попался мне такой камень...

– Будто тебе одному! Отец Ванятки вон тоже нашел камень. Да не простой, двухцветный.

– Как двухцветный? – не понял Максим.

– А вот так. Днем он зеленый, что твоя трава. А вечером будто кровью наливается.

– Что ты говоришь?! А где он нашел его, в обрывах?

– Будет дядя Степан в обрывах копать! Он Малеев-кое пепелище разворошил. Там, рассказывают, и золото и всякие драгоценности были попрятаны. Он только говорит, что один камень нашел, а на самом деле...

Максим даже споткнулся от неожиданности:

– Неужели и крестик откопал?

– Какой крестик?

– Ну тот, что будто Малей из ключа выкрал. Марина прыснула смехом:

– Ты веришь в эти сказки?

– Сама же говоришь...

– Я говорю о Малеевском кладе. А крестик... Ха! Мало всего народ болтает!

– Но как отыскал Степан, где был дом Малей?

– Чего искать-то? Пепелище под самым кордоном, всякий знает.

– Покажи мне это место, Маринка! Она затрясла головой:

– Топко там теперь – низина. Вот пойдем зимой на лыжах, покажу.

– Нет, сегодня, сейчас! – затормошил ее Максим. – Ну, что тебе стоит, раз недалеко, до вечера успеем.

– Да что тебе так приспичило?

– Интересно взглянуть.

– Куда как интересно! Ну ладно, пойдем, тут рядом.

К удивлению Максима, «пепелище» действительно оказалось сразу за кордоном, чуть выше по Студеной, но теперь это была всего-навсего большая яма с оползшими стенками, густо поросшими малинником и крапивой. Максим продрался сквозь колючие заросли и глянул вниз. На дне ямы груды битого кирпича, кое-где поблескивали осколки стекла.

Он вернулся к Марине:

– Если бы раскопать все это!

– Зачем?

– Может, и крестик сыскался бы.

Она посмотрела на него, как на больного:

– Ты не тронулся часом? Крестик! Зачем он тебе?

– Не мне, науке. Ведь если б был сейчас этот крестик, мы бы с Петром Андреевичем... – Максим на минуту задумался. Потом решительно рубанул рукой воздух. – Но я найду его! Хотя бы год пришлось здесь копать

– Чего-чего? – усмехнулась Марина. – Копаться здесь?

– Пойми, это очень важно, Маринка. Я дал слово раскрыть тайну Вормалея. И раскрою, чего бы это мне ни стоило! А хочешь, давай вместе. Петр Андреевич сказал...

– А пойдешь ты знаешь куда со своим Петром Андреевичем и всеми вашими тайнами впридачу! Сил моих больше нет! Думала, ты парень как парень, а ты... ты... – она отвернулась и вдруг всхлинула.

Максим растерянно замолчал. Потом несмело коснулся ее плеча, постарался заглянуть в глаза:

– Ну зачем так, Маринка? Я говорю, давай вместе. Тут дел на всю жизнь...

– Что вместе? Чего на всю жизнь? В этом навозе копать, глину в обрывах месить? Нет уж, ищи дураков где-нибудь подальше. А я знать тебя больше не хочу! – она схватила портфель и, не оглядываясь, пошла к дому.

– Так... – Максим прижался лбом к холодному стволу дерева, расстегнул ворот рубахи. – Поговорили...

Он собирался рассказать сейчас Марине все-все, поделиться всеми своими планами, попытаться уговорить ее пойти вместе в институт, а она... Эх, Маринка! Он бросил за спину сумку с книгами, но домой не пошел, свернул с тропы в сторону и зашагал напрямик по лесу.

В тайге было по-осеннему сумрачно и сыро. В низких местах поблескивали лужицы воды. И Максим, занятый своими мыслями, не сразу заметил, как ботинки его все чаще стали проваливаться в мокрый мох. Вдруг земля под ним предательски закачалась и противный хлюпающий звук вырвался из-под ног.

Он быстро огляделся – болото! Зеленая с черными разводьями трясина, зловеще поблескивая сквозь редкое мелколесье, обступила его со всех сторон. Как он забрался сюда на ночь глядя?

Однако раздумывать было некогда. Ноги уже по щиколотку засосало в липкую жижу. Он прыгнул на первую попавшуюся кочку. Но та сразу ушла под воду. Он махнул дальше, в сторону, потом в другую, наконец уцепился за тонкую елочку, одиноко торчащую в жесткой осоке.

Здесь земля была крепче. Но дальше, впереди и вправо, блестели целые окна воды. Сплошная трясина лежала и за спиной. Лишь влево, чуть сзади угадывалась полоса сухого кочкарника и виднелось несколько крупных деревьев. С этой стороны он, видно, и пришел, больше неоткуда.

Максим осторожно ступил на первую кочку – держит. И дальше тоже. Он облегченно вздохнул, пошел быстрее, почти побежал и вдруг снова уперся в страшное черное разводье.

Между тем заметно стемнело. А что, если кочкарник мнел его дальше, в глубь болота? Максим поспешно вернулся к елочке. Постарался спокойно осмотреться. Вот и те направление, где как будто нет черных окон. Он двинулся туда, обогнул две подозрительные мочажины, перебрался через поросшее осокой разводье и вдруг по пояс провалился в вонючую жижу. Тело свело от ледяной воды, на миг остановилось дыхание. Рванувшись что было сил, Максим ухватился за ближайшую кочку, сел на нее верхом. А дальше? Куда двинуться дальше? В лесу уже почти ничего не видно. Максим до боли напряг глаза, чтобы найти спасительную елочку, и вдруг с ужасом почувствовал, что земля медленно оседает под ним.

Он лег на живот, широко раскинул руки. Неужели конец?... Но тут нестерпимо зачесалось где-то за ухом, и тихий протяжный звон пронесся в темноте. Что это? Откуда? Максим быстро потерся виском о плечо и замер, чутко вслушиваясь в шорохи ночи.

Звон не повторялся.

Но вдруг потянуло ветром. Он сухо прошумел осокой, зарябил черную воду, и знакомый горьковатый аромат ворвался в запах болотной гнили. Максим вздрогнул. Или это показалось? Он жадно втянул носом воздух. Нет, ничего. А холодная вода уже сомкнулась над спиной, начала подниматься к плечам. Все выше, выше... Ноги сковало судорогой. От страха замутилось сознание. Максим напрягся, как струна.

Но стоило подуть ветру, как снова запахло цветами. Максим осторожно повернул голову, поднял лицо от воды. Однако теперь уже и без всякого ветра можно было ощущать, как с той стороны, где закатилось солнце, ритмично, как шум прибоя, набегали и гасли волны тончайшего запаха.

Максим с надеждой всматривался в сгустившуюся тьму. Но все кругом было абсолютно тихо. Лишь крупные пузыри болотного газа вздувались и лопались у самого лица да гулко, как в пустом лукошке, стучала кровь в висках. А дивный аромат неведомых цветов все плыл и плыл над вонючим болотом и будто звал Максима туда, где давно уже погас последний луч зари и возшла яркая холодная Венера. Тогда Максим решил. Не меняя положения рук, он подтянул под себя ноги и медленно, извиваясь всем телом, пополз в ту сторону, откуда доносился необыкновенный запах.

Время будто остановилось. Казалось, целая вечность прошла с тех пор, как черная ночь окончательно вдавила его в трясину и он начал сантиметр за сантиметром высвобождаться из ее цепких объятий. Но вот и первая сухая кочка. Он осторожно взобрался на нее, передохнул. Пополз дальше. Снова кочка. И снова держит. Дальше, дальше... А вот и целый островок твердой земли. Да нет, не островок. Кругом теснятся уже сплошные заросли ельника. Неужели выкарабкался?...

Максим попробовал подняться. Сделал несколько шагов, перелез через небольшой завал, выбрался к невидимому в темноте пригорку. Кругом угадывалась сухая, усыпанная хвоей земля.

Все! Он прислонился к мшистому стволу и закрыл глаза. Несколько мгновений не хотелось ни двигаться, ни думать, только наслаждаться этим покоем лесной чащи.

Но осенний холод не давал стоять ни минуты. Максим вышел на открытую прогалину. Где теперь кордон? Он взглянул на небо. Морозным инеем блестела стежка Млечного пути. Ниже, над самой кромкой леса привычно склонился большой ковш Медведицы. Серебряным глазком подмигивала над ним Полярная звезда. А дальше, почти в зените, сияла, затмевая созвездия, большая голубая звезда... А запах?

Максим глубоко вдохнул ночной воздух. Запаха словно не бывало. В лесу, как обычно, пахло прелью, хвоей, грибами. Чудеса да и только! Он отер грязь с лица, вылил воду из ботинок. Но ведь если бы не этот запах...

К кордону он вышел только за полночь. Не доходя до дома, свернул к огородам, хотел сбросить в бане мокрую одежду, смыть болотную грязь. Но от ворот к нему метнулась темная человеческая фигура:

– Живо-о-ой! – горячие руки Марины обвились вокруг шеи, мокрое от слез лицо прижалось к щеке. – Живой, господи! – повторяла она, не переставая всхлипывать. – А я уж и не чаяла...

– Постой, Маринка, подожди! Видишь, я весь в тине.

– Тонул? – она еще крепче прижалась к нему. – Тонул! Так я и знала. Сердцем чуяла, забредешь в это проклятое болото. Места себе не находила.

Он попытался освободиться от ее рук:

– Ну уж и тонул! Поплутал немного, провалился раз... – он видел блестящие во тьме глаза Марины, чувствовал ее прерывистое дыхание, тепло ее рук и губ и... ни на секунду не мог отвлечься от мысли о той, которая, конечно же, имела какое-то отношение к событиям этой ночи и, может быть, пыла даже где-то здесь рядом, совсем неподалеку от кордона...

А на следующее утро он прежде всего зашел к Степану. Против всякого ожидания, тот встретил его приветливо, терпеливо выслушал сбивчивые объяснения Максима, почему-то грустно улыбнулся:

– Да, было дело, наслушался я бабьих сказок, пошел клад искать. Много с тех пор воды утекло, а до сих пор совестно людям в глаза смотреть. Тут тебе, поди, наговорили, невесть что я нашел. А всего и попалось – небольшой камешек. Стоящий был, видно, раньше камень, да пожар его подпортил. Снаружи вроде бы и ничего, а внутри, как есть, одни трещины. Приемщик в ювелирторге, как увидел его, больно хвалил, потом глянул в стеклышко, чуть стукнул молоточком – он и вдребезги. Вот и весь клад Малая, – Степан тяжело и (дохнул и полез в карман за кисетом. – А крестик – нет, не попадался. Хотя знаю точно: был он, крестик – мой тесть сам его видел.

Прямо от Степана Максим еще до школы забежал на базу к геологам. Надо было обязательно рассказать о камне Петру Андреевичу. Едва ли это был обыкновенный самоцвет. Да и само пепелище, которое оказалось так близко от кордона, не могло не заинтересовать Крайнова.

Однако на базе его не было. В конторе сидели два техника и молча курили, не глядя друг на друга. Максим поздоровался:

– А Петр Андреевич... Не знаете, где он?

– Улетел Петр Андреевич.

– Надолго?

– Может, и навсегда.

– Как навсегда? Что случилось?

Ребята ответили не сразу.

– Плохи дела у Петра Андреевича, – сказал наконец один из них. – Ты ведь знаешь, он сильно болел. А вчера вечером... В общем, увезли его в город, сделают, наверное, операцию. А при такой болезни операция, сам знаешь...

– Как же это, так сразу? – Максим присел на краешек стула, не зная, что еще сказать, не в силах уйти. Только сейчас он понял, как дорог ему этот человек. Несколько минут прошло в молчании.

– А ты опять что-нибудь откопал? – спросил техник.

– Нет, я хотел только спросить, есть ли такой камень, у которого цвет меняется от дня к вечеру.

– Есть такой камень – александрит, – сказал техник. Сказал, как отрезал. Да Максим и сам уж понял, как не ко времени был его вопрос. Он встал и пошел к двери.

– Постой! Вроде Петр Андреевич тебе какое-то письмо оставил.

– Письмо?

– Да, – техник порылся на столе. – Вот возьми.

– Спасибо. – Максим поспешно разорвал конверт. В нем оказался еще один пакет, на котором вместо адреса значилось: «Максим! Может статься, мы больше не увидимся. Но если ты не забудешь мой совет, не потеряешь интереса к тому делу, о котором мы говорили, то вскрой этот пакет. Однако не раньше, чем закончишь институт и лишь в том случае, если займешься этим делом. Иначе просто сожги его. Крайнев».

Максим вышел на улицу. Там валил густой, мокрый снег. Он сунул письмо в карман:

– Нет, Петр Андреевич, я не забуду вашего совета. И даю самое торжественное слово – разгадаю тайну обрывов!

7

Он стоял, точно вонзаясь в небо, этот останец кварцита, поднявшийся на высоту двадцатипятиэтажного дома. Все в Отрадном называли его Зуб Шайтана. И действительно, скала напоминала клык зверя. Узкая, гладкая, с белой, как снег, поверхностью и острой верхушкой, чуть запрокинутой на север, она будто вспарывала заросли кедровника, сплошь покрывшие сопку над Студеной. Гора считалась неприступной. И может быть,

именно поэтому Максим решил подняться на скалу. Очень уж хотелось осадить бахвалистого Димку и показать Марине, что и он, Максим, кое на что способен.

А все началось с пустяка. На первое мая они всем классом отправились в лес, на сопку, забрели чуть не к самой вершине, бегали там за бурундуками, пугали белок, потом расселись на кучах сухого валежника, на пригреве, и, как это не раз бывало, заговорили о Зубе Шайтана.

Кто-то из ребят прослышал от стариков, будто лет пятнадцать назад гостил в Отрадном городской парень. Был он спортсмен, альпинист и решил покорить никому не дававшуюся скалу.

Смельчак забрался на самую вершину Зуба, хотел даже пристроить там какой-то знак, но вдруг увидел такое, что чуть не умер от страха. Спустился вниз – а голова седая. И слова больше от него никто не слышал. Так и уехал обратно в город.

Рассказчику верили и не верили, больше сходились на том, что все это сплошная брехня. А Марина сказала:

– А все-таки, бывают же настоящие ребята! Не то, что у нас тут...

– Да-а, это вам не Лысую гриву перелезть, – не преминул съязвить Димка. – Но будь у меня ноги здоровы, я бы давно забрался на Зуб. Можно его одолеть, я знаю.

Максим ничего тогда не сказал, вида не подал, что Димка бросил камешек в его огород. Однако дал себе слово непременно подняться на скалу.

И вот сегодня, встав с восходом солнца, он без единой остановки добрался до вершины сопки и, не тратя времени на отдых, стал прикидывать, как лучше подступиться к чертовой горе. Но одно дело – решиться на подъем. И совсем другое – выполнить задуманное. Снизу, от кордона, Зуб выглядел чуть больше охотничьего ножа, а тут выился такой громадой, что не было, казалось, никакой возможности добраться даже до середины скалы. С трех сторон стены ее были совершенно отвесны, кое-где даже с обратными углами. Только с юга по узкому ребру Зуба лепилось некое подобие гребня, да и тот начинался где-то на высоте десяти-двенадцати метров.

Долго ходил Максим вокруг скалы, примериваясь, как лучше выполнить свой замысел. Наконец догадался закинуть снизу веревку с петлей. После нескольких безуспешных попыток удалось захлестнуть конец бечевы за нижний выступ гребня и с ее помощью вскарабкаться на цокольную часть склона.

Теперь вверх по гребню! Он оказался нагромождением больших замшелых глыб, тянувшихся почти до самой вершины, где вздымалась голая отвесная стена. Осторожно, перебираясь с глыбы на глыбу, Максимка поднялся до небольшого уступа на перегибе склона и, выбрав площадку поровнее, вытянулся на теплом камне. Здесь можно было передохнуть. Но дальше подъем оказался значительно труднее. Гребень еле лепился на крутом склоне. Приходилось ощупывать каждую глыбу, каждый камень. Пот слепил глаза. Максим то и дело останавливался, чтобы перевести дыхание. Однако склон становился все круче и опаснее. Камни обрушивались при каждом неверном движении. А впереди была еще голая стена.

Но вот и она. Максим примостился на верхнем конце гребня и глянул вверх. Стена уходила прямо в небо. Но отступать было поздно. Отыскав глазами трещину пошире, он уцепился за нее руками и подтянулся вверх. Нога встретила небольшую выбоину. Хорошо, что он полез босиком. С выбоины можно перебраться к расселине. Потом сюда, на этот выступ. А дальше? Неужели тянуться к той, верхней трещине? Нет, за нее не ухватиться! Ни за что! Правая рука уже задеревенела. Лучше левее, там карниз. Только дать отдых руке. Так... А ногу? Куда поставить ногу? Вот тут вроде держит?... Нет, осыпается, скользит. Проклятье! А если так? Держит! Теперь ухватиться за карниз. Только бы не сорвалась нога. Только бы не сорвалась!...

Время для Максима остановилось. Вернее, он потерял всякое представление о времени, лихорадочно цепляясь за малейшие шероховатости стены. Это было на грани человеческих возможностей. Пот заливал лицо, разъедал веки. Мышцы ломило от

чудовищного перенапряжения. Силы почти оставили его, когда он последним отчаянным рывком ухватился за верхнюю кромку скалы и, извиваясь всем телом, взобрался на узкую площадку вершины.

Зато какой вид открылся с высоты! Вершина Зуба господствовала над всей окрестностью, с нее отлично можно было рассмотреть и крохотные домики Отрадного со всеми его улицами и переулками, и серый пятачок кордона, зажатый кольцом леса, и черный прерывистый пунктир дороги, и тонкую петляющую ниточку Студеной.

А когда он осторожно, боясь оторваться от поверхности узкой, как гладильная доска, площадки, повернулся лицом к северу, то увидел Гнилую падь, Лысую гриву, даже часть котловины, в которой лежало загадочное озеро. Казалось, это было совсем рядом. Только Грива была теперь маленьким, будто игрушечным, уступчиком, а озерная котловина была не больше Малеевского пепелища. Сколько воспоминаний было связано с этими местами! Максим чуть повернулся, устраиваясь поудобнее и вдруг заметил под самым подбородком два тонких металлических кольца. Что бы это могло быть? Кольца торчали на самом краю площадки по линии, идущей прямо к озерной котловине. Он попробовал оторвать их от скалы. Не тут-то было! Кольца были намертво ввинчены в камень.

Значит, тот парень все-таки поднимался на Зуб! И вбил эти крюки, с помощью которых, видимо, спустился вниз. Как жаль, что и Максиму не пришлось в голову захватить с собой еще одну веревку. Или отвязать ту, которая осталась внизу.

Но тут его мысли приняли совсем другой оборот. Если тот парень действительно был, значит, было и то страшное, что он увидел отсюда. Взгляд Максима снова упал на далекую озерную котловину. А что, если он видел чудовище, которое взлетело в тот день с озера? И сразу стало страшно. Максим инстинктивно прижался всем телом к скале, не спуская глаз с Лысой гривы. Руки его невольно вцепились в камень, подбородок коснулся холодного кольца. И вдруг...

Нет, это ему не показалось. Он ясно слышал музыку. Тихую, задумчивую, точно такую, какая неслась той ночью из котловины. И еле ощутимый аромат точно так же вплетался в мелодию. Он поднял голову, - и все исчезло, снова коснулся подбородком кольца, - снова музыка. Временами ему казалось даже, что он видит что-то вроде голубого луча, бегущего к Лысой гриве. Впрочем, день был настолько ярок, что весь воздух был пронизан сверкающими лучами. Однако звук и запах ощущались несомненно.

Потом подул ветер, стало холодно, и сразу зачесалась родинка за ухом. Максим потер ее кончиком пальца и вдруг услышал, будто в шум ветра вплетается чуть слышный шепот:

– Пора спускаться... Пора спускаться...

Максим очнулся. Солнце уже склонялось на закат. Ясно, надо возвращаться. Он тщательно изучил глазами обрывающуюся под ним стену и, наметив примерно маршрут спуска, свесил ноги вниз. И тут произошло то страшное, что долго потом не могло изгладиться из памяти. Несмотря на все старания, ему не удалось нащупать ногами никакой опоры. Носки скользили по гладкому, точно отполированному, камню, не встречая ни малейшего выступа или трещины. А руки уже немели. Еще минута, и он сорвется вниз. Холодный пот разом покрыл все тело. Смертельный ужас заставил снова взобраться на вершину.

Что же делать? Что делать?! И почему он не взял с собой веревки?! Он чувствовал, что никакие силы не заставят его еще раз спустить ноги вниз. Но в спину снова ударил ветер. И тот же шепот мягко, но настойчиво приказал:

– Надо спускаться, надо! Ветер поможет...

Сделав над собой усилие, Максим снова повис на руках. И снова ноги заскользили по отвесной стене. Страх отнимал последние силы. Руки еле удерживались на гладкой поверхности площадки. Но тут сильный порыв ветра словно прижал его к стене, и он снова услышал шепот:

– Правую ногу чуть влево и немного ниже...

Он машинально подчинился и вдруг нащупал носком трещину.

– Теперь левую прямо вниз... – шепнул ветер, все так же прижимая его к стене. И снова нога встретила упор, крепкий, надежный. С него можно было хоть глянуть вниз. Вот и еще трещинка, а под ней уступчик. Страх начал проходить. Максим передохнул и, смахнув заливающий глаза пот, спустился ниже. Отсюда было совсем недалеко до узкого карниза, который так помог ему при подъеме. Однако то ли Максим поторопился, то ли не рассчитал своих движений, но руки его на какой-то момент оторвались от узкой, еле прощупывающейся трещины, ноги соскользнули по гладкой стене, и он полетел вниз. К счастью, это случилось уже над самым гребнем. Он лишь ободрал ладони и больно зашиб ногу. И все-таки, какого труда стоило теперь спуститься по острым глыбам кварцита к месту, где была закреплена веревка.

Было почти совсем темно, когда его разбитые в кровь ступни коснулись наконец земли, и он, окончательно обессиленный, свалился на мягкий ковер сухой хвои. Страшная вершина терялась уже в синих сумерках, ветер шумел теперь высоко над головой в ветвях деревьев, а ему лудилось, что кто-то все шепчет и шепчет какие-то теплые, хорошие слова, отчего становилось удивительно легко и радостно на душе.

Меж тем ветер стих, тьма сгустилась, и яркая голубая звезда взошла над черным острием скалы. И Максиму уже не показалось это странным. Он знал, чувствовал, был уверен, что смог спуститься со скалы лишь благодаря ей, таинственной незнакомке, хотя и не мог объяснить себе, кто она – реально существующий человек или галлюцинация. А может, его собственные мечты и грезы?...

На другой день он прежде всего обошел и расспросил всех, кто так или иначе мог знать о «городском парне» и его восхождении на Зуб. Однако никто не мог сказать ничего определенного. Только дядя Степан вспомнил:

– Как же, был случай! Аккурат в тот год, как тебе родиться, приезжал племянник моего свояка. Парень дурной, непутевый. Он и собрался под пьяную руку лезть на Зуб. Ну, потащился, стало быть, на сопку по той тропинке, знаешь, что над ручьем, и на первой же круче расквасил себе нос. Вот и все «восхождение». А был он, точно, седой, даже лысый. Только это от водки и прочего баловства, я так понимаю...

8

Последнего лета перед поступлением в институт будто не было. Целыми днями пришлось сидеть над книгами. И вот настал день отъезда. Все было собрано еще вчера. Вчера же простились с Мариной. До самого утра стояли у ворот, клялись не забывать друг друга. Теперь осталось дожидаться вертолета. Но Максима потянуло к озеру. Захотелось в последний раз взглянуть на обрывы, поплавать в омуте.

На озере – ни души. Максим выкупался, с минуту постоял у воды и растянулся в траве под старым кедром. Шесть лет прошло с тех пор, когда он впервые увидел эти места. Как изменилось все за это время. А озеро все то же. Тот же обрыв над омутом, та же стена елей на том берегу. Только все стало как-то меньше, уютнее. Даже старик-кедр, под которым он лежал сейчас и где уснул в то памятное утро, когда спас таинственную незнакомку.

Сколько раз вспоминал он это происшествие. Сколько раз старался понять, что же произошло в тот день на озере. Но все так «осталось загадкой». Была та девчонка или ее не было? А если была, то кто она, откуда? Никто ее больше не встречал. Никто ничего о ней не слышал. Неужели это было лишь сном, галлюцинацией, как и все другое, что произошло после: и удар молнии, и свет в окне, и музыка на Лысой гриве, и шепот на скале, и голубая звезда?...

Впрочем, если девчонки не было, то все можно было как-то объяснить. Волки могли погибнуть от шаровой молнии. Свет в заимке и шепот на скале просто пригрезились – когда человек замерзает или теряет голову от страха, это в порядке вещей. Музыка на

озере неслась из какого-нибудь транзистора – мало ли сейчас всяких людей в тайге. Мог ветер принести ее и на Зуб Шайтана. Ну, а запах – и того проще: цветов в тайге хватает. А если девчонка все-таки была? Тогда все-все иначе. Но теперь, похоже, тайна так и останется тайной...

Максим потянулся, крепко потер глаза. Ночь, проведенная без сна, давала себя чувствовать. Сейчас вздремнуть бы часок-другой... А кто разбудит? Нет-нет, нельзя, так и вертолет проспидишь! Он даже ущипнул себя, чтобы отогнать назойливую дремоту. Однако тень от кедра как-то странно изогнулась, озеро отодвинулось в сторону, обрыв закачался перед глазами. Максим с усилием поднял набрякшие веки. Еще минуту, и встать! Он уже оперся руками о землю, как вдруг увидел, что за деревьями мелькнуло что-то светлое. Она?...

ОН скорее почувствовал, чем понял, что это она. И даже не удивился этому. Только сейчас, здесь он и мог ее встретить. Не удивился и тому, что перед ним уже не девочка, а взрослая красивая девушка – статная, высокая, с мягкими уверенными движениями. Белое платье выше колен с глубоким вырезом на груди подчеркивало красоту ее фигуры. А густой ворох медно-красных волос, стянутый га лбу зеленой, под цвет глаз, лентой, будто струился по плечам и спине, подобно снопу жаркого пламени.

Девушка вышла из-за деревьев и молча улыбнулась. Максим поспешно встал ей навстречу. Однако она остановила его движением руки, подошла ближе и опустила на траву, жестом приглашая сесть рядом.

Максим не тронулся с места. Он почти с ужасом смотрел на открытую грудь и ноги незнакомки. Еще минута, и всю ее облепят тучи мошкары! Он сорвал с плеч пиджак, чтобы хоть немного укрыть девушку от насекомых. Она с улыбкой отстранила руку. Тут только он заметил, что вокруг них нет ни одного комара. Даже свирепые слепни, только что вившиеся у него над головой, неожиданно разлетелись в разные стороны.

Вот так фокус! Максим бросил пиджак и подсел к незнакомке. Теперь он мог рассмотреть ее ближе. Узкое, даже слишком узкое лицо. Прямой тонкий нос. Необыкновенно умные, необыкновенно выразительные глаза. И сразу стало ясно, – это и было самым необычным – ее глаза. Огромные, сильно удлинненные, с неестественно расширенными зрачками, они будто светились собственным светом. Казалось, зеленые сполохи метались в них, еле сдерживаемые тонкой сеткой ресниц, и целые потоки изумрудных лучей вырывались всякий раз, как она обращала к нему свой взор.

Максим молчал. Так вот она какая, таинственная купальщица, столь непонятно, столь удивительно вошедшая в его жизнь! Он так долго ждал встречи с нею, ему так много хотелось узнать от нее, расспросить ее, поблагодарить за все, чем она ему помогла! И вот она сидит перед ним, совсем рядом, в каких-нибудь двух шагах, а он рта не может раскрыть от смущения. Язык точно распух, прирос к гортани. В голове все перепуталось. Он неловко заправляет выбившуюся из-под брюк рубашу, не зная, что сказать, что сделать, куда деть грубые, в мозолях и ссадинах руки.

А девушка снова улыбнулась и коротко спросила:

– Уезжаете?

– Да... – еле выдавил он из себя, даже не удивившись такому вопросу, и, судорожно глотнув слюну, добавил: – Сегодня, часа через три-четыре.

- Это хорошо, что вы уезжаете, – сказала она, бросив на него быстрый взгляд.

- Почему? – спросил Максим, немного приходя в себя и снова рассматривая незнакомку. Теперь внимание его привлек цветок, заколотый в прическе девушки. Цветок был, несомненно, живой, но очень уж необычайной расцветки. Необычной была и его форма. Больше всего он походил на альпийский эдельвейс. Но с очень нежными, почти прозрачными лепестками, напоминающими удлинненные лиры. И тем не менее Максим готов был побиться об заклад, что где-то уже встречал такой цветок. Только где?

– Вы еще очень мало видели, – отвечала девушка. – Плохо знаете жизнь, людей, страну, – голос ее звучал тихо, как шум листвы при слабом ветре, а глаза снова смотрели прямо ему

к лицо, и в них будто струился мягкий свет. – О мире вы судите по этому глухому уголку и делаете много ошибок.

– Я делаю ошибки?!

– Конечно. Это естественно при том уровне информации, какую получает сейчас ваш мозг.

Ух ты! Максим даже зажмурился от такой учености.

– Какие же я делаю, по-вашему, ошибки?

– О, много! Очень много. Вчера, например, вы говорили девушке, что всю жизнь будете любить ее одну. Но ведь так не бывает. К тому же вы не любите ее даже сейчас. И вообще не знаете, что такое любовь.

Максим почувствовал, как мысли у него снова сбиваются. Еще час назад он был уверен, что любит Марину больше всего на свете. А теперь...

– Но я действительно люблю ее. Мы давно любим друг друга... – старался он убедить скорее себя, чем свою собеседницу.

Она покачала головой:

– Вы заблуждаетесь, она тоже не любит вас.

– Как?! Значит, по-вашему, она обманывает меня?

– Нет, она тоже не понимает своих чувств.

– Ну это, знаете, уж слишком! – сказал Максим, борясь со все возрастающим сознанием неуверенности. – И вообще, – почему вы говорите об этом? – Он хотел прекратить этот трудный разговор, перевести на другую тему. Но тут взгляд его снова упал на цветок, и слова точно замерли на языке. Лепестки эдельвейса, только что отливавшие чистым изумрудом, на глазах у него стали оранжевыми, потом желтыми и вдруг вспыхнули ярким багрянцем. Между тем, лицо девушки, ее улыбка, голос оставались спокойными и приветливыми, как прежде:

– Я в большом долгу перед вами и мне казалось естественным помочь разобраться в том, что не доступно еще вашим рецепторам и вашей мыслительной системе. Вы сами убедитесь, что ваши и ее чувства обманывают вас обоих. И будет очень плохо, если вы прежде этого решите соединить ваши жизни.

– Но почему так, почему?! – спросил Максим, все еще стараясь побороть свои сомнения.

– Потому что вся ее внутренняя конституция, все первичные элементы сознания и подсознания противоположны вашим.

Будто он сам не догадывался об этом! Но у него никого не было ближе Марины. Он привык к ней, даже к ее недостаткам. Она влекла его. Чего же еще?

– Что я, не знаю своей девушки! – попробовал он возразить незнакомке. Она чуть заметно улыбнулась:

– Людям не дано знать друг о друге, как бы близки они ни были. Человек даже себя познает слишком поздно.

– Откуда же вы знаете Марину? – не сдавался Максим.

– Так я... – девушка замялась, словно сказала что-то лишнее, и торопливо поправила прическу.

– Что – вы? – переспросил он, взглянув прямо ей в лицо.

– Сейчас это не имеет значения, – ответила она, к чему-то прислушиваясь.

– Но вы даете такие советы...

– Я не вправе давать советов. Вы вольны поступать как найдете нужным. Но если сказанное мной хоть в какой-то мере поможет вам избежать ошибок в жизни, я буду рада. А теперь прощайте. И возьмите это в память о нашей встрече. – Она вынула из прически диковинный цветок и протянула Максиму.

– Спасибо. Это такой подарок... – на мгновение руки их встретились, и Максим замолк на полуслове, охваченный внезапно нахлынувшим волнением. Он только теперь почему-то осознал, насколько необыкновенна эта их встреча, только теперь понял, как удивительно красива, как непохожа ни на одну из виданных им девушек таинственная незнакомка,

только теперь уразумел, до чего глупо вел себя, пререкаясь с нею, вместо того, чтобы расспросить о всех загадочных событиях последних лет. А она уже поднялась с места, протянула руки ладошками вперед:

– Всего вам доброго. Максим вскочил:

- Пойдите! Я хотел сказать... Я хотел спросить вас...

- Мне пора, Максим, – просто ответила она, – прощайте. – И, кивнув в последний раз, пошла к лесу

- Да нет, как можно! Кто хоть вы, откуда? – он бросился за ней следом и... проснулся.

- Фу, черт! Приснится же такое! – Максим взглянул на г – Чуть вертолет не проспал! И пиджак зачем-то сбросил – он хотел подхватить его с земли, да так и застыл с поднятой рукой. В руке у него лежал... цветок. Тот самый цветок, который подарила незнакомка!

Максим не мог поверить глазам. Что же это?... Выходит, не во сне, а наяву он только что разговаривал с ней, не во сне, а наяву она наговорила ему кучу непонятных вещей и скрылась в лесу. Он в два прыжка пересек прибрежную тишину, обшарил опушку леса. Там не было ни души. Не видно было и следов незнакомки

Он снова вышел к озеру. Здесь тоже ничего не напоминало о странном происшествии. Все та же сонная тишина висела над долиной. И те же неподвижные ели отражались в воде. А цветок – вот он, блестящий, словно покрытый лаком, с тонкими лироподобными лепестками. И запах от него – тот самый горьковатый запах, который преследовал его все эти годы.

Максим поднес цветок к носу, и повторилось чудо – цвет лепестков на глазах у него из зеленого стал желтым, потом оранжевым, наконец красным. Все это было совершенно нереальным, как продолжение сна. И в то же время Максим не мог отделаться от мысли, что где-то видел такой эдельвейс. Но где, где? И вдруг вспомнил: алмазная гемма! Да, именно там, на грани сгоревшего бриллианта видел он точно такой цветок. Но что же получается? Цветок из астиийского времени? Астиийский эдельвейс? И сама девушка – тоже из астиийской эпохи? Астиийская Нефертити? Тут уж действительно можно сойти с ума. Максим забыл и о времени, и об отъезде, и обо всем на свете. Но в это время сверху, от кордона, послышались торопливые шаги. И голос Марины:

– Максим! Максимка-а-а!

Он сунул цветок в карман, пошел ей навстречу. Марина сбежала к озеру:

– Вот он, полюбуйтесь! Давно пора ехать, дома все с ног сбились. А он... Да ты что, болен?

– Н-нет... Почему же?

– Так на тебе лица нет.

– Уснул ненароком, вот и...

– Нашел время! Пойдем скорее. Там все ждут.

Только в вертолете, когда домики Отрадного скрылись в частокле вершин, Максим сунул руку в карман, чтобы еще раз взглянуть на диковинный цветок. Однако в кармане было пусто. Он обшарил все кругом, оглядел пол кабины, заглянул под кресло – цветок исчез. Видно, он выронил его в спешке отъезда. Будь это дома, на земле, Максим обыскал бы каждый уголок, где был в этот день. Но могучий винт машины нес его все дальше и дальше, и от дома и от озера. И низкий гул мотора перечеркивал все, что оставалось за сплошным морем тайги...

В институтском общежитии Максим оказался в одной комнате с третьекурсниками-палеонтологами. Ребята они были интересные, начитанные. По вечерам к ним часто приходили друзья-биологи, и они часами спорили – о путях развития жизни на Земле, о главных направлениях и законах эволюции, о новейших открытиях в молекулярной генетике.

Многого в этих спорах Максим не понимал, о многом вообще слышал впервые. Но ребята охотно посвящали его во все тонкости. И, незаметно для себя, он также увлекся наукой о вымерших животных, тем более, что это была одна из тех наук, заняться которыми советовал еще Крайнов.

Естественно поэтому, что и первым институтским другом Максима стал его сосед по койке, староста палеонтологического кружка Миша Глебов. Он сразу взял «зеленого» первокурсника под защиту своего авторитета, а вскоре затащил и на заседание кружка.

Здесь Максиму понравилось с самого начала. Тон в кружке задавали те самые ребята, которые собирались у них в комнате. Но теперь нить их споров умело направлялась и поддерживалась доцентом Стоговым, совсем еще молодым ученым, но с такой эрудицией и знаниями, что студенты почитали его, как бога. Стогов быстро обратил внимание на нового члена кружка, и уже к концу семестра Максим получил тему для доклада – «Филогения лошади в свете палеонтологических данных».

К докладу Максим готовился тщательно. Простудировал всю рекомендованную Стоговым литературу, перерыл фонды музея и открыл для себя картину поистине удивительную. Оказывается, предком лошади, жившим более шестидесяти миллионов лет назад, был некий эогиппус, животное величиной с кошку с короткими трехпалыми ногами и плоской мордой. На лошадь оно походило не больше, чем Моська на Слона. Но, поместив между этим эогиппусом и соаремленной лошадью все известные палеонтологам промежуточные формы, Максим получил как бы сплошную лесенку, каждая ступень которой отличалась от соседней лишь самыми незначительными деталями.

Тогда и возникла мысль построить такую же лесенку для человека. В памяти, правда, были еще свежи беседы с Крайневым. Но, может быть, тот просто не знал всех постижений палеонтологии? Уж если для лошади получены столь поразительные данные, то какой материал, должно быть, накоплен по филогении человека. С неделю Максим не вылезал из библиотеки, прочел все, что смог найти по вопросу о наших предках. Потом поделился своими мыслями с Михаилом. Но тот сразу умерил его пыл:

– С человеком хуже. Слишком мало ископаемых остатков. И вообще, строго говоря, это уже сфера деятельности не палеонтологов. А ты вот что... Есть тут один парень с отделения бионики, Антон Платов. Так он уж сколько лет этим вопросом занимается. Только... Как бы это тебе сказать?

– А что?

– Да больно он того... Нигилист какой-то. Ни авторитетов для него не существует, ни общепринятых представлений. Все надо самому проверить, пощупать. Все известные теории готов вверх ногами перевернуть. А уж спорить с ним... Лучше не связывайся. Но в общем – голова!

– Он что же, филогению человека построил?

– Не то чтобы построил. Не так это просто – нашу родословную раскопать. Но во всем, что касается антропогенеза, у нас тут, пожалуй, никто с ним не потягается. Сам Стогов его в аспирантуру звал. Только теперь они, как кошка с собакой. Из-за астия.

– Из-за астия?!

– Ну да. Он, понимаешь, выступил у нас в кружке. И заявил, что по имеющимся у него представлениям – как это тебе нравится: «по имеющимся у него представлениям»? – человек жил еще в астийское время. И не где-нибудь, а у нас, и Сибири.

– Так это здорово, Мишка, просто здорово! – обрадованно закричал Максим.

– Стой ты – здорово! Здоровее некуда. Стогов его, понятно, к стенке: какие, дескать, у тебя доказательства? А он свое: а какие, говорит, доказательства, что в астийское время людей не было? Ну, дальше – больше. Такая перепалка началась, только держись!

– Слушай, Михаил, познакомь меня с ним.

– Хоть сейчас. Это над нами, на пятом этаже. Пойдем!

Друзья вышли на лестницу.

– - Миша, а ты не знаешь, что за растительность была в астийское время? – спросил Максим. – Не росли тогда цветы, меняющие окраску?

– Как – меняющие окраску?

– Ну, скажем, с зеленой на красную, синюю и обратно.

– Что за фантазия пришла тебе в голову? Таких цветов не было нигде и никогда.

– Были, я знаю! – возразил Максим с жаром.

– Ты что, видел их?

– Видел, Мишка, видел! Также точно, как вот... – он вдруг остановился и замолчал на полуслове. Сверху, навстречу им спускалась по лестнице... она, та самая таинственная незнакомка, с которой он встретился на озере, из рук которой получил диковинный цветок.

Это было настолько невероятно, что Максим дважды протер глаза, чтобы удостовериться в своей ошибке. Но девушка подходила все ближе, ближе... И у него не осталось никаких сомнений: перед ним снова была астийская Нефертити – те же огромные искристо-зеленые глаза, тот же стремительный разлет бровей, строгая линия носа, те же волосы цвета меди, правда, собранные теперь в две толстые косы. Максим почувствовал, как все у него похолодело от волнения. Что это, снова галлюцинация? Он быстро взглянул на Михаила. Но тот как ни в чем не бывало отступил на полшага, давая дорогу девушке, и даже поздоровался с ней, поспешно одернув свой щегольской пиджак. Она тоже кивнула ему, просто, как давнему знакомому, не обратив ни малейшего внимания на Максима. А он прижался к перилам да так и застыл без движения.

– Ты чего это, как рыба в садке? – удивился Михаил, когда девушка скрылась из вида.

– Так это же... Ты знаешь, кто это?

– Еще бы не знать! Ларочка Эри, профессорская дочка.

– Как – профессорская дочка?

– Очень просто. Дочь Эдуарда Павловича, того самого, что вам математику читает.

– Не может быть!

– Почему не может быть? Она уже второй год у нас на радиотехническом. Первая красавица, можно сказать, в институте. Только... Слишком много туману вокруг нее.

– Как туману? – насторожился Максим.

– Ну, ты же знаешь этого Эри: настоящий доктор Фауст. Да и сама она – словно «женщина в белом». А уж задается, скажу тебе! Только меня этим не возмешь. Каждая красивая женщина, как говорят французы...

– Не надо, Михаил!

– Что не надо?

– Не надо пижонить. Я видел, как ты с ней поздоровался.

– А, черт глазастый! Ничего от тебя не скроется. Ну так знай, она у меня вот где сидит! – он ткнул себя кулаком в грудь. – И злюсь я на нее и клянусь на чем свет стоит, а если, скажем, случилось бы с ней что-нибудь, ну, обидел бы ее кто или еще что такое, так я жизни бы не пожалел... В общем, понимаешь. И хватит об этом! Пошли к Платову.

Дипломант-бионик Антон Платов был прямой противоположностью веселому, словоохотливому, никогда не унывающему Михаилу. Друзья нашли его в самом дальнем углу дипломной комнаты, за шкафами, где он сидел один над грудой чертежей и в ответ на шумное приветствие Глебова :ал тихо, не поднимая головы:

– Привет. Что скажешь?

Максим с интересом рассматривал непримиримого «нигилиста». Антон был высок, широкоплеч, с большими сильными руками и очень крупными неправильными чертами лица. И тем не менее было в нем что-то удивительно располагающее. Глаза – догадался Максим. Глаза у Антона были голубыми, почти синими и светились какой-то особенной застенчивой добротой.

Глебов подтолкнул Максима к столу:

– Да вот, познакомься, – еще один любитель родословной человечества. И тоже бредит астием.

– Астием? – Антон быстро взглянул на Максима. – Чем вас привлек астий?

– Астий – это так, к слову. А о предках человека мне, действительно, хотелось бы потолковать.

– А что вы уже читали, что знаете о происхождении человека?

– Знаю мало. Не больше, во всяком случае, чем любой «средний» первокурсник. Ну, а читал... Читал все, что попадалось под руку, все, что мог найти, – Максим перечислил несколько книг и статей по антропологии, коротко передал их содержание.

Антон усмехнулся:

– Это, конечно, примитив. Но... – он подождал, пока вышел из комнаты Глебов, и сказал:

– Вообще-то я дал слово не говорить на эту тему с зубрилами-начетчиками, которым всегда все ясно и у которых все по полочкам разложено, – он кивнул на дверь, только что закрывшуюся за Глебовым. Но ты, кажется, из другого теста сделан, так что давай познакомимся поближе. Только все, что ты сейчас говорил, выбрось из головы.

– Почему?

– Потому что, на мой взгляд, все это было иначе. Кстати, ты знаешь, что писали о наших предках индусы? В древних санскритско-тибетских рукописях можно прочесть, что четыре с половиной махаюги назад...

– Это сколько же, лет с тысячу?

– Нет, побольше! Порядка нескольких миллионов лет. Так вот, четыре с половиной махаюги назад с гор, расположенных на севере Джамбудвипы спустились на равнины двуногие существа. Вначале они бродили по лесам и саваннам без всякого постоянного пристанища. А в течение последней махаюги перешли к оседлому образу жизни, расправились со страшными чудовищами-дэвами и стали настоящими людьми. Жили и добывали пищу они теперь сообща, всем племенем. Словом, наступил золотой век, зек крета или дэваюга. И все было бы хорошо. Но постепенно люди размножились настолько, что в лесах Джамбудвипы не стало хватать пищи. Началась вражда, открытые столкновения. И люди разошлись, кто на восток, кто на юг, кто на северо-запад.

– Что-то такое я читал, – сказал Максим. – Но ведь почти у каждого народа можно найти легенду вроде этой.

– Легенд много, – согласился Антон. – Однако сейчас считают почти доказанным, что именно Джамбудвипа – этот южный материк, объединяющий современный Индостан и юго-восточную Азию – был прародиной человека, именно здесь были найдены остатки самого древнего человека – питекантропа и самых высокоразвитых человекообразных обезьян, наиболее близких человеку.

– Тех, что называют рамапитеками? – напомнил Максим.

– Вот-вот. Они встречаются здесь в отложениях всех эпох, начиная с середины миоцена и вплоть до астия.

– Это что же, на протяжении почти десятка миллионов лет? – прикинул Максим.

– Нет, побольше. И все это время, понимаешь, как можно судить по костным остаткам, рамапитеки постепенно совершенствовались, все больше и больше приближаясь к облику современного человека. Ведь эта Джамбудвипа, надо тебе сказать, была интереснейшим уголком Земли.

Здесь буквально, как говорится, на пяточке чередовались самые разнообразные ландшафты – горы, долины, плоскогорья, низменности. То же самое с климатом: где

палящая жара, где вечные льды, где тропические ливни, где полное безводие. Летом одно, зимой другое. Словом – сущий ад! А самое главное – постоянная нехватка пищи. Жрать приходилось и листья, и корни, и червей и насекомых – все, что удавалось найти. Природа все время как бы подхлестывала рамапитеков, не давая им специализироваться и хоть ненадолго остановиться в своем развитии.

– Пока они не превратились в человека?

– Постой! Этого я не сказал. До человека было еще далеко! Ты слышал, наверное, что в конце астийской эпохи произошло большое похолодание планетарного масштаба. Обрушилось оно и на Джамбудвипу. Условия жизни здесь стали совсем уж невыносимыми. Рамапитеки начали массами мигрировать из Джамбудви́пы через современный Афганистан, Иран, Северный Ирак, Палестину и далее в долину Нила.

– Почему ты думаешь, что миграция шла этим самым путем?

– Не думаю, а знаю. Последние находки рамапитековых в этих странах позволяют точно наметить маршрут их переселения. Но вот, достигнув экваториальной Африки с ее влажными тропическими лесами, обильной пищей и сравнительно безопасными условиями существования, рамапитеки, грубо говоря, «зажирели», то есть специализировались и тем закрыли себе все пути к дальнейшему прогрессу. Так и возник здесь знаменитый Гомо Габалис – «Человек Способный», остатки которого обнаружил Луис Лики в ущелье Олдовай, и который, как оказалось, далеко еще не был человеком, хотя и использовал камни для охоты на животных.

– Но он уже и не мог стать человеком?

– Конечно! Специализация Гомо Габалис зашла настолько далеко, что уделом его оставалось лишь одно – полное и окончательное вымирание.

– А как же люди?

– Люди? Кто их знает, откуда они взялись, настоящие люди – Гомо Сапиенс? Сначала все было вроде понятно. Рамапитеки совершенствовались. Чем дальше, тем больше. Условия способствовали этому. Прошло еще полтора-два миллиона лет, и эти очаровательные обезьянки через какие-то переходные формы превратились в питекантропов. Как будто и осталось всего – найти эти переходные формы и считать вопрос решенным. А что получилось?

Нет этих переходных форм?

- В том-то и дело! Как исчезли остатки рамапитеков в слоях астия, так и нет их больше ни в одном вышележащем слое. Ни их, ни их потомков. Понимаешь, провал в полтора миллиона лет! До самых верхов свиты Джетис. А здесь уже остатки питекантропов.

– Об этом провале я знаю.

– Еще бы не знать! Но как объяснить его, как? Где переходные формы от рамапитека к человеку? Если вообще он произошел от рамапитека.

– Как если? От кого же еще?

- Вот в этом весь вопрос. Ведь что получается – если остатки рамапитеков встречаются на территории Джамбуд-випы лишь до конца астия, а дальше уверенно прослеживаются по всему Ближнему Востоку вплоть до Африки, то ясно, все они мигрировали туда из Джамбудви́пы, так и оставшись обезьянами, и на них как на предках человека надо поставить крест.

– Допустим. А дальше?

– Дальше тоже ясно – поскольку остатки питекантропов найдены все-таки в пределах Джамбудви́пы, значит на смену рамапитекам откуда-то с севера пришли другие существа, не менее совершенные, чем рамапитеки, и они-то и были предками перволюдей.

– Постой, а почему они должны были прийти обязательно с севера?

– Больше неоткуда, кругом море. Перволюди могли спуститься только с гор Джамбудви́пы. Помнишь, я говорил тебе о древних рукописях?

– Так это всего-навсего легенда.

– Может, и не просто легенда. В каждой легенде, если покопаться, есть рациональное зерно.

– Но откуда взялись перволюдям в горах?

– Не обязательно в горах. Горы они могли перевалить.

– Перевалить? Тогда откуда они шли, не из Сибири же?

– А почему бы нет? Почему не допустить, что прародиной человечества была Сибирь? Логика здесь не меньше, чем во всех общепринятых гипотезах.

– А доказательства?

– Доказательств пока нет. Но нет и в других гипотезах. Питекантропы будто с неба свалились.

– Откуда же взялись перволюдям в Сибири? Там никогда не находили окаменелых остатков обезьян.

– А кто их искал здесь, эти остатки? И почему люди должны были произойти обязательно от обезьян? К тому же, это абстракция – обезьяна! Можно говорить о конкретном виде. Только! Вот рамапитек – я понимаю. Но ведь никаких переходных форм между ним и человеком нет. И этот пропуск исчисляется не в веках, не в тысячелетиях, а составляет срок больший, чем вся история человека от питекантропа до нас с тобой. За этот срок могло произойти что угодно. Кроме одного!

– Чего же?

– Кроме превращения любого вида обезьяны в человека.

– Почему?!

– Да потому, что эволюция не курьерский поезд. И если переход от предков обезьян до рамапитеков понадобилось свыше тридцати миллионов лет, то трудно поверить, что переход от рамапитеков к человеку совершился за одно единственное миллионлетие. Я убежден, что люди пришли в Джамбудвипу. Пришли уже людьми. Пришли с севера. И докажу это, чего бы мне ни стоило. У меня хватит на это и терпения и злости. Максим невольно улыбнулся.

– Не веришь? – Платов смерил его настороженным взглядом.

– Нет, почему же. Но я, понимаешь, действительно думал обо всем этом. Вот ты говоришь: нет переходных форм от рамапитека к человеку. Все так пишут. Я в последнее время специально интересовался этим. Но так ли обязательно они должны быть, эти переходные формы? Эволюция-то происходит скачками.

– Кто станет с тобой спорить, – снисходительно улыбнулся Антон. – Так ведь скачок скачку рознь. Тут уж не скачок, а целый бросок получается. Но пусть даже так. А полное отсутствие остатков за полтора миллиона лет? Что с этим прикажешь делать?

– Думал я и об этом, – спокойно продолжал Максим. – Здесь может быть по крайней мере два объяснения. Либо этих остатков просто еще не нашли, – мало ли в бывшей Джамбудвипе неприступных мест. Либо рамапитеки, действительно, покинули эту область и вернулись сюда уже людьми...

– Хорошенькое дело – вернулись людьми! А что заставило их вернуться из Африки? Где те пути, которыми они возвращались? В пользу миграции рамапитеков говорят конкретные факты. А в пользу возвращения?

– Фактов привести я пока не могу. Но из того, что ты сказал, еще не следует, что все без исключения рамапитеки переселились в Африку. Часть их могла забрести в другие где условия оказались не лучше джамбудвипских. Это дало им возможность совершенствоваться до человека. Это же, вероятно, явилось и причиной возвращения в потеплевшую Джамбудвипу.

– А время? Время! Или ты думаешь, тех семисот тысяч лет было действительно достаточно, чтобы обезьяна стала человеком?

– Об этом я еще не думал. Хотя... Почему, собственно, семьсот тысяч? Кто знает, от чего отсчитывать этот срок?

– Как кто знает? Первые остатки питекантропов...

– Так то питекантропов, то есть уже людей. А кто знает, когда они стали таковыми? Раз нет переходных форм, нет вообще остатков послеастийских гоминид, то как можно...

– Ясно! – Антон сильно хлопнул себя ладонью по лбу. – Черт знает, как не пришло мне в голову такое простое соображение. Слушай, ты с какого курса?

– С первого...

– С первого?! Н-да... – Платов окинул Максима откровенно оценивающим взглядом. – Нет, ты не думай, что в чем-то переубедил меня. Но... В общем, нравишься ты мне, черт вихрастый! Заходи завтра вечером, потолкуем. А сейчас, видишь... – он кивнул на разложенные чертежи и протянул большую сильную руку.

10

Долго не мог Максим решиться на этот разговор, хотел и боялся его. Знакомство с Антоном, беседы с ним словно воскресили старые загадки вормалеевских обрывов. Таинственные находки в них приобрели новый захватывающий смысл. Идея о сибирском человеке астийского времени поглотила все мысли Максима. Планы новых экспедиций, новых раскопок не выходили теперь у него из головы. И в то же время настораживало одно обстоятельство – почему никто из преподавателей не поддерживает Антона, почему некоторые из них считают его просто чудачком, а в трудах по антропологии нет ничего, даже отдаленно напоминающего гипотезу Платова?

Ответ на этот вопрос мог дать только Стогов. Только заведующий кафедрой палеонтологии мог подкрепить догадки Максима. А мог и разрушить их до основания.

Так оно и получилось.

– Что я скажу относительно гипотезы Платова? – начал Стогов, поблескивая очками. – Прежде всего то, что такой гипотезы просто не существует.

– Как не существует? – удивился Максим. – Разве он не докладывал на кружке?

– Докладывал. И очень неплохо, с большим знанием дула. Но как вы понимаете – что такое гипотеза?

– Ну, то, что еще не доказано, что только еще предполагают.

– Предполагать можно что угодно, вплоть до того, что Лсмя лежит на трех китах. Гипотеза же – это строгая научная концепция, основанная на абсолютно достоверных фактах и вытекающая из безукоризненных логических умозаключений. А какие факты лежат в основе рассуждений Платова?

– Хотя бы то, что полуторамиллионный отрезок геологической истории...

– Не содержит никаких остатков наших предков, это вы хотите сказать? – улыбнулся Стогов.

– Да... – почему-то смутился Максим.

– Но ведь это не факты, а отсутствие фактов. А вам должно быть известно, что любая концепция, базирующаяся на отсутствии фактов, порочна в самой своей основе. Представьте себе, что в прошлом веке, еще до открытия явления радиоактивности, вы задались бы целью установить, какая генетическая связь существует между свинцом и гелием, ну, скажем, в радиоактивном флюорите. Представили?

– Да, – неуверенно сказал Максим.

– И что же? Самые добросовестные исследования привели бы вас к убеждению, что никакой связи здесь просто нет. Почему? Потому, что вы не нашли бы фактов, которые позволили бы перекинуть мостик между этими в высшей степени различными химическими элементами. А дальше? Дальше это дало бы вам «право» построить самую умопомрачительную «гипотезу» происхождения пузырьков гелия, тем более, что сам этот газ был тогда еще окутан ореолом таинственности.

– Это понятно, Семен Александрович. Но когда речь идет о таких хорошо известных вещах, как ископаемые остатки...

– Ископаемые остатки? Смотря что вы имеете в виду. Если ископаемые остатки наших предков, то скажу прямо, меня больше удивляет не то, что их мало, а то, что их вообще

находят. Вы же знаете, какая масса факторов должна иметь место, чтобы кость млекопитающего превратилась в окаменелость. А теперь представьте этих человекообразных обезьян, которых было, по-видимому, не так уж много и которые обитали в условиях достаточно увлажненной покрытой растительностью суши. Здесь каждая кость гнивала прежде, чем ее перекроет хотя бы ничтожнейший покров осадка. Только исключительные условия могли сохранить до наших дней кое-какие фрагменты скелета человекообразных. Элементарное знакомство с теорией вероятности показывает, что это именно так.

Максим пристыженно молчал

— Но самое главное, — продолжал Стогов, — у нас просто нет нужды ставить этот вопрос в такую рабскую зависимость от палеонтологических данных. То, что нашим предком был рамапитек или какая-то близкая к нему человекообразная обезьяна, доказывается огромной массой абсолютно достоверных фактов. Это и данные эмбриологии — на ранних стадиях развития почти невозможно отличить зародыш обезьяны от зародыша человека. И данные сравнительной анатомии — строение сердца, легких, печени обезьяны почти идентичны строению этих органов у человека. И данные физиологии — красные кровяные тельца человекообразных обезьян не разрушаются в человеческой крови. Я уже не говорю о строении зубов, скелета, нервной системы. Да куда дальше — даже паразиты у нас общие: знаете ли вы, что обычная головная вошь кроме человека паразитирует только на человекообразных обезьянах?

Стогов с улыбкой взглянул на окончательно сникшего Максима:

— Я согласен, что в вопросах антропологии еще много неясного, спорного, недоработанного. Но это детали, отдельные детали, которые ждут своих исследователей. И если бы Платов, а у него есть для этого все данные, посвятил себя уточнению таких деталей, я первый пожал бы ему руку. Но ставить под сомнение сам факт происхождения человека от обезьяны — это уж слишком! Даже для такого талантливого сумасброда, как Платов.

Максим облизал пересохшие губы:

— Семен Александрович, а если бы случилось невероятное — вы нашли в слоях астия или еще более древних сложнее изделия человеческих рук?

— Что же, в принципе это возможно. Мало ли загадок таит в себе природа. И эту загадку пришлось бы решать. Не исключено, что она привела бы к очень интересному открытию. Но поймите, никакие, даже самые невероятные, находки и открытия не перечеркнут основных законов эволюции. Они доказаны окончательно. И одинаковы для всего живого, включая нас с вами.

— И все-таки, Семен Александрович, — сделал последнюю отчаянную попытку Максим, — ведь есть достоверные факты, что рамапитеки мигрировали из Джамбудвиры в Африку. Я сам читал.

— Да, такие факты есть. Но, во-первых, рамапитек это уже деталь. Возможно, нашими предками были и иные человекообразные. В этом вопросе я не намерен оспаривать ни Платова, ни вас. А во-вторых, можно ли допустить, что к концу астийской эпохи в пределах Джамбудвиры не осталось ни одного рамапитека? Ни в коем случае! Сейчас установлено, что конец астия ознаменовался перекрытием всех путей миграции из Джамбудвиры. Поэтому часть рамапитеков несомненно осталась где-то в окрестностях нынешних Кашмира, Джамму, Шимла-Хиллс и Пенджаба. Между тем, условия жизни здесь стали в высшей степени суровыми. Горы покрылись снегом. Вечнозеленые и широколиственные леса сменились хвойными. Растительной пищи стало мало. Пришлось охотиться за насекомыми, за мелкой дичью. Но и охота на дичь в открытой, почти безлесной местности стала делом чрезвычайно трудным. Дичь нужно было выслеживать, подкрадываться к ней, убивать на расстоянии. Понадобился широкий кругозор, быстрота, ловкость, смекалка. Теперь уже было недостаточно лишь время от времени браться за камень, приходилось постоянно носить его с собой. И сами переходы человекообразных,

переходы на двух ногах — иначе не увидишь ни дичи, ни врага! — стали длительными. Ясно, что все это было на грани возможности рамапитеков. Они гибли, гибли массами. Но с тем большей силой мобилизовались их потенциальные возможности. Тем с большей скоростью и эффектом закреплялись все вновь возникшие у них полезные изменения.

— Так, по-вашему, и сформировался человек?

— Ни в коем случае. Все это могло сформировать лишь предка человека. Что же касается самого человека, то переход к нему даже такой совершенной обезьяны, к сожалению, до сих пор остается предметом рассуждений и догадок. Это как раз та деталь, самая, пожалуй, существенная деталь, которую предстоит еще выяснять и выяснять. Наиболее важную роль сыграло здесь, по-видимому, то обстоятельство, что рамапитеку все чаще приходилось браться за камень, даже дробить его, обкалывать. А это были зачатки труда. Понимаете, труда! Но у труда есть одна очень интересная особенность. Вам, наверное, приходилось что-либо мастерить, и вы по опыту знаете, что никогда мысли, направленные на изготовление какой-нибудь вещи, не набегают так интенсивно, как в процессе самой работы. Вы словно перестаете направлять их поток, они возникают независимо от вас, иногда совершенно не связанные друг с другом, обусловленные только ходом работы. Так ведь?

— Пожалуй, так.

— Но это свидетельствует о том, что в ходе трудовой деятельности мозг как-то перестраивается, в нем возникают новые связи, создаются новые комбинации взаимодействия нейронов или, как мы говорим, новые функциональные конstellации нейронов. А это уже элемент рассудка. Именно такие функциональные конstellации, все более усложняющиеся и совершенствующиеся, фиксирующиеся топографически и закрепляющиеся естественным отбором, и заложили основу рассудочной деятельности обезьян, вылившуюся в конце концов в абстрактное мышление, присущее человеку. Я думаю, ясно?

— Да, все это вы здорово растолковали. И все-таки...

И все-таки, можно ли было так сразу перечеркнуть все то, что, казалось, почти подводило к разгадке тайны, с которой Максим связал все планы своей жизни. Вконец обескураженный разговором со Стоговым, он не пошел даже на очередную лекцию, а забрался в самый дальний конец институтского городка, к старым корпусам физтеха, чтобы еще раз обдумать все наедине с собой.

Обычно здесь было безлюдно и тихо. Учебные занятия физиков еще в прошлом году перевели во вновь построенное здание, в старых корпусах остались лишь кое-какие лаборатории, поэтому студенты редко заглядывали сюда. Не было здесь и случайных прохожих. Сплошная стена кедров отделяла этот уголок от городских кварталов, а смежная сторона его замыкалась еловой рощей.

Занятый своими мыслями, Максим прошел вдоль кедровой аллеи, постоял у голых, засыпанных снегом лиственниц и хотел уже свернуть на тропинку, огибающую ельник, как вдруг сзади, совсем рядом громко хлопнула дверь, и, невольно обернувшись, он снова увидел... астийскую Нефертити. Мгновенный озноб пронизал Максима. Все мысли тотчас вылетели из головы. Он в два прыжка, не разбирая дороги, выскочил на брусчатку перед лабораторией. А дальше? Как быть дальше?

Незнакомка, поправив шарфик на голове, продолжала спускаться по каменным ступеням подъезда и была теперь в каких-нибудь десятке шагов от него. Подойти к ней, не дать ей снова исчезнуть, было делом одной секунды. Но — стоп! А если это не она? Глебов, помнится, назвал ее Ларой и сказал, что она уже два года учится у них в институте. Значит, ее просто не могло быть там, на озере, значит, это совсем другой человек.

Максим в нерешительности остановился. Девушка сошла на тротуар и огляделась, словно кого-то поджидая. Он сделал вид, что застегивает портфель. Как все-таки узнать, она или не она?

Но тут девушка взглянула на него, и разом исчезли все сомнения: знакомые сполохи метнулись у нее из глаз. Она! Лишь у нее одной были такие необыкновенные глаза. Лишь она одна могла так вот обжечь одним взглядом. Что из того, что она давно учится здесь. Летом-то ей ничего не мешает поехать куда угодно. Только как подойти к ней, что сказать? В нем снова, как в тот день, на озере, все будто занемело от смущения. Наконец Максим решился: скажу «простите, мне надо с вами поговорить», там видно будет. Однако не успел он сделать и шага, как стайка девушек вырвалась у него из-за спины и устремилась к незнакомке:

— Лара, стой!

Все-таки Лара! А почему бы нет? Значит, так и зовут ее, вормалеевскую Нефертити. В тот день он так и не узнал ее имени. Все было слишком неожиданно и неправдоподобно. Но теперь он поговорит с ней обо всем. Только бы ушли эти, невесть откуда взявшиеся девицы. А они уже окружили Лару со всех сторон, затрещали как сороки:

— Лара, мы тоже идем. А вон и автобус! — девушки всей гурьбой помчались к остановке автобуса. Там действительно показалась машина. Через минуту Максим снова был наедине с елями и кедрами.

— Болван! — выругал он себя. — Когда еще представится такой случай. Но почему она не узнает меня? Или это все-таки совсем другой человек...

11

— Ты говоришь, нашел алмаз в астийских слоях? — сказал Антон, буравя Максима взглядом.

— Да, — ответил тот, невольно опуская глаза.

— А где гарантия, что это астий, а не что другое?

— Сам Петр Андреевич определял, Крайнев.

— Мог и Крайнев ошибиться.

— Думаю, что нет. К тому же образцы посылались в Москву, в лабораторию абсолютного возраста.

— Та-а-ак... Но почему бриллиант сгорел? Это же совершенно невероятно, чтобы самовоспламенился алмаз.

— То же самое говорил и Петр Андреевич.

— А кто-нибудь, кроме вас с Крайневым, видел эту гемму?

— Нет, никто. Даже не знает о ней никто. Петр Андреевич не советовал рассказывать об алмазе.

— Но с ним самим-то можно созвониться или списаться на худой конец?

Максим ответил не сразу:

— Петр Андреевич умер этой осенью...

— Н-да... — Антон забарабанил пальцами по столу. Потом встал и начал ходить по комнате. Молчание затягивалось. Максим почувствовал, как во рту у него становится странно сухо:

— Не веришь?

— Видишь ли, Максим, я сам уже второй год отстаиваю идею, что в астийское время у нас в Сибири жили люди. Но такая высокая степень цивилизации...

— Значит, не веришь?

— Но у тебя остались хоть какие-нибудь доказательства?

— Так я тебе все сказал. Все, как было! А ты... Ладно! Не веришь — не надо! — Максим встал и направился к двери.

— Да постой ты, горячая голова! Я рад бы поверить, но посуди сам...

— Не о чем больше с тобой судить! — Максим нахлобучил шапку и пошел из комнаты.

— А я говорю, стой! — Антон схватил его за плечо и, оттолкнув от двери, силой усадил на стул. — Садись! И запомни, это легче всего — изобразить оскорбленную добродетель и хлопнуть дверью. Только у нас так дело не пойдет. Наука не сентиментальный роман. Я

тебе верю. Но должен поверить и твоим фактам. Это не одно и то же. Никто не гарантирован от ошибок, вы с Крайневым в том числе. И нечего лезть в бутылку! Но и отмахнуться от этих фактов... — он подошел к столу, взял какую-то книгу, с минуту полистал ее, снова бросил на стол. — Нет, надо быть круглым идиотом, чтобы пренебречь такими фактами! Мне просто необходимо докопаться здесь до истины. Понимаешь, необходимо! — он опять положил руку Максиму на плечо. — И помочь в этом сможешь только ты. Больше никому.

— Я хотел бы, но как?

— Это другой разговор. Как? Подумаем вместе. — Антон отошел к окну, потом круто повернулся к Максиму. — А вот как. Там, на Студеной, во время своих раскопок ты не вел каких-нибудь записей, зарисовок?

— Как же! — обрадовался Максим — Я подробно описывал все в дневнике.

— Это уже кое-что! — прищелкнул языком Антон. — Дальше Результаты работ отрядненских геологов. Они должны быть сведены в научно-производственные отчеты?

— Наверное. Я слышал, они собирались что-то писать

— Отлично! Попробуем запросить эти отчеты через научную часть. И еще. У этого Крайнева остался кто-нибудь — жена, дети?

— Нет, он был совсем один

— Жаль. Но ничего, воспользуемся тем, что есть Ты принеси мне свои записки

— Ладно, — Максим встал. Антон легонько стукнул его меж лопаток:

— Ну, теперь топай.

Максим взял шапку, помял ее в руках:

— Антон, я хотел еще спросить... Ты не знаешь случайно Ларису Эри с физтеха?

— Знаю.

— Знаешь?! Давно?

— Года три или около того. А что? Максим замялся:

— Как тебе сказать... Ты никогда не замечал в ней что-нибудь такого... необычного?

— Необычного? Я знаю Лару как очень умного, очень делового, очень интересного человека. Впрочем, это, пожалуй, действительно не так уж обычно. При ее внешности...

— Нет, я не о том.

— Что же еще? Или успел наслушаться небылиц, какие распускают ее «поклонники» вроде твоего дружка? Выбрось это из головы, Максим!

— Дружки тут не при чем. А... как ты думаешь, не могла она быть прошлым летом в наших краях?

— У вас в Вормалее? Думаю, что нет. Хотя... Летом они с отцом обычно путешествуют, так что...

— Но кто они? Кто ее отец, мать?

— Матери у Лары нет. А отец... Вот тут, действительно, не все ясно. Недаром его прозвали «доктор Фауст». Загадочная личность! В первые годы, что я здесь учился, он жил совсем один, ни с кем, говорят, не znalся, нигде не бывал. Потом вдруг появилась Лара... Чего только не болтали тогда по этому поводу! Страшнейший вздор, конечно. Кое-кто и сейчас еще не прочь позлословить на их счет, особенно после не совсем обычной болезни Лары. Но я всему этому не верю. Просто не верю! И тебе советую — не слушай, что говорят злые языки...

«Не слушай». «Выбрось из головы». Легко было Антону советовать все это. А каково Максиму? Он совершенно запутался в своих догадках и предположениях. В самом деле, если даже допустить, что там, в тайге, на озере, все было только сном, то и тогда оставалось непонятным, почему именно она, Лара, приснилась задолго до того, как встретиться ему в институте. А ведь то был не просто сон. Девушку, которая говорила с ним на озере, он мечтал найти много лет, а цветок, подаренный ею, наяву держал в руках, нюхал его, трогал пальцами. Но если там была сама Лара, то почему она не узнает его или делает вид, что не узнает? После всего сказанного ею такое не укладывалось в сознании.

Значит, случайное сходство? Эта мысль не раз приходила ему в голову. Действительно, почему не могло быть двух совершенно разных, только внешне похожих людей? Это было бы самым простым, самым разумным заключением. Но это ни в коей мере не раскрывало тайны Нефертити, не объясняло тех загадочных ситуаций, какие сопровождали каждое ее появление. А главное, все существо Максима восставало против такого заключения: слишком привык он считать свою вормалеевскую незнакомку не такой, как все, исключительной во всех отношениях и не мог допустить мысли, что эта исключительность могла принадлежать еще хотя бы одному человеку.

К тому же какой-то ореол таинственности окружал и Лару. Это чувствовалось в отношении всех к ней. Разговор с Антоном не только не поколебал, а даже укрепил уверенность Максима в этом. Отец — отцом. Но ведь и сама Лара выделялась среди всех девушек. Выделялась и внешностью, и манерами, и чем-то таким, что нельзя выразить никакими словами, но что и делало ее больше всего похожей на Нефертити.

Словом, загадка на загадке! И не отмахнуться от них, не выбросить из головы. К удивлению Максима, Лара все больше и больше захватывала его мысли. Он думал теперь о ней и днем, и ночью. Желание видеть ее было настолько сильным, что иногда он бросал все дела и часами прохаживался по заснеженному ельнику перед физтехом в надежде хоть издали взглянуть на нее из-за деревьев.

Хуже всего, что всем этим абсолютно не с кем было поделиться.

Не рассказывать же Антону о загадочной встрече на Вормалеевском озере. Сам же Платов почему-то явно не хотел говорить о Ларе. Единственным, кто мог еще внести какую-то ясность, был Михаил. Он наверняка знал о всех «небылицах», связанных с Ларой. Но с ним в эти часы можно было увидеться только в спортклубе. И Максим, не раздумывая, отправился туда.

В спортклубе былолюдно. Максим обошел баскетбольную площадку, где большая толпа болельщиков криками подбадривала институтскую команду, и направился в дальний конец зала, к гимнастам, как вдруг:

— Девочки, подождите, я еще раз! — Она! Ее голос! Возможно ли? Но это было так. В каком-нибудь десятке шагов от него распласталась на кольцах... Нефертити. Или Лара. Впрочем, он уже окончательно запутался во всем этом.

Однако снова увидеть ее! И так близко! Максим, как замороженный, двинулся к небольшой группе ребят, окруживших гимнастку. Лара, не замечая его, продолжала работать на кольцах. Но вдруг глаза их встретились. Лара почему-то нахмурилась, поспешно опустила ноги, хотела соскочить с колец. Но в последний момент вдруг сорвалась и неловко упала на пол.

— Ой! — коротко вскрикнула она, схватившись за ногу. К ней сейчас же бросились все, кто был поблизости,

засуетились, заспорили:

— Перелом?

— Нет, вывих.

— А я говорю — перелом! Врача! Врача скорее!

— Да нет его, ушел.

— Тогда скорую! Звоните в скорую!

Однако все продолжали стоять на месте, ахая и охая, перебивая друг друга, оглядываясь по сторонам, словно ожидая, что кто-то куда-то побежит, кто-то куда-то позвонит.

Максим подошел ближе, протиснулся сквозь толпу. Лара сидела на полу, бледная, растерянная, с глазами, полными боли.

«Нет, не Нефертити! — пронеслось где-то поверх сознания. — Но что они тут толкуются? Человеку помочь надо». — Он взглянул на ногу Лары. Она чуть припухла, покраснела. Ясно, вывих! Сколько раз он вправлял такие вывихи ребятам на кордоне.

— Ну-ка, пустите! — подошел он к Ларе.

Все с удивлением расступились. Максим, ни слова не говоря, опустился на колени, ощупал щиколотку Лары. Она непроизвольно отодвинулась, в глазах ее мелькнул страх. Но Максим решительно ухватился за ступню:

— Минуту потерпите, я сейчас, — он чуть повернул ступню и сильно дернул.

— Ой, что вы делаете?! — закричала Лара, отдергивая ногу. Глаза ее расширились от боли. Лицо покрылось испариной.

Максим поднялся с полу:

— Все уж, можете вставать.

— Как... все?

— Так, больше ничего не надо.

Ребята неодобрительно загудели. Но Лара встала, сделала несколько шагов:

— В самом деле не больно... — она обернулась, отыскала глазами Максима. — Спасибо вам и... проводите меня, пожалуйста, к раздевалке.

У него даже в горле пересохло от неожиданности:

— Что... вы... сказали?...

— Я прошу помочь мне дойти до раздевалки, если вы не очень спешите...

— Нет, я не спешу, пожалуйста... — сказал Максим, несмело беря ее за локоть.

Она рассмеялась:

— С моей ногой вы были куда решительнее, простите, не знаю вашего имени...

Максим назвал себя и замолчал. Глаза Лары все еще смеялись: зеленые сполохи рвались из-под длинных ресниц, не давая ему собраться с мыслями и думать о чем-нибудь другом, кроме того, что он уже видел это лицо, этот разлет бровей, эти сполохи в глазах, видел так же близко, так же отчетливо, с тем же непонятным волнением.

— Вы, верно, первокурсник? — нарушила Лара затянувшееся молчание. — Бионик или?...

— Я геолог.

Она окинула его быстрым взглядом:

— Похоже... Нет, я не о внешности! Присядем на минутку, — она опустилась на скамью возле шведской стенки, жестом пригласила сесть Максима. — Да раздевалки я дойду одна, вы действительно чудесный исцелитель. Но у меня есть к вам вопрос... — Лара с минуту помолчала. — Скажите, почему вы все время преследуете меня?

Максим густо покраснел. Несколько раз, действительно, было так, что, увидев Лару где-нибудь на улице, он незаметно для нее шел следом два-три квартала, а однажды, в пургу, даже проводил до самого дома. Но как она могла догадаться?

— Или я ошиблась? — продолжала Лара после небольшой паузы. — Если не хотите, можете не отвечать.

— Нет, вы не ошиблись, — Максим в первый раз взглянул прямо ей в глаза и даже похолодел от волнения: так велико было сходство в выражении лица Лары и таинственной незнакомки.

— Тогда мне хотелось бы знать причину.

— Причину? Мне кажется, я уже видел вас...

— И это все?

— Вы не совсем меня поняли. Я видел вас за две тысячи километров отсюда, на берегу лесного озера, видел так же ясно, как вот сейчас, а потом... — Максим замялся.

— Что же было потом?

— Потом я проснулся. Лара рассмеялась:

— Так вы видели меня во сне?

— Может быть, только... — Максим замолчал.

— Что только? — Лара перестала смеяться и выжидающе смотрела на Максима.

— Только вы... В общем, эта девушка дала мне цветок. Такой, каких, кажется, нет на Земле. И когда я проснулся, цветок лежал у меня в руках. Я понимаю, это смешно...

Однако она не смеялась и смотрела на него так, будто знала, что услышит нечто совершенно необыкновенное:

— Продолжайте, прошу вас.

— Вот, собственно, и все.

— Но вы сказали, цветок... Она подарила его вам?

— Так мне приснилось.

— А после? Что было после? После того, как вы проснулись? Что стало с цветком?

— Цветок пропал... Видимо, я обронил его. Это было перед самым отлетом.

— Но вы помните его? Хорошо помните? Какой он?

— Как вам сказать... Главное — у него все время менялась окраска. И лепестки — точно лиры...

Лара внезапно побледнела:

— Не может быть!

— Все так говорят. Но я видел его так же ясно, как вот... вас сейчас. Он был у меня в руках. Я нюхал его. Если, конечно, это не было продолжением сна.

Она долго молчала, явно пораженная его словами:

— А когда это случилось? Когда вы видели меня... эту девушку на озере?

— Перед самым отъездом в институт. В конце июля. Числа так...

— Двадцать шестого?!

— Да. А почему вы знаете? Значит, вы...

Лара покачала головой. Она была блее полотна:

— Нет, я ничего не знаю. Абсолютно ничего! Но двадцать шестого июля произошло такое!... И эти цветы с лироподобными лепестками...

— Вы тоже видели их? Скажите, где, когда?!

— Я расскажу вам все. Только позже, в другой раз. А сейчас... Мне что-то нехорошо. Простите, пожалуйста...

12

Сквозь густые заросли джунглей, стремительно и бесшумно, будто перелетая с дерева на дерево, движется стая бабуинов. Время от времени они останавливаются, плотно сбиваются в кучу и долго прислушиваются к шорохам леса. Но кругом, кажется, все спокойно. И обезьяны снова пускаются в путь, зорко посматривая по сторонам и принюхиваясь к запахам пробуждающегося дня. Пути бабуинов не видно конца. Километр за километром покрывают они на головокружительной высоте в неутомимых виртуозных прыжках. Но вот внизу показались купы смоковниц. Сигнал вожака — и стая рассыпается. Теперь отовсюду несется аппетитное чавканье и треск обламываемых веток. Быстрые руки жадно обрывают сочные ягоды и тут же отправляют их в рот, торопясь наполнить опустевшие за ночь желудки. Заботливые матери не забывают набить рты и маленьких, вцепившихся в их спины детенышей. Те же, что постарше, сами пригибают усыпанные ягодами ветви и обчищают их прямо ртом, повизгивая от удовольствия и нещадно измазывая соком голые сморщенные рожицы.

Вдруг вожак перестал жевать и напряженно вытянулся — снизу, из-за ствола дерева, прямо на него смотрели страшные прищуренные глаза, глаза человека-охотника. Вожак на миг окаменел, потом издал короткий пронзительный звук. Мгновение — и стая скрылась в зарослях.

Мвамба усмехнулся. Бабуины его абсолютно не интересовали. Он ждал другую добычу. Но теперь это потеряло всякий смысл. Мвамба хотел уже двинуться дальше, как внимание его привлекло нечто совершенно необычное — мимо промчалась отставшая молоденькая обезьянка, на спине у которой, вцепившись в густую шерсть, сидел... испуганный мальчуган.

Мвамба чуть не выронил из рук ружье. Месяц назад у его соседа пропал сын, и он готов был поклясться, что обезьяна тащила именно его, — Мвамба не раз видел мальчонку,

копошащегося возле соседской хижины. Теперь было не до охоты. Мвамба выбрался на тропу и побежал сзывать людей.

Рассказ старого охотника всполошил всю деревню. Все взрослые мужчины, как один, выступили на поиски бабуинов. Но обезьяны словно сквозь землю провалились.

Прошло двенадцать лет. Умер сосед Мвамбы. Утонула в озере его жена. Все в деревне успели забыть о необычайном происшествии в джунглях. Но Мвамба не забыл. Из года в год с неослабным вниманием присматривался он к каждой стае бабуинов. И упорство его было вознаграждено.

Однажды под вечер, пробираясь сквозь заросли смоковниц, он увидел, как в плотной листве деревьев мелькнуло голое тело. Мвамба замер. Теперь он ясно видел, что высоко в ветвях, среди лакомящихся ягодами обезьян, ловко перепрыгивает с дерева на дерево рослый мальчуган. Длинные свалывшиеся волосы космами падали ему на плечи, худое тело покрывали бесчисленные рубцы и ссадины. Но даже отсюда, с земли, было видно, как перекачиваются под кожей могучие бугры его мышц. Меж тем день клонился к вечеру. Обезьяны начали устраиваться на ночлег. Мвамба с величайшими предосторожностями отполз на тропу и помчался к деревне.

Незадолго до полуночи два десятка охотников со всех сторон обложили смоковник. Луна была на ущербе, свет ее почти не проникал к подножью деревьев. Но привыкший к ночному мраку Мвамба быстро и бесшумно, как пантера, скользил меж стволов, высматривая лежбище бабуинов. Ноздри его широко раздувались, улавливая малейшие изменения запаха. Наконец он остановился. Обезьяны были тут, рядом. Он слышал даже их сонное бормотание. Но где же мальчуган? Мвамба до боли расширил зрачки глаз. И вдруг увидел его, почти на земле, в небольшом гнезде из ветвей. Юноша спал, запрокинув голову, широко раскинув сильные руки.

Легкий посвист — и шестеро охотников присоединились к Мвамбе. Он подал знак — на мальчугана набросились все сразу, стянули его на землю, подмяли под себя. Мальчик отчаянно сопротивлялся — кусался, царапался, отбивался руками и ногами. Но ловкие руки охотников быстро скрутили его крепкими узлами, заткнули рот, поволокли сквозь чащу.

Утром вся деревня сбегалась взглянуть на лесное диво. Однако Мвамба разогнал любопытных и объявил, что, поскольку родители мальчика — если это были они — давно умерли, то он берет мальчугана к себе в сыновья.

Никто не возражал против решения Мвамбы. Но не так-то просто было подступиться к затравленному зверенышу, который сидел все время скрючившись, никому не позволял себя трогать и дико озирался, издавая какие-то нечленораздельные звуки. Когда Мвамба поставил перед ним корзину с фруктами, он даже не взглянул на них. А стоило охотнику прикоснуться к голове мальчика, как тот яростно оскалил зубы, и в глазах его сверкнула такая злоба, что даже выдавший виды Мвамба попятился к двери.

Но Мвамба не отнял руки, и мальчуган не укусил его. Так началось приручение мальчика-обезьяны. Старый охотник отдавал ему все свободное время, не жалел ни терпения, ни ласки. Однако прошел не один месяц, прежде чем мальчуган перестал рычать на Мвамбу, стал брать у него из рук пищу, отказался от попытки бежать из хижины.

Время шло, и постепенно он смирился с жизнью в деревне, привык к людям, даже привязался к Мвамбе, как может привязаться к хозяину собака. Он стал ходить с ним на охоту, помогал выслеживать зверя, доставал плоды с высоких деревьев.

Однако и много лет спустя он так и не научился говорить, не преодолел отвращения к домашней пище, не мог обращаться с ружьем, не принимал участия ни в какой деревенской работе, а главное — так и не стал, по-видимому, мыслить...

...По экрану побежали титры: «Фильм поставлен по материалам... В нем приняли участие... В основу фильма положен достоверный факт... В него включены документальные кадры, снятые на севере Мозамбика, в Африке...» Михаил выключил телевизор:

— Удивительно!

— Ничего удивительного. Так бывает со всеми Маугли, — Антон встал и заходил по комнате. — Меня давно уже интересуют такие происшествия. Сейчас я собрал материал по девяти случаям: пятерых детей воспитали волки, двух — павианы и одного мальчика антилопа. Это вот десятый. И всюду одно и то же — дети, воспитанные зверями, не могут научиться говорить, не приобретают способности мыслить и чаще всего погибают в неволе. Случай, который мы только что видели, по-видимому, с самым счастливым исходом. Но и здесь мальчик не стал человеком. В лучшем случае из него выйдет преданное домашнее животное.

— Почему животное? — возразил Михаил с негодованием. — Это же человек, с человеческим мозгом!

— Человек? А чем, собственно, отличается человек от животного? Думаешь, только строением мозга?

— Разумеется.

— Ничего не разумеется. Главное отличие человека — это способность мыслить.

— Так разве это не просто физиологическая функция достаточно развитого мозга?

— В том-то и дело, что нет! — решительно заявил Антон. — И то, что мы сейчас видели — прямое тому доказательство. Человеческий мозг может мыслить. Потенциально может. Но надо научить его этому. Надо запрограммировать его, надо заложить в него элементарные основы мышления. Поэтому способность мыслить передается от поколения к поколению как эстафета, и достаточно прервать ее хотя бы в одном звене...

— Постой-постой! Что же получается? Выходит, по-твоему, если бы, скажем, на Земле вдруг исчезли все взрослые люди, остались одни младенцы, то человеческий разум, человеческая мысль исчезли бы совсем?

— Да, по крайней мере, на очень длительное время. Мозг сам по себе — это кибернетическая машина с пустым блоком памяти, это, если хотите, горючий материал, к которому еще надо поднести искру, чтобы разгорелся тот костер, который мы называем мышлением. Вот эта-то искра и передается от человека к человеку. Только человеческое общество с его преемственностью поколений может быть хранителем разума. Для одного человека или даже небольшой группы людей это невозможно.

— Ну, так можно и до идеализма докатиться. Давно доказано, что мысль — продукт мозга.

— При чем здесь идеализм? И с чего ты взял, что я не считаю мысль продуктом мозга? Я хочу лишь сказать, что только подготовленный мозг может дать такой продукт. И подготовка эта возможна лишь в определенном возрасте. Ни о каких мыслях без мозга не может быть и разговора. И все же ни один здравомыслящий человек не поставит знак равенства между мышлением и мозгом. Если мозг эволюционировал, как всякий другой биологический объект, то эволюция мышления шла, видимо, по совсем иным законам. Прообразом мозга может служить любая нервная клетка. Прообраза мышления мы не знаем. Михаил вскочил со стула:

— Здравствуйте! Еще один Спиноза! Прообраз мышления... Да возьми любую обезьяну!

— Обезьяна обладает лишь сложным комплексом условных рефлексов, — отрезал Антон.

— Так, чудак-человек, это и есть прообраз мышления.

— Ничего подобного. Это вещи разных порядков. Хотя бы потому, что нормальный процесс мышления вообще невозможен вне общества, чего нельзя сказать об условных рефлексах.

— Как это невозможен вне общества?

— А так вот, товарищ убежденный материалист. Ты что, не знаешь, что люди, изолированные от общества и лишенные источников информации, постепенно дичают?

— Смотря какие люди, — упорствовал Михаил.

— Любые люди. Примеров тому — тьма. Зато в жизни бывает и наоборот. Ты слышал, конечно, о знаменитом физике Нпролу?

— Что-то читал...

— А знаешь, что он двухмесячным младенцем был взят в западноафриканском племени, которое до сих пор не имеет письменности и живет чуть ли не на уровне каменного века?

— Нуда!

— Вот тебе и «ну да». Его усыновил один миссионер-европеец. Потом он учился в Оксфорде, работал у нас в Дубне. И вот результат. Это тебе о чем-нибудь говорит?

Несколько минут прошло в молчании. Михаил, видимо, исчерпал все свои возражения и, насупившись, ходил по комнате. Антон спокойно стоял у окна, глядя на синие сумерки, и, как всегда, о чем-то сосредоточенно думал.

— А все-таки, Антон, — обратился к нему Максим, — трудно с тобой согласиться. Я вот представил такую ситуацию. Несколько космонавтов-землян, мужчин и женщин, высадились на далекой чужой планете. Корабль вышел из строя. Связи с Землей никакой. Надежды на возвращение — тоже. Что, в таком случае, они должны одичать?

— Смотря по тому, сколько их будет и что они с собой привезут. Если несколько человек и с пустыми руками, то да.

— Но почему? Почему они не смогут дать начало новой цивилизации?

— Да потому, что их слишком мало, потому, что они лишены машин, орудий, источников энергии, хранилищ знаний, потому, что великие богатства человеческого разума будут им просто не нужны, поскольку все их жизненные силы будут уходить на поддержание самых элементарных биологических функций, на борьбу за существование в самом прямом, самом грубом смысле этого слова. Ну зачем, посуди сам, им в таких условиях формулы высшей математики, законы астрономии, даже письменность? Все это забудется, умрет, если не у самих космонавтов, то у их ближайших потомков.

— И разум исчезнет совершенно?

— Ну, если и не угаснет совсем, то потускнеет, померкнет на многие века, будет тлеть, как угли под слоем золы, до тех пор, пока не сформируется новое человеческое общество. Поймите, разум не может быть достоянием человека или нескольких человек. Он может быть достоянием человечества. Каждый человек может мыслить. Но лишь вид Гомо сапиенс может быть хранителем разума.

— Ну, я на этот счет другого мнения. И вообще — приветик! — Михаил схватил пальто и выскочил из комнаты. Максим подошел к Антону:

— Но ты, кажется, не все договорил, Антон. Если искра мышления передается, как эстафета, от поколения к поколению, то где ее начало? У тебя, кажется, есть свои соображения относительно того, как впервые возникло это удивительнейшее явление — разум?

— Очень много ты захотел! Более грандиозной загадки природы трудно себе представить. Никто не ответит тебе на этот вопрос. Что же касается меня, то я убежден в одном: человеческий разум не мог возникнуть в тот ничтожно малый промежуток времени, который отделяет последние находки рамапитека от первых находок питекантропа. Полтора-два миллиона лет могли существенно изменить и обезьяну и человека. Но это слишком незначительный срок для того, чтобы обезьяна стала человеком. Эволюция совершается скачками, я согласен. Но это уже больше, чем скачок. В конце концов между обезьяной и ее предками, если можно так выразиться, лежит небольшая рывтина, человека же от обезьяны отделяет пропасть.

— Ну, это как сказать, Антон. Последние наблюдения и эксперименты над поведением животных показывают, что не только обезьяны, но и многие другие млекопитающие обладают определенными элементами психики, ни в коем случае не укладывающимися в понятие рефлекса. Разве ты не слышал?

— Слышал, но не очень верю.

— Это не аргумент

— Хорошо. Допустим, что все, что пишут о таких экспериментах, верно. Но разве эти «элементы психики», сугубо конкретные, связанные лишь с определенными действиями животного, как бы они ни напоминали мышление, ложно сравнить с абстрактным разумом человека?

— Можно. Во всяком случае, пропасти я здесь уже не вижу. И достаточно усложнения функциональных констелляций нейронов мозга...

— Усложнение функциональных констелляций нейронов! Коронный номер Стогова! Всеспасаящие констелляции. А кто и когда наблюдал это скачкообразное усложнение констелляций? Почему оно не возникает ни у одной из ныне живущих обезьян?

— Может, и возникало, кто знает. Ведь сейчас, когда обезьяны живут, по сути дела, в окружении людей, такое усложнение не дало бы им ни грана перевеса и, стало быть, должно бесследно исчезнуть, как всякий бесполезный признак.

— Гм... Это уже что-то новое. Во всяком случае, не по Стогову. Тот просто сослался бы на чрезмерную специализацию и указал такую-то страницу такой-то книги. Откуда это у тебя?

— Да ниоткуда...- Я сам так думаю.

— Сам ? — Антон неожиданно рассмеялся. — А ты, оказывается, не так прост! Ладно, потолкуем еще об этом. А теперь вот что... Лара вчера уехала.

— Как уехала? Куда?

— В Москву, на Международный семинар. Недели на три — на четыре.

— Уехать сейчас почти на месяц! А как же лекции?

— Не лекциями едиными жив студент.

— И все-таки, целый месяц! Это такой срок...

— Срок большой, — Антон хитро прищур идея. — Вот она и просила передать, что то, о чем она обещала рассказать тебе — видно, что-то важное, я не знаю — она скажет сразу по приезде. Если, конечно, ты снова не будешь прятаться от нее, как в последнее время.

— Так она и сказала?

— Нет, это я по глазам у нее прочел. Я же как-никак бионик.

— Понятно...

— Ничего тебе не понятно. С твоими констелляциями...

13

Это случилось уже весной, когда снег на улицах заметно почернел, и под водосточными трубами заблестели первые лужицы воды. В тот день у Максима с утра болела голова, чувствовался озноб, а к полудню поднялась температура. Пришлось уйти с лекций и лечь в постель.

«Неужели и я попался?» — мелькнула тревожная мысль, В городе второй месяц свирепствовал грипп. Переболело почти все общество. Только Максим до сих пор держался на ногах. Может быть, потому, что все зиму делал зарядку и обтирался снегом. А вот теперь, когда эпидемия фактичв ски закончилась, болезнь, кажется, настигла и его. Он чертыхнулся от досады и, положив руки под голову, закрыл глаза. Вдруг дверь с шумом распахнулась.

— Максим! Ты спишь, что ли? — в комнату вихрем ворвался Михаил и, не снимая пальто, присел на койку к приятелю. Тот молча отодвинулся, давая место. Но Михаил затормошил его за плечи. Он тяжело дышал и поминутно отирал пот с лица:

— Слушай, Максим, ты мне друг?

— Ну?

— Тогда выручай! Сейчас я случайно узнал, что Лара... В общем, беда с ней, Максим.

— Беда с Ларой?! Разве она приехала?

— Приехала. Давно. Да по дороге подцепила грипп. А сейчас пневмония в страшной форме. Пенициллин нужен. А из-за этой эпидемии, будь она неладна, во всех аптеках хоть шаром покати. И отец ее, как нарочно, в командировке...

Максим соскочил с кровати:

— Что же она, совсем одна?

— Есть там какая-то старушенция-домработница. Да не в этом дело. Пенициллин, говорю, надо, а иначе...

— Так пошли, разыщем. Из-под земли достанем!

— За этим я и пришел к тебе. В центре нет ничего, я все обегал. Надо на окраины ехать. Я уж навел справки. Вот тут адреса всех аптек...

— Может, по телефону быстрее?

— Бесполезно. Тут надо просить, умолять, доказывать. В общем, так. Я махну в Заречье, а ты возьми Нагорный и Тракторный.

— Идет.

Однако все поиски закончились безрезультатно. Ночь за- стала Максима в рабочем поселке, где не было, оказывается, и аптеки и откуда давно ушел последний автобус в город. Но какое это имело значение, если приходилось возвращаться с пустыми руками.

Максим вышел на темную пустынную дорогу и остановился, не зная, что еще придумать, что сделать. Мысли его неотступно вертелись вокруг несчастья с Ларой. Страшно было подумать, чем может закончиться ужасная болезнь. Он только теперь вдруг понял, что давно уже не мыслит жизни без того, чтобы где-то рядом, пусть даже не замечая его, жила эта удивительная необыкновенная девушка. Кем бы она ни была. Что бы о ней ни говорили. Какие бы тайны ни окружали ее. Только бы знать, что она есть, думать о ней, мечтать о встрече с нею. Но вот она больна. Может быть, борется со смертью. А он не в состоянии даже найти ей лекарство. Он живо представил ее, беспомощную, неподвижную, с закрытыми глазами, и сердце сжалось от страшного предчувствия.

Что же делать? Где найти этот пенициллин? В аптеках города его нет. В аптеках пригородных деревень, конечно, тоже. Так где же он может быть? В аптечках воинских частей? Туда не пройдешь. В аптечках школ, лесничеств, экспедиций... Эврика! Ведь где-то здесь неподалеку — база геологической экспедиции. Антон не раз говорил о ней. Только где она, эта база?...

Вдали показались огни автомашины. Максим выскочил на дорогу, поднял руку. Тяжело груженный самосвал остановился.

— Чего тебе? — выглянул из кабины шофер.

— Мне надо срочно на базу экспедиции. Не подвезешь?

— К буровикам, что ли?

— Вот-вот!

— Так это не на тракте. К ним кружным путем ездят.

— А если пешком?

— Эка хватил! Тут километров десять, а то и все пятнадцать. Разве до Трех долинок тебя подбросить, там близко. Только лесом, через овраг, без дороги.

— Идет! Как-нибудь...

— Ну, садись.

До Трех долинок домчались быстро. Шофер гнал машину на предельной скорости. Но как найти теперь эту базу геологов?

— Они тут вправо. Так напрямик и дуй! — кивнул на прощание шофер.

Легко сказать — дуй прямо. А как это сделать в сплошной темноте, по снегу? Местность незнакомая. Если б хоть какая-нибудь тропинка, след от ног. Но кругом одни сугробы. На небе ни звезды. Уйдешь в сторону с первых шагов.

Максим снова почувствовал озноб. Боль в голове не давала собраться с мыслями. Предательский страх начал закрадываться в душу. Но так продолжалось одно мгновение. Он снова представил Лару, измученную болезнью, мечущуюся в жару и не раздумывая шагнул в темноту. В лицо ударил мокрый ветер. Это хорошо. Хотя по ветру можно будет ориентироваться. И он двинулся вперед.

Сначала под ногами тянулось поле с довольно крепким настом. Потом пришлось продираться через кусты. Наконец он вступил в густой еловый лес. Теперь ветер едва чувствовался. Ноги глубоко вязли в снегу, путь то и дело преграждали большие разлапистые деревья. Не прошло и четверти часа, как сильная слабость заставила Максима присесть в снег. Нестерпимо хотелось пить. Он бросил в рот щепоть снега. Больше, казалось, не сделать ни шагу. Однако мысль о Ларе снова подняла его на ноги. Идти! Идти во что бы то ни стало!

Густой ельник кончился. Потянулось редкое мелколесье. Потом снова лес. И все та же темень, мокрый снег, безмолвие. Время словно остановилось. Сознание заволокло туманом. Но он шел и шел, несмотря на головную боль и слабость, несмотря на озноб и тошноту, несмотря на вконец промокшие ноги.

Наконец деревья расступились. Впереди показались огни, почувствовался запах дыма. Максим собрал последние силы и через несколько минут вошел в небольшой поселок из пяти или шести домов. В глаза бросились заснеженные машины с буровыми установками. База геологов!

Он подошел к первому дому и забарабанил в дверь. В ответ послышались громкие мужские голоса. Максим вошел в жарко натопленную комнату. Здесь, за столом, заваленным картами и чертежами, сгрудилось четверо мужчин. Он шагнул прямо к столу:

— Здравствуйте! Где я мог бы найти врача?

— Врача у нас нет, — ответил старший из мужчин, видимо, начальник партии. — А что случилось?

— Здесь неподалеку, в городе, умирает человек. Срочно нужен пенициллин. А ни в одной аптеке...

— Понятно. Петро, загляни-ка в аптечку, вроде там было. Тот, кого называли Петром, молодой паренек с кудрявым чубом, порылся в шкафу и вынул небольшую коробочку:

— Вот, есть! Целая упаковка, даже не распечатано. — Он протянул коробку Максиму.

— Спасибо вам большое! — Максим сунул лекарство в карман и пошел к двери. — До свидания.

— Постой! — окликнул его начальник. — А на чем ты сейчас в город?

— Не знаю, право. Как-нибудь...

— Как-нибудь! До города добрых два десятка километров. А времени — двенадцатый час.

— Неужели двенадцатый?

— То-то и оно! Что бы тут придумать?... — он выглянул в окно. — Петро, как у нас вездеход?

— Машина на ходу.

— Тогда вот что, езжай-ка в город. Вся поездка отнимет часа полтора не больше, а тут... сам понимаешь.

— Ясно, о чем говорить! Пошли, парень.

У Максима предательски защекотало где-то в глубине горла:

— Не знаю, как благодарить вас...

— Есть вещи, которые не требуют благодарности, молодой человек, — ответил геолог, протягивая руку. — Счастливо добраться.

Через полчаса вездеход прогремывал по спящим улицам города и остановился у профессорского дома. Максим поднялся в подъезд. Но в какой квартире? Размышлять было некогда. Он нажал кнопку первого попавшего звонка. Из двери высунулось испуганное женское лицо.

— Простите, пожалуйста, квартира профессора Эри?...

— Третий этаж, номер двадцать пятый.

— Спасибо! — Максим одним махом поднялся вверх, в два прыжка пересек широкую лестничную площадку и остановился. Как войти, что сказать? Да и можно ли вообще

звонить сюда сейчас, среди ночи? Он вспомнил испуганное лицо женщины. Нет, звонить нельзя. Он осторожно стукнул и прижал ухо к двери. Оттуда не доносилось ни звука. Тогда он легонько нажал на скобу. Дверь открылась. В прихожей горел свет. Две выходящие в нее двери были закрыты. Максим тихонько кашлянул.

— Кто там? — ее голос, ясный, отчетливый. Он облегченно вздохнул:

— Тут вот., лекарство.

— Зайдите, пожалуйста, сюда.

Он вошел в небольшую, слабо освещенную комнату. Лара сидела на кровати, до подбородка закутанная одеялом, щеки ее пылали, волосы рассыпались по заложенной за спину подушке. Неподалеку в кресле спала маленькая сморщенная старушка. Глаза Лары расширились:

— Вы?!

— Мне сказали, что... что нужен пенициллин. А я вот только сейчас смог... Простите, что в такое время, — он вынул из кармана коробку с лекарством и поставил на стол. — Поправляйтесь, Лара...

Максим неловко повернулся и взялся за ручку двери.

— Постойте... Сядьте, пожалуйста. Вот сюда, — Лара провела языком по пересохшим губам. — Спасибо вам, Максим. И еще... Я хотела сказать, — я ждала вас. Не знаю, почему...

Этой ночью Максим достал дневник, к которому не прикасался уже много недель, и после короткого раздумья написал:

«Если бы случилось так, что я умчался прочь от Земли, к другим мирам, другим цивилизациям, и меня спросили, чем так прекрасна жизнь на Земле, что там самого красивого, удивительного, что такое мечта, любовь, счастье, радость, я ответил бы одним словом — Лара!»

14

Он сидел в читальном зале, просматривая старые журналы, когда вновь услышал ее тихий приглушенный шепот:

— Здравствуйте, Максим, еле разыскала вас.

— Лара... — у него даже голос прервался от неожиданности.

— Сидите-сидите! — она села к нему за столик, мягко улыбнулась. — Я так давно не видела вас... Как вы жили все это время?

— Как я жил?... — начал он, с трудом собираясь с мыслями, и замолчал. Это было слишком необычно и ново, сидеть так близко с Ларой, — он чувствовал даже тепло ее плеча, и оттого все в нем смешалось от волнения. Да и можно ли было выразить словами, что он пережил и перечувствовал за последние недели.

Болезнь Лары затянулась, ее положили в больницу, и сколько тревожных дней и ночей провел он, прежде чем узнал, что опасность миновала. Наконец она выздоровела, выписалась из клиники и сейчас же уехала в дом отдыха. Михаил провожал ее, пришел домой сияющий, весь вечер надоедал Максиму счастливой болтовней. А ему еле удавалось скрыть чувство обиды и боли: он даже не слышал об отъезде Лары.

Но вот она приехала. И опять он узнал об этом от Михаила. Тот успел уже встретиться с Ларой, нашел ее отдохнувшей, посвежевшей. А Максим не мог придумать, где и как хотя бы увидеть ее. Говорить об этом с Глебовым было по меньшей мере смешно, Антон же, занятый дипломным проектом, день и ночь не вылезал из лаборатории.

И вдруг эта неожиданная встреча здесь, в читальном зале. Он поднял наконец глаза и окончательно смешался, встретив ее ждущий доверчивый взгляд:

— Как я жил в последнее время?... Я только и ждал... только и думал о вас, Лара...

— Максим... — скорее прочел он по движению ее губ, чем услышал взволнованный полусшепот. Узкая холодная ладошка Лары легла на его руку, тонкое, вдруг побледневшее

лицо придвинулось к самым глазам. — Максим, мне нужно так много сказать вам. И я хотела бы... Вы не могли бы зайти сегодня ко мне?

— К вам домой?!

— Вы же были у меня.

— Да, но...

— Я буду ждать вас. Часов в девять вечера. Хорошо? Он молча кивнул. Лара встала:

— До вечера, Максим.

И вот этот вечер наступил. Максим наскоро собрался и, желая побороть в себе чувство привычной робости и избежать лишних расспросов Михаила, вышел из дома задолго до назначенного срока. Вечер был тихий, теплый, и так как Лара жила неподалеку от института, он выбрал самый длинный окружной путь, через Заречье. Вот почему закат застал его на берегу реки, чуть выше Коммунального моста.

Вода здесь уже спала, кое-где обнажился бичевник, но было еще безлюдно и сыро. Максим сел на одну из лодок, во множестве расставленных вдоль берега, и задумался. Он чувствовал, был почти уверен, что сегодня Лара откроет ему свою тайну. Он ждал этого, хотел этого и боялся этого. После памятного разговора в спортзале он почти не сомневался, что эта тайна как-то связана с его вормалеевскими приключениями. Но как? Была ли там, на озере, сама Лара, или астийская Нефертити и Лара — всего лишь двойники, связанные какими-то загадочными, может быть, даже страшными обстоятельствами? Сегодня это должно решиться.

Максим взглянул на часы. Пошла вторая половина девятого. Пора! Он встал, отряхнул брюки и начал уже подниматься вверх по откосу, как вдруг услышал что-то похожее на детский плач:

— А-а...Мама! А-а...

Что бы это могло быть? Он взглянул в сгустившиеся сумерки и увидел на самой середине реки что-то темное, медленно движущееся по течению к мосту.

— Мама! Мамочка-а!... — несло оттуда.

Но вот темный предмет поравнялся с ним, и Максим смог рассмотреть небольшой плот или доску, на которой скорчилась маленькая детская фигурка. Ясно, что ребенок попал в беду.

— Э-гей, малыш! Держись, я сейчас! — Максим быстро разделся, сорвал с руки часы и бросился наперерез плоту.

Холодная вода обожгла как кипяток, дыхание перехватило. Но Максим лишь сильнее заработал руками и ногами. К счастью, течение в реке было небольшим, и скоро он настиг плывущий предмет, оказавшийся большой амбарной дверью, на которой, крепко вцепившись в металлическую скобу, сидел и плакал четырех-пятилетний мальчуган.

— Как ты попал сюда? — крикнул Максим, стараясь отдышаться.

— Это все Митька. Мы катались там, в затоне. А он толкнул шестом... А-а-а...

— Ладно, хватит реветь! Забирайся ко мне на спину и держись за плечи.

Выбравшись на берег, Максим сорвал с мальчугана мокрую одежку, закутал в свой пиджак, оделся сам. Время перевалило за девять.

— Что же мне с тобой делать? Может, добежишь домой сам?

— Не... я боюсь. — Да Максим и сам видел, как нелеп был его вопрос. Мальчонка дрожал как в лихорадке. На берегу было уже совсем темно. А крохотные огоньки затона еле просматривались за поворотом реки.

— Ну вот что. Садись ко мне на закорки и пойдем. Быстро пойдем! — он закрепил на мальчонке пиджак, усадил его к себе на плечи и зашагал по еле видимой во тьме тропинке.

На часы он больше не смотрел. Шел так скоро, как только мог. Но когда, разыскав кое-как дом мальчишки, успокоив обезумевшую от страха мать, вызвав к ребенку скорую, вернулся наконец к мосту, часы показывали половину двенадцатого. Ни о каком свидании нечего было уже и думать.

Максим в изнеможении опустился на перевернутую лодку и больно закусил губу, чтобы не закричать от отчаяния и боли.

И вдруг:

— Ну зачем вы так, Максим?... Ведь не произошло ничего страшного... — шепот Лары, тихий, успокаивающий послышался над самым ухом, она будто склонилась к нему, продолжая начатый в читальне разговор. И стоило оглянуться...

Он быстро обернулся. Лара стояла в двух шагах за его спиной, теребя в руках тонкий ивовый прутик, стараясь унять учащенное дыхание.

Максим вскочил:

— Лара... — Никогда, сколько он знал ее, не была она так удивительно прекрасна, как сейчас, в свете звезд, взволнованная, запыхавшаяся, с бледным утомленным лицом.

— Лара, вы... — только и смог вымолвить он, боясь поверить такому счастью.

Она бросила прутик, шагнула к нему:

— Нет, я не Лара. Разве вы меня не узнаете?...

— Не Лара?! Значит, все это время... Значит, вы... — потрясенный внезапной догадкой, он не находил нужных слов. Но в следующее мгновение ни с чем не сравнимый запах астийского эдельвейса ворвался в привычные запахи весенней ночи, и разом исчезли все сомнения — перед ним была астийская Нефертити.

Она подошла совсем близко, коснулась рукой его плеча:

— Вы должны наконец узнать, Максим, что я...

Он понял, что сейчас станет ясным все. Но в это время нестерпимо яркий луч ударил ему в глаза. Он отшатнулся в сторону, зажал лицо руками и... проснулся.

Как?! Снова все — сон? И вормалеевская незнакомка, и мальчик на плоту, и... разговор с Ларой в читальном зале? Но почему тогда он оказался здесь, на берегу реки? Нет, разговор с Ларой ему не приснился. А дальше?... Где кончилась явь и начался сон? Все перемешалось в голове у Максима. Он встал с лодки, с трудом распрямил затекшую спину. Ночь была на исходе. Небо на востоке заметно посветлело. Звезды гасли. Белесая четвертушка луны недвижно висела над черной рекой. Длинные полосы тумана протянулись над взбухшей от росы травой. Максим зябко поежился и, подняв воротник пиджака, побрел к себе в общежитие.

Там все еще спали. Он выпил воды и, не раздеваясь, прилег на кровать. Но спать не хотелось. Что мог значить этот странный сон? Да и просто ли сон? Он вдруг вспомнил, что запах астийского эдельвейса преследовал его чуть не до самого института. И все это время в небе горела таинственная голубая звезда...

Максим вскочил с кровати, подошел к окну. С соседней койки поднялась голова Михаила:

— Ты где пропадал всю ночь? Тебе письмо, там вон, на столе.

Максим машинально взял конверт. Адрес был написан незнакомой рукой. Он развернул письмо. На листе из простой школьной тетради тесно сгрудилось несколько кривых строк, нацарапанных тупым химическим карандашом. Так могла писать только мать. Но до сих пор ему всегда писал отец. Тревожное предчувствие заставило сразу заглянуть в конец письма. Мать писала:

«...И сообщаю тебе, что отец при смерти. Врач говорит, долго не протянет. Самое большее — неделю. Приехал бы простился, сынок. Да и сама я из последних сил...»

Строчки запрыгали перед глазами Максима. Только теперь до сознания дошел весь ужас полученного известия. Ведь письмо шло из дома не меньше недели. Он молча упал в кровать и зарылся лицом в подушку. Но через несколько минут встал, еще раз перечитал письмо, снова вышел на улицу.

Здесь уже появились первые прохожие. Дворники с заспанными лицами лениво шаркали метлами по мостовой. В луже, оставшейся от поливки газонов, шумно плескались воробьи. Он сел на первую попавшую скамейку и закрыл лицо руками.

Отец... Как мог он оставить его, больного, постаревшего? Ехать! Ехать немедленно! Может, врачи ошиблись.

Всего несколько часов понадобилось на оформление отпуска и сборы. Еще полчаса на покупку билета. Но мог ли он уехать, так и не повидав Лару? С бьющимся сердцем поднялся Максим по лестнице профессорского дома, позвонил у знакомой двери. Ее открыл сам Эри.

— Простите, пожалуйста, — смутился Максим. — Я бы хотел видеть Лару...

— Лара не совсем здорова.

— Но я уезжаю... Очень далеко...

— Желаю вам счастливого пути.

Глаз профессора не было видно за темными стеклами очков. Но и по тону голоса было ясно, что просить его о чем-либо бессмысленно.

Медленно, не видя ничего вокруг, вернулся Максим в институт. Осталось проститься с Антоном. Тот, как всегда, был краток:

— Надолго едешь?

— Не знаю, может, и навсегда.

— Почему?

— Мать тоже еле-еле. Как ее оставишь?

— Н-да... А как же Лара?

— Что Лара?

— Любишь ты ее, Максим.

— Так можно любить и Сикстинскую мадонну.

— Не понимаю... Случилось что-нибудь?

— Да нет...

— Нет? — Антон глянул прямо ему в глаза и, схватив за плечи, сдвинул так, что у Максима подогнулись ноги. — А ну, выкладывай все напрямик!

Пришлось рассказать о случае с мальчонкой на реке и о том, как встретил его профессор Эри. Антон нахмурился:

— Черт знает что! С мальчишкой ты поступить иначе, конечно, не мог. А вот профессор... Профессор стоит того, чтобы ему намылить шею. Когда у тебя поезд?

— Часа через два.

— Ну что же, всего, как говорится. Провожать не пойду. Дело есть.

И вот он на вокзале. Один со своими загадками и своим горем. Вдали уже вспыхнул зеленый глазок светофора. Последние рукопожатия, последние поцелуи и напутствия. Шумно вздохнули отпущенные тормоза, и все, кто еще не был в вагонах, устремились к подножкам тамбуров. А он еще медлит, все еще стоит на платформе, чего-то ждет. И вдруг...

Лара? Да нет, не может быть, откуда же. Он вскочил на подножку, поднялся над головами людей. Она, Лара!

— Лара! — Максим спрыгнул на перрон и, расталкивая толпу провожающих, бросился ей навстречу.

Но она еще не видит его, медленно идет по платформе, растерянно переводя глаза с вокзальных часов на окна вагонов.

— Лара-а!

— Максим!... — она подбежала к нему, схватив за руки. — Вы... уезжаете?

— Так получилось... Я должен извиниться перед вами, Лара. Вчера вечером...

— Я все знаю, Максим. Все-все. Антон рассказал мне. Но вы вернетесь? Скоро?

— Не знаю...

— Очень тяжелая обстановка дома?

— Да. И потом... — он смотрел в ждущие, полные нежного участия глаза Лары, а в глубине сознания, помимо его воли, всплывало другое лицо, другие глаза — глаза астийской Нефертити. — И потом, все как-то перепуталось в послед-пес время. Жаль, что мы так и не успели ни о чем поговорить...

— Вы снова столкнулись с чем-то загадочным?

— Я снова видел ее... Лара заметно побледнела:

— Ту девушку, похожую на меня? И поняли, что это другой человек? — добавила она чуть слышно.

— Она сама сказала об этом. Но кто она? Кто?!

— Не знаю, Максим. Знаю только, что оба мы, и вы и я, стали жертвой какой-то страшной тайны. И очень боюсь за вас..

— Но почему? Что вам все-таки известно?

Поезд дал короткий сигнал и тронулся с места. Глаза Лары наполнились слезами:

— После, Максим, после! Прыгайте скорее! Мы поговорим еще обо всем. Только возвращайтесь. Как сможете...

15

Вертолет прибыл в Отрадное только к вечеру. Солнце успело скатиться за сопку, прежде чем Максим выбрался из душной кабины и напрямик, через огороды, вышел к околице, где начиналась дорога на кордон.

Снег в тайге, видно, стоял давно. Земля почти просохла. В ложках и оврагах показались первые венчики мать-и-мачехи. Лес стоял темный, будто налитый тяжелой влагой. Вершины сопки были похожи на свежие мазки краски, только что брошенные на бледно-голубой холст неба, а розоватое облачко, неподвижно застывшее над кромкой леса, напоминало уснувшего фламинго с головой, спрятанной под крыло.

Однако все это лишь скользнуло поверх сознания. В мыслях Максим был там, дома, с больным отцом. Неужели врачи не ошиблись и его уже нет в живых? Об этом страшно было подумать. Все время, сколько знал себя Максим, отношения между ним и отцом отличались крайней сдержанностью. Вечно занятый работой в лесу, старый объездчик по целым неделям не бывал дома и, казалось, почти не интересовался воспитанием сына. Но в глазах Максима этот угрюмый замкнутый человек всегда был воплощением большой правды, честности, справедливости, только ему одному Максим считал себя обязанным всем тем, что видел » себе хорошего И надо было успеть сказать об этом. Надо, чтобы он узнал, что думал о нем сын.

Но вот и дорога на Вормалей — хоженная-перехоженная, где известна каждая рытвина, каждый выползший из-под земли корень. Он мог пройти по ней с закрытыми глазами. Даже теперь, после стольких месяцев отсутствия. Максим пристроил чемодан на плечо и прибавил шагу. Как-то там, дома?... Несколько минут он почти бежал, подгоняемый всевозрастающей тревогой. Но вдруг спереди, из-за деревьев раздалось бречание гитары, и хор сиплых голосов нарушил тишину леса. Он усмехнулся: «И сюда пришла цивилизация». Однако пение оборвалось так же неожиданно, как и возникло. Вместо него послышался испуганный женский крик, потом грубый хохот и отборная матерная брань. В следующую минуту из-за поворота выбежала девушка и метнулась к Максиму:

— Помогите мне! Я шла из Вормалея. И вдруг эти... Я еле вырвалась, так они... Все пьяные! От них можно ждать чего угодно...

Девушка была маленькая, худенькая, он не смог рассмотреть в темноте даже ее глаз.

— Встаньте сюда, к дереву. И сделайте вид, что мы давно знакомы. — Максим снял чемодан с плеч, загородил собой беглянку.

Вскоре из-за поворота выскочило с десяток ребят, почти подростков. Все они были пьяны. Самый рослый из них, на голову выше Максима, подошел к нему вплотную и остановился, раскачиваясь из стороны в сторону:

— Эт-то еще кто такой? Кто ты, спрашиваю, такой, что подцепил нашу ч-чувиху?

— Проходите, ребята, эта девушка со мной, — сказал Максим как можно спокойнее.

— С тобой? П-почему с тобой? А мы вот хотим п-про-водить ее, — парень шагнул к девушке.

Максим решительно оттолкнул его плечом:

— Тебе что, медведь на ухо наступил? Сказано — проходите! А завтра поговорим. Здесь же, если хочешь.

— Очень надо говорить с тобой! Я хочу вот с ней п-по-говорить. И — проваливай! — он попытался схватить незнакомку за руку. Но Максим снова встал между ними:

— Кончай, приятель, слышишь! И убери руку. Говорю по-хорошему.

— Чего кончай? Чего по-хорошему? Да я т-тебя сейчас!... — он размахнулся.

«Ну, хорошо!» — Максим внутренне подобрался. Раз! Копоткий удар в челюсть — и парень, икнув, повалился на землю. К Максиму бросилось сразу двое. Он изловчился, и оба сейчас же растянулись на дороге.

— Ну? — Максим повернулся к остальным. — Еще надо? Но в это время один из ребят воровски, по-звериному, подкрался сзади, ударил чем-то тяжелым по голове. Максим упал. И сразу навалились. Сплошной град ударов обрушился на голову, спину, плечи. Максим рванулся. Попытался сбросить с себя живой комок тел. Но врагов было слишком много. Тогда он инстинктивно поджал ноги, закрыл лицо руками. И вдруг почувствовал, что спину ожгло, как огнем. В сознание ворвалось: нож! Но тут что-то свистнуло. Над головой точно вихрь пронесся. Живой клубок распался и с криками и руганью покатился в направлении к селу. Стало тихо.

Максим приподнял голову. Выплюнул грязь, смешанную с кровью. Попробовал встать. И не смог. Голова закружилась, к горлу подступила тошнота, желто-оранжевые пятна замелькали перед глазами, и он провалился в звенящую тишину.

Очнулся Максим от холодного дождя. Открыл глаза, прислушался. Тьма казалась непроницаемой. Дул ветер, и крупные капли уныло шуршали по мокрой хвое деревьев.

Он оперся рукой о землю, встал — неожиданно легко. Голова была ясной, тело послушным. В памяти всплыла вся отвратительная сцена нападения. Он ощущал руки, грудь, спину, — боли не чувствовалось. Странно... Ведь били! Здорово били. И что это словно всхлипывает там, за деревьями? Будто плачет кто. Он шагнул в темноту, и сейчас же к нему метнулась легкая, как тень, фигура:

— Жив... Жив! Как мне благодарить судьбу? Ведь все это из-за меня. Из-за меня! Дайте я хоть оботру вас, — девушка — виновница потасовки — торопливо достала из сумки платок и отерла у него с лица грязь. Руки ее дрожали. Тонкое пальто вымокло насквозь. Пальцы были холодны как лед.

Сколько же он пробыл без сознания, час, два? И все это время она провела тут, у дороги, под дождем. Недаром ее бьет как в лихорадке. Максим отстранил руку девушки:

— Да вы окоченели совсем. Что вы делали там, в лесу?

— Ничего... То есть, как же я могла иначе, ведь вас... ведь вы...

Он почувствовал прилив злости:

— Так хоть кричали бы, звали людей. Как так можно, сидеть и... хныкать себе в рукав!

Девушка снова всхлипнула:

— Я хотела... Но потом произошло такое, что я... Нет, вы не подумайте, что я так уж испугалась этих негодяев. Но потом, когда они разбежались... Это было так страшно!

Она говорила что-то абсолютно бессвязное, видимо, потеряла голову от страха. Максим не стал дальше слушать:

— Где вы живете?

— Пока в Отрадном, у тетки. Я недавно приехала сюда по распределению из медицинского училища, поступила работать в Вормалеевскую больницу. Каждый день приходится ходить по этой дороге, и вот...

— Далеко ваш дом? — прервал ее Максим.

— Нет, совсем близко, у околицы. Но... — девушка со страхом посмотрела в темноту.

Он поднял чемодан:

— Пойдемте.

Дом незадачливой незнакомки, действительно, оказался совсем рядом. В окнах еще горел свет.

— Может, зайдете, пообсохнете? Чайку попьем... — робко предложила девушка, трогая его за рукав.

Максим резко отдернул руку:

— У меня умирает отец. Прощайте.

— Ой, как же вы?... Как я могла... Простите, если можете! — она в отчаянии заломила руки.

— Ничего... Спокойной ночи, — он снова подхватил чемодан и пустился вперед, — не обращая внимания на дождь, на грязь, на мокрые ветви, хлещущие по лицу.

Вот и кордон. Знакомое крыльцо, давно покосившаяся обитая клеенкой дверь, трясущиеся руки матери.

— Мама?... — он судорожно глотнул ртом воздух, не в силах больше вымолвить ни слова. Но все было ясно и так. По тому, как бессильно упали руки матери ему на плечи, по тому, как склонилась она к нему на грудь и затряслась в беззвучных рыданиях, по тому, какой холодной пустотой дохнуло из раскрытой настежь двери дома.

Часть вторая ВРАЖДЕБНЫЕ СИЛЫ

1

— Достаточно! — председатель Государственной комиссии кивнул Максиму и обернулся к экзаменаторам. — Я полагаю, такая работа сделала бы честь и студенту дневного отделения?

— Безусловно! — ответил за всех профессор Стогов. — Поздравляю, Колесников. Ваша дипломная вполне может перерасти в диссертацию. Желаю успеха!

Максим вышел в коридор, отер пот с лица, в раздумье пересек вестибюль. Вот и закончен институт. Не совсем так, как было задумано восемь лет назад. И все же — гора с плеч. К нему подошла секретарь факультета:

— Колесников, зайдите в деканат. Вас хочет видеть доцент Платов.

— Доцент Платов? Знакомая фамилия...

— Он из Восточно-сибирского филиала. Очень просил разыскать вас.

Максим заглянул в деканат. Навстречу ему поднялся высокий мужчина в светлом плаще. Максим в нерешительности остановился. Где он видел это лицо?... И вдруг узнал:

— Антон!

— Максимка, черт! — Платов стиснул его в железных объятиях. — Поздравляю! Слышал о твоей работе. Молодец!

— Да вот, кончил-таки... А как ты?

— Ну, это длинная история. Да и не стоит мешать людям. Едем ко мне в гостиницу!

— Зачем в гостиницу? Пойдем ко мне. Или в ресторан. Сегодня такой день, что не грех и отметить...

— Не беспокойся, я все предусмотрел.

На столе в номере Антона, действительно, выстроилась целая батарея бутылок. Он сбросил плащ, толкнул Максима в бок:

— Садись, располагайся.

Максим сел на диван. Антон подошел к столу и, подбросив бутылку в воздух, ловко поймал на лету.

— Армянский коньячок! Такого днем с огнем не сыщешь. Максим с удивлением смотрел на когда-то угрюмого, не в меру аскетичного друга. Тот привычным жестом, раскупорил вино, открыл банку с икрой, нарезал лимон: — Давай ближе. С защитой!

Друзья выпили. Антон закурил. Максим взял дольку лимона:

— Ну, рассказывай, где ты, что ты, как жизнь?

— Жизнь идет, Максим. В прошлом году получил кафедру. Оборудовал лабораторию. Подобрал людей. Начинаем выдавать идеи. Но все это, как говорится, для дела. А для души...

— Снова что-нибудь вроде аствия?

— Почему вроде? Именно астий. Я, как видишь, однолюб. Но вот с астием плохо. По-прежнему нет фактов, нет людей, которые загорелись бы этим делом. Ты думаешь, зачем я сюда приехал? Я приехал за тобой. Дуй ко мне в аспирантуру! Вытащим на свет божий наши идеи, щелкнем по носу Стогова.

— Но как ты узнал, что я кончил институт?

— Встретил в Новосибирске твоего руководителя. Он рассказал. Ну, как, идешь ко мне?

— Подожди, Антон. Как же так, сразу? Надо подумать. Ты лучше расскажи, как живешь, что у тебя за семья?

— «Семья-то большая...» — начал Антон со смехом. — Две дочери, теща, ну и жена, само собой. Да ты ее знаешь. Помнишь Светку Снегиреву о агрономического? Она ещё в тот год с Ларой... Что с тобой?

Максим больно закусил губу.

— Н-да... — Антон нахмурился. — А в общем — дурачье!

— Кто?

— И ты и она. Да вот, полюбуйся, специально для тебя таскаю, — он порылся в кармане пиджака и вынул небольшую любительскую фотографию.

Максим бережно положил ее на ладонь. Лара... Такая же, как семь лет назад. Только очень худая. Да в глазах не то боль, не то испуг.

— Вот такой я и встретил ее нынешней весной.

— Где? — с трудом выдохнул Максим.

— В Ленинграде. Теперь она там живет, работает в каком-то НИИ.

— Замужем?

— Да. Только, кажется, не все у них ладно... Понимаешь?

Максим почувствовал, как в душе у него что-то повернулось да так и не встало на место. Он налил коньяку и залпом выпил Антон снова закурил:

— Теперь ты рассказывай.

— Да что рассказывать... Похоронил отца и мать. Женился на Марине. Работал, учился. Вот и все...

— Работал, учился! Ты что, анкету заполняешь? Почему никому не писал? Почему спрятался от друзей?

— Так получилось... Отца я не застал в живых. А вскоре нема и мать. Пришлось пойти работать. До писем ли было? К тому же тебя здесь уже не было. А Лара... Не мог я ей писать. Мать не вставала с постели. Марина ухаживала за ней, как могла. Ну и, сам понимаешь...

— Приходится понять.

— А когда мать умерла, мы перебрались сюда, в город. Я устроился на завод, поступил на вечернее отделение. И нот, видишь...

— Черт знает, что за фортели выкидывает иногда жизнь. И всегда все бывает по-своему правы.

— Нет, Антон! Не знаю, как другие, а для меня нет оправдания. Кроме разве одного. Но об этом после... — Он снова взял фотографию и долго всматривался в милые Полузабытые черты. — Ты оставишь это мне?

— Для тебя и выпросил.

— Спасибо, Антон.

— Ну, а как с моим предложением? Максим долго молчал:

— Я хотел бы работать с тобой...

— Так в чем дело?

— Боюсь, не стану твоим союзником.

— Почему?

— Видишь ли, за эти годы у меня было достаточно времени подумать, перечесть все, что написано на этот счет, поговорить с биологами, медиками, антропологами...

— Стоговым!

— Да, не раз мы обсуждали этот вопрос с Семеном Александровичем. А главное — я тщательно познакомился с материалами последних раскопок Ричарда Лики в Восточной Африке.

— Ты имеешь в виду «череп 1470»? [Под таким регистрационным номером числится череп ископаемого человека, найденный Ричардом Лики в 1972 г. к востоку от озера Рудольф (Восточная Африка) в коллекционных описях национального музея Кении и Найроби.]

— Да. Ведь возраст его по данным калий-аргонового анализа около трех миллионов лет, что много древнее предполагаемого тобой переселения рамапитеков в Африку,

— Так...

— К тому же объем мозга этого ископаемого человека не меньше восьмисот кубических сантиметров, а надглазничных маликов нет совсем.

— Допустим.

— Но это позволяет поставить его выше и питекантропов и синатропов и неандертальцев, то есть практически всех ископаемых гоминидов, которых до сих пор рассматривали в качестве эволюционных предков человека!

— Ничего не имею против.

— Но при чем тогда Джамбудвипа и перволюди, пришедшие с севера во время астийского оледенения?

— А как же твои находки на Студеной? — ответил Антон вопросом на вопрос.

— Это другое дело. Другая загадка. И я буду ее решать.

— Так, чудак-человек, я и предлагаю тебе решать эту загадку. Будем решать вместе. И посмотрим, кто прав. Не в моих правилах навязывать свое мнение коллегам.

— Что же, если так, я соглашусь, наверное. И вот мой первый вклад. — Максим вынул из кармана потертый пожелтевший конверт. — Сегодня я могу наконец прочесть это. И даже показать тебе.

Антон взглянул на конверт:

— «...не раньше, чем закончишь институт и лишь в том случае, если займешься этим делом...» Каким делом? Что это за письмо, откуда?

Максим ответил не сразу:

— Этот пакет оставил мне очень хороший человек, мой первый учитель геологии, на глазах которого сгорел известный тебе алмаз, оставил как свое завещание. А дело, о котором идет речь... То самое, каким ты предлагаешь заняться.

— Не может быть! Читай скорее!

Максим осторожно вскрыл конверт. На маленьком листке из пикетажной книжки было написано простым карандашом:

«Дорогой мальчик! Я знаю, меня не будет в живых, когда ты прочтешь это письмо, поэтому могу сказать, что любил тебя, как сына. Это и не позволило мне взвалить на твои плечи загадку, которой я тяготился многие годы. Не решился бы я на это и сейчас, если бы не твои собственные находки на Студеной. А дело в том, что лет за пять до встречи с тобой при шурфовке астийских отложений в верховьях ручья Гремячий, что в десяти километрах к северо-западу от Вормалея, мне встретился зуб, мало чем отличающийся от зуба человека. Пораженный такой находкой, я перерыл весь ручей и нашел еще один зуб. Оба они лежали «ин ситу» [«На месте нахождения» (лат.)], зубы были сейчас же отправлены специалистам. А череп три месяца пришло письмо, в котором меня обвиняли в шарлатанстве, научной недобросовестности и тому подобных грехах. Это не помешало, впрочем, вежливым ученым любезно уведомить меня, что оба зуба, «к сожалению, утеряны». Вот почему я так болезненно реагировал на твои находки в Вормалее и посоветовал никому не говорить о них до поры до времени. Ты был еще слишком молод и неопытен. Я же ни в чем не мог тебе помочь. Теперь ты взрослый, по-видимому, горный инженер, и сможешь найти факты уникальнейшей ценности. Но! Никаких ссылок на то,

что уже потеряно. Только новые факты, как можно больше фактов. Успехов тебе, мой юный друг, мой милый родной мальчик. Крайнев».

Максим в раздумье свернул листок, сунул письмо в конверт. Антон схватил его за руку.

— Ты обещал показать!

— Да-да, читай, — он положил письмо перед Антоном. Тот прочел залпом:

— Н-да... Хватило сегодня эмоций для твоей многострадальной души. Но жизнь продолжается, Максим! Это такая новость! Такая новость, о какой я не мог и мечтать! Зубы человека в слоях Сибирского аствия! Едем, друг. Сегодня же! Сейчас!

— Куда?

— Сначала ко мне, потом в Вормалей. Других путей у нас теперь не будет. Надо использовать еще это лето. Считай, что ты уже мой аспирант.

— Но я еще не все сказал, Антон. Почему, как ты думаешь, исчезли эти зубы, пропала шестерня, сгорел алмаз?

— Да мало ли... Этого теперь не узнать.

— В том-то и дело, что я знаю... кое-что.

— Знаешь, от чего сгорел бриллиант?!

— Я не могу сказать точно, отчего сгорел алмаз. Но существует какая-то определенная связь между ним и еще одним... человеком. Дело в том, что на одной грани алмаза был вырезан цветок. И этот цветок, вернее, точно такой цветок, я дважды держал в руках.

— Ничего не понимаю.

— Я сам еще многого не могу понять. Все началось давно. Лет, наверное, пятнадцать назад. В один из таких же вот летних дней, точнее, ранним утром... — и Максим рассказал все, начиная со спасения таинственной незнакомки, кончая неожиданным вмешательством каких-то грозных сил в драку на вормалеевской дороге. — Что самое интересное, — закончил он, — пиджак и рубаха, как оказалось, действительно были прорезаны насквозь и испачканы кровью, на теле же — ни одной царапины.

— Так-так... — Антон недоверчиво покачал головой. — И все это, думаешь, тоже не обошлось без той русалки?

— Я уверен в этом. Иначе нет никаких объяснений...

— Ну, если исходить из таких «доводов», можно доказать что угодно.

— Потому я и не пытаюсь ничего доказывать. Ведь то, что, очнувшись в ту ночь, я ощутил запах астийского эдельвейса, — тоже не бог знает какой «довод». По крайней мере, для тебя.

— Нет, это уже кое-что. Но ты сказал, дважды держал в руках мифический эдельвейс. А судя по твоему рассказу...

— Вот сейчас я и хотел перейти к этой второй истории с цветком. В тот день должна была состояться помолвка у нас с Мариной. Ей самой я еще ничего не говорил. А мать, которой стало совсем уж плохо, добилась-таки от меня обещания сделать предложение. Было это в какой-то праздник. Вечером мы с Мариной собирались в клуб. Потом к нам должны были прийти ее родные, кое-кто из знакомых. Словом, все было решено. А на душе у меня — «Последний день Помпеи». Места себе с утра не находил. И потянуло меня за каким-то чертом на озеро. Там, понятно, не было ни души. Дело было глухой осенью. День стоял холодный, с ветерком. Лес вздыхал, как старухи на поминках. А с неба сыпалась такая мерзость, что хоть закрой глаза и вой! Сел я под кедром на мокрую корягу и задумался. Очень не хотелось связывать свою жизнь с Мариной, и не мог я отделаться от мысли, что обязан это сделать. Не потому, что наши отношения зашли слишком уж далеко. Просто жалко ее было. С детства дружили. А в последнее время она особенно привязалась ко мне. Да и мать почему-то очень хотела этого.

Словом, сижу так, думаю и слышу вдруг, будто музыка прорывается сквозь ветер. Такая точно музыка, как тогда, на Лысой гриве. Тут уж совсем мне невольно стало. Глянул я на озеро и глазам не верю — неподалеку от обрыва, в том самом месте, где вытащил я когда-

то свою незнакомку, вынырнул из воды астийский эдельвейс. Гонит его ветер к берегу, вертит во все стороны, и то красным огнем он вспыхнет, то фиолетовым.

Вскочил я с коряги и — вниз, к тому месту, куда цветок несет. Выловил эдельвейс из воды, смотрю на него и дрожу, кик в лихорадке, то ли от холода, то ли еще от чего. А с лепестков у него вода: кап, кап... Точь-в-точь, как слезы. Плачет цветок, да и только! Я уж и сам готов был зареветь. А может, и ревел, глядя на цветок и вспоминая свою Нефертити. А тут еще — дождь. Сильный-пресильный. Вымок я — ни одной сухой нитки не осталось. А Все не уйду. Все жду чего-то. Чего? И сам не знаю. Кажется, уж совсем стемнело, когда, слышу, сверху Марина кличет. Обернулся я. А она — как закричит! Будто что страшное увидела. И тут ка-а-ак грохнет! Гром. Гром осенью! Но это до меня потом дошло, что не могло быть грома в ту пору. А тогда до того ли! Потому что цветок — понимаешь, цветок, только что вытасченный из воды, под проливным дождем — вдруг вспыхнул, как тот алмаз. И перед глазами у меня — искры, сполохи. А лицо Марины... Страшно вспомнить. В общем... Нет, лучше не говорить!

Очнулся я в Отраденской больнице, в отделении для душевнобольных. И лежал долго. Всю зиму. Теперь понимаешь, почему я никому не писал? Лишь к весне перевели меня о терапевтическое. И тут случилась еще одна история. Только Нефертити уж здесь не при чем, я знаю. Лежал я как-то ночью у окна — не спалось. Вдруг из открытой форточки — маленький букет подснежников. Наших, из тайги. И пахло от них лесом, сырой свежестью, весной. Кто их бросил, я так и не узнал. А только с тех пор пошло дело на поправку К первому мая пришел я домой. Мать тогда уже не вставала с постели — Марина даже жить перебралась к ней. Ну вот и. все.

Антон молчал. Максим усмехнулся:

— Знаю, о чем ты думаешь. Думаешь, что и все, что я. говорил до этого, было бредом сумасшедшего? И я так думал, Антон. И, веришь, даже радовался этому. Иногда мне начинало казаться, что не было и тебя, и Лары... Но однажды летом, копаясь на озере в песке, я выкопал... обгоревший цветок.

— Не может быть!

— Если бы не было! Но нет, я узнал его сразу. Один бутон остался почти целым и сохранил еще запах эдельвейса. И этот запах... Я будто очнулся, Антон, но... — он снова налил коньяку и выпил, не закусывая. — А эту... свою русалку ты больше не встречал?

— Ни разу! Вот уже семь лет. Словно ее и не бывало. Ни ее, ни астийского эдельвейса, ни звезды...

— Какой звезды?

— Да, понимаешь, каждый раз, как я видел или слышал свою Нефертити, в небе появлялась странная голубая звезда...

— Час от часу не легче! А кто-нибудь кроме тебя замечал ее, эту звезду?

— Нет, по-моему, никто. Может, и мне она только казалась. Но с тех пор — как отрезало! И я знаю, почему. Потому что женился на Марине. Несмотря на все ее предостережения...

— Ну, это еще вопрос, — Антон задумался. — А как семейная жизнь? Все хорошо?

Максим вздохнул:

— Живем...

— Понятно.

Максим снова налил вина.

— А не хватит тебе?

— Ну да, теперь ты думаешь, я несу околесицу с пьяных глаз. Так вот, смотри! Видел ты что-нибудь подобное? — Максим вынул из кармана небольшую плоскую коробочку и положил перед Антоном. Тот нетерпеливо снял крышку:

— Цветок?! Тот самый?

Тонкий горьковатый аромат заполнил комнату. Антон осторожно извлек полуобгоревший побег и раскрыл венчик бутона:

— Да-а... Я, конечно, не ботаник, но, насколько мне известно, ни один цветок сибирской флоры не имеет такого строения. Что же касается запаха, то я не нахожу слов... — он поднес бутон к носу. — И ты хорошо помнишь, что именно такой цветок был вырезан на алмазе?

— Точно такой, Антон. И такой точно запах я ощутил, когда обнаружил на пальцах ее волосы...

— Но это... Это же черт знает что! Мистика какая-то!

— Больше, чем мистика. Вот и подумай, стоит ли брать меня в аспирантуру. И вообще заниматься этим делом.

— Молчи, несчастный! Теперь я свяжу тебя и отправлю в институт силой, если ты вздумаешь отказаться от работы со мной. Такие факты! — он бережно вложил цветок в коробку и захлопнул крышку. — Зачем ты таскаешь с собой такую ценность?

— Вроде талисмана. Это единственное, что осталось в память о Ларе.

— О Ларе?! Она-то здесь при чем?

— Так разве я не сказал? В том-то и дело, что эта зеленоглазая Нефертити и Лара настолько похожи друг на друга, что я до последнего дня был в сомнении, не одно ли это лицо.

— Ну, знаешь! — Антон так и рухнул на стул.

— Да, Антон! Оттого и сложилось все так глупо в моих отношениях с Ларой. Когда я увидел ее в первый раз, то был убежден, что встретил вормалеевскую незнакомку.

— Но почему, черт возьми! Мало ли на свете похожих людей.

— Верно. Но Лару тоже окружала какая-то тайна. Она сама хотела рассказать...

— Знаю я эту «тайну». Пустяк и больше ничего!

— А все-таки?

— Что же, теперь можно сказать. — Антон порылся у себя в портфеле и, вынув пачку бумаг, выбрал из нее большую цветную фотографию. — Не удивляйся моей предусмотрительности. Я ждал этого вопроса. Хотя и не мог предположить, что у него будет такая увертюра. Взгляни-ка сюда.

Максим взял фотографию:

— Кто-то похожий на Лару... Ее сестра?

— Нет, сама Лара. Такая, какой она была за год до твоего приезда. Видишь, здесь даже дата. Я сам сделал этот портрет.

Максим с удивлением рассматривал фотографию. Девушка на ней была безусловно похожа на Лару, но только похожа, не больше. У нее были русые волосы, простые серые глаза. Фото, конечно, могло не передать того лучистого блеска, какой всегда поражал в глазах Лары. И все-таки...

— Но ведь это совсем...

— Да, совсем другой человек. И тем не менее это Лара, такая, какой я знал ее в то время...

— Антон с минуту помолчал. — А потом произошло вот что. Летом перед твоим приездом она вдруг заболела. Совершенно неожиданно. И как-то... странно. Целый день была в почти бессознательном состоянии. Врачи только головами качали. А на следующее утро все прошло, от болезни не осталось и следа. Зато через несколько дней... — он снова помолчал. — Через несколько дней, Максим, у нее начал меняться цвет волос и глаз. И вообще она становилась какой-то другой. Постепенно изменился даже голос. Я думал, она увлеклась косметикой, начал вышучивать ее, а она в слезы. И вот, понимаешь....

— Невероятно!

— Все так считают. А мне кажется, ничего невероятного. Многие болезни мы просто мало знаем. Конечно, для ее психики это было нелегким испытанием. Любителей позлословить у нас достаточно. К тому же, как она говорила, у нее произошло нечто вроде раздвоения сознания.

— Как, раздвоения сознания?

— Понимаешь, словно в ней поселился кто-то другой, какой-то подсказчик: делай то, делай так... Даже во сне ее будто кто-то поучал. Да и сами сны стали необычными: то приснится какой-то незнакомый ландшафт, то послышится музыка, какой она никогда нигде не слышала...

— А цветы? Она ничего не говорила о каких-нибудь диковинных цветах?

— Цветы? Да, верно, и цветы снились. Но у больного все это в порядке вещей, особенно когда задета психика. Так что, как видишь, ничего особенного. Просто редкая, неизвестная болезнь...

— Да... Может быть, тут и не было бы ничего особенного, если бы эта ее болезнь не приключилась двадцать шестого июля, в тот самый день, когда я увидел на озере Нефертити...

— Ну, мало ли совпадений!

— И если бы цветы, которые она видела во сне, не были астийским эдельвейсом.

— Не может быть!

— Да, Антон, мы говорили с ней о них.

— Но это уже...

— Во всяком случае, это уже не «пустяк». Я абсолютно убежден, что и Лара, и вормалеевская незнакомка... Словом, какая-то связь существует между ними. Только какая?

— Н-да... Если сопоставить все, что ты рассказал... Однако я слишком хорошо знал Лару. И не замечал в ней ничего необычного. Ее, правда, часто угнетало что-то. Но я думал — болезнь. Мне было просто жаль ее. Я делал все, чтобы отвлечь ее от этого недуга. Ведь для меня она... Ну да, говорить — так все! Она мне очень нравилась, Максим, только... В общем, был у нас однажды разговор, и я понял, что мы никогда не будем больше, чем друзьями. А тебя она любила... Хотя ты, похоже, и заинтересовался ею только потому, что нашел сходство с какой-то русалкой. А для меня она всегда была лучшей из лучших. Она — Лара! И такая вот, как здесь, на этой фотографии, она в тысячу раз дороже мне, чем та, какой стала позже, — красавицей, так поразившей твое воображение. Впрочем, ты и такой не оценил ее. Для тебя дороже всего было распутать твою «головоломку». Что же, за это ты мне и нравишься. Жаль, конечно, Лару, но...

Что-то похожее на раскаяние шевельнулось в душе Максима. Он снова придвинул к себе фотографию и вдруг почувствовал, как все в нем словно оцепенело от внезапного прозрения: здесь, на снимке, он впервые видел Лару в сильно открытом платье и смог заметить, что на правом плече, где у загадочной Нефертити было небольшое родимое пятнышко — он отлично помнил эту фиолетовую родинку возле самой шеи — у Лары не было абсолютно ничего, идеально чистая кожа. Но, может быть, это лишь на снимке?...

— Слушай, Антон, вспомни, пожалуйста, не было ли у Лары вот здесь, на плече, какого-нибудь пятнышка?

— Ну вот! Я ему о человеке, равного какому нет, может быть, на всем свете. А он — пятнышко!

— Но это так важно, Антон! Как ты не поймешь?

— Опять что-нибудь с этой русалкой? У нее, что ли, была тут родинка?

— Да. Да, Антон! Я помню это совершенно точно, с тех пор еще, как вытащил ее из воды. И потом у озера. А здесь, на снимке... Или это несовершенство фотографии?

— Фотография что надо! У Лары не было здесь никакого пятнышка.

— Так, значит, все... Все, Антон! Нечего больше и разгадывать.

— Ты, кажется, даже жалеешь об этом? Максим долго молчал:

— Как тебе сказать... Ты можешь снова упрекать меня. Я это заслужил. Того, как я поступил по отношению к Ларе, я не прощу себе всю жизнь. Но пойми, я полюбил эту девушку с Вормалеевского озера еще той ночью, когда слушал музыку на Лысой гриве. Стоит ли говорить, что я почувствовал, увидев Лару. Я не сомневался, что это она. Единственное, что можно было допустить еще, это то, что и там, в тайге, я встречался с

Ларой. Во всяком случае, для меня обе они всегда были одним человеком. И всегда окруженным тайной. Только в последний день...

— Ясно. И не будем больше трогать Лару. На ее долю во всей этой истории выпала, очевидно, самая незавидная роль — роль жертвы. Ну, а тайна... Тайна осталась и теперь. Кому и зачем нужны были эти фокусы? Почему выбор пал именно на Лару? Какое отношение имеет все это к твоим находкам на Студеной, к астийскому человеку? Словом, задал ты мне загадку! Жаль, что мы говорим об этом не восемь лет назад. Но все равно, поступай ко мне, Максим! Будем работать вместе. Один ты не решишь этой загадки. А ее нужно решать. Во что бы то ни стало! В общем так, — даю тебе три дня на сборы, оформление и тому подобное. Через три дня выезжаем. Устроишься пока у меня.

— Постой!

— Никаких «постой». К осени выхлопочем квартиру. Да, совсем забыл спросить, какая все-таки у тебя семья?

— Жена, сын.

— Отлично. Жене работу подыщем. Детсад у нас ведомственный. И еще — туда, в Вормалей, по-прежнему кроме вертолета никакого транспорта?

— Нет, что ты! В позапрошлом году железную дорогу протянули. Там сейчас такой леспромхозище, — скоро лесу не останется.

— Вот и прекрасно. Понимаешь, не переносу самолета.

2

— Копай здесь! — скомандовал Антон, выключая радиометр и очерчивая носком сапога круг в углу ямы.

Максим с размаху вонзил лопату в землю.

— Не так, легче! Снимай грунт тонкими слоями и сыпь сюда на эту площадку.

Максим осторожно срезал дерновину, поднял первый слой земли. Антон начал просеивать его через металлическое сито...

Они прибыли в Отрадное вчера вечером, сняли квартиру, перенесли со станции багаж. А сегодня с восходом солнца, не тратя времени на распаковку вещей, захватив лишь самое необходимое, отправились на Малеевское пепелище.

Расчистка пепелища была первым пунктом из того, что они наметили сделать летом нынешнего года. Затем предполагалось заложить с помощью бригады рабочих несколько штолен в обрывах Студеной и, если позволит время, посетить ручей Гремячий. На следующий год была запланирована экспедиция к Лысой гриве.

Кордон Вормалей за те годы, что не видел его Максим, изменился до неузнаваемости. Дома взобрались на сопку, сбежали вниз чуть не до самого озера. Густой ельник, что отделял его от Малеевского пепелища, поднялся в рост человека. Само пепелище еле удалось разыскать, так поросло оно малинником и пихтачом. Обоим пришлось основательно помахать топором, прежде чем Антон смог спрыгнуть в яму и пустить в ход радиометр. Зато первые же замеры превзошли все ожидания. В северо-восточном углу ямы прибор обнаружил такую аномалию, что стрелка как сумасшедшая заметалась по шкале. Теперь оставалось копать и копать.

Но прошел час, другой. Возле Антона выросла целая гора просеянной земли. А на сите все так же оставалось лишь стекло, ржавые гвозди, битый кирпич и тому подобный мусор. Яма углубилась настолько, что Максим давно уже стоял на коленях и орудовал не столько лопатой, сколько голыми руками. Антон снова включил радиометр, спустил шуп в закопушку. Стрелка метнулась в сторону.

— Яму надо расширить. Объект глубже. Давай лопату! Вскоре закопушка превратилась в удобный шурф, лопата

вошла в плотный коренной песчаник. Лишь в центре ямы выделялось небольшое пятно замусоренной почвы. Антон тщательно подчистил дно шурфа:

— Все ясно. Я стою на дне бывшего подвала. А это — закопанный тайник, — он осторожно погрузил лопату в мусор — она уперлась во что-то твердое. — Есть! Дай нож, Максим.

Они углубились еще сантиметров на двадцать.

— Стоп! Видишь? — Антон подчистил землю щеткой. В яме проступил обруч, обтянутый кожей.

Максим потянулся к нему с лопатой.

— Куда? С ума сошел! Рой по краям. И по сантиметрику, не больше.

Вскоре из земли показался большой глиняный горшок. Антон окопал его со всех сторон, обвязал снизу веревкой:

— Теперь тянем!

Через минуту горшок был на поверхности. Антон аккуратно распутал стягивающую его проволоку, снял кожаную крышку. Под ней оказались полуистлевшие царские ассигнации.

— Только и всего! — разочарованно протянул Максим.

— Этого следовало ожидать, — Антон расстелил плащ. — Ну-ка тряханем!

Друзья перевернули горшок, и целая груда разноцветных кредиток вывалилась на плащ.

— Но где же крест? — Антон снова потянулся к радиометру.

— Не надо, вот он! — Максим вытащил из-под ассигнаций небольшую красноватую пластинку.

— Это — крест?! — Антон положил на ладонь искусно выточенную четырехлопастную деталь, напоминающую миниатюрный гребной винт. В центре его было отверстие с нарезкой. По краям лопастей шла тонкая вязь замысловатого орнамента.

— Должно быть, он. Такого же цвета была и моя шестерня, — Максим царапнул «крест» алмазным стеклорезом. Тот не оставил ни малейшего следа. — Он!

Антон поднес находку к радиометру:

— Ого! Ладно, потом исследуем досконально, а сейчас давай его сюда, — он положил крестик в свинцовый контейнер и плотно завинтил крышку.

Максим сложил в рюкзак инструменты, затолкал плащи:

— Клади и контейнер, места хватит.

— Ну нет, я его из рук не выпущу, — Антон перекинул через плечо радиометр и выпрыгнул из ямы. Максим выбрался за ним следом:

— Давай напрямиком. Тут, правда, лесом. Зато сразу выйдем к озеру.

Антон посмотрел на часы:

— Пошли. Мне самому не терпится взглянуть на него.

— Тогда прямо на солнце! — Максим разыскал знакомую тропинку. Над головой снова сомкнулись тяжелые лапы елей.

Путь вдоль реки оказался не из легких. По тропе не ходили, видно, много лет. Оба словно опьянели от радости. Более удачного начала трудно было представить. Разговоров о счастливой находке хватило на всю дорогу. А вот и озеро. Оно открылось сразу, только друзья поднялись к обрыву, и у Максима защемило сердце от нахлынувших воспоминаний. Он бросил рюкзак на землю, подошел к самой круче. Все здесь было прежним, знакомым до мельчайших деталей.

— Вот тут, Антон, и началась эта удивительная история. Там вон, против мыска с кривой лиственницей, я выловил ее из воды. А под тем кедром — видишь, с обломанной верхушкой? — разговаривал с ней в день отъезда в институт. Все вроде и забылось с тех пор. А стоило вот прийти сюда, увидеть все это, как веришь, будто... Антон, что с тобой?!

— Максим бросился к побледневшему приятелю. Но тот как-то сразу обмяк, пошатнулся и, неловко взмахнув руками, рухнул вниз с обрыва.

Максим, не раздумывая, прыгнул следом. Через секунду оба вынырнули на поверхность. Максим что было сил поплыл к Антону:

— Держись! Я мигом.

Антон лихорадочно срывал с плеч радиометр. Максим помог ему сдернуть ремень:

— Давай к кедру, там мельче.

— Зачем к кедру! Бросай радиометр, ныряй!

— Да что случилось?

— Контейнер!!!

Тут только Максим вспомнил, что в руках у Антона был контейнер с драгоценной находкой.

— Ты выпустил его? На такой глубине?! Эх, Антон... Но тот уже скрылся под водой. Через минуту он вынырнул, чертыхаясь и отплескиваясь:

— Ну, что же ты?!

— Без толку, Антон. Все пропало. Ты не знаешь озера. Я был еще мальчишкой, когда вормалеевские мужики спускали в этом месте четверо вожжей, да так и не достали до дна.

— Проклятье! — он выбрался на берег, сбросил намокшую одежду. — Что же теперь делать?

Максим достал из рюкзака спички, разжег костер:

— С контейнером придется проститься.

— Ни за что! Контейнер надо достать. Чего бы это ни стоило!

— Садись к огню, сушись! Кто отважится лезть в такую глубину. К тому же там ледяные ключи. И потом... Этого следовало ожидать, я говорил тебе.

— Ерунда! Так можно внушить себе, что угодно. Просто закружилась голова от высоты. У меня это с детства. Недаром не переносу самолета.

Он подсел к костру, закрыл глаза от дыма:

— Скажи, какие предприятия сейчас в Отрадном?

— Я давно сюда не заглядывал. Помнится, был хлебозавод, мельница, фанерная фабрика...

— Это не подойдет. Еще что?

— Потом, я слышал, появился какой-то химический заводик, небольшая гидроэлектростанция...

— Стой! Это то, что надо. Гидростанция... При желании они могут вызвать водолазов. Завтра же нагрянем к директору этой станции. А сейчас — заметь поточнее место, где я упал, и — в Отрадное! Надо еще местным властям представиться.

Водолазов вызвать не удалось. Однако директор гидростанции порекомендовал обратиться к недавно демобилизовавшемуся матросу, у которого, как он утверждал, был вполне исправный акваланг. Максим не замедлил воспользоваться советом. Но каково же было его изумление, когда в бравом старшине-подводнике он узнал Костю Макарова, одного из братьев-близнецов, вместе с которыми жил когда-то на кордоне.

— Костька, ты?

— Максимка! Разноглазый!

Друзья обнялись, расцеловались, засыпали друг друга вопросами. Не прошло и получаса, как Максим сидел за празднично накрытым столом, и Костя, уже захмелевший от крепкой, домашнего приготовления настойки и бесконечных воспоминаний, хлопал его по плечу и в третий или четвертый раз спрашивал:

— Так, значит, соскучился по родным краям?

— Конечно, о чем говорить.

— А я, брат, поселился было после армии на Украине. Да нет, тянет тайга...

— А море вспоминаешь?

— Море тоже берет за душу. Ой, как берет! Да ведь я с детства в тайге...

— Но ты, говорят, и акваланг с собой прихватил?

— Даже два. Новехонькие. Хоть сейчас в воду! Да где тут с ними?...

— А в нашем озере не пробовал?

— Холодно там, сам знаешь. Да и...

— Что еще?

— Дурные слухи идут о здешних озерах.

— И ты до сих пор веришь? А я хотел просить тебя как раз в озеро спуститься.

— Зачем?

— Штука одна утонула под обрывом. А очень она мне нужна.

Костя заерзал на стуле, начал водить вилкой по пустой гарелке. Максим выжидающе молчал:

— Боишься?

— Кто, я? Старшина-подводник?! Да хочешь, прямо сейчас спущусь?

— Зачем сейчас, давай в воскресенье утром, если свободен.

— Лады! Достанем твою штуковину.

— Ну и отлично! — сказал Антон, выслушав Максима. — «Крестик», считай, у нас в кармане. А теперь вот что, познакомь-ка меня с кем-нибудь из здешних старожилов.

Максим подумал:

— С кем же, разве с дядей Степаном...

— Кто он, этот Степан?

— Степан Силкин? Старый vormалеевский охотник. Отличный следопыт, первый на кордоне стрелок и очень неплохой человек.

— Где он может быть, такая знаменитость?

— Если не в тайге, то дома, на кордоне. Соседями были.

— Пошли! Потолкуем с этим дядей Степаном. Силкин встретил их у себя во дворе, под навесом, где

чистил неразлучную двустволку:

— Никак Максим? Здравствуй, сынок! Вспомнил старика, уважил. Знал, что заглянешь в наши края, не даром тем крестиком интересовался. Нашли, что ли, его в vormалеевском-то кладе?

— Найти-то нашли, да снова потеряли. Утонул крестик и озере.

Силкин выслушал рассказ Максима, не спеша закурил:

— Да-а, может, и неспроста так-то вышло. Не все ладно в наших озерах. Факт! Давно пора заняться этим. Взять хоть Малю. Не добром кончил человек. А отчего? Не господь же бог его покарал.

— Вот мы и хотим покопаться, посмотреть, что к чему.

— И товарищ твой, значит, по этому делу?

— Да, познакомясь, дядя Степан, — Максим представил Антона.

— Отчего не познакомиться с хорошим человеком. Куришь? — он протянул Антону кисет.

Тот ловко свернул «козью ножку», чиркнул спичкой:

— Мы не просто в гости, дядя Степан. Нужен нам для работы человек — местный, старожил, знающий тайгу, ну и с головой на плечах.

— Так ведь много таких-то.

— А вы сами? Вы не пошли бы поработать к нам на лето? Силкин не заставил себя упрашивать:

— Отчего не пойти, можно и пойти. По годам я давно сам себе хозяин.

— Вот и хорошо. А сейчас я хотел бы узнать, не приходилось ли вам или кому из ваших знакомых находить тут по оврагам какие диковинные вещи, скажем, железку какую-нибудь особенную, кость, камень? И вообще — не сталкивались ли вы с чем-нибудь не совсем обычным, не поддающимся объяснению?

— Да ведь как сказать... Мало ли что бывало за всю-то жизнь. Может, и находил кто чего. Сразу не припомнишь. А вот насчет этого самого, необычного... Так одно озеро за Лысой гривой что стоит.

— Вы сами были в тех краях?

Силкин усмехнулся в седую, пожелтевшую от махорки бороду.

— Ты лучше спроси, где я здесь не был, сынок.

— Ну и что там на озере? Чем оно так поразило вас?

— Всяко бывало. Да только... На смех поднимете старика, не поверите. Скажете — известно, охотник!

— Что вы, дядя Степан! Расскажите. Для дела нужно.

— Ну, коли для дела, тогда так... Первый раз это было, почитай, годов двадцать пять назад. В то лето, когда вот Максим родился. Случилось мне тогда заночевать на озере. Да что-то проснулся среди ночи и не сплю. Лежу эдак вот с открытыми глазами, смекаю, долго ль до рассвета, слушаю по привычке. Ружье, понятно, под рукой. А из одежды — один плащ. Луна начала всходить. От воды, чувствую, сыростью тянет. И вроде бы зябко так. Надо, думаю, повыше перебраться, костер сообразить. Только поду мал, слышу — дитя плачет. Что за наваждение! Высунул голову из-за кустов. Мать честная! На берегу, у самой воды — бабенка с дитем. Худущая такая, простоволосая, в одном платишке. А младенец, тот и вовсе почитай что голый. Сидит у нее на руках, барахтается. А она уставилась на небо и вроде звезды считает. Забавно мне это показалось. Смотрю, что дальше будет. А дитенку-то, видно, не больно сладко на холоде. Сидел, сидел да и реву! Тут и баба будто очнулась, прижала его к груди, лопочет что-то, а из глаз — слезы. Ну, думаю, беда какая-то с человеком. Разве помочь чем?... Выскочил из кустов, и к ней. Да с дуру-то и ружье прихватил. Привычка! А со сна, известно — глаза дурные, волосы всклокочены. Да еще с ружьем Напугал, видно, бабу до смерти. Заметалась она по берегу, места себе не найдет. Потом остановилась, зыркнула на меня глазищами и рукой — вроде как отталкивает чего. Я хотел крикнуть, не бойся, мол, дура, с добром я. А язык — что бревно. Глаза ни с того ни с сего слипаются. В ногах дрожь. И вроде бы в яму лечу. В общем, хотите верьте, хотите нет, так и заснул, как подкошенный. Прямо на песке. Просыпаюсь — утро. И ни тебе той бабенки, ни дитяти. А у самой воды — следы. Ее, стало быть, следы. Начал я к ним присматриваться. Следы, как следы. Сразу видно — бабы, от туфель. Но вот диво — идут следы из воды и уходят опять в воду. Вроде бы как из воды она вышла и опять в воду схоронилась. Ну как вы все это объясните?

Антон молчал. А у Максима даже во рту пересохло от волнения:

— Дядя Степан, кто же был на руках у той женщины, мальчик или девочка?

— Поди-ка разбери! Младенец, он младенец и есть. Правда, ревел-то вроде как девчонка. Да мне тогда ни к чему...

— А сама женщина, как она выглядела?

— Как тебе сказать... Баба, как баба. Не то, чтобы молодушка, но и не старая еще. И по виду вроде из городских. Ростом эдак повыше тебя. Да больно уж худая...

— Ну, а глаза, черты лица?

— Больно я присматривался к глазам-то. Опять же ночь.

Оно хоть и Луна была, а все не с руки. Да, вот еще... Только тут уж меня самого сомнение берет, было это или не было... — старик выжидающе замолчал.

— Что же было? — подтолкнул его Максим.

— Да, понимаешь, вроде бы светилась она, бабенка-то, как гнилушка в лесу...

— Ну, хорошо, — вступил в разговор Антон. — А после? Что вы еще такого видели?

Силкин снова достал кисет, свернул сигарку, со вкусом затянулся:

— Бабенка эта больше не показывалась, нет. А вот знаки разные: то, стало быть, звуки какие, то вроде свет по ночам. Это было. Не раз. И другие примечали. Или хоть то возьмите в рассуждение, зимой-то озеро не замерзает.

— Ну, это в порядке вещей, — отмахнулся Антон. — Таких озер в Сибири хватает.

— Хватать-то хватает. Так ведь прежде-то, до того, как появились все эти знаки, таким льдом его заковывало, пешней не прошибешь. А тут, где-где — закраинка...

— Н-да... Все это любопытно, слов нет. Но нас интересует нечто более материальное, такое, что можно было бы в руки взять, пощупать, изучить, людям показать. Вот если бы вы, к примеру, хоть пряжку от туфли той русалки нашли.

— Так ведь нужды не было. А поискать, так, может, и сыщется что такое. Под лежащий камень вода не течет.

— Ясно! Будем искать. Для того и приехали. И еще у меня к вам просьба, дядя Степан, надо нам человек пять рабочих, шурфы копать, плот вот сделать. Вы не поговорите с кем-нибудь из знакомых?

— Почему не поговорить. Можно и поговорить. Мне здесь, почитай, все знакомы...

На обратном пути в Отрадное оба молчали. Антон был явно разочарован беседой с охотником, он ждал от него совсем другого. Максим же не мог отделаться от мысли, что девочка, которую видел Степан на руках у незнакомой женщины, была не кем иным, как Нефертити, ведь он был примерно одних лет с ней. Но кто она? И кто эта женщина, неведомо как оказавшаяся ночью на глухом таежном озере, — пассажирка потерпевшего аварию самолета, жительница какого-то секретного, никому не известного города? Почему она так странно вела себя при встрече со Степаном, куда исчезла? И главное — как связать все это с тем, что он сам видел на Лысой гриве?

А дома их ждал еще один сюрприз. С почты только что принесли телеграмму, из которой явствовало, что по данным прецезионных анализов, произведенных в лаборатории института, углерод, входящий в состав стебля и лепестков астийского эдельвейса, имел такой изотопический состав, какого нет и не может быть на Земле.

3

Солнце едва показалось над верхушками елей, когда они подогнали плот к месту, где затонул контейнер, и закрепили расчалками под обрывом. День обещал быть погожим: небо синело во всю ширь, и трава в ложках словно поседела от росы. Воздух над озером был недвижим, точно сгустился от утренней прохлады. Но сверху, от кордона, уже потянуло дымком, и первые блески побежали по воде.

Максим с нетерпением взглянул на Костю. Тот не спеша докурил, пощупал рукой воду и принялся облачаться: надел толстый фланелевый костюм, подвесил на спину баллоны, тщательно приладил маску и, присев на край плота, начал напяливать на ноги неуклюжие ласты. Максим с Антоном помогали, как могли.

Между тем солнце окончательно выкатилось из-за леса. Тени от деревьев быстро сжались, сдвинулись к берегу. В воздухе потеплело. Костя опробовал подачу воздуха и поднял руку:

— Ну?

— Постой! — Максим еще раз осмотрел его со всех сторон и привязал к поясу конец капроновой бечевы.

— Это зачем?

— Мало ли что может случиться. Дернешь два раза — сразу вытащим наверх.

— Лады! — Костя надвинул маску на глаза и, взяв в рот мундштук, соскользнул в воду. Веревка быстро побежала за ним следом. Максим лег на живот, стараясь рассмотреть приятеля сквозь толщу воды. Но снизу вырывались лишь гроздьи серебристых пузырьков. Наконец веревка остановилась. Все замерли в тревожном ожидании. Прошло с полчаса. Время от времени бечева снова начинала скользить под воду. Однако условных сигналов не было. Что там происходило, под водой?...

Но вот веревка ослабла, подвсплыла вверх. Глаза всех устремились на воду. Антон принялся торопливо выбирать бечеву на плот. Наконец Костя вынырнул. Но руки его были пусты. Он быстро подплыл к плоту, сбросил маску

— Какой он был, контейнер, пятнадцать на пятнадцать?

— Так примерно. Ты видел его?

— Его — нет. А углубление в иле, вроде как от банки таких размеров, — прямо под обрывом.

— Куда же подевался сам контейнер?

— Похоже, кто-то утащил его.

— Как утащил, куда?

— Понимаете, углубление это метрах в пяти от обрыва, на дне- А в самом обрыве — дыра так примерно в мой рост. И из нее вода прет? словно тебя отталкивает от обрыва Так вот, от самого углубления в эту дыру — вроде следы.

— Не может быть! — воскликнул Антон.

— Точно сказать, конечно, трудно. Течение все заносит помаленьку. Но кроме этих углублений на дне ничего нет. Я все кругом осмотрел. Стоило бы еще в дыру заглянуть, да там такая темнотища...

— Ну, а какие они, следы? — допытывался Максим — Зверя какого-нибудь или человека

— Вроде бы человеческие, продолговатые такие...

— Большие?

Костя пожал плечами!

— Нет, не очень. Да ведь течение, говорю, — заносит...

— Так. — Максим с минуту подумал, потом решительно потянулся за вторым аквалангом. — Нырнем, Костя, вместе, надо посмотреть.

— С ума сошел! Ты же акваланг в руках не держал.

— Не важно, покажешь, что и как. Вербки хватит на двоих. В крайнем случае вытащат обоих.

Костя в нерешительности взглянул на Антона... Тот покачал головой:

— Рискованно, Максим.

— Ну, если с самого начала думать о риске... Давай, Костя, помогай!

— Тогда захватим фонари. Похоже, это вход в пещеру. Попробуем заплыть.

— Само собой разумеется!

Через час одетый по всем правилам Максим, после подробных наставлений Кости, ушел под воду. Ему приходилось нырять и раньше. И немало. Но только сейчас, с аквалангом за спиной, он испытал ни с чем не сравнимое чувство подводного парения. Сила земного притяжения словно исчезла для него. Он мог скользить вверх, вниз, мог кувыркаться, повиснуть в самом неестественном положении. Ощущение такой свободы вызывало желание, порезвиться, поплавать наперегонки с рыбами.

Но Костя уходил все глубже, и Максим поспешил за ним. Теперь было не до шуток. Вода становилась холоднее, света — меньше. А главное, в нем все больше исчезали теплые красно-желтые тона, уступая место холодным голубым и зеленым. И вот уже ледяной аквамаринный сумрак обступил со всех сторон. Но вдруг стало светлее. Костя перестал скользить вниз и подал знак рукой. Максим замедлил движение — снизу наплывало дно. К удивлению Максима, на нем легко можно было рассмотреть каждый камешек, каждый бугорок.

А Костя уже звал его к себе, нетерпеливо указывая пальцем на дно. Максим подплыл к нему. Так вот оно, это углубление! Пожалуй, Костя прав. Очень похоже, что именно здесь стоял контейнер. Максим опустился к самому дну. Да, несомненно, это отпечаток его днища. А вот и следы. Слишком правильная цепочка углублений, чтобы их можно было принять за что-нибудь другое.

Максим медленно поплыл вдоль них, стараясь преодолеть встречное течение. Контур углублений были неясны, полузанесены илом. И все-таки можно было заключить, что следы оставлены очень небольшой, очень легкой, скорее всего, женской ногой. Они шли в одном направлении, в сторону обрыва, и не петляли ни влево ни вправо, из чего следовало, что человек, оставивший их, точно знал, куда и зачем идет.

А вот и обрыв. Темная громада его выросла неожиданно, будто поднялась со дна. Максим едва не стукнулся головой о камень, за которым открывалась черная зияющая дыра. Костя был уже тут. Он указал кивком на вход в пещеру и включил фонарь. Тонкий, ослабленный водой луч проник всего метра на полтора, но не уперся ни во что. Дыра уходила дальше и, похоже, не сужалась, в нее свободно можно было протиснуться даже с баллонами за

спиной. Целая стая рыбешек метнулась в свете фонаря и стремительно умчалась в глубь каменного грота.

Максим включил фонарь и осторожно полез в отверстие. Костя последовал за ним. Двигались медленно, тщательно высвечивая все вокруг, то опускаясь вниз, то всплывая выше, к самому потолку пещеры.

К сожалению, фонари давали слишком мало света, к тому же все время приходилось бороться со встречным течением. Однако постепенно стало ясно, что грот представляет собой длинную узкую щель с очень неровными, голыми стенками. Она шла в сплошном массиве известняка, не сужаясь и не расширяясь, видимо, не меняя направления, и ничего, решительно ничего не говорило о том, что здесь могли быть какие-то люди.

Максим решил уж повернуть обратно, чувствуя, что длина веревки на исходе, когда внимание его привлекло что-то красное, вроде тонкой паутинки, мелькнувшее в луче света. Так могла выглядеть прядь волос, зацепившаяся за камень! В памяти всплыло нечто похожее, виденное много лет назад. В сильном волнении он попробовал снова нащупать фонарем этот участок свода. Но тут до слуха его донесся глухой гул, словно там, в глубине пещеры, произошел гигантский обвал.

Максим перенес луч света вперед, стараясь установить причину необычных звуков, но вдруг почувствовал сильный удар по всему телу и такую острую боль в голове, что едва не вскрикнул и не выронил изо рта мундштук. Страшная неодолимая сила рванула его к выходу из пещеры и в одно мгновение вытолкнула обратно в озеро. Он попытался сообразить, что же произошло. Но боль в голове стала еще сильнее, будто в виски, затылок, скулы вонзились тысячи игл.

Так это маска сдавила голову, словно клещами! — догадался он, вспоминая наставления Кости. В таком случае, говорил Костя, надо немедленно выдохнуть воздух в маску через нос. Так Максим и сделал. Стекло сразу запотело. Но маска отошла от лица и боль постепенно утихла. Он смог оглядеться по сторонам. Кругом был знакомый зеленоватый полумрак. Как в лунную ночь в тумане. И ни дна, ни обрыва. Стало быть, вода выбросила их далеко. Но где же Костя? Однако не успел Максим подумать, где искать приятеля, как тот выплыл откуда-то снизу и, схватив Максима за пояс, повлек его кверху.

Напрасно старался Максим показать знаками, что он в полном сознании и может двигаться самостоятельно. Костя вытащил его на поверхность и, сорвав с головы маску, начал плескаться в лицо водой.

— Да ничего со мной не случилось. Чего ты? — взмолился Максим, закрывая лицо руками.

— Но ты весь в крови!

— Как в крови? — растерялся Максим, хватаясь за лицо и с удивлением убеждаясь, что пальцы стали действительно липкими от крови.

— Ну, что там у вас? — послышался голос Антона с плота.

— Все в порядке, сейчас расскажем, — ответил Костя, продолжая смывать кровь с лица Максима. — А-а, это у тебя из носа! Ну, ясно — обжим! Маска присосалась?

Максим кивнул:

— Но я все сделал, как ты говорил.

— Молодец, что не растерялся, главное, мундштука изо рта не выпустил. А я как глянул через твоё стекло, увидел кровь, ну, думаю, только бы наверх выбраться...

— Но что все-таки произошло

— Что произошло, понятно, — гидравлический удар. Понимаешь, как в насосе. Словно кто поршень всадил в эту дыру. Потому и такое давление. А вот отчего удар?

— Может, обвал?

— Едва ли. Ведь нас как из пушки выбросило.

— Да, загадка! — согласился Максим, припоминая все детали случившегося.

Антон с нетерпением ждал их на плоту.

— Ну, что там, рассказывайте?

Максим подробно рассказал обо всем, за исключением мелькнувшей прядки волос. В конце концов он сам не был уверен, что видел их в пещере. Мало ли что могло показаться в слабом свете фонарика.

Антон принял решение сразу:

— На «крестик» время тратить не будем. Объект, конечно, интересный. Но, во-первых, принадлежность его к астийским слоям весьма проблематична. Во-вторых, не исключена возможность, что кто-то действительно охотится за такого рода предметами. Надо быть осторожным. Больше никаких погружений. Ни здесь, ни в каком другом месте

— Но в пещере может оказаться ключ к раскрытию всех здешних тайн. Исчезновение контейнера и следы на дне несомненны. Да и сам гидравлический удар...

— Нет и нет! — отрезал Антон. — Мы ученые, а не детективы. Наша цель — следы астийского человека, а не раскрытие каких-то сомнительных тайн, даже если они и существуют

Максим посмотрел прямо ему в глаза:

— Твоя цель, ты хочешь сказать?

— Не понимаю...

— Ты что же, забыл наш уговор, в тот первый день, у тебя в гостинице?

— Ах, да... Но что ты предлагаешь, снова лезть в эту дыру?

— Да. Только полезу теперь один. Костя будет ждать у входа в пещеру. Там же, у камня, закрепит и мою веревку. Как ты думаешь, Костя?

— Упрямый ты, Максим.

— Так надо, Костя.

— Ну, раз надо...

И вот он снова осторожно пробирается по узкой каменной трубе. Тонкий луч фонарика то медленно скользит по голым нависшим сверху глыбам, то полностью теряется в черной толще воды. Течение почти не ощущается. Видно, вся мощь подземного резервуара оказалась израсходованной на недавний выброс воды в озеро. Это вселяет надежду, что можно будет забраться подалее в глубь пещеры. Но прежде всего ему хочется найти то, что он принял за красную прядь волос. Ведь если окажется, что это действительно волосы, если они будут пахнуть астийским эдельвейсом...

Но мысли его прерывает короткий звенящий звук. Он воспринимается как предупреждение. Максим на минуту останавливается, пристально вглядывается в густой мрак. Он кажется зловещим. Однако Максим пересиливает страх и снова плывет вперед. Луч фонаря ощупывает каждую глыбу, каждый камень над головой. Но тщетно. Прядку, видно, сорвало водой и вынесло в озеро. Вернуться? Нет-нет, интересно все-таки, что там, дальше.

Снова звенящий звук! Но Максим плывет и плывет. Должен же куда-то привести этот туннель. Вот он уже расширяется, становится просторнее. А там внизу... Что это? Такой круглый оранжевый камень, или...

Но издали снова нарастает знакомый низкий гул. Максим торопливо делает глубокий выдох, ищет глазами, за что бы уцепиться, чтобы противостоять напору воды. Однако страшный удар обрушивается прежде, чем он успевает что-либо сделать. На миг его словно сдавливает гигантский пресс. Он пытается набрать в легкие побольше воздуха. И не может. Лютая сила опрокидывает головой вниз, вырывает из губ мундштук воздушного шланга. Он инстинктивно задерживает дыхание, но не успевает закрыть рта и безжалостный поток воды врывается в горло, раздирая грудь, выталкивая из орбит глаза... Очнулся Максим на берегу, в тени старого знакомого — кедра. Встревоженные лица друзей и сильная боль в груди сразу напомнили все, что произошло в коварном гроте. Он попытался подняться, но почувствовал такую слабость во всем теле, что невольно закрыл глаза. Голос не подчинялся ему. Каждый вдох давался с трудом.

— Лежи, лежи! — склонился к нему Антон. — Ничего страшного, к счастью, нет. Врач уже осмотрел тебя. Через месяц будешь бегом бегать и песни петь. А пока придется

лежать. И оставить в покое все здешние тайны. По крайней мере, до будущего года. Но время терять не будем, Максим.

Займемся пока раскопками на Студеной и Гремячем. Это ведь тоже интересно. Нет, не вставай! Я сейчас — в леспромхоз за машиной. Костя побудет с тобой.

Костя подсел ближе, поправил плащ под головой:

— Ну, Максим, считай, повезло тебе. Мог бы и на дне остаться. Веревка-то оборвалась. Меня в сторону отбросило. Где тебя искать? И тут вроде кто окликнул меня. До сих пор в толк не возьму, что это был за голос? И почему я пошел на него? Только вижу, ты на дне. И без мундштука. Тут уж я дал работу ластам! Вот так и обошлось. А то бы...

Максим благодарно кивнул и закрыл глаза.

Голос... Неужели ее голос?... Ради этого можно перенести что угодно.

4

Солнце едва успело согнать снег и подсушить тропинки в тайге, как Максим и Антон вновь прикатили в Отрадное.

Первая их экспедиция закончилась безрезультатно. За два с лишним месяца были перерыты и прощупаны радиометром все выходы астийских пород по обоим берегам Студеной, заложены десятки шурфов, пропущена через сито не одна сотня тонн песка с ручья Гремячий. И все без толку — никаких следов астийского человека или его деятельности.

Но друзья и не думали сдаваться. Всю зиму они готовились к новой экспедиции, а как только сошел снег, снова выехали в тайгу. Главное внимание в этом году предполагалось уделить району Лысой гривы. Но одно неожиданное обстоятельство заставило изменить все планы.

В то утро Максим решил покопаться в небольшом котловане на окраине кордона, у больницы. Котлован был свежий, видно, его только что вырыли под какое-то строение. Но ударивший морозец так прихватил сырой песок, что стоило Максиму копнуть лопатой, как черенок с хрустом переломился у самого основания.

Молотка под руками не оказалось. Чтобы выбить обломок из штыка, пришлось воспользоваться куском конкреции, каких немало торчало в астийских песках и глинах. Но не тут-то было! При первом же ударе камень разлетелся вдребезги. Максим в сердцах швырнул обломок далеко в сторону.

— Вы что, этими булыжниками интересуетесь?

Максим удивленно поднял глаза. У больничного крыльца, облокотись на тонкую балясину, стояла незнакомая женщина — совсем еще молодая, невысокая, в короткой беличьей шубке, с непокрытой головой. Глаза ее, темно-карие, почти черные, смотрели с хорошим, искренним любопытством. Щеки слегка порозовели от смущения.

Максим бросил ненужную теперь лопату, неловко поднялся:

— Как вам сказать...

— Я это не просто из любопытства. В прошлом году мне тоже попался такой камень, а внутри что-то железное.

— Что вы говорите! И вы знаете, где он сейчас?

— Да, я сохранила его.

Максим почувствовал, как все у него захолонуло от волнения:

— Девушка, покажите мне ваш булыжник Пожалуйста!

— Пойдемте ко мне. Я живу здесь, при больнице. Через минуту Максим входил в очень маленькую, скромную, но очень уютную комнату незнакомки.

Девушка сбросила шубку:

— Раздевайтесь! Простите, не знаю, как называть вас?.

— Колесников, Максим Владимирович, — быстро проговорил Максим, снимая плащ.

— А я... просто Таня Вешайте ваш плащ сюда, на дверь. Тесновато у меня...

— Не беспокойтесь Я ведь на минуту, только взглянуть на вашу находку.

— Сейчас увидите. Садитесь пока, — она сдвинула в сторону книги, занимавшие большую часть дивана, и выскользнула за дверь.

Максим огляделся. Книжки, книжки... Книжки на столе, на подоконнике, на крыше небольшого платяного шкафа. Маленький транзистор над чистой, аккуратно застланной кроватью. Небольшой мольберт в углу за столом. На нем белоснежный халат и стетоскоп.

Прошло несколько минут. Дверь скрипнула.

— Вот, взгляните. Простите, что заставила ждать. Боялась, не завалился ли где мой камешек. Но нет, ваше счастье, — Таня подала ему большую плоскую конкрецию.

Максим с нетерпением принялся ее рассматривать. Один конец камня был отбит, там отчетливо проступало какое-то грубое металлическое изделие. Именно изделие!

— Спасибо вам, Танюша! Такое спасибо, что и слов не найти. А вы помните, где нашли этот камень?

— Конечно. Я даже колышек вбила, на всякий случай.

— Даже колышком заметили! Слушайте, да вы... вы... — Максим сжал ее маленькие горячие пальцы. — Я готов расцеловать вас за такой подарок, честное слово!

— Ну, зачем это... — она вдруг вспыхнула до корней волос. — А вы... не узнаете меня?

— Вас? — Максим оторвался от конкреции и взглянул в зардевшееся лицо девушки. Смущенная, взволнованная, ждущая, она была на диво привлекательной. Но память не подсказывала никаких связанных с нею ассоциаций. Вот разве голос?...

— Простите, но...

— Ничего удивительного, — просто сказала Таня. — Вы, надеюсь, не откажетесь от чашки чая. Я уже поставила. А пока взгляните вот на это, — она торопливо, явно стараясь побороть волнение, полистала небольшой альбом для рисования и, найдя нужную страницу, положила его перед Максимом. — Вот, пожалуйста. А я сейчас...

Максим без особого интереса взялся за альбом. Все его мысли были заняты новой находкой. Но нельзя было оказаться таким неблагодарным. Девушка, очевидно, увлекается живописью и не посмотреть на ее работу...

Но что это?! Он схватил альбом и впился глазами в небольшой акварельный рисунок. Это был, по-видимому, порыв фантазии. Но какой фантазии!

Поражало не мастерство художника. Хотя краски были наложены, безусловно, талантливой рукой. Поражал сюжет картины — абсолютно нереальный, невероятный, непостижимый.

Весь фон рисунка был выдержан в нарочито мрачных тонах; ночь, лес, глухая непроезжая дорога; с черного неба, почти сливающегося с лесом, льет крупный дождь; черные ели гнутся под напором ветра; черная земля набухла от мутных потоков. И в центре этого хаоса воды и тьмы — неестественно светлая полусклонившаяся женская фигура. На плечи ее наброшен плащ с поднятым капюшоном. Под ним серебристо-белое сильно открытое платье. Правая рука девушки опущена вниз к земле, отчего плащ соскользнул с нее, обнажив шею и часть плеча; левая прижата к груди, удерживает развевающиеся полы дождевика. Лицо девушки обращено к дороге. Но это не мешает видеть ее длинные искристо-зеленые глаза, прямой тонкий нос, красиво очерченные, видимо, что-то шепчущие губы. Видны даже крохотные капли дождя, запутавшиеся в бровях, и тени от ресниц. Потому что все лицо незнакомки, как и ее руки, шея, грудь, будто флуоресцируют мягким зеленоватым светом. Слегка светится и плащ девушки, ее платье, ноги в светлых чулках, непривычно отделанные туфли. А на грязной, раскисшей от дождя дороге — неподвижное человеческое тело, —

черное, в неестественно скрюченной позе. Кажется, это мужчина. Но лица его не видно. По-видимому, он мертв или в глубоком обмороке.

Фантастическая, лишенная всякого реального смысла композиция! Но не в этом было главное. Главное заключалось в том, что девушка, источающая свет, удивительнейшим образом походила на Лару!

Максим еще пристальнее взгляделся в рисунок и чуть не вскрикнул от изумления: на правом плече девушки, чуть ниже шеи было нанесено маленькое фиолетовое пятнышко. Этого не могла подсказать художнику никакая фантазия. Только на плече астийской Нефертити видел он такую родинку,

Но, значит, это не Лара. И рисунок сделан с натуры. Где, когда? И что означает взгляд незнакомки? В нем — грусть, тоска, страдание...

Максим мгновенно забыл и о новой неожиданной находке, и о хозяйке этой комнаты, и обо всем на свете. Но дверь снова скрипнула, и показалась Таня с чашками чая:

— Ну, как рисунок? Он словно очнулся:

— Где вы видели это?

Она поставила чай на стол, присела сама. Лицо ее было теперь бледным, как полотно, руки беспрерывно перебирали бахрому скатерти:

— Вы и теперь меня не узнаете?

Голос! Теперь он не сомневался, что слышал этот мягкий пришептывающий голос. Но где? Максим нерешительно покачал головой. Таня еще больше потупилась:

— А помните, как восемь лет назад, в эту же пору, поздним вечером, по дороге на Вормалей...

— Вы?! Так это были вы?

— Да, это я, глупая, несмышленная девчонка, ввязала вас в драку, а потом ревела, как дуреха, совсем потеряв голову от страха. Вы тогда, наверное, бог знает что обо мне подумали. А ведь я никогда не была трусихой. И в тот вечер, когда эти негодяи сбивали вас с ног, я не убежала, не спряталась за деревьями. А схватила палку и так стукнула какого-то прохвоста, что тот взвыл от боли. Но их было слишком много. И у одного я увидела нож. Представляете мой ужас? Я бросилась на землю и вцепилась ему в ногу. Он упал на вас. Тогда я рванула его за волосы. Но в это время произошло что-то совершенно непонятное. В небе вдруг свистнуло. И поднялся такой вихрь, что меня отбросило в сторону. А все эти подонки сначала повалились на землю и забились, как в падучей, потом вскочили и — к поселку! И сразу пошел дождь. Вы оставались на земле. Я хотела подбежать к вам, но тут... — Таня перевела дыхание. — Но тут произошло то, что вы видите на рисунке. — Таня кивнула на альбом. — Она появилась как-то сразу, без единого звука, это девушка в плаще, и лицо ее будто светилось. Она вся светилась. И была такой красивой... Неправдоподобно красивой! Разве на бумаге это передашь Я... Поверьте, я никогда не была суеверной. Но в эту минуту все будто заledenело во мне. А она опустила на колени и склонилась к вам Низко-низко Я думала, она хочет поцеловать вас. А она только провела рукой над вашим лицом и что-то шепнула, но так тихо, что я только по губам увидела это. Потом она провела рукой по вашей груди, бокам. И поднялась. Но долго еще стояла и смотрела на вас, вот так, как я попыталась изобразить по памяти. Сколько все это продолжалось, не знаю. Я думала, умру со страха. Потом вдруг что-то зазвучало в темноте, как, знаете, басовая струна на гитаре, если ее чуть тронуть. Тогда она повернулась и исчезла. Сразу, будто растаяла в темноте. Тут уж на меня такой страх напал, что прижалась я к дереву и заревела. Реву и не знаю, что делать. Дождь, ветер! И вы на дороге. В темноте не видно, как вы там, может, и не живой давно А подойти боюсь. И вдруг вы поднялись. Тогда я к вам. Ну, а дальше вы помните, наверное... Максим молчал.

— Потом я несколько раз встречала вас в Вормалее. Только всегда издали и больше с Мариной. Мне сказали, она ваша невеста и вы вот-вот поженитесь. А я почему-то не верила этому. Глупая же была! И когда вы заболели, я несколько раз подходила к окну вашей палаты, иногда видела вас через стекло. А один раз вечером, ровно год спустя...

— Вы бросили мне цветы?

Таня кивнула:

— Мне тогда еще хотелось показать вам свой рисунок, поговорить с вами. Но я думала, вы выздоровеете и сами зайдете ко мне. Просто не верилось, что тот вечер, тот случай в

лесу пройдут совсем бесследно. Я, знаете, с детства любила мечтать о чем-то таком необыкновенном. А с тех пор, как увидела вас и вашу удивительную знакомую, то, кажется, только и жила своими мечтами. Ведь все кругом было так серо, мелко, буднично. А мне хотелось чего-то большого, необычного. И я ждала. Сама не знаю чего. Вся та весна была одним сплошным ожиданием. А летом мне сказали, что вы женились на Марине. В тот вечер я посмотрела на свой рисунок и плакала...

— Не продолжайте, прошу вас! — Максим захлопнул альбом — Почему вы не сказали обо всем этом там, в лесу?

— Не знаю, как вам объяснить. Я очень испугалась тогда. И потом... У меня просто не было уверенности, что это не галлюцинация. Я и после, вплоть до сегодняшнего дня никому не смела даже рассказать о событиях той ночи. А теперь. Теперь я вижу, все это было. Было! Вы знаете ее, знаете, где она, может, скажете, как увидеть ее. Я так хотела бы этого! Ну, почему вы молчите?

Максим отодвинул альбом.

— Милая Танюша, вы можете верить мне, можете не верить. Можете считать меня ненормальным, сумасшедшим, кем угодно, но об этой девушке я знаю не больше, чем вы. Я видел ее всего два или три раза, при таких же странных, загадочных обстоятельствах. И больше не увижу, наверное, никогда.

— Но она любит вас!

— Вы сума сошли! — Максиму показалось, что он сорвался с кручи и летит в бездонную пропасть — Что вы говорите!

— Любит, я знаю! Я видела! — упрямо твердила Таня — Вы только взгляните. Ведь я не придумала это. Такое невозможно придумать.

Он снова придвинул рисунок. Глаза незнакомки будто плакали в безысходной тоске.

— Нет! Этого не может быть. Это... мистификация, наваждение.

— Так было, Максим Владимирович, — тихо сказала Таня, — потому я и не верила, что вы с Мариной...

— Что мы поженимся? Да, она не хотела этого. Она предупреждала меня. Но кто мог подумать. — он с ожесточением взъерошил свои вихры и прикрыл глаза рукой.

Несколько минут прошло в молчании. Затем Таня встала и осторожно пригладила его рассыпавшиеся волосы:

— Вы не очень счастливы с женой?

Он только вздохнул:

— Прощайте, Таня.

Она подняла на него глаза, набухшие от слез.

— Простите, что я, совсем не желая этого, причинила вам боль.

Он взял ее за руки, поцеловал в щеку:

— Я сам виноват во всем. А вы... Вас я могу только благодарить.

— За что благодарить, за камень?

И за камень, и за цветы, и за все-все, — он бережно пропел ладонью по крошке альбома, — Максим Владимирович, хотите, я... подарю вам свой рисунок!

Он покачал головой

— Нет-нет, оставьте его у себя. Я просто сойду с ума, если все время буду видеть это лицо, этот взгляд... Теперь мне осталось только это, — он взял конкрецию, похлопал по ней рукой. — А если мне будет совсем уж плохо, Таня, я приду к вам... взглянуть на ваш рисунок.

— Я всегда буду рада вам, Максим Владимирович.

— Только одно условие — для вас я просто Максим.

Антон заканчивал прокладку маршрутов, когда в комнату вбежал Максим и выложил перед ним драгоценную конкрецию.

— Вот.

— Что это?

Максим рассказал историю удивительной находки. Антон долго изучал глазами необыкновенный камень.

— Нет, ты положительно в сорочке родился! А место?

— Я только что оттуда. Колышек, к счастью, сохранился. Я думал, это из надастийских глин. Но нет. Конкреция взята у моста, знаешь, там, в самых верхах астийских песков.

— «Инситу».

— Несомненно. Сохранилось даже углубление в песчанике. Я сделал все замеры. Двадцать сантиметров от кровли.

— Так-так... Значит, все-таки чуть выше твоих прежних находок. Любопытно! Что же в ней?

Максим схватил молоток.

— Нет, стой! Сначала конкреция как таковая — Антон сфотографировал ее в нескольких ракурсах, снял все размеры.

— Теперь заглянем внутрь, — он взял молоток и начал осторожно сбивать мергелистую корку. Максим нетерпеливо следил за каждым его движением;

— Так это... топор. Рубило!

— Да, что-то похожее на рубило. Грубоватое, правда. Но то, что здесь потрудились рука человека, — несомненно,

— Рука человека! Рука дикаря, ты хочешь сказать?

— Возможно.

— Но что же получается? — разочарованно протянул Максим. — В слоях более древних — алмазные геммы, детали из невообразимых сплавов, а тут — еле обработанный кусок металла!

— Да, работа, прямо скажем, не ювелирная, но... — Антон взял лупу и долго обследовал поверхность рубила. — Как ты думаешь, из чего сделан этот инструмент?

— Что тут думать, из железа, конечно. Взяли кусок метеорита и тяп-ляп!...

— Из железа? Ну, это покажет анализ. Я говорю о другом. Не кажется ли тебе странным, что на этом «куске метеорита», вот тут, видишь, остались следы нарезки и даже что-то похожее на клеймо?

— Ты скажешь!

— А ты взгляни в лупу.

Максим придирчиво осмотрел указанное Антоном место:

— Невероятно! Но знаешь, мне кажется, я где-то видел нечто подобное...

— Видел эти серповидные знаки?! Где?

В самом деле, где? Максим напряг память.

— Не знаю, Антон. Может, позднее вспомню. Но все равно, что это может значить?

— Ни больше, ни меньше, как то, что аляповатое рубило выковано из деликатнейшего изделия, подобного тем, какие находил ты. Кстати, дай-ка радиометр.

Максим включил прибор. Антон поднес к нему рубило:

— Видел?

— Да-а, радиоактивность значительная! Но как все это объяснить?

— Не знаю, брат, не знаю. И не хочу делать пока никаких выводов. Сегодня же отправим крупницу нашего «топора» на анализ. А сами... Сами будем дробить эти конкреции и здесь, и на Гремячем, пока не завалит их метровым слоем снега.

— А как же Лысая грива?

— Грива от нас не уйдет, — Антон сгреб со стола подготовленные карты маршрутов и бросил в шкаф. — Там еще никто ничего не находил. А здесь... Подумать только, какую уймищу конкреций мы побросали в прошлом году в отвалы. Теперь не пропустим ни одной!

Однако последующие недели не дали ничего нового. Все опробованные конкреции были так же пусты, как включающие их астийские пески. Зато присланные из института данные

анализов превзошли все ожидания. Химическая лаборатория сообщала, что «рубило» изготовлено из сложного сплава, состоящего из никеля, титана и ниобия с заметной примесью нептуния. А лаборатория абсолютного возраста дала умопомрачительную цифру — два с половиной миллиона лет.

- Два с половиной миллиона!- — Максим даже растерялся от неожиданности. — Ничего не понимаю. Ни одно определение астийских пород не давало цифр выше двух миллионов лет. Даже из самых нижних горизонтов. А тут... Ошибка какая-то!

— Я предвидел возможность ошибки. И послал дублетные пробы в Москву и Ленинград. Вот результаты, — Антон вынул из стола еще два телеграфных бланка.

Максим пробежал их глазами:

— Поразительное сходство! Но это совершенно необъяснимо.

— Тем не менее, это факт. К тому же я отправил на анализ и мергелистую корку конкреции. Вот, полюбуйся!

— Миллион шестьсот пятьдесят тысяч лет? Ну, знаешь! Тут уж абсолютно одно с другим не вяжется. Выходит, «топор» был сделан чуть не за миллион лет до того, как попасть в эти пески. Так, что ли?

— Топор не мог быть древним, нет сомнения. А вот то, из чего он сделан, возможно, было изготовлено и за миллион лет до этого.

— Изготовлено кем?

— Почему кем, а не где?

— То есть как — где?

— А вот так! Что ты все крутишь вокруг возраста. А состав?

— Состав, конечно, интересен...

— Хорошенькое дело, интересен! Ты прочти повнимательнее, что тут написано.

Максим послушно взял данные анализов:

— Так... Никель, титан, ниобий, нептуний... Нептуний?! Но это же трансураний!

— Совершенно точно. Девяносто третий элемент периодической системы, металл с атомным весом — двести тридцать семь и естественной радиоактивностью с периодом полураспада около двух миллионов лет. На Земле до сих пор встречался, если ты помнишь, только в урановой смоляной руде и монацитах, где образовывался в результате нейтронной реакции с ядрами урана и давал концентрацию порядка одной-двух триллионных по отношению к концентрации урана.

— - Но это значит...

— Это значит, что то, из чего сделано «рубило», не имеет никакого отношения к Земле. Недаром на нем следы нарезки, да еще надпись на неведомом языке. Это деталь космического корабля. Не нашего. Чужого.

— Деталь космического корабля? Чужого?!

— Да, Максим. Как это ни невероятно, другого объяснения не найдешь. Только так можно понять и удивительный состав рубила и чрезвычайно большой возраст того, из чего оно сделано.-Я уверен, такой же возраст показала бы и твоя шестерня, и крест Малая, и...

— Алмаз, ты хочешь сказать?

— Алмаз — не знаю. Алмаз мог быть и земным. Но то, что он так же побывал в руках пришельцев — несомненно. Помнишь, ты говорил, на одной из его граней...

— Были вырезаны человек и обезьяна!

— Обезьяна, да. А вот человек... Это был не человек, Максим. Это был один из них...

— Подожди, Антон, я вспомнил!

— Что вспомнил?

— Вспомнил, где видел знаки, как на топоре. Это было там же, на гемме, как раз под рисунком.

— Что ты говоришь, Максим?! Это же здорово, черт возьми! Теперь все, кажется, становится на свое место. Как ты не догадался сам! Все здешние астийские находки, все до единой, связаны с одним — прилетом к нам гостей из космоса.

— И зубы, о которых писал Крайнов?

— Да. Да, Максим! Это были их зубы. Зубы гостей Земли!

— Но как же идея астийского человека? Ты хочешь бросить ее?

— Бросить гипотезу о людях астийского времени? После всего, что мы узнали! Чудак-человек, как ты не поймешь? Теперь-то она и приобретает наконец логическое завершение. Я не хотел еще говорить всего, но раз зашла речь... Понимаешь, Максим, у меня есть основания думать, что разумные существа, прилетевшие к нам из космоса, в силу каких-то обстоятельств не смогли покинуть Землю. Они остались здесь. Здесь, на территории нынешней Сибири. Трудно сказать, как сложилась их дальнейшая судьба. Но при любых обстоятельствах с наступлением Астийского оледенения они должны были двинуться на юг, перевалить через южные хребты и, войдя в пределы Джамбудвипы, вступить в борьбу с рамапитеками, чтобы дать начало...

— Людям?

— Да, Максим, людям, нашим предкам. Вот как оборачивается дело!

— Постой-постой! Что же выходит? Выходит, что мы с тобой... что все человечество не имеет никакого отношения к Земле?

— Ну, нам с тобой беспокоиться не о чем, в нас нет ни одного внеземного атома. А вот наши пра-прапрадеды, действительно, не имели к Земле никакого отношения.

— Нет! Нет, Антон!! Этого не может быть!

— Почему не может быть?

— Потому, что мы, люди, — часть биосферы Земли. Потому, что мы связаны с ней во всех звеньях вплоть до внутриклеточного, внутригенного уровня. И куда ты денешь обезьян, этих прямых родственников человека?

— А зачем их куда-то девать? Обезьяны как были обезьянами, так ими и остались. Земные обезьяны. А обезьяноподобные существа, которые, действительно, являются нашими родственниками, возможно, до сих пор прыгают по деревьям где-то на одной из планет Галактики

— Вот как! Значит, там, где-то, развитие человека все-таки прошло через стадию человекообразной обезьяны?

— Безусловно! Нет сомнения, что теория Дарвина справедлива для всех биосфер, подобных биосфере Земли

— Так почему, скажи пожалуйста, эти обезьяны дали человека, а наши так и остались обезьянами?

— Время! Времени не хватило нашим обезьянам. А прибытие разумных существ сделало вообще невозможным дальнейшее развитие этого процесса. Не исключено, что они просто уничтожили рамапитеков, оставшихся в Джам-будвипе. Словом, я давно уже предполагал, что человеческий разум принесен на Землю извне, а теперь, после наших с тобой находок, окончательно убедился в этом. Истоки мышления надо искать за пределами Солнечной системы.

— Ну, зачем так усложнять и без того сложную проблему происхождения человека! Зачем переносить, в сущности, тот же самый процесс с Земли, где можно найти вполне реальные вещественные доказательства, в область сплошной абстракции? К тому же открытия Ричарда Лики в Африке отодвигают время появления человека на Земле по крайней мере к трем миллионам лет, то есть на целое миллионлетие до предполагаемой тобой высадки инопланетян.

— Ты опять о «черепе 1470»? Но где доказательства, что обладатель его действительно имел абстрактный человеческий разум?

— Как где? Ведь вместе с ним найдены каменные орудия, само изготовление которых требует человеческого мышления.

— Смотря какие орудия. В слоях, где был найден «череп 1470», встречены лишь остатки олдувейской культуры, то есть практически необработанные камни. А для их «изготовления» едва ли требовался разум. Но дело даже не в этом. Простой расчет показывает, что разумные существа впервые возникли вне Земли.

— Что-то непонятно...

— Ну, посуди сам. Даже в доступных нашему изучению пределах Вселенной по подсчетам астрофизиков имеются миллиарды планет, расположенных на подходящих расстояниях вокруг звезд спектрального класса Р8-КО, то есть таких планет, на которых возможна жизнь. И если хоть в одном случае из ста эта жизнь достигла такого же уровня, как на Земле, то и тогда мы получим десятки тысяч планет, где могли появиться разумные существа. Но кто возьмет на себя смелость утверждать, что из всех этих десятков тысяч наша матушка Земля оказалась самой «счастливой»?

— Не в этом суть! Условия других планет могли быть и более совершенными. Но жизнь варьирует в столь многих вариантах.

— Вариантов много, не спору. Но их заведомо меньше, чем планет, на которых возможна жизнь. К тому же, трудно допустить, что на планетах, в принципе сходных с Землей, — таких планет тоже немало, — пути эволюции были существенно иными. А это значит, что разумные существа, человекоподобные существа могли возникнуть на многих планетах Вселенной. И задолго до того, как венцом нашей земной фауны стали человекообразные обезьяны.

— Ну, это, может быть, и так. И все-таки... Если даже был такой параллелизм, если где-то и возникли разумные существа прежде, чем на Земле, то что же дальше? Сплошное нагромождение случайностей. Кому-то вздумалось прилететь. Кто-то не смог покинуть планету... А если бы никто не прилетел?

— Тогда много миллионов лет спустя на Земле появился бы свой Гомо сапиенс — прямой родственник наших обезьян. Что же касается нагромождения случайностей... — Антон прошелся по комнате. — Случайность, говорят, лишь форма проявления необходимости. Кто-то случайно прилетел на Землю. Но почему прилетел? Вот вопрос. Почему вообще разумным существам свойственна эта неутомимость, эта тяга к неведомому, непознанному, недоступному? Почему наши предки устремлялись к новым землям, рвались в воздух, штурмовали льды и пустыни? Почему сейчас человек мечтает о полетах к иным мирам? Потому что в этом и заключается сущность разума. Не будь ее, этой тяги к неизведанному, не было бы и самого разума. Мы уже проектируем и строим ракеты, спутники — для чего? Чтобы уже в ближайшие десятилетия вырваться в Дальний космос. И не ради спортивного интереса, а чтобы еще больше расширить наши знания о мире и уже сейчас готовить плацдармы для заселения других планет. Не потому, что Земле грозит перенаселение — в космос никогда не полетят миллионы, да и всякая разумная цивилизация сможет на месте решить любую демографическую проблему. Но потому, что человек не может остановиться в своем движении вперед — к неведомому, непокоренному, неосвоенному. Вчера это были берега дальних стран, завтра станут планеты дальних звезд, сверхдальних галактик. И никакие силы не остановят колумбов человечества на этом пути.

— Допустим. Но одного стремления мало. А источник энергии? Ведь, насколько я понял, ты говоришь о межзвездных полетах...

— Можешь не продолжать. Заранее с тобой согласен. Даже термоядерный синтез не решит проблему межзвездных сообщений. Но много ли лет прошло с тех пор, когда мы понятия не имели о самой возможности термоядерных реакций? Так почему не допустить, что уже в следующем столетии человечество откроет еще более мощный источник энергии, такой, о котором никто пока и не догадывается? А теперь, самое главное — есть ли у нас хоть малейшее основание считать, что эта тяга ввысь, к звездам, присуща только жителям Земли? Можно ли допустить, что у других цивилизаций, среди которых есть безусловно более высокоразвитые, не было этого стремления к иным мирам? Ни в коем

случае! Разум есть разум. Но раз так, то разумная жизнь, независимо от того, где и как она возникла, должна безгранично распространяться по Вселенной, утверждаясь всюду, где имеются подходящие для нее условия. Кстати, об условиях. И еще раз о случайностях и необходимости. Ведь не каждая планета, даже из тех, где возможна жизнь, привлечет внимание космических колумбов.

— Если им представится возможность выбирать.

— Ну разумеется! Прежде всего эта планета должна быть сравнительно молодой, иначе какой смысл закладывать на ней новую цивилизацию. Желательно также, чтобы она принадлежала системе, как можно больше удаленной от губительного центра галактики с его чудовищными концентрациями вещества и энергии. Наконец, очень важно, чтобы эта система располагалась в плоскости галактики, поскольку полет в такой плоскости требует минимальных затрат энергии.

— Можно подумать, ты уже выбрал планету для своих потомков, — улыбнулся Максим.

— Выбирать — не выбирал, а знаю, что всем этим требованиям как нельзя лучше удовлетворяет Земля. Да, наша Земля! Так что не такая уж это случайность, что именно у нас высадились разумные существа и дали начало новой цивилизации. — Антон помолчал. — Теперь понимаешь, почему я считаю, что проблема происхождения человека, разумной жизни вообще не может решаться на одной планете. Возможно, гипотеза, о которой я тебе рассказал, не совсем верна. Возможно, это произошло не в азии, не у нас в Сибири. Но бесспорно одно — разумная жизнь принесена на Землю. Согласен?

— Нет, — твердо ответил Максим. — Все, что ты сказал, в какой-то мере позволяет, конечно, ожидать, что на других планетах типа Земли возможно появление разумных существ, подобных людям. Не исключено также, что такие существа побывали на Земле в азийское время — наши находки подтверждают это. Но и все! Я не вижу пока никаких серьезных доводов в пользу того, что они могли стать нашими предками. Больше того — все без исключения факты, каких накапливается все больше и больше, говорят о том, что мы — ближайшие родственники наших обезьян. В последнее время даже молекулярная биология подтверждает это.

Антон нахмурился:

— Но я не все сказал тебе.

— Что же еще?

Однако не успел Антон ответить, как дверь распахнулась и в комнату влетел студент-практикант Сережа:

— Антон Дмитриевич, в шестьдесят четвертом повышенная радиоактивность!

— В шестьдесят четвертом? Где именно? — Антон собрал данные анализов, запер их в стол.

Сережа не мог стоять на месте от нетерпения:

— Прямо в забое, ближе к южной стенке. Ребята-геофизики говорят, беги скорее...

— Глубина забоя? — прервал его Антон.

— Четырнадцать метров.

— Четырнадцать метров? — Антон достал из шкафа папку фактического материала, разыскал разрез шестьдесят четвертого шурфа. — Так-так... Четырнадцать метров, говоришь? Значит, на отметке семьсот семь... — он обернулся к Максиму. — С какой отметки у нас рублило?

Максим полистал записную книжку:

— Тот самый горизонт, Антон. Тот самый!

— Это уже интересно. И опять недалеко от моста. Пойдем, взглянем.

5

Вокруг шурфа собрались почти все участники экспедиции. Даже Степан Силкин с его неизменной двустволкой успел пристроиться на отвале, попыхивая козьей ножкой и

высказывая, по обыкновению, свои особые «житейские» соображения. В шурфе возились с радиометром техники-геофизики.

Антон перегнулся через край сруба:

— Семен, Федя, что там у вас?

— Порядочек, Антон Дмитриевич! Все ясно. Однако конкреция фонила. В ней все дело.

— Сейчас спущусь.

— Зачем спускаться. Тяните бадьи... Тут и конкреция и вмещающая порода. Больше ничего интересного. Вира!

Антон ухватился за рукоятку воротка. Через минуту бадья выползла наверх. Руки всех потянулись к канату.

— Осторожно, ребята, — Антон поймал бадью и вынул из нее черный, гладкий, с куриное яйцо, желвак. — Что-то совершенно необычное, Максим!

— Очень тяжелая?

— Невероятно! Будто из литого свинца. Вот удача! Из шурфа вылезли радиометристы.

— Ну-ка, ребята, включите! — Антон поднес камень к прибору: стрелка заметалась по шкале. — Прекрасно! — он передал конкрецию Максиму. Тот прикинул на вес:

— Ого! Не иначе, опять нептуний.

— Может, и поинтереснее нептуния.

Камень пошел по рукам. Каждому хотелось потрогать долгожданную находку. Силкин бросил недокуренную сигарку. Сергей протянул молоток:

— Расколем, Антон Дмитриевич!

— Успеем, Сережа, успеем. Сбегай лучше на базу, принеси контейнер. — Антон подмигнул Максиму. Тот невольно оглянулся:

— Надо было сразу захватить.

— Кто мог подумать, что все будет так здорово. Ну как, дядя Степан, не случилось вам встречать такой камень?

Силкин потер конкрецию пальцем, царапнул ногтем:

— Да ведь как сказать... Камень, он камень и есть.

— Ну да! — Антон взял конкрецию, подбросил на ладони. — Камень такого веса! Да тут... — и не договорил Огромный ястреб-тетеревятник молнией упал с неба и тут же взмыл вверх, унося в когтях драгоценную находку

Все словно оцепенели. Антон даже попятился от неожиданности. Силкин торопливо перекрестился. Максим невольно закрыл глаза руками. Мощные крылья просвистели совсем рядом, тугая волна воздуха ударила в лицо.

Но уже в следующее мгновение Силкин вскинул ружье!

— Стрелять, что ли? Максим прикинул расстояние:

— Пали, дядя Степан!

Раздался выстрел. Но ястреб, как ни в чем не бывало продолжал махать крыльями Силкин, чертыхаясь, выбросил стреляную гильзу.;

— Что за дьявольское наваждение! Никогда такого не случилось.

Антон подскочил к старику,

— Стреляйте же, стреляйте! Из второго ствола стреляйте!

Силкин развел руками;

— Там пуля.

— Бейте пулей!

Снова грянул выстрел. Ястреб метнулся в сторону. На миг будто застыл на месте. Но тут же свечой пошел вверх

— Эх, дядя Степан! Что же вы?... — Антон не мог найти слов от досады.

Силкин страшно выругался:

— Вот нечистая сила! Не мог я снова промазать. Не мог! Максим, ты же знаешь! Никогда со мной такого не бывало.

На старика было жалко смотреть. Максим и сам не мог поверить, что охотник дважды промахнулся. Но ястреб уже превратился, в чуть заметную точку, последний раз блеснул в лучах полуденного солнца и растаял в глубине неба. Страшная догадка обожгла Максима. Он обернулся к охотнику:

— А то, чтобы ястреб камни таскал — бывало?

— Отродясь такого не слышал! — оживился Силкин — Говорю, нечистая сила!

— Да бросьте вы, нечистая сила! Ястреб мог принять конкрецию за яйцо, — Антон в сердцах пнул ногой стреляную гильзу.

— А зачем ему понадобилось яйцо? — упорствовал Максим.

— Зачем, зачем? Мало ли зачем! Какое это имеет для нас значение?

— А то, что это был не просто ястреб.

— Ну да У вас здесь все не простое. То русалки бродят по ночам, то птицы не птицы.

— А ты не обратил внимание, как блеснула эта «птица» перед тем, как скрыться?

— И стрелка — подал голос Семен.

— Что — стрелка?

— Да я, понимаете, не успел выключить радиометр. И когда этот ястреб или что-то там напало на нас, стрелка как бешеная заметалась...

— В глазах у вас всех заметалось, вот что! — Антон махнул рукой и пошел прочь от шурфа.

Максим нашел его на базе экспедиции, в конторе, где он сидел, опустив голову над грудой нераскрытых пикетажных журналов и в раздумье чертил пером на промокашке.

Максим сел рядом:

— Очень расстроился?

— Думаю... Неужели ястреб действительно был чем-то необычным?

— Я не сомневаюсь в этом. Ни один ястреб не бросится так вот на человека, тем более на толпу людей, как бы он ни был зол или голоден. К тому же этот блеск, повышенная радиация.

— Чепуха! Блеск мог показаться, стрелка качнулась от случайного сотрясения.

— Допустим. Но поведение ястреба было более чем странным. Нельзя же предположить, что с птицей случилось что-то вроде помешательства.

— Но нет нужды прибегать и к сверхфантастическим домыслам. Я чувствую, куда ты клонишь. Но все это ерунда. Абсолютная ерунда! Все здесь проще. Если ястреб и был необыкновенным, то только тем, что его приучили охотиться на подобного рода предметы. Как учат соколов.

— Возможно. Признаться, я не подумал об этом. Но все равно, это значит...

— Вот и я думаю, что это значит. По-видимому, кто-то следит за нами. Кто-то боится, чтобы мы не раскрыли какой-то тайны. Может быть, ужасной тайны...

— Я давно говорю об этом.

— Ты говоришь! Ты говоришь о неких таинственных силах, необъяснимых феноменах. А я считаю, что за всем этим стоят самые обыкновенные люди. И вообще — пора нам поговорить начистоту. Теперь, кажется, все становится на свое место. Определяется наконец рабочая гипотеза. Появляется возможность в целенаправленных поисках. А ты все клонишь куда-то в сторону. Между тем, я не вижу ни одного факта, ни одной находки, которая выходила бы за рамки моей гипотезы...

— А цветок? Звезда? Таинственная незнакомка?

— С цветком, действительно, пока не все ясно. Нужны дополнительные исследования. Но кое-что можно предположить уже сейчас. Почему не допустить, к примеру, что на звездолете были семена внеземных растений. Заключение в особые контейнеры, они могли сохраняться как угодно долго. И вот теперь...

— Проросли и дали цветы?

— Почему бы нет? Во всяком случае, это вполне правдоподобно. Ну, а все, что связано у тебя с цветком, как и другие твои видения, включая звезду и золотоволосую русалку, —

это галлюцинации, Максим. Может быть, не простые галлюцинации, а связанные с воздействием особых излучений внеземных объектов. Но все-таки галлюцинации.

— А если эти галлюцинации возникают и у других? Я до сих пор не говорил тебе, но девушка, которая нашла рубило...

— Тоже встречалась с твоей русалкой? Так ведь и Силкин не был обижен этим. Здесь, в Вормалее, это, по-видимому, в порядке вещей. Отсюда и легенды и поверья. Поэтому не будем отвлекаться, Максим. На сегодняшний день для нас реальны два обстоятельства. Это, во-первых, остатки космического корабля, которые нужно еще искать и искать. И, во-вторых, люди, которые мешают нам в этих поисках, которые почему-то не хотят, чтобы эти поиски увенчались успехом.

— Что же это, по-твоему, за люди?

— Трудно сказать. Может, какие-то преступные элементы, может, даже иностранные агенты.

— Но зачем этим людям утварь астиийского человека или детали древнего космического корабля?

— На это им, возможно, наплевать. Но, разыскивая интересующие нас объекты, прощупывая радиометром каждый клочок земли, мы можем натолкнуться и на нечто другое, такое, что кому-то очень хотелось бы сохранить в тайне. Словом, кому-то очень нужно, чтобы мы уехали отсюда, не солоно хлебавши. А мы своим ротодейством способствуем нашим врагам.

— Не понимаю.

— Не понимаешь? Рубило вон цело, если мы сразу заперли его в сейф.

— А там ли оно еще, Антон?

— Там, я проверил. И сегодняшняя находка была бы там, если бы не наши телячьи восторги. А то — ах да ох! Вот и доохались. Простить себе не могу такого ребячества. Но теперь — ша! И у сейфа с сегодняшнего дня — круглосуточное дежурство.

— Что же, разумно, пожалуй, хотя все, что ты говорил об иностранных шпионах и преступных элементах... — Максим не успел закончить свою мысль. В комнату ворвался Степан Силкин и еще с порога закричал на всю комнату:

— Вот, нашел! Вот она, моя пуля! Я говорил, не мог промазать Степан Силкин. Вот, смотрите, — он подошел к столу и положил сплюснутый кусочек свинца.

Антон повертел его в руках:

— Пуля? Но почему вы думаете, что это ваша пуля?

— А метка! У меня все пули мечены. Потому как, мало ли что может случиться на охоте, особенно, скажем, на медведя.

— Ну и что из этого?

— Как что? А то, что эта моя пуля, стало быть, и попала в ястреба. Видите, расплюснута. С Сережкой сейчас нашли. Без мала у самого шурфа. А раньше-то я там не стрелял, зачем мне это. Вот и выходит, значит, не промахнулся я. А то прямо позор на мои седины. Ну, извиняйте, что помешал. — Он нахлобучил шапку и вышел, чрезвычайно довольный тем, что реабилитировал себя в глазах Антона. А тот не знал, что и подумать. Он долго рассматривал злополучный кусочек свинца, потом протянул Максиму:

— Ты что-нибудь понимаешь во всем этом?

Максим осмотрел пулю:

— Пуля, конечно, дяди Степана, это точно. И, судя по ней, старик действительно не промахнулся, но... — он еще раз взглянул на сплюснутый свинец. — Так деформироваться она могла лишь в случае, если бы ястреб был одет в стальную броню.

— Но ведь это же абсурд!

— Убедись сам.

— Не в этом дело. Но мог же Силкин ошибиться, перепутать что-нибудь, могла, наконец, пуля в земле удариться случайно обо что-то твердое.

— Все могло быть. Только не слишком ли много таких случайностей?...

Осень подкралась незаметно. Дни стояли еще ясные, солнечные. Однако по ночам лужи начали затягиваться ледком и хвоя на деревьях покрывалась мягким пушистым инеем. Пора было возвращаться в институт. Вторая экспедиция закончилась немногим удачнее первой. Титано-нептуниевое рубило, хранящееся в сейфе, так и осталось единственной находкой сезона, да и той друзья были обязаны случайной встрече с любознательным человеком.

Между тем, Максим так и не выбрал времени навестить свою новую знакомую. Не потому, что был слишком занят или ему не хотелось еще раз увидеть Таню, а, скорее, наоборот, — очень уж часто он вспоминал ее, очень много думал о ней. Не о рисунке ее, не о событиях, невольной участницей которых она была, а о ней самой — ее глазах, ее улыбке. И это чрезвычайно смущало его, рождало самые противоречивые чувства.

Сколько раз, бывало, обойдя шурфы и штольни близ кордона, сворачивал он, будто ненароком, к зданию больницы и, задерживая шаги у знакомого крыльца, старался угадать, что делается там, за плотной шторкой освещенного окна. В такие минуты все вокруг — и ночь, и лес, и звезды — казалось, замирало и настораживалось вместе с ним. Таня была тут, рядом, в двух шагах. Стоило лишь стукнуть в дверь, и он снова увидел бы ее — красивую, взволнованную, ждущую. Он был уверен, что увидит ее именно такой. Хотел видеть такой. Но каждый раз что-то удерживало его от этих последних шагов к двери. «Нет, как можно? Так вдруг! Без всякого предлога!» — твердил он себе и поспешно уходил по тропинке в лес.

А потом где-нибудь на полпути между кордоном и Отрадным снова вспоминал ее такую, какой видел в последние минуты их встречи, — робкую, печальную, с набухшими от слез глазами и клял себя за идиотскую нерешимость, и давал самое торжественное обещание зайти к ней в ближайшие дни. Но проходила неделя, другая, и снова все повторялось...

Так прошло лето. Настала пора отъезда. Дальше было просто некуда откладывать визит к Тане. Не мог же он уехать, не повидавшись с нею. К тому же это был самый удобный предлог — зайти проститься. И сегодня, оставив все дела, Максим с утра отправился в Вормалей.

Таня была дома. Она вышла сразу, едва он стукнул в окно, но, кажется, не удивилась и не обрадовалась ему.

— Здравствуйте, Танюша! Я давно собирался зайти к вам... — начал он заранее подготовленную фразу и смешался, встретив ее пристальный, испытующий взгляд.

— Пройдемте в комнату, здесь сыро, — зябко поежилась Таня. — Простите, я не совсем здорова.

— Вы нездоровы. А я так нехотати...

— Нет, это хорошо, что вы пришли. Я в страшной растерянности, Максим, — она взглянула на него и замолчала, видимо, не зная, как рассказать о чем-то важном. Лицо ее было бледным, осунувшимся. Глаза лихорадочно блестели.

Чувство неясной тревоги передалось и Максиму:

— У вас что-то случилось?

— Да... То есть, не то чтобы случилось. А, как вам сказать... На прошлой неделе я улетала в райцентр на конференцию и в мое отсутствие... Словом, кто-то был у меня, листал мой альбом. И оставил в нем... Да я сейчас покажу! — Она достала альбом и вынула тонкую прозрачную пластинку. Пальцы ее дрожали от волнения. — Вот, взгляните.

Максим взял ее находку, повертел в руках. Пластинка как пластинка — что-то вроде слюды, только очень легкая и прозрачная. Он недоуменно взглянул на Таню, пожал плечами:

— Какая-то пластмасса. Может, вы сами в спешке.

— Нет, вы взгляните на свет!

Максим подошел к окну, поднес пластинку к глазам. Ничего особенного. Та же опушка леса. Знакомая тропинка. И вдруг... Все это. исчезло. Пластинка словно запотела, подернулась туманом. И яркая точка вспыхнула в белесой дымке.

— Смотрите, смотрите! — Таня тоже подошла к окну и встала у него за спиной. Но Максим и сам уже не мог отвести глаз от пластинки. Светлая точка быстро увеличивалась, приобретала все новые и новые очертания, и вот уже изумительный цветок, живой, пронизанный солнцем, напитанный росистой влагой, будто поплыл в воздухе позади пластинки. Да, в воздухе! Потому что пластинки больше не было. Была только рамка. И даже не рамка, а настезь открытое окно и за ним — огромное неоглядное пространство. Иллюзия была настолько полной, что хотелось протянуть руку и потрогать чудесный бутон. Казалось, от него исходил даже знакомый горьковатый аромат.

— Астийский эдельвейс! — прошептал ошеломленный Максим.

— Как вы сказали? Астийский эдельвейс? Так называется этот цветок?

— Так я его называл когда-то. В честь наших астийских слоев. Но откуда такое четкое объемное изображение? Оно будто там, за окном.

— Это еще не все, — прошептала Таня — Смотрите дальше

Пластинка будто снова ожила. Цветок стал медленно отходить в глубь пространства, голубой фон вокруг него окрасился в бронзово-красный цвет, замерцал, задвигался и в считанные секунды сгустился в строгую женскую прическу и заколотым в ней цветком. И сразу проступило лицо, шея, грудь.

Максим чуть не выронил пластинку из рук. Можно ли было не узнать этот профиль, эти необыкновенные черты лица, эту родинку на открытом плече? А девушка будто заметила их, повернулась в их сторону. Легкий румянец залил ей лоб и щеки. Тревожной тенью взметнулись вверх ресницы. Знакомые сполохи зеленых лучей вырвались из глаз.

И снова изображение сдвинулось с места. Прекрасная незнакомка сместилась вдаль, в сторону, так что солнце било теперь прямо ей в лицо, но она даже не опустила глаз, стоя в полный рост в густой, по колена траве, всего в двух шагах от них, отделенная лишь рамкой диковинной пластинки.

Максим стоял, не шелохнувшись, не переводя дыхание, боясь хоть одним движением прервать эту неожиданную встречу с Нефертити. Она почти Н? изменилась с тех пор, как он видел ее в последний раз, перед отъездом в институт. Время словно не коснулось ее, прошло мимо, не тронув ни одной черточки в лице, фигуре. Только прическа стала другой, да что-то новое появилось в выражении глаз, точно кто обидел ее или огорчил очень уж неприятным известием.

С грустной улыбкой смотрела она на Максима и Таню, будто прощаясь перед дальней дорогой, и все отодвигалась и отодвигалась от них, а за спиной у нее, на фоне чистого безоблачного неба постепенно вырисовывалось, заполняя все пространство, какое-то огромное сооружение в виде тора. Верхняя часть этой громады почти сливалась с небесной синевой, а ниже, у земли, по всему периметру ее неясно проступали очертания кругов, ромбов, сферических треугольников. И вся эта мозаика будто струилась в знойном мареве, то делаясь отчетливой, рельефной, то словно погружалась в недра тора, еле просвечивая сквозь его сияющую голубизну.

Издали трудно было понять, что это, красивый орнамент или детали сложной конструкции? И вообще — что могла значить эта панорама? Где и когда были сняты такие кадры? Или пластинка играла роль электрокно-лучевой трубки и показывала то, что происходило сейчас, в эту самую минуту, только где-то в другой стране, в Других широтах?

Не успел Максим подумать обо всем этом, как один из кругов вдруг вспыхнул, засветился, покрылся бегущими бликами. И девушка, будто спохватившись, поспешно шагнула к тору, встала возле светящегося круга и, прижав руку к груди, опустила голову на грудь.

— Смотрите, смотрите! Она прощается, сейчас все кончится, — быстро зашептала Таня.

Но он не слышал ее, не мог слышать, прикованный к взгляду незнакомки. В нем было теперь лишь отчаяние и боль. И две слезы, обгоняя одна другую, покатались по бледным щекам. Но, может быть, это только показалось ему. Потому что незнакомка быстро отвернулась, коснулась рукой светящегося круга и сразу вся пластинка озарилась голубым пламенем, брызнула искрами, вскипела сплошным морем огня, и тут же погасла, снова став холодной безжизненной пластмассой.

— Все. Так было и у меня, — сказала Таня. — Теперь надо подождать. Минут через двадцать все повторится сначала

Максим осторожно положил пластинку на стол и сел, обхватив лицо ладонью:

«Все повторится сначала... Значит, просто фильм, ожившая фотография прошлого, еще один механизм неведомых пришельцев. Только механизм! Ну, что же...» — он крепко потер лоб, поднял глаза на Таню:

— Как это могло попасть к вам?

— Не знаю. Я нашла пластинку три дня назад. Захотелось взглянуть на свой рисунок и вот...

— Вы нашли его на той самой странице?

— Да. И сначала не придавала большого значения. Мне не сразу пришло в голову поднести ее к свету. А когда увидела все это, можете себе представить... Неужели это она? Она сама заходила сюда?

— Она сама? — Максим невольно усмехнулся своим мыслям — А вы уверены, что она действительно существует?

— Как — действительно существует? Я же видела!

— Я тоже видел, даже говорил с ней. Но все приписывают это галлюцинациям, игре воображения. А один большой ученый, Антон Дмитриевич Платов, мой начальник, считает, что все такие «видения» возникают как следствие особых излучений или особого состояния мозга, подвергшегося излучениям.

— Это как же? Значит, на самом деле...

— Значит, на самом деле мы видим и ощущаем то, чего просто нет, а если и было, то давным-давно, скажем, несколько тысяч, даже миллионов лет назад. Так получилось у меня, у вас, у дяди Степана...

— Нет! Этого не может быть!

— Я сам долго не соглашался с Платовым, спорил с ним. Но он почти доказал мне. Да взять хоть то, что мы видели сейчас, это же прошлое! То, что было заснято или как-то иначе запечатлено в пластмассе, по крайней мере, на прошлой неделе, а может, и... два миллиона лет назад. Последнее более вероятно. Тогда становится понятным и незнакомый степной ландшафт и странное, ни на что не похожее сооружение. Все это лишь тень минувшего, Таня. Чудесный фрагмент далеких времен...

— Нет-нет! Не продолжайте! Не убивайте моей мечты. Я так свыклась с мыслью, что эта девушка моя ровесница, что она где-то здесь, рядом.

— Зачем мечтать о несбыточном, жить галлюцинациями, гнаться за призраком?... — ответил Максим больше себе, чем Тане. Но она не дала ему договорить:

— Зачем мечтать?... А разве вы сами не мечтаете? Вы сами — верите во все эти галлюцинации и излучения?

— Я должен поверить в это, понимаете, должен! Чтобы покончить наконец с бессмысленной растратой времени, чтобы жить, как все люди, спокойно работать, делать открытия. Платов прав, я должен взять себя в руки.

Она как-то странно улыбнулась:

— И думаете, станете счастливее, согласившись с Платовым?

— Не знаю. Я никогда не думал об этом — счастлив я или не счастлив. Мне нужна ясность. Только ясность! Я устал от бесконечной неопределенности. — Максим встал и заходил по комнате. Таня, не зная того, коснулась самого больного его места. Согласиться или не согласиться с Антоном? — сколько раз этот вопрос казался решенным раз и

навсегда и тем не менее снова и снова вставал перед ним, так же, как сейчас, мучительно заставляя взвешивать все «за» и «против». Впрочем, эта новая находка поможет, кажется, разобраться во многом. Он подошел к столу:

— Взглянем еще раз, Таня. Она посмотрела на часы:

— Теперь можно.

— А где пластинка?

— Я видела, вы положили ее на стол.

— Да, но здесь ничего нет. Странно... Стойте, Таня, не двигайтесь! Она могла упасть. Надо осмотреть пол, каждую половицу. — Максим встал на колени и принялся ощупывать доски пола.

Пластинки как не бывало.

Таня устало опустилась на диван:

— Вот вам и «тень минувшего»! Нет, Максим, это она принесла пластинку. Специально для вас. Знала, я покажу вам. Она же и забрала ее обратно. Теперь вы сами видите...

Максим почувствовал, что все его доводы вот-вот рухнут, как шаткий частокол на пути лавины:

— Что значит — забрала? У нас на глазах? Как можно?

— Ей все можно. Что в этом удивительного? Она совсем из другого мира.

— Из другого мира?! Что вы говорите? Какой мир имеете в виду?

— Я и сама не знаю. И никто, наверное, не знает. Мы еще многого не знаем. Но должен быть какой-то другой мир. Должен!

— Почему такая уверенность?

— Потому что я хочу этого. Мечтаю об этом. Потому, что люди должны жить где-то по-другому. По-настоящему! — Таня порывисто встала. — Как бы я хотела встретиться с ними, с этими людьми, с этой девушкой! — Она посмотрела прямо ему в глаза. — Или сгореть вот так же, в голубом огне!

Сгореть в огне! Но почему? — искренне удивился Максим.

— Ах, неужели вы не понимаете? Не видите, как я... тоскую?

— Тоскуете? Да отчего? Зачем вам тосковать?

— Ив самом деле, зачем! — она нервно рассмеялась. — Ничего-то вы не поняли, Максим Владимирович. Ну да ладно, — она посмотрела на часы. — Простите, мне нужно на дежурство.

— Как на дежурство? Вы же больны.

— Врачу болеть не полагается, разве не знаете?

— И все-таки, как можно... — он почувствовал, что чем-то обидел девушку. Ему захотелось подойти к ней, коснуться ее волос, сказать что-нибудь теплое. Но он лишь вымолвил:

— Я зашел к вам... Мы уезжаем на днях...

— Вы уезжаете? Так вдруг! — она сразу как-то обмякла, присела на краешек стула. — А я наговорила бог знает чего. Все получилось неожиданно... Я ждала вас раньше. Мне надо было сказать так много. А теперь уж и времени нет...

— Я виноват перед вами, Таня. Позвольте мне не прощаться сегодня, зайти еще раз.

— Если вам будет не трудно...

7

Антон встретил его загадочной улыбкой:

— Опять пожаловал наш знакомый.

— Кто? — не понял Максим.

— Ястреб-тетеревятник. Тот самый! Ворвался в окно, и — к сейфу! Решил сталь пробить клювом, дуралей.

— И что же?

— Ничего, долбанул раз и обратно. Я пробовал стрелять. Да сам знаешь, какой из меня снайпер.

Максим осмотрел крышку сейфа, выглянул в окно:

— Не нравится мне это, Антон. Неспроста прилетал ястреб.

— Придется усилить охрану. Недолго осталось.

— Охрана — охраной. Но он мог всадить в сейф какой-нибудь индикатор. И теперь, чего доброго, выследит наш отъезд, увяжется за поездом.

— Боишься, нагрянет в институт? — рассмеялся Антон. — Милости просим! Там на него найдется управа. Сам угодит в сейф. А где ты пропадал столько времени?

— Сказать, так не поверишь. Новый феномен на кордоне.

— Опять твоя русалка?

— На этот раз — фильм о ней. И какой фильм! — Максим рассказал о загадочной пластинке.

— Что я тебе и говорил! — оживился Антон. — Определенно, это одна из тех, кто прибыли сюда в астийское время. Наша пра-прабабка, выходит. Хотел бы я на нее взглянуть!

— Может, увидишь когда-нибудь. Если она всего лишь тень минувшего...

— Несомненно! Мы ведь понятия не имеем, как они хранили и передавали информацию. Но, видимо, некоторые источники ее действуют до сих пор. С одним из них ты и столкнулся сегодня.

— Возможно, возможно... Но как он попал к нашей знакомой? И главное — как исчез у меня на глазах?

— Трудно сказать, Максим. Но пока не важно...

— Нет, важно. Очень важно! Одно это может разрушить все твои гипотезы. Как ты не поймешь: раз то, что было в прошлом, оказывается связанным с какими-то силами, действующими сейчас, значит, прошлое становится настоящим.

— С какой стати! Пластинка могла быть кем-то найдена, как твоя шестерня. Что же касается ее исчезновения, то мало ли... Что мы знаем об их материалах? Может, это результат простой сублимации. Не будем терять на это время. Для нас важнее расшифровать саму информацию. Жаль, что ты не успел сфотографировать увиденное. Особенно последние кадры «фильма». Голубой тор мог быть звездолетом наших предков.

— Наших гостей, ты хочешь сказать — перебил Максим. Антон посмотрел на него долгим взглядом:

— Ты все-таки не допускаешь, что это одно и то же.

— Не допускаю, Антон.

— Но в чем я не прав, по-твоему?

— Дело не в твоих умозаключениях, они логичны. Ты очень убедительно показал возможность космической истории человечества. Возможность. Но возможность не есть действительность. Чтобы доказать ее, нужны факты.

Антон вздохнул.

— Факты надо искать. Это вопрос тяжелый.

— Но ты хотел что-то рассказать мне в прошлый раз.

— Да я, видишь ли, давно заподозрил, что находки на Студеной имеют внеземное происхождение. Начал собирать все, что написано на этот счет, и столкнулся с одним интересным обстоятельством». Кстати, тебе не приходилось читать Фрезера?

— Какого Фрезера?

— Англичанина Джеймса Фрезера, известного специалиста по истории религий. В книгах его, конечно, немало обычной для буржуазных ученых шелухи. Но подкупает обилие фактов. И вот анализ этих фактов приводит к любопытнейшему заключению: в религиях почти всех народов боги всегда приходят с неба. Почему с неба? Почему не с гор, не из пещер, не из дальних заморских стран, а именно с неба? Попробуй встать на минутку на место нашего далекого предка, такого, каким мы привыкли его представлять, не

отягощенного никакими воспоминаниями, никакими издревле заложенными в его сознание фактами. Чем было бы для тебя небо? Весь твой опыт, весь ход твоих мыслей говорил бы об одном, что это нечто зыбкое, эфемерное, воздушное, где не может быть никакой «тверди». Недаром даже в сравнительно недавние времена непременным атрибутом ангелов, архангелов, демонов и тому подобных небожителей были крылья.

А боги приходят с неба! Причем — обрати внимание! — сами боги крыльев не имеют. Зато часто изображения их сопровождаются такими аксессуарами, какие больше подошли бы пилотам реактивных кораблей или космонавтам.

Но это не все. Боги не только приходят с неба. Они и людей создали где-то там, на небе. И только позднее, временно — заметь, временно! — поселили их на Землю, чтобы впоследствии забрать если не всех их, то, по крайней мере, наиболее достойных обратно к себе, на небо.

И как оно рисуется, это небо, рай, обитель святых. Как что-то воздушное, неосязаемое? Ничуть не бывало! Это нечто вполне земное с богатой растительностью, животным миром, прозрачными струями воды, музыкой. Вспомни все эти «райские кущи», «райские птички», «райские яблоки».

А сами боги. Чаще всего, это носители высшего разума, высших знаний, высшей справедливости и порядка. Они были на Земле и снова вернутся на Землю. И люди верующие их ждут. Ждут по-разному. Кто со страхом, кто с трепетом, кто с восторгом. Но ждут! Ждут возвращения их на Землю, ждут суда их над преступниками, ждут награды от них за добрые дела. И опять-таки — высшая награда мыслится как возврат туда, на небо, в тот прекрасный мир, где был создан человек, где осталась его родина, родина всех людей. Всего человечества!

Сейчас, конечно, религия стала в основном уделом малообразованных людей, но мы говорим об истоках религии. О тех временах, когда еще только складывались представления о богах. Откуда тогда возникло это стремление к небу, к заоблачным высотам, к тому, что мы называем сейчас космосом?

На мой взгляд, объяснение этому может быть одно. Представь себе такую ситуацию... Или нет, прочти вот лучше. На днях, понимаешь, не спалось, и захотелось набросать это начало всех начал, — Антон порывлся в столе и подал Максиму небольшую тетрадку, исписанную крупным четким почерком. — Читай» А я выйду, покурю,

Максим раскрыл тетрадь:

«... Рев стартовых двигателей еще метался между гор, когда звездолет, блеснув шлейфом пламени, скрылся в глубинах чужого неба. Непривычно синий небосвод вновь сомкнулся в сплошной купол, пронизанный лучами Центрального светила, настолько яркого, что не было видно ни звезды. Воздушный океан казался непроницаемым. Планета будто оделась в густую вуаль, отгородившись от всей Вселенной,

Семеро астронавтов молча обменялись взглядами. Исчезла последняя надежда на возвращение к родным мирам. Не меньше полутора миллионов лет по местному исчислению пройдет на этой голубой планете, прежде чем корабль достигнет границ Системы, откуда двадцать микроциклов назад они вылетели на поиски разумной жизни.

В этом они не были ни единственными, ни первыми. Экспедиции такого рода давно стали буднями Системы. Но только им, участникам Семьдесят Шестой Галактической, посчастливилось открыть здесь, на краю Галактики, планету, биосфера которой мало чем отличалась от биосферы далекой родины. На ней, правда, не было еще разумных существ. Зато кислорода и самовоспроизводящейся органики оказалось столько, сколько не было ни в одном из миров Системы. И высшие приматы планеты достигли такого совершенства, что через два-три десятка миллионов лет вполне могли эволюционировать в мыслящие формы. А главное — планета была еще совсем молода и находилась в таком удалении от коварного центра Галактики, что ей не грозили никакие катаклизмы.

Словом, ради такой находки можно было потерять и не два десятка микроциклов. Система давно ждала подобных открытий. Однако последний этап экспедиции кончился

катастрофой. Непредвиденный всплеск корпускулярного излучения Центрального светила вывел из строя гравигенератор звездолета. Перед участниками экспедиции встала суровая дилемма — либо оставить корабль в качестве базы на планете, либо, сняв с него лишь самое необходимое, отправить под командой автоматов на обычной досветовой скорости к Системе.

В первом случае они сохранили бы некоторый комфорт, полную безопасность, относительно спокойную жизнь, обеспеченную приборами и энергоустановками звездолета и, пусть очень слабую, надежду на устранение аварии. Во втором — лишились всего этого, но получали возможность сообщить Системе о своем открытии. Между участниками экспедиции разгорелась дискуссия. Мнения разделились. Однако голос командира, лучше других знавшего истинную степень катастрофы и потому отстаивавшего второй вариант, оказался решающим.

И вот семеро астронавтов — четверо мужчин и три женщины-впервые остались один на один с враждебными силами планеты. Огромный небосвод чистейшей лазури раскинулся над ее лесами и лугами. Причудливые груды облаков величественно-спокойно плыли от горизонта к горизонту. Живительное тепло Центрального светила приятно ласкало лицо и руки. Но за каждым деревом, каждым камнем притаилась чужая, враждебная жизнь. Она воплотилась здесь в миллионы форм. Ею кишели и почва, и вода, и воздух. А их осталось всего семеро — всему и всем чуждых, для всего и всех лишних, ненужных, нетерпимых.

На миг сердца астронавтов дрогнули в предчувствии фатальной обреченности. Но только на миг. Уже в следующую минуту командир, как бы читая мысли своих товарищей, сказал:

— И все-таки надо жить. Жить и бороться. Чтобы сохранить самое драгоценное, что мы привезли сюда — разум. За работу, друзья!...»

Максим живо представил себе этих мужественных звездолетчиков, не пожалевших ничего ради открытия, которого ждала их Система. Нелегкая судьба выпала на их долю. Чем же закончился этот подвиг гостей Земли?

В комнату вошел Антон:

— Прочел?

Максим закрыл тетрадь:

— А дальше? Что могло быть дальше?

— Что дальше? Мы уж как-то говорили об этом. Лишившись корабля и, следовательно, всякой связи со своей Системой, лишившись источников энергии, синтезирующих устройств, приборов, логических машин, хранилищ знаний, словом, оставшись один на один с враждебными силами планеты, они должны были одичать. Не они, так их дети. Не дети, так внуки, правнуки. Это не значит, конечно, что они вновь стали обезьянами. Нет! Их разум не угас. Но сузился до предела. Замкнулся в элементарных понятиях, необходимых для чисто биологического существования: выследить добычу, утолить голод, согреться от холода, защититься от врага. А это повлекло за собой изменение и внешнего облика человека. Трансформировался его череп, кости лица. Иной стала осанка, увеличился волосяной покров...

— В общем, тот же питекантроп, только с другой родословной? — заметил Максим.

— Ну, если и не питекантроп, то, во всяком случае, не современный человек. Кстати, Энгельс в «Диалектике природы» прямо пишет о дикарях, «у которых приходится предполагать возврат к более звероподобному состоянию с одновременным физическим вырождением».

— Энгельс, положим, только упоминает о дикарях, чтобы подчеркнуть, что даже они «стоят гораздо выше переходных существ», — возразил Максим.

— Гм... Ты, вижу, штудировал Энгельса усерднее, чем я. Но согласишься, что он все-таки допускает возвращение человека к «звероподобному состоянию». А я так убежден, что при определенных обстоятельствах изменения в человеческом теле и человеческой

психике могли дойти до уровня дикаря каменного века. И нечто подобное, очевидно, произошло здесь, в окрестностях Вормалея и, может быть, именно пра-праправнук пришельцев и выковал из детали какого-то прибора более нужное ему рубило. Впрочем, приборам, снятым с корабля, видимо, повезло больше, чем людям. И они до сих пор хранят бесценную информацию, рассчитанную на миллионы лет. Вот он, источник твоих галлюцинаций! Но для них, этих дикарей поневоле, она значила не больше, чем кибернетика для шимпанзе.

— Ну, хорошо, допустим, что-то подобное могло произойти здесь в астийское время. А после?

— Потом наступили холода. И все, что могло двигаться, потянулось к югу. Двинулись на юг и наши предки. Это был трудный и длительный переход. Лишь немногие дошли до южных гор. Только единицы, в лучшем случае десятки, перевалили их и вышли в долины Джамбудвипы. Это и были те перволюди, о которых повествуется в санскритских рукописях. Их было немного. Но у них был разум. Пусть в значительной мере угасший, но разум! И это дало им возможность не только выжить, но и подавить всех врагов и конкурентов, начать новое восхождение по ступеням прогресса.

А теперь — самое главное. Очевидно, мозг наших предков не только сохранил элементарную способность мыслить. Но где-то в сокровенных уголках их памяти остались картины давно пережитого, того, что было им всего дороже, что крепче всего врезалось и закрепилось в соответствующих участках коры или подкорки мозга. Но могло ли это быть чем-то иным, как не тоской по родине, далекой, затерянной в глубинах космоса, но бесконечно прекрасной, достигшей удивительного совершенства во всех областях человеческой деятельности и человеческих отношений. И чего они должны были ждать больше, о чем мечтать сильнее, как не о возвращении туда, в этот мир невиданного расцвета разума, абсолютной справедливости, истинного гуманизма и счастья

Так не эти ли воспоминания составили основу первичных религиозных представлений? Тогда становится понятным и необычайный ум богов, их всемогущество и неодолимая тяга людей к небу. Или не так?

— Фантазер ты, фантазер. - Максим прошелся по комнате, потом подошел к Антону обхватив его за плечи. — Ну, что я могу тебе сказать? Слов нет, это интересно, логично, в принципе, даже возможно. Но и только. Так же последовательно, строго, убедительно можно и опровергнуть твои идеи. Ну, посуди сам, если действительно в астийское время на Земле высадились какие-то инопланетяне, если они прижились здесь, дали начало новой цивилизации, то почему их родичи ни разу не навестили их, не поинтересовались их судьбой? Ведь два миллиона лет — такой срок... А между тем, никто больше не прилетал на Землю.

— Ну, положим, он не так велик, этот срок, для тех, кто путешествует в космосе с субсветовыми скоростями. Но не в этом дело. Почему ты решил, что никто не посещал Землю в послеастийское время, скажем, две-три тысячи лет тому назад? Разве ты не слышал, не читал хотя бы о наскальных рисунках в горах Тассили или знаменитом амфитеатре на плоскогорье Энладрильадо? А гигантский «трезубец» в бухте Писко, феноменом пустыни Наска, циклопические навигационные знаки близ города Мильендо! Или древняя карта из Стамбульского музея, где нанесены очертания Антарктиды, точно такие, какими они стали известны всего несколько лет назад! Или наконец почти несомненное изображение космического корабля на каменном надгробье из пирамиды майя в Паленке!

— Видел я фотографию этого надгробья. И все остальное для меня не новость. Только... Слушай, Антон, ведь, насколько я понял, ты имеешь в виду пришельцев из другой звездной системы и, следовательно, посланцев очень высокой цивилизации?

— Несомненно.

— Но неужели ты всерьез считаешь, что они могли преодолеть расстояния в десятки и сотни парсеков на такой колымаге, какая изображена на плите из Паленке? Неужели

думаешь, что им понадобились бы эти каменные причалы, грубые примитивные указатели, нелепые посадочные полосы? А эта Стамбульская карта! Может быть, она и была слишком совершенна для времен Русско-турецкой войны. Но кто поверит, что цивилизации, чьи корабли бороздят неоглядные просторы Галактики, не нашли ничего лучшего для изображения поверхности планеты, чем наша старушка — географическая карта? Нет, не такие свидетельства должны были бы остаться от посещения Земли гостями иных систем.

— Что же, по-твоему, могло от них остаться?

— А вот то, с чем, может быть, мы столкнулись здесь, что подчас и в руки не возьмешь и глазами не увидишь, — все эти таинственные излучения, обрывки загадочной информации, детали экзотических приборов...

— И зеленоглазые русалки с золотыми волосами! — зло закончил Антон.

— Может быть, и такие образы. А чего ты злишься?

— Потому и злюсь, что прав ты, черт вихрастый! — Антон встал и заходил по комнате.

— Но в главном ты меня не переубедишь! Нет, никогда!! Человеческий разум принесен на Землю. И я докажу это и тебе и всем.

— Докажешь — как? С помощью чего? Я, может, и хотел бы, чтобы ты доказал. Но, честно говоря, не представляю даже, какие находки могут тебе помочь. При самой большой удаче в наших поисках мы в лучшем случае сможем подтвердить лишь то, что в астийское время здесь действительно высадились инопланетяне. Ну, может быть, что они остались здесь и одичали. А дальше? Как ты докажешь, чем подтвердишь, что потомки астийских пришельцев, если они были, мигрировали на юг, перевалили через горы, достигли долин Джамбудвипы, а не погибли от холода и бесчисленных врагов здесь, в Сибири? В конце концов, на это у них было куда больше шансов, чем у рамапитеков в Индии. А ведь даже доказав это, ты не сможешь еще утверждать, что они стали предками Гомо сапиенс. Здесь потребуются новые факты. Много фактов. Не будешь же ты всерьез выдвигать такие аргументы, как древние санскритские рукописи и история религий. Это не убедит даже твоих друзей. Что же касается оппонентов...

— Что касается моих оппонентов, — зло перебил Антон, — то их не убедило бы даже то, если б сейчас прилетели сами инопланетяне и прямо заявили, что они наши предки

— Сейчас прилетели?... — машинально переспросил Максим.

— А почему бы нет? Быть не может, чтобы, открыв такую планету, как Земля, они не вернулись снова. Я даже подсчитал кое-что...

Но Максим уже не слушал его. Не мог слушать. В мозгу билась одна мысль: а что, если они, действительно, вернулись, что, если Нефертити... Да нет, не может быть. Ведь если бы на Землю прибыл космический корабль, это всколыхнуло бы всю планету. Не заметить его просто бы не могли. Сейчас даже самолет не прорвется ни через одну границу. И все-таки...

А через два дня, когда он снова пришел проститься с Таней, на него обрушилась еще одна ошеломляющая новость. В этот раз она проводила его чуть не до самого Отрадного. Спешить было некуда. Поезд отходил лишь в двенадцатом часу ночи. Вечер выдался ясный, тихий. И они шли и шли по старой Вормалеевской дороге. Шли медленно, иг торопясь. Максим рассказывал о своих «встречах» с Нефертити, своих находках, своих спорах с Антоном. А Таня слушала его, не перебивая ни единым словом, лишь время от времени задавая короткие вопросы:

— И это было каждый раз, что вы чувствовали зуд за ухом, перед тем, как вспомнить ее?

— Да, кажется так...

— Дайте я взгляну?

— Ну что там, обыкновенная родинка!

— Не стесняйтесь, я же врач.

— Я понимаю, но... такой пустяк.

— И все-таки, наклоните голову. Вот так, — Таня отогнула ухо и легонько надавила пальцем на выпуклость, — Это появилось в то утро, когда вы помогли ей выбраться из озера?

— Тогда я обнаружил родинку, а когда она появилась — не помню.

— И вы никогда не показывали ее врачу?

— Нет конечно!

Таня еще ниже склонилась к его виску. Щекочущая прядь волос упала ему на лоб. Теплые ладони сжали голову:

— На вашем месте я обратилась бы к рентгенологу.

— Зачем?

— Трудно сказать что-либо определенное. Но может статься, это приблизит вас к разгадке вашей тайны.

— Моя родинка? Вы шутите! — Максим поспешно высвободил голову из рук Тани. Он испытывал страшную неловкость, видя так близко ее грудь, шею, чувствуя ее дыхание, запах волос, и оттого почти не улавливая смысла сказанных ею слов — К тому же идти с прыщиком к рентгенологу — смешно!

— Напрасно вы так думаете. А впрочем, дело ваше, — Таня выпрямилась, поправила прическу. — Когда вы собираетесь вернуться сюда?

— Сразу, как только представится возможность

— Видимо, в начале будущего лета. Если ничего не случится...

— Будем надеяться на лучшее. А теперь простимся, Максим. Вон уж и Отрадное. Мне пора назад. Только скажите еще; вы действительно хотели бы, чтобы эта девушка... чтобы все, о чем вы рассказывали, оказалось галлюцинацией?

— Мало ли, что я хотел!

— А я не хотела бы! И вот что я вам скажу- Я плохо разбираюсь во всех этих излучениях, источниках информации

Но, Максим, вы ошибаетесь! И вы, и ваш начальник. Эта девушка... Она не из прошлого. Не мираж! Не галлюцинация! Поверьте мне! Я уже говорила, что той ночью, здесь, в лесу, она что-то шепнула вам. Так вот, все эти дни я старалась вспомнить, что же она сказала. И вспомнила! Она сказала: «Все будет хорошо. Вы снова встретитесь с Ларой...»

— С Ларой?!

— Да. Так она сказала. И я вижу, вы действительно знаете ее, Лару. Но ведь я никогда не слышала этого имени. Ни от вас, ни от кого другого. Значит, оно не могло прозвучать ни в какой моей галлюцинации, не могло быть рождено никаким излучением прошлого. Разве не так?

Максим стоял как оглушенный.

— Но если это не было галлюцинацией, — продолжала Таня, — то и все, что мы видели в пластинке, произошло сейчас, недавно, может быть, на прошлой неделе. Согласитесь со мной, Максим. Ну, почему вы молчите?

— Почему я молчу? Да знаете ли вы, чем может обернуться все это? Ведь девушка, о которой мы говорили. Словом, не исключена возможность, что она окажется совсем не нашей, не землянкой, а прибывшей с другой звезды!

— Я так и знала...

— Нет, это только предположение.

— Но я чувствую это. Чувствую! И так рада, что смогла переубедить вас, подарить вам радость. Ведь это, должно быть, очень важно для вас, что она не призрак, не галлюцинация?

— Для меня? Разве можно сказать, что это значит для меня? Ведь это мечта моя, цель всей моей жизни! Мое счастье и горе, моя радость и мое проклятье. И все это вы возвращаете мне! Не знаю даже, благодарить вас или...

— Или проклинать? Может быть, вы и правы... А я... я только благодарна вам за эти «алые паруса». Очень... Очень! Чем была бы моя жизнь без всего этого! А теперь... — она

подняла на него влажные блестящие глаза, протянула маленькую руку. — Теперь прощайте. До весны.

— Да-да, до весны, — машинально повторил он, все еще не придя в себя от потрясающей новости. А Таня как-то неловко повернулась и пошла по пустынной ухабистой дороге, опустив голову, ссутулив узкие, по-девичьи заострившиеся плечи.

И такой одинокой и беспомощной была она в хмурой лесной чаще, так трогательно беззащитны были эти ее плечи, ее ноги в маленьких, словно детских ботинках, вся тонкая, будто надломленная фигура, что Максим мгновенно забыл и о поезде, и о новых загадках Нефертити, и обо всем на свете. Он просто не мог уйти от нее в эту минуту, не мог оставить в этом месте, в таком состоянии.

— Таня!... — крикнул он вполголоса.

Она не обернулась. Тяжелый сумрак леса будто пригнул ее к земле, черные космы елей обступили со всех сторон.

— Постой, Таня! — он бросился за ней, догнал, обхватил за плечи. Она всхлипнула, опустила голову еще ниже, закрыла глаза руками.

— Таня, милая! Дорогая моя Ассоль... — он повернул к себе мокрое от слез лицо, отнял руки от глаз и поцеловал в холодные, вздрагивающие губы...

8

Это было самым ярким и захватывающим зрелищем из всего, что пришлось пережить Максиму. Ослепительно < чин болид, с грохотом прорезая плотные слои атмосферы, гнилая за собой огненно-дымный след, вырвался из-за г? много горизонта и, описав гигантскую дугу, на миг будто ||иис над головой. На какие-то доли секунды все вокруг мерло, как бывает иногда в кино, во время остановки проектора. Затем нестерпимо режущий свет стегнул по пш.-шм, пронзительно свистящий рев заложил уши и плотным, как горячая кошма, воздух прижал его к перронной решетке.

Через минуту все стихло. Максим попытался оглядеться. Но тьма была непроницаемой, тишина зловещей. Тяжелый запах гари повис в душном воздухе.

— Антон! — крикнул он в темноту.

— Здесь я, — раздалось неподалеку, — фонарь не найду. Однако уже в следующую минуту вспыхнуло аварийное

оснащение. К удивлению Максима, ни здание станции, ни Китае, только что поданный к перрону, почти не пострадали. Лишь кое-где зияли окна без стекол. Зато на месте Аигожного сарая, куда они полчаса назад сдали бронированный сейф с бесценным рубилом, разверзлась огромная воронка. Края ее дымились. На дне кратера не было ни кирпичика. Сарай со всем его содержимым, как оказалось позже, испарился нацело.

Вот почему Максим почти не удивился, когда по приезду Ц1- в институт им сообщили, что в одну из грозовых ночей прямым попаданием молнии была выведена из строя большая часть лаборатории Платова, именно та, где хранился контейнер с диковинным цветком.

Имелся ли смысл после этого проявлять пленку, на которую были засняты конкреция и рубило. Максим заранее приготовился к новой неожиданности. И действительно — вся пленка оказалась засвеченной.

На Антона было страшно смотреть. Он рвал и метал. Клял и себя, и Максима, и всю «вормалеевскую чертовщину», но под конец сказал:

— И вез-таки, я этого не брошу. Не-ет, не на такого напали. Вы не знаете Антона Платова!

— Но это еще не все, — осторожно заметил Максим.

— Что еще?

Максим коротко рассказал о том, что сообщила ему перед отъездом Таня. Антон терпеливо выслушал его:

— Та-ак... Ну, что же, выходит, ты был прав, русалка мутит воду до сих пор.

— Но это значит... — начал Максим, все еще не решаясь высказать свое предположение.

— Это значит только то, что она не имеет никакого отношения ни к астиийскому человеку, ни к моей гипотезе, — резко ответил Антон.

— Как и наши находки, ты хочешь сказать?

— Ни в коем случае! Русалка — одно, находки — совсем другое.

— Но связь их очевидна.

— Разве в том смысле, что эта бестия...

— Ну, зачем так, Антон? — не выдержал Максим.

— Пардон, я хотел сказать, что эта фея, это очаровательнейшее добрейшее создание и те, кто стоят за ней, так же, как и мы, охотятся за всем, что имеет отношение к астиийской культуре. Только мы это делаем честно, а они...

— Но кто они, кто?

- — Я знаю только одно, — что это враги. Враги науки Враги коварные и трусливые. Да-да, трусливые! Потому что бояться показать свое лицо. Но мы не уступим им Не бросим своего дела. И хватит об этом!

— Что же, хватит, так хватит, — Максим встал и отошел к окну. Стоило ли дальше спорить с Антоном? Стоило ли говорить о своих предположениях, о том, что не шло теперь у него из головы, но что он по-прежнему не мог доказать даже самому себе. Ведь все упиралось именно в эти враждебные силы. Уж их-то никак нельзя было связать с прибытием на Землю представителей сверхвысокой, сверхкультурной, сверхгуманной цивилизации. И тем не менее — Антон был прав, да он и сам видел это — какая-то ниточка безусловно, связывала эти силы с таинственной незнакомкой. Но что могло быть между ними общего? И кем в таком случае оказывалась Нефертити? Ответ на это мог дать только Вормалей.

Однако, когда этой весной они снова приехали в Отрадное и начали уточнять план дальнейших работ, Антон вдруг сказал:

— Ну, если и в этом году мы вернемся с пустыми руками, придется проститься с Вормалеем.

— Как проститься! Совсем? После всего, что мы здесь нашли?

— После того, как мы все потеряли. Но не в этом дело. В институте я не хотел тебя расстраивать. А теперь скажу. Незадолго перед отъездом меня вызвал профессор Победилов.

— Наш директор?

— Да, Павел Семенович. Так вот, пригласил он меня к себе в кабинет и выложил целую кучу анонимок. Какой только грязи на нас с тобой не настрочено. И что средства-то государственные мы пускаем на ветер, и что занимаемся не тем чем нужно. Словом, хоть за решетку нас сажай.

— Ну, авторов этой брехни угадать не трудно. Многим мы пришлось не ко двору. Но Павел Семенович! Неужели он принял это всерьез?

— Павел Семенович смеялся вместе со мной.

— Так в чем дело?

— А в том, что посмеяться-то он посмеялся, а в заключение сказал. «Боюсь, не пошла бы эта пакость дальше, в вышестоящие инстанции. Сам знаешь, как там реагируют. Пойдут комиссии, запросы. Мне — неприятности, на институт — пятно. Бросили бы вы этот Вормалей, свет клином, что ли, на нем сошелся». Понимаешь, как дело оборачивается?,

— Да уж для Победилова честь мундира...

— Есть у старика такой грешок. Но ведь и прав он. А если, действительно, нагрянут эти комиссии? Что мы ответим им, что покажем?

— Да-а, ситуация! Почти все всяких неведомых сил. Но до осени мы сможем еще работать спокойно, я так понимаю?

— До осени — возможно, дальше — едва ли.

— Тогда надо сделать хотя бы самое главное

— Что ты имеешь в виду.-

— Озеро за Лысой гривой. На него вся надежда И еще — по пути к гриве есть любопытное местечко, куда вот уже много лет молнии бьют практически в одну точку.-

— Молнии бьют в одну точку?! Что же ты молчал до сих пор?

— Геологи решили, что, скорее всего, это залежь магнетита

— Залежь магнетита! Где-нибудь в другом месте это могло быть и рудной залежью. Но здесь... В общем так, завтра же набирай людей и — к Лысой гриве!

— Людей набрать не трудно. Но мне кажется, сначала стоило бы сходить туда вдвоем. И без лишнего шума.

— Чтобы не раздражать наших врагов?

— Я не могу сказать ничего определенного, но...

— Ясно! Согласен.

Через два дня с восходом солнца друзья отправились к Лысой гриве. Благополучно миновали Гнилую падь, без всяких происшествий переночевали под сопкой Дальней, наутро легко отыскивали почти торную теперь тропу и к вечеру должны были выйти к рытвине. Максим с минуты на минуту рассчитывал уже увидеть знакомый мостик, как вдруг лес как-то сразу расступился, и оба остановились, пораженные видом открывшегося зрелища.

Весь склон сопки был абсолютно голым, будто вспухшим бугристыми наплывами развороченной земли Оползень! Гигантский свежий оползень. Верхняя часть склона примерно на одну треть от вершины была срезана как ножом, и вся эта многомиллионнотонная масса грунта обрушилась вниз, погребя под собой вековые заросли тайги

Друзья осторожно взобрались вверх по осыпающемуся откосу и огляделись. Унылая картина голой буровато-серой земли, из которой лишь кое-где торчали искореженные стволы и корни деревьев, тянулась на многие сотни метров вперед и вниз, сливаясь там с черной болотистой низиной. Никаких следов тропинки дальше не было, из чего следовало заключить, что оползень произошел совсем недавно, может быть, даже несколько дней назад.

Друзья молча переглянулись. Максим сбросил с плеч рюкзак и опустился прямо на землю;

— Кто мог предположить такое. Антон нервно, ломая спички, закурил

— Да, чистая работа, ничего не скажешь. Мат в два хода! Стоило ради этого плюхать по тайге

— Главное — озеро, Антон.

— Что, озеро! Думаешь, там сохранилось что-нибудь? Не-ет, против таких врагов мы бессильны. И как ни горько признавать поражение, а придется, — он бросил недокуренную папиросу, сел на землю. — Но кто мешает нам, кто? Ты посмотри на этот катаклизм! Десяток водородных бомб не смогли бы переместить такой уймы грунта. Словно сама планета восстала против наших попыток проникнуть в тайны аствия.

— Но это тоже факт величайшего значения.

— Еще бы! Только не для нас с тобой, двух кустарей-одиночек. И без того, мы, кажется, выпустили из бутылки такого джина...

— Волков бояться — в лес не ходить!

— Здорово сказано! — усмехнулся Антон, — А ты представь на минуту, что этот «оползень» произошел бы чуть позже, скажем, вот сейчас, когда мы вышли к твоей рытвине.

— Так не могло быть, — упрямо возразил Максим. — Ты думаешь, случайно при взрыве метеорита не пострадал ни один человек. И так было всегда...

— При взрыве метеорита! Снаряда, ты хочешь сказать?

— Специалисты не сомневаются, что на станции упал метеорит.

— Если бы специалисты знали все, что знаем мы. Рубило уничтожено снарядом!

— Какая разница...

— Разница есть! Это было предумышленное нападение. К тому же, кроме рубила, погибла масса материальных ценностей. Я выяснял. А наша лаборатория! Убытки исчисляются в сотни тысяч. Одного этого достаточно, чтобы дать знать соответствующим органам.

— О чем? Об ударе молнии? О падении метеорита? Об этом оползне, в котором ни один геолог не найдет ничего необычного?

Антон долго молчал:

— Да, более идиотского положения не представишь! — он взглянул на часы. — Однако время связи с Отрядным.

Максим вынул рацию, надел наушники. База ответила сразу

— Вас слышим. Как успехи? — послышался бодрый голос студента-практиканта Геры.

— Все хорошо, — устало ответил Максим. — Как вы там?

— Порядочек, Максим Владимирович! Только вот телеграмма из института

— Читай.

— Значит так. «Отрядное Главпочта Платову, Колесникову...»

— Ну, что ты замолчал?

— Да тут, понимаете, такое... — Гера будто поперхнулся кипятком. — Вот: «Профессору Платову немедленно прибыть в институт. Доценту Колесникову свернуть экспедицию, распустить штат, отправить малой скоростью снаряжение и оборудование, следовать в институт. Срок — неделя. Подпись — Победилов».

— Что-что?! Повтори! Максим сдернул наушники и нацепил их на голову Антона. Тот выслушал телеграмму с каменным лицом:

— Та-а-ак... Приехали! Гера, ты вот что... Телеграфируй в институт, что мы в маршруте, на базе будем дня через три. Ну и... пока все. Завтра связь, как обычно. Привет всем, — он неторопливо снял наушники, помял папиросу, чиркнул спичкой.

Максим не дал ему закурить:

— Что это значит, Антон?

— Не знаю. Во всяком случае, ничего хорошего.

— Но ты позвонишь им?

— Конечно, позвоню. Однако боюсь, это не изменит дела. Телеграмма похожа на приказ. Через два дня состоялся телефонный разговор с институтом. Трубку взял профессор Победилов:

— А-а, Антон Дмитриевич. Привет! Очень рад, очень рад! Вы что же, все там, в тайге? А у меня для вас новость. Да-с! Бросайте все и езжайте домой. Немедленно! Предстоит командировочка 3-э... совсем другого рода. В Канаду.

— В Канаду?!

— Да, в Канаду, в Монреаль, по приказу самого министра, в порядке, так сказать, научного обмена. Года на два, не меньше. Что же вы молчите? Не можете прийти в себя от изумления?

— Изумляться особенно нечему. Но зачем такая спешка? Может, я смогу провести отпуск здесь?

— Что вы, что вы, Антон Дмитриевич! Командировка с первого июля. А всякие там оформления и прочее, разве вы не знаете? Ехать придется всей семьей.

— Понимаю, но как же кафедра, лаборатория?

— Лабораторию передадим Колесникову. Думаю, потянет?

— Еще бы!

— Вот и отлично. Кстати, можете его поздравить с утверждением в звании, отношение из ВАКа получено. Ну, а кафедру... Кафедре, я думаю, временно передать Субботину.

— Субботину?!

— Знаю, не находка. Но другой кандидатуры у меня пока нет. Приедете, обмозгуем вместе. Так что, ждем! — Победилов повесил трубку.

— Все слышал? — Обратился Антон к сидящему рядом Максиму.

Тот молча кивнул. Стоило ли говорить, что все это определенно подстроил Победилов, решивший во что бы то ни стало оградить себя от всевозможных неприятностей.

— Надо ехать, Максим, — вздохнул Платов. — И мне, и тебе. Не будем прощаться с Вормалеем навсегда, но...

— Все ясно, Антон. Только почему я-то должен все бросить и, сломя голову, мчаться в институт? В конце концов, у меня отпуск. Мне не нужно никаких средств. Но сам собой я могу располагать до осени? Кому я нужен в институте?

— Как кому? Лабораторию надо принять, войти в курс дела.

— Ну, хоть с полмесяца, Антон?

— Хочешь сходить на озеро?

— Надо, сам понимаешь.

— Ну, что же, две недели дам. Но не больше.

— Спасибо и на этом. Когда едешь?

— Сегодня, чего тянуть. Дел там, действительно, невпроворот. А здесь... Днем больше, днем меньше...

— Да, конечно, — согласился Максим.

Они вышли с почты, пересекли тихую деревенскую улицу. Несколько минут оба не говорили ни слова.

— Слушай, Антон, — нарушил наконец молчание Максим, — помнишь, ты говорил, что инопланетяне, высадившиеся здесь в астии, могут вернуться на Землю снова? Ты допускал даже, что это может произойти уже сейчас.

— Что теперь об этом говорить...

— И все-таки, как ты думаешь, если бы случилось так, что они, действительно, прилетели, узнали бы мы об этом?

— Скорее всего, нет. Зачем им выдавать себя? Я уверен, они ограничились бы только наблюдением. И сделали все возможное, чтобы земляне даже не догадались об их присутствии.

— Но как они смогут остаться незамеченными? При той сети радаров, станций слежения за спутниками?

— Чудак-человек! Неужели ты думаешь, что у такой цивилизации не хватит средств нейтрализовать всю нашу технику обнаружения? Тем более что, скорей всего, они станут вести наблюдение с высокой орбиты спутника»

— А если кто-нибудь из них все-таки спустится на Землю?

— Вряд ли они пойдут на такой риск. Мало ли на Земле всяких мракобесов. А орудий уничтожения наша цивилизация изобрела предостаточно. Понадобилось вон каким-то негодяям спалить багажный сарай — и спалили. Не понравилось кому-то ваше любопытство в подводном туннеле — и вас чуть не на тот свет! Так что зря ты подтрунивал над моими предостережениями. От некоторых господ трудно ждать бескорыстного интереса к космосу, а агенты их могут оказаться в любой точке Земли. И они, посланцы иных миров, будут знать обо всем этом даже на высоте десятков тысяч километров.

— Может быть, ты и прав, и все-таки, знаешь, что за мысль нет-нет да и придет мне в голову?

— Знаю. Догадываюсь по твоим вопросам. Но не буду ни укреплять тебя в этих мыслях, ни разрушать твоих надежд. Задам только один маленький вопрос. Ты ведь вырос в тайге и должен быть хорошим следопытом.

— Как тебе сказать...

— Так вот, вспомни, после встреч с твоей незнакомкой, как бы они ни кончались, видел ты когда-нибудь ее следы?

— Ее следы? Нет, не видел. Ни разу.

— Вот ведь как все не просто, Максим. Очень не просто! А на дне, у обрыва, следы были, вы с Костей оба их видели. И это грубая и опасная реальность. Стоит ли тебе оставаться здесь одному?

Максим не знал, что ответить. Снова, уже в который раз, все его догадки летели прахом. И все-таки, — бросить все и уехать с Антоном? После всего, что он уже узнал?!

Да, следы на дне озера — явная, реальная опасность, а Нефертити по-прежнему лишь непонятный феномен. Но, может быть, эта опасность больше всего и грозит ей, может быть, вокруг нее и сжимается кольцо черных сил, набрасывающихся на все, что имеет хоть малейшее отношение к космосу? И он один может предупредить ее об этом. Кто бы она ни была. Сколько бы тайн ее ни окружало. Что из того, что он не видел ее следов? В ней все необычно, все загадочно. Но может ли быть иначе, если она совсем с другой звезды...

— Нет, Антон, я должен побывать на Лысой гриве.

— Только не в одиночку!

— В одиночку, Антон. Сам понимаешь, иначе нет смысла.

— Ну, смотри. Я не могу запретить тебе этого, как не могу отнять твоей мечты. Мой долг был предостеречь тебя. Но, будь я на твоём месте, я поступил бы... точно так же.

— Спасибо, Антон.

— Не будем говорить этих банальных слов. Ну! — он крепко стукнул Максима по плечу. Но тот обхватил его за шею и прижался к худой небритой щеке...

И вот он снова один, На той же платформе где год назад скиталец космоса отнял у них последнюю находку. Исчезли, погасли во тьме три красных бегущих огонька. Замер, будто растворился в ночи, гул уходящего поезда. И привычная, веками устоявшаяся тишина будто спустилась с черного неба.

Как знакома была Максиму эта тишина ночного леса. Он любил ее с детства, она помогала ему всегда, ей, только ей, мог доверить свои мысли. И он, как в годы далекой юности, шагнул напрямик в лес. Деревья сомкнулись за ним. Тайга приняла его в свои пахучие объятия.

Он шел, не выбирая направления, не зная, куда и зачем идет, и мысли скакали, как падающие с кручи комья земли: метеорит... оползень... Нефертити... Субботин, его будущий начальник... Дом, жена, сын Славик... Максим сбавил шаг. Славка, сынок!... При мысли о нем сердце сжалось от нежности и боли. Он любил его, как можно любить только сына. В памяти всплыл день, когда он увидел его в первый раз, через окно роддома. Маленький, красный, сморщенный комочек, — а сердце так и рванулось к нему, слабому, неподвижному, беззащитному. И еще — Славику не было и трех лет, когда Максим, неся его на руках из яслей, поскользнулся на мокром льду. Малыш в кровь ободрал нос и щеку и тоненько плакал в своей кроватке, сотрясаясь всем крохотным тельцем. Максим клял себя, как только мог, за эту неосторожность, когда услышал сдавленный голос сына: «Мама, ты ругала папу за то, что он уронил меня?» «Ругала, сынок, ругала, — поспешно ответила Марина, — и еще отругаю». «Не надо, мама, не надо!» — всхлипнул Славик — Он же нечаянно. Он и сам упал».

Можно ли было без волнения вспоминать все это? Сын. К нему он помчался бы хоть сейчас, бросив все на свете. Но дома была еще и Марина, совершенно чужой, совершенно случайный в его жизни человек. Он только сегодня получил от нее письмо, в котором Марина писала: «...Один надежный человек сказал, что вы там еще в позапрошлом году раскопали клад Малая. И мне ни брошечки! Хорошо, муженек! Ведь это надо — богатство в руки лезло, а он его кошке под хвост! Уж этого я тебе не прощу! И Славке скажу: «Вот он какой, твой отец!»

Это было страшнее всего — ее влияние на сына. Как уберечь его от этой скверны? Как вообще наладить семейную жизнь? До сих пор он старался просто возможно меньше бывать дома. Но это не выход. Сын растет, становится человеком. Он должен помочь ему стать настоящим человеком.

Ничего хорошего не ждет его и в институте. Там тоже не обойдется теперь без осложнений. Тот же Субботин не упустит случая отыграться за откровенное пренебрежение, с каким относился к нему Максим. А мало ли в филиале таких субботиных. До сих пор Максима спасала от них широкая спина Антона. Теперь придется стоять за себя самому.

Но самым страшным ударом был приказ свернуть работы в Вормалее. Ясно, что он не выберется сюда и в следующие годы. Кто станет субсидировать экспедицию со столь сомнительными целями? Только авторитет Антона и его положение в институте позволяли до сих пор проводить эти дорогостоящие работы. А это значит отказаться от того, что стало целью всей жизни, в чем он поклялся памятью Крайнова, что просто не мог бросить после всего, что узнал от Тани.

Впрочем, осталась еще одна возможность. Одна-единственная. Он давно приберегал ее на самый крайний случай. Кажется, такой случай наступил...

Но что это, огни? Лес расступился. Из темноты выступили дома, заборы. Вормалей! И знакомое крыльцо с балясиной. Так вот куда вынесли его усталые ноги!

Он перевел дыхание, огляделся. Все здание больницы тонуло в ночном мраке. Но одно окно светилось. Ее окно. Там слышалась даже музыка. И легкая тень мелькала за занавеской. Зайти или не зайти? Но ведь поздно. Однако так хотелось выговориться, увидеть хоть сочувствующий взгляд. А окно может погаснуть каждую минуту. Тогда нельзя будет и постучаться.

Он подошел к крыльцу. Подумал. Отошел опять.

Но окно вот-вот погаснет! Что тогда? Разве мог он уйти, не повидав ее! Он прыгнул на завалинку и осторожно стукнул в стекло. Тень метнулась к окну. Занавеска чуть приподнялась. Удивленное, испуганное лицо Тани прильнуло к стеклу и тут же вспыхнуло радостью:

— Максим! Я сейчас...

Торопливый щелчок ключа, быстрые шаги в сенцах, короткий стук щеколды, — и тонкий силуэт Тани показался в полосе света. Максим шагнул к ней.

— Простите, что в такой поздний час...

— Входите, входите! Я словно чувствовала...

Он вошел в знакомую комнату. Здесь все было прежним. Не было видно лишь мольберта, вместо него стояла тумбочка с телевизором. Таня поспешно выключила приемник:

— Вы прямо из тайги? Голодны?

— Нет, спасибо, я ненадолго. Не совсем приятные новости. Приказано возвращаться в институт.

— Как в институт? Вы только что приехали!

— Я сам до сих пор не могу опомниться, — Максим устало опустился на стул.

— Я все-таки приготовлю покушать.

— Ну что же, пожалуй. Мне все равно надо написать небольшое письмо. Дайте лист бумаги, Таня.

— Вот здесь, на столе, найдете все, — она вышла за дверь. Максим пересел к столу на диван. Да, это последняя

возможность. Больше откладывать нельзя. Если ничего не даст озеро, то Зуб Шайтана... В случае неудачи Таия и перешлет письмо Антону.

Он запечатал конверт, написал адрес. Тана вернулась в комнату. Он протянул ей пакет:

— Таня, завтра я уйду в тайгу. Дней на семь-десять. Мне нужно проделать один опыт. Он может кончиться... плохо. И если через десять дней я не вернусь сюда, к вам, вы отошлете это письмо.

Глаза девушки наполнились страхом:

— Это очень опасно, Максим?

— Это надо, Таня. Иначе пропадет труд многих лет. Я не могу уехать без этого опыта.

— Он связан с ней?

— Да
— И вы пришли взглянуть на рисунок?
— Я пришел к вам, Танюша.
— Ко мне?... — она вспыхнула, зарделась до кончиков ушей.
— Вам плохо, Максим?
— Да, нехорошо. Я шел вот сейчас, думал...
— Говорите, говорите! — она села на стул против него, как школьница, даже ладошки положила на колени.

И снова мысли, тяжелые, как комья мокрой глины, запрыгали, цепляясь друг за друга, с трудом вмещаясь в слова и фразы. Таня слушала, не произнося ни звука. И лишь тогда, когда он замолчал, тихо сказала:

— Боже, почему все хорошие люди так несчастны!

: — Хорошие люди... А где он, критерий того, что хорошо, что плохо? Почему вы думаете, что если я не такой, как другие, то я лучше их? А они, эти другие, считают плохим меня, и, может быть, вас. И все мы люди. Кто рассудит нас? На земле нет более высокого судьи, чем человек. Но вы знаете, как различны люди. И каждый считает правым себя. Много ли вы видели ханжей, пошляков, грубиянов, невежд и просто отъявленных негодяев, которые сказали бы: да, мы плохи? Нет, они не скажут этого. Больше того, они сами претендуют на роль судей. И чаще, чем кто-либо другой. Между прочим потому, что по злой иронии судьбы нередко занимают так называемые «руководящие посты», создают «общественное мнение». Вы думаете, среди них, этих «судей», мало найдется таких, которые завтра же предадут анафеме нас с вами только за то, что я пришел к вам в этот час?

— За то, что вы пришли ко мне? Но почему? Что в этом плохого? Ведь вы для меня... Я люблю вас, Максим, — она пересела на диван, протянула к нему руки. — Я так ждала вас! Я готова на что угодно, лишь бы помочь вам. Хоть в чем-нибудь...

Он осторожно погладил ее по голове:

— Спасибо, Танюша. Я... пойду. А через десять дней...

— Нет! Нет, Максим! Вы не уйдете, — ее маленькая горячая ладонь легла ему на лоб, пальцы разгладили глубокие морщины.

— Не надо, Таня...

Она опустила руки, сжалась, как от удара:

— Бойтесь «анафемы»?

— Нет, — твердо ответил Максим, — Но я не имею права на... это. Вы достойны самой большой, нераздельной любви. А я... Вы же знаете, что я всю жизнь гоняюсь за своими миражами.

— Я знаю это, — тихо прошептала Таня — Знаю... Но я люблю вас. И этот вечер, как бы он ни кончился, будет самым счастливым в моей жизни. — Руки Тани снова легли ему на плечи, губы коснулись рассыпавшихся волос, и он почувствовал сквозь тонкий шелк блузки, как бьется ее сердце...

9

Было далеко за полдень, когда Максим поднялся на гребень Лысой гривы, и перед ним открылся знакомый амфитеатр гигантской котловины. Он был все тем же, "как много лет назад. Видно, здесь оказались безвластны любые силы. Но как неприветливо встретило его на этот раз лесное озеро!

День выдался холодным, непогожим. Сырой пронизывающий ветер метался по голым скалам. Черные тучи неслись над самой головой. Длинные космы тумана, подобно щупальцам исполинского спрута, сползали вниз к самому озеру, которое казалось сейчас зияющим провалом. Как непохоже это было на ту феерию красок, какая осталась в памяти Максима от первого посещения Лысой гривы! А что ждет его там, внизу? Да и успеет ли он спуститься до грозы?

Но спуск прошел без всяких происшествий, он еще засветло выбрался на широкую полосу знакомого пляжа. Зато озеро выглядело здесь еще мрачнее и суровее. Точно циклопический щит вороненой стали, лежало оно в своих, неестественно белых берегах — холодное, пугающе неподвижное. А тучи, кажется, уже сомкнулись с бортами котловины, стали фиолетово-сизыми, нависли клубящейся громадой.

Максим поспешил соорудить шалаш, натаскал в него побольше хвои, заготовил дров, потом достал магнитофон, кинокамеру, разложил так, чтобы все было ночью под рукой, и только после этого, не разводя пока костра, наскоро поужинал.

Меж тем стемнело. Сразу. Без всяких сумерек. Будто все тучи скатились в котловину, заполнив ее до самого верха. Максим выбрался наружу, прошел вдоль берега, постоял у воды, пристально всматриваясь и вслушиваясь в густой мрак. Однако тьма была непроницаемой, такой, какой она бывает, наверное, лишь в космосе. Впрочем-- или ему показалось? Но нет, теперь он отчетливо видел, что над водой озера, точнее, там, где угадывалась эта вода, слабо мерцает полоска бледного флуоресцирующего тумана.

Что бы это могло быть? Максим поднялся вверх по склону — мерцание не исчезало. И теперь, с более высокого места можно было видеть, что это не полоса, а круг, туманное кольцо мерцающего полусвета. Временами оно бледнело, почти гасло. Но через минуту снова разгоралось, становилось шире, приобретало зеленовато-голубую окраску. И все это в абсолютной тишине. Напрасно он старался уловить какие-нибудь звуки или запахи. Призрачное кольцо безмолвно парило в ночном мраке.

Максим попытался прикинуть размер мерцающего тора. Он был, видимо, значительным, не менее полукилометра в диаметре, таким же, как и кольцо красочного фейерверка, которое сверкало в озере в ту памятную ночь. А что, если заснять этот феномен? Света, конечно, мало, очень мало! Но почему не попробовать. Он взял кинокамеру, поставил самую малую частоту, до предела раскрыл диафрагму — в видоискателе отчетливо вырисовывалось сплошное светящееся кольцо. Максим положил палец на спусковой рычаг. Но так и не нажал его: огненный смерч молнии прорезал небо, страшный раскат грома взорвал ночную тишину, неистовый шквал дождя обрушился на котловину.

Нет, это был не просто дождь! Ничего подобного Максим не видел ни разу в жизни. Будто там, наверху опрокинулась гигантская цистерна, и сплошной столб воды разом пригнул его к земле. Схватив кинокамеру, он еле смог добраться до шалаша. Но и там не было спасения. Вода лилась сверху, с боков, а через несколько минут вдруг начала подниматься над хвойной подстилкой. Все выше, выше... Что такое? Почему она не скатывается вниз по склону? В смутной тревоге Максим выскочил наружу и сразу оказался по пояс в воде. Сильное течение ударило по ногам, швырнуло прочь от шалаша. Новая вспышка молнии — и он увидел, что озеро вышло из берегов и стремительно заливают котловину. Только теперь до сознания дошло, какой опасности подвергается он в этой бессточной воронке, собирающей осадки со всех окрестных гор.

Дождь все усиливался. Молнии одна ярче другой полосовали небо. Непрерывные раскаты грома слились в сплошной грохот. Но еще страшнее был другой шум — грозный, нарастающий, стократно усиленный резонирующим действием котловины рев низвергающейся по склонам воды. Кто знает, сколько еще будет подниматься озеро. Может, оно зальет полкотловины. Тогда здесь захлебнется все живое. Единственный путь спасения — назад, к Лысой гриве!

Не возвращаясь к шалашу, Максим метнулся вверх по склону. Но вода толкала обратно, валила с ног. Лес на опушке был густым, с подлеском. Лишь частые вспышки молний позволяли лавировать меж тесно сгрудившихся деревьев. Но в прогалинах между ними бурный поток нес обломки сучьев, груды валежника, целые стволы деревьев. Не было, казалось, никакой возможности противостоять бешеному натиску воды. И все-таки он лез и лез по разъезжающейся под ногами круче, цепляясь за невидимые во тьме ветви.

Однако вода прибывала слишком быстро. Скоро она дошла почти до плеч. Максим начал терять опору под ногами. Пришлось перебираться от дерева к дереву, не выпуская из рук

скользких сучьев. Наконец исчезла и эта возможность. Дно окончательно ушло из-под ног, течение неудержимо потянуло в глубину. Он ухватился за первый попавшийся сук, стараясь нащупать ногами землю. Но сук обломился, и он с головой ушел под воду. Разъяренный поток мгновенно увлек его с собой, закружил вместе с грудой плавника, больно ударил обо что-то твердое.

В свете молнии он успел рассмотреть лишь толстый замшелый ствол и длинный сучок, свесившийся над самой головой. Собрав последние силы, Максим уцепился за эту рогатину и, подтянувшись, налег на нее животом. Теперь наверх! Нащупав в темноте второй сук, он перебрался выше, потом еще выше... Пока kloкочущий поток не остался глубоко внизу. Тогда он примостился на узкой развилке и крепко прижался к мокрому стволу.

Конечно, это была лишь передышка: вода доберется и сюда. Однако теперь он мог хоть перевести дух, осмыслить положение. Он постарался по звуку определить, как высоко поднялся над водой. Но тьма вдруг раскололась особенно страшной молнией. Гигантский столб пламени взметнулся почему-то снизу, от воды и, пронзив черное небо, рванулся прямо в зенит, оставив за собой небывало яркий след. А в следующий момент произошло что-то еще, что-то не менее поразительное, но такое, что Максим не смог сразу осмыслить. И только минуту спустя до сознания дошло, что прекратился дождь.

Он глянул в небо — там не было ни звезды. Значит, над котловиной еще висели тучи. И в них, этих сплошных черных тучах мерцало... бледное туманное кольцо. То самое кольцо, какое он только что собирался заснять! Что это, особый вид атмосферного разряда, сложный оптический мираж или свечение воздуха под действием радиации? Во всяком случае, именно в этот участок неба вонзилась удивительная молния. Если это была молния...

Между тем, раскаты грома начали стихать. Вспышки молний сместились в сторону. Град падавших с веток капель прекратился. Теперь отовсюду несея лишь шум бурлящей воды. Но постепенно утих и он. Тучи над котловиной разошлись. Показались звезды. Однако до рассвета нечего было и думать опуститься вниз. Максим поудобнее устроился на своей развилке и пристегнулся ремнем к стволу. Спать не хотелось. Но слишком велика была усталость.

Ночь тянулась бесконечно. Но вот забрезжил рассвет. Каково же было удивление Максима, когда, глянув вниз, он не увидел под собой никакой воды. Не было воды и дальше, вниз по склону. Лишь заиленные груды бурелома да глубокие свежие рытвины говорили о разыгравшейся ночью катастрофе.

Максим спустился с дерева и, с трудом ступая затекшими ногами, начал пробираться к озеру. Берега его были завалены обломками сучьев. Но вода стояла на прежнем уровне. Вот так неожиданность! Куда могла подеваться такая масса дождя? Никакого поверхностного стока озеро не имеет — склоны котловины замкнуты со всех сторон. Значит, подземный канал? Но почему тогда не уйдет все озеро, почему оно сохраняет постоянный уровень? Это может быть только в том случае, если туннель подпирается другим водоемом. Но где он, этот водоем?

И вдруг его осенило: Вормалеевской озеро — вот куда сбрасываются воды из котловины. И обнаруженный ими с Костей грот — не просто грот, а соединительный канал. Тогда становится понятным и исчезновение контейнера, и появление астийского эдельвейса и многое другое. Но если так, то он, этот туннель, это лесное озеро могут дать ключ к разгадке если не тайны Нефертити, то по крайней мере тайны злых сил, которые мешали их работе. Туманный тор и странный разряд молнии — прямое тому доказательство. Здесь, в озере, определенно что-то есть. Максим впервые за все время почувствовал, что подошел совсем вплотную к раскрытию одной из величайших загадок, но что он мог сделать один в оставшиеся несколько дней? Проникнуть в озеро не просто. Несчастный случай в туннеле и события минувшей ночи были слишком красноречивым

предупреждением. А Нефертити не показывается, не дает о себе знать ничем. Однако он должен, непременно должен ее видеть! Остается одно — Зуб Шайтана.

Мысли о новом восхождении на скалу давно не шли у Максима из головы. Тщательно перебирая в памяти события десятилетней давности, он все больше склонялся к тому, что феномен Зуба Шайтана имел самое непосредственное отношение к Нефертити. Время показало, что запах астийского эдельвейса был связан только с ней, а музыка, которую он слышал в тот день, не могла принадлежать ни одному из известных инструментов.

К тому же, там, на вершине скалы, эта музыка и запах ощущались только в том случае, если коснуться колец. Значит, то, что он принял за альпинистские крюки, было вовсе не крюками, а частью какой-то линии связи, проходящей через Зуб Шайтана и соединяющей Лысую гриву с другим, неизвестным ему пунктом, где также бывала, а может быть, постоянно проводила время Нефертити.

Не приходилось сомневаться и в том, что в шуме ветра он слышал шепот. Стало быть, находясь где-то далеко от сопки, она могла видеть его на скале, говорить с ним, пользуясь, очевидно, той же системой связи.

Но если так, то стоит снова подняться на Зуб и подключиться к линии связи — может быть, для этого достаточно лишь коснуться кольца — как удастся вызвать Нефертити, заговорить с ней. Ведь в тот день на скале он, помнится, не произнес ни слова, только слушал. А если попробовать вмешаться в музыкальный код?...

Как бы там ни было, это оставалось последней возможностью связаться с Нефертити. Только сможет ли он еще раз подняться на скалу? Память до сих пор хранила страшные мгновенья, пережитые на отвесной стене. Это и сдерживало его до сих пор от рискованного шага. Он все надеялся обойтись без этой крайности. Однако теперь были исчерпаны все возможности. Посещение Лысой гривы не дало практически ничего, только укрепило его в сознании, что на пути к тайне стоят совершенно непреодолимые силы. И вместе с тем он все больше проникался убеждением, что эти силы направляются не волей Нефертити, что они враждебны ей самой, и помочь ей здесь, на Земле, может только он, Максим.

Вот почему пришел он сегодня к Зубу Шайтана. Здесь, только здесь мог он в последний раз попытаться вызвать ее на разговор. Или хотя бы сфотографировать кольца, взять небольшую крупицу их для анализа, может быть, записать на магнитофон звуки, передающиеся по необычной линии.

В этом был, конечно, большой риск. Силы, противодействовавшие им до сих пор, могли вмешаться и на этот раз. И здесь, на отвесной скале, это было особенно опасно. Но иного выхода не было. Он просто не мог уехать из Отрадного, не предприняв этой последней попытки.

И вот он снова перед каменной громадой, врезающейся в небо. Позади--десяток километров подъема по лесистому склону сопки, короткий разговор с Силкиным. Впереди — лишь неизвестность. Одно он знал твердо: путь отсюда лежит только через вершину Зуба Шайтана.

Итак, за дело. Немного передохнув, Максим проверил фотоаппарат, магнитофон, все уложил в рюкзак вместе с молотком, напильником, связкой веревок, снял лишнюю одежду, разулся до носков, в последний раз оглядел путь к вершине.

Пора! Веревка с грузом с первой попытки запуталась в выступе гребня. Удачное начало. Всего несколько минут понадобилось, чтобы подтянуться к этому нижнему выступу. Теперь вверх по гребню! Это тоже не составило большого труда. Через полчаса он добрался уже до перегиба склона, где можно было передохнуть, выбрал место поровнее и, не снимая рюкзака, пристроился в тени, под глыбой. День был жарким, безветренным. Голова кружилась от усталости. Тяжелый поход к озеру вымотал его вконец. Стоило ли дальше рисковать? Но все кругом дышало такой тишиной и покоем, что просто не верилось в возможность какой-то неприятности. Будь что будет! Максим поправил рюкзак и снова полез вверх. Но теперь подъем был особенно труден. Гребень еле лепился на

почти отвесном склоне. Приходилось ощупывать каждую глыбу, каждый камень. Тяжелый рюкзак тянул вниз. Пот слепил глаза. Максим то и дело останавливался, чтобы перевести дыхание. Однако склон становился все круче и опаснее. Глыбы кварцита здесь сильно потрескались, кое-где еле держались на месте, обрушиваясь при каждом неверном движении. А впереди была еще голая стена!

Но вот и она. Наконец-то! Максим примостился на верхнем конце гребня и глянул вверх. Стена уходила прямо в небо. Нет, с рюкзаком здесь не подняться! Придется оставить его под стеной, взобраться сначала налегке и, укрепив на вершине веревку, спуститься за вещами. И как он вскарабкался прошлый раз на такую крутизну? Помнится, где-то здесь была небольшая выбоинка и трещина над ней. Да, вот они.

Ну, вперед! Максим уцепился руками за трещину и подтянулся вверх. Хорошо, что он полез босиком. С выбоины можно перебраться к нижней расселине. Потом сюда, на этот выступ. А дальше? Неужели тянуться к той трещине? Нет, за нее не ухватиться. Ни за что! Правая рука уже задеревенела. Лучше левее, там трещина шире. Только дать отдых руке. Так... Теперь сюда... А ногу? Куда поставить ногу? Вот тут вроде держит?... Нет, осыпается, скользит. Проклятье! А если вот так? Держит! Теперь ухватиться за карниз. Только бы не сорвалась нога. Только бы не сорвалась!...

Э-эх, не получилось! Карниз не выдержал тяжести Максима, и он сполз обратно к гребню. К счастью, удачно, лишь сильно оцарапал обе руки. Но что это, что? Большая глыба кварцита, о которую он уперся ногами, вдруг сильно покачнулась, сдвинулась с места и с грохотом покатила вниз, увлекая за собой всю верхнюю часть гребня. Максим еле удержался на крохотном уступе, вцепившись руками в трещину над головой, и в тот же миг услышал... плач. Да, плач! Кто-то определенно всхлипывал у него за спиной. Максим попытался оглянуться назад. И тут сквозь грохот обвала:

— Не надо! Не поднимайтесь! Я не смогу помочь вам... Максим вздрогнул. Ее голос. Голос Нефертити! Вот и запах астийского эдельвейса. Слабый, еле ощутимый. Но разве спутаешь его хоть с чем-нибудь другим? Наконец-то! Только что она говорит? Почему так тихо? Он напряг слух. Голос, прерываемый рыданиями, с трудом пробивался сквозь низкий нарастающий гул:

— Спускайтесь! Прошу вас, умоляю! Я теперь... Мне самой нужна помощь. Мне запрещено даже думать о вас. Меня лишили всякой свободы действий. Но не обо мне речь. Спускайтесь! Спускайтесь и запомните... — Глухой гул окончательно забил тревожный шепот. И вдруг все смолкло. И этот гул и грохот обвала. Максим глянул вниз и похолодел от страха. От гребня не осталось и следа. Прямо из-под ног обрывалась теперь почти отвесная стена. Путь вниз был отрезан.

Но и здесь не удержаться. Нет, не удержаться! Ноги едва цеплялись за узкий выступ. Руки свело от напряжения. Значит, снова вверх? Только так, иного выхода нет. Там можно будет хоть закрепить веревку. Здесь нельзя сделать и этого, Максим подтянулся к трещине и снова начал карабкаться вверх по стене. От выбоины к выбоине, от уступа к уступу, с одной мыслью, только бы не сорваться, только бы не соскользнуть. В этом замкнулась сейчас вся его воля, все силы, весь рассудок. Однако целая вечность, казалось, прошла, прежде чем он ухватился за верхнюю кромку скалы и, теряя сознание от невероятного напряжения, вскарабкался на вершину. Все!

Но где же кольца? Кольца, ради которых он пошел на такой риск? Они были тут, у самого края площадки. Однако теперь от них не осталось и следа. Холодный пот покрыл Максима. Смертельным отчаянием сдавило сердце. Он понял, что опоздал. Кошмарно опоздал! Злые враждебные силы успели нанести последний, самый страшный удар — удар по Нефертити. Они лишили ее свободы, лишили связи, отняли у него последнюю надежду когда-либо встретиться с ней.

Что оставалось делать на скал? Едва отдышавшись, Максим отвязал от пояса веревку и, сделав петлю, попытался набросить ее на выступ площадки. После нескольких попыток

ему это удалось. Но в последний момент, когда он собирался уже затянуть петлю, веревка вдруг вырвалась у него из рук и змеей соскользнула вниз.

Максим помертвел от ужаса. Липкий пот снова покрыл лицо и спину. Что он наделал? Что наделал!! Он сколько мог свесился над бездной, обшаривая глазами каждый сантиметр скалы. Но нет, путь вниз закрыт. Если и удастся еще раз спуститься до того места, где когда-то кончался гребень, то дальше склон был абсолютно неприступен.

А здесь? Нельзя ли что-нибудь сделать здесь? У него есть спички. Но нет ничего, что могло бы гореть. Есть нож. Но что можно сделать ножом с крепчайшим сливным кварцитом? Есть кепка, носовой платок... Но всем этим не привлечешь внимание человека и за километр. А домики кордона еле видны в жарком мареве. Разве увидят его оттуда!

Он долго и внимательно осматривал склоны сопки. Лес, лес... И ни дымка, ни свежей порубки. А Нефертити в беде. Теперь это ясно. Что же могло с ней случиться? Если бы он вообще что-нибудь знал о ней... И вдруг вспомнились слова Тани: «Дайте я взгляну на ваш прыщик... На вашем месте я обратилась бы к рентгенологу... Может статься, это приблизит вас к разгадке вашей тайны...» «Что она хотела этим сказать? Тогда он пропустил все мимо ушей. А ведь она ясно намекала...

Максим, что было силы, ударил себя кулаком по виску, потом начал тереть родинку, давить ее пальцем. И тут что-то затрещало, на миг ему показалось даже, что он чувствует запах астийского эдельвейса. Но в следующую минуту острая боль ожгла висок. Потом что-то щелкнуло. И мертвая неподвижная тишина повисла в застывшем воздухе.

— Что же теперь делать, что предпринять? Надо еще раз обдумать все спокойно, — попытался он взять себя в руки. Но мозг уже отказывался работать. Страх и отчаяние все больше овладевали сознанием. Да и что можно было придумать...

Между тем солнце пекло невыносимо. Мучительно хотелось пить. Сухая горечь обложила язык, иссушила горло. Тупой болью сдавило грудь жажда — вот что убьет его на этой каменной игле, если никто не придет на помощь. Но откуда ждать помощи? Он снова и снова постарался вызвать в памяти образ Нефертити. И не мог. Все, что было связано с ней, будто тонуло в огромном черном провале, словно незримая стена экранировала и гасила мысли Максима

День тянулся целую вечность. А с наступлением ночи пришел холод. Каменное ложе, казалось, обледенело. Жгучий ветер пронизывал до костей. Черное небо давило своей беспощадной пустотой. Острые лучи звезд будто вонзались в тело, еще больше усиливая дрожь, от которой сводило плечи и останавливалось дыхание.

Утро не принесло облегчения. С первыми лучами солнца вернулись муки жажды. Усилилось головокружение, началась тошнота. Вдобавок ко всему появились галлюцинации. Гора вдруг будто накренилась к земле, принималась раскачиваться, уходило ввысь. Несколько раз он засыпал или терял сознание. Пробуждение было кошмарным. Мысли метались теперь лишь вокруг сына. Славик, то плачущий, то хохочущий, с озорными счастливыми глазами, виделся, как живой, звал его, тянулся к нему ручонками.

И снова ночь, снова холод. К утру он был уже в полуобморочном, бредовом состоянии. Полное безразличие ко всему сделало его равнодушным даже к галлюцинациям. Он не открыл глаз, когда внизу вдруг будто залаяли собаки и кто-то отчетливо произнес его имя. Что еще выкинет измученный мозг?

Но лай не прекращался. И чей-то до боли знакомый голос все звал его и звал:

— Максим! Максим! Где ты? Откликнись!

Он нехотя открыл глаза, с трудом приподнял голову. Сейчас все исчезнет... Но нет:

— Максим!. Боже, как ты забрался туда?! Что ты там делаешь? Ты слышишь меня?

Он глянул вниз. Таня?! И сразу все занесло густым туманом. Максим зажмурил глаза, открыл снова. Таня!! Он провел языком по распухшим кровоточащим губам:

— Таня... — но голос не подчинялся ему. — Таня...

— Максим, милый, что с тобой? Почему ты молчишь? Ты ранен?

Он сделал последнее усилие:

— Таня... Я здесь... третий день... без воды... опыт не удался... и вот...

— Максим, родной мой! Потерпи. Я сейчас же на кордон за людьми. Ты слышишь меня. Я бегом!

— Постой... Как ты.. узнала? Кто послал тебя?...

— Никто, я сама. Вчера истек срок, когда ты должен был вернуться из тайги, и мне следовало отправить твое письмо. Но я не могла. Я не могла, Максим. Узнала, что ты заходил к дяде Степану, выпросила у него Дружка и еще ночью пошла по твоим следам. И вот — счастье! Потерпи немного! Я мигом!

Через минуту она скрылась за деревьями. Максим прижался лицом к камню. Рыдания душили его. Но слез не было. Как не было и слюны, чтобы смочить воспаленный язык. Дальше было сплошное забытие. И рой бессвязных мыслей. Мог ли он быть уверенным, что действительно видел Таню? А не все ли равно... Только бы перестала качаться проклятая гора, и улетели эти ужасные шмели. Он крикнул бы на них, если б помещался во рту язык...

А снизу снова кто-то зовет его. Нет, хватит! Больше он не поднимет головы. К чему обманывать себя. Да люди и не могут так громко говорить. Так может грохотать только гром. Если бы в самом деле, гром! И дождь... Но гром не знает его имени. А тут:

— Максим! Максим Владимирович! Колесников! Макси-и-им!

Нет, это не кончится никогда. Он поднял голову, глянул вниз. Люди, люди... Откуда их столько, зачем? И снова:

— Максим! Слушай! Ничего не говори, только слушай! Сейчас мы пошлем с ракетой туда, к тебе, бечевку. Пригни голову и не пугайся. Лови!

Он послушно приник к камню. Яркая вспышка. Хлопок. Долгое тягучее шипение. И режущая боль в спине.

— Ой! — Но боль привела его в сознание. Он понял, что это бечевка врезалась в спину. Значит, и голоса, и люди — все на самом деле. Он протянул назад руку, нащупал тонкую капроновую лесу.

Голос снизу:

— Поймал?

— Да, да! — замотал он головой, не в силах разжать губ.

— Теперь тяни потихонечку. Это вода.

Вода?... Возможно ли? Вода! Он снова упал на живот, ухватился за лесу обеими руками.

— Тише, тише, не дергай! Вот так. Теперь передохни. Но он уже ничего не слышал. Перед глазами была только фляга, ползущая по скале. Выше, выше... Руки онемели, вот-вот выпустят бечевку. Он налег на нее всем телом. Перевел дыхание. Снова потянул. Фляга уже на перегибе склона... на крутой стене... почти у самой вершины... у него в руках! Холодная, влажная! Теперь пробку. Только бы открыть пробку! Зубами. Зубами ее! Вода!...

Он пил ее, не отрываясь, захлебываясь, боясь обронить хоть каплю драгоценной влаги, и чувствовал, как с каждым глотком напрягается тело, возвращается жизнь, проясняется сознание. Теперь он отчетливо различал в толпе дядю Степана с рупором и большим полевым биноклем, знакомых охотников, рабочих экспедиции, мальчишек. Не было только Тани.

— Ну как? — Степан Силкин помахал рупором. — Теперь отдохни и тяни дальше. Подадим веревку. Для спуска, значит. Обещали вертолет. Да сам знаешь, какова, техника-то! Спечешься, пока прилетит. Веревка, брат, вернее. Только того, тяни с роздыхом. Дотянешь, перебрось на другую сторону. Здесь мы ее закрепим. Да не вздумай сам слезать. Поможем. Народу эвон сколько! Давай тяни.

Спустя час он был на земле. Сбросил стягивающую его петлю, поднялся, сделал шаг вперед и упал на руки старого охотника:

— Спасибо, дядя Степан! И все, все...

— Не нас благодари.

— Знаю. Где она?

Силкин потер лоб, кашлянул в сторону:

— Худо с ней, Максим. Надорвалась докторша.

— Как надорвалась? Что с ней?

Охотник положил руку ему на плечо, снова кашлянул:

— Ты только не того... Не очень. Понимаешь. Здесь она, вон там, в теньке. Не надо ее тревожить. В больницу я послал.

— Но как же... Почему? — Максим рванулся, упал, вскочил снова. — Как же так?... , Таня лежала в небольшом наспех набросанном шалашике, на хвое пихты. Он опустился рядом:

— Таня!

Она открыла глаза, слабо взмахнула ресницами:

— Максим, ты жив! Какое счастье. А я... Наклонись ближе. Мне нельзя двигаться. Сердце... Давно пошаливало. А тут... Понервничала я. Но ничего... Может, пройдет. А если... Если мы больше не увидимся, то знай — одного тебя я любила. Всю жизнь. И еще — рисунок мой... Его передадут тебе. После... — она закрыла глаза.

Издали послышался гул приближающегося вертолета. Максим осторожно взял ее за руку:

— Таня, слышишь, летят! Теперь все будет хорошо. Сейчас мы отправим тебя...

Она не отвечала. Он похолодел от ужаса:

— Таня! Что же это, Таня? Дядя Степан!! — он попытался вскочить. И упал. Сознание оставило его.

Очнулся Максим в больничной палате, на койке, при свете ночника. Рядом стояло еще несколько кроватей. В них спали. Дверь в коридор была закрыта. Он сбросил одеяло, нажал кнопку звонка. Через минуту вошла сестра. Холодная рука легла на лоб, поправила волосы:

— Проснулись? Лежите, не вставайте. Сейчас принесу бульон.

— Сестра, скажите...

— Вам нельзя много говорить.

— Хорошо Узнайте только...

— Врач не велел говорить с вами ни о чем..

— Но одно слово, пожалуйста, — как Таня?

— Неблагополучно с Татьяной Аркадьевной... Максим вскочил на койке:

— Что? Говорите!

— Лягте. Лягте сейчас же! Я сказала, вам нельзя.

— Но она жива? Скажите — жива? Да что вы молчите?! Сестра как-то судорожно открыла рот, отвернулась и выскочила в коридор. Оттуда послышался сдавленный плач, Максим зарылся лицом в подушку.

Это было единственное место, которое ему осталось навестить перед отлетом из Отрадного — тихое кладбище на лесной поляне, где лежали его отец и мать и где только что вырос свежий могильный холмик. Он опустился перед ним на колени и прижался лбом к холодному песку.

Какой ценой расплатился он за свою безрассудную идею!

Рокот мотора вывел его из оцепенения и забытия. Рейсовый вертолет шел на посадку к аэродрому. Пора! Прощай, Таня.

Он отнял лицо от земли и... чуть не вскрикнул от удивления и боли — огненно-красный бутон астийского эдельвейса пламенел на голом песке могилы, распространяя вокруг ни с чем не сравнимый горьковатый аромат...

старомодными баками и острой бородкой клинышком, обладал редким даром не только не разбираться в самых элементарных вещах, но и вносить путаницу в, казалось бы, абсолютно ясные вопросы. Не было дня, чтобы он не зашел в лабораторию бионики и не внес своими «руководящими указаниями» разлада и нервозности в работу инженеров-исследователей. Максим вынужден был наконец просить шефа хотя бы адресовать все замечания только ему лично. Однако Субботин расценил это как покушение на свой авторитет.

— Позвольте мне самому решать, — бросил он через плечо, не дослушав Максима, — кому и как я должен делать замечания. Лаборатория находится в юрисдикции заведующего кафедрой. А вам следовало бы лучше подумать, как поскорее сдать прибор. Не забывайте, — это ваше обязательство.

— Обязательство не будет выполнено, — ответил Максим. — Вы знаете, прибор нас не удовлетворяет. Есть основания добиваться лучших результатов. Но для этого нужны дополнительные исследования и расчеты, нужно время.

— Что значит — время? Надо поднажать!

— Не везде можно поднажать. Это не лес валить.

— Ну, эти разговорчики вы, знаете, бросьте! Сегодня же соберите производственное совещание. Мобилизуйте резервы. А через неделю заслушаем вас на заседании кафедры. Максим пожал плечами.

На заседании ему «указали», «предупредили», пообещали «сделать выводы». А в заключение милостиво позволили заактивировать незаконченный прибор.

— Мы все понимаем, что это не совсем законно, — доверительно заключил Субботин, — но... В руководстве НИСа мне дали понять, там закроют глаза на такой грешок. Главное — выполнение обязательств.

— Активировать незаконченный прибор я не буду, — твердо сказал Максим.

— То есть как — не будете?! Мы идем вам навстречу, мы, можно сказать, покрываем вашу бездеятельность. А вы!

— Никакой бездеятельности нет. Все знают, что работа идет успешно. Некоторые параметры уже сейчас превосходят достижения зарубежных фирм. Мы надеемся добиться этого по всем показателям. Тогда прибор и получит путевку в жизнь.

- — Но вы срываете выполнение институтских обязательств. Прибор фигурирует там. Руководство не пойдет на это.

— Я надеюсь, «руководство» поймет, что стране нужен хороший прибор, а не «птичка» в отчете.

На другой день Максима вызвал сам директор филиала. Рядом с ним в кабинете сидел секретарь парткома доцент Аскосинский. Победилов поднялся навстречу Максиму:

— Максим Владимирович, голубчик! Что я слышу? С чего вам вздумалось вдруг так принципиальничать?

— Прибор нужно доводить, Павел Семенович, — сказал Максим, садясь в предложенное кресло.

— Ну, разумеется. Разумеется! Как же иначе. Такой прибор! Мы будем работать над ним до тех пор, пока не добьемся экстра-класса, — он чмокнул сложенные в щепоть пальцы.

— Но, дорогой мой, разве вы не знаете, что есть, к сожалению, формальности, которые не нами с вами заведены, но с которыми — увы! — приходится считаться? Особенно, если от них зависит честь института.

Максим пожал плечами:

— Но прибор не готов, о чем говорить. Субботин не хочет этого понять. Ему кажется, что стоит «поднажать», прикрикнуть на людей, как исчезнут все нерешенные вопросы. Но вы знаете, что это не так.

Победилов устало опустил в кресло:

— Эдуард Петрович!...

Аскосинский встал с места, заходил по кабинету:

— Я всецело на вашей стороне, Максим Владимирович. Субботин непростительно погорячился, и мы поправим его. Ваша лаборатория добилась исключительных успехов. Мы знаем, что прибор обещает быть на уровне лучших мировых стандартов. В этом немалая заслуга и лично вас, и Антона Дмитриевича. Вне всякого сомнения, мы дадим вам возможность работать над ним еще столько, сколько вы найдете нужным. Но ведь в основном прибор готов. И мы просто не можем допустить, чтобы где-то там склоняли вашу и Антона Дмитриевича фамилии только потому, что мы сами — да, сами! — допустили в свое время ошибку, м-м... не совсем четко сформулировав институтские обязательства. Теперь приходится как-то вместе исправлять это дело. Ну, что изменится от того, что мы несколько, так сказать, предварим события?

— Для вас, может, и ничего не изменится. А я перестану уважать себя, как исследователя и как человека.

— Это ваше последнее слово?

Максим вспомнил, как тот же Аскосинский год назад был уличен в научном плагиате, и только непонятное заступничество Победилова позволило ему остаться в институте. Он усмехнулся прямо ему в глаза:

— Вы хотите, чтобы я что-нибудь добавил?

Аскосинский побагровел:

— Ну что же, если вам уважение к собственной персоне дороже уважения к целому коллективу, будем считать разговор законченным. Так, Павел Семенович?

Тот принялся суетливо перекладывать на столе бумаги:

— Да-да... Не будем тратить время. Я только хотел бы получить от вас, Колесников, э-э... письменное объяснение о причинах невыполнения плана.

— Какого плана?

— Плана научно-исследовательской работы лаборатории.

И это говорит директор института! Максим встал и, молча поклонившись, вышел.

Кругом уже чувствовалась весна. Небо стало синее, глубже. Снег на газонах просел, засахарился. Он снял шляпу, сильнее вдохнул сырой пахучий воздух. Вспомнилась тайга, Отрадное. И оттого стало еще тоскливее — это было впервые, что он никуда не спешил в эту пору, не бегал по магазинам в поисках снаряжения, не составлял смет экспедиционных расходов. Пройдя институтский парк, он сел на свободную скамью и задумался. Но его тут же окликнули:

— Максим Владимирович, простите, я не помешаю? Он нехотя обернулся: К скамье подошел Гера Шитов, бывший с ним на практике студент-бионик.

— Нет-нет, пожалуйста, — Максим чуть подвинулся, положил портфель на колени.

Гера поерзал на скамье, прокашлялся:

— Максим Владимирович, вы что же, больше не собираетесь туда, в Отрадное?

— Боюсь, что нет, Гера. Обстоятельства...

— Обстоятельства! Думаете, мы не знаем, что все это Субботин? И Победилов тоже.

— Ты ошибаешься, Гера. Просто результаты исследований не оправдали наших надежд.

— Ну, пусть. Не хотите на откровенность, не надо. А только вот что я скажу. Плюнули бы вы на них, на всех. Отпуск вам положен? Положен. Можете вы его использовать так, как хотите? Можете. Ну и ехали бы опять в Отрадное. И мы с вами.

— Кто вы?

— Мы — это я и еще семь ребят. Из нашей группы. Без всякой зарплаты, просто так. Специально всю зиму подрабатывали. Чтоб только с вами ехать. Знали, что денег на экспедицию больше не дадут. И знали, что вы не усидите тут, в городе. Я же вижу...

— Слишком ты много видишь, дружок, — улыбнулся Максим. — И спасибо тебе и всем вам за поддержку. Но ехать в Отрадное...

— Но это еще не все, Максим Владимирович. — заторопился Гера. — Помните ястреба?

— Еще бы!

— Так вот, Ваня Громов успел снять его тогда кинокамерой! Пленка что надо! И линия горизонта на каждом кадре.

— Линия горизонта! Так это дает возможность...

— Точно! Мы проанализировали траекторию полета. И получилось, что никакой это не ястреб и вообще не птица, а какой-то хитрый летательный аппарат.

— Искусственное автоматическое устройство?

— Да! Вот все расчеты. — Гера выложил перед Максимом целую грудку рисунков, графиков, таблиц.

Максим торопливо пробежал это глазами:

— Прекрасно... И вы все сами рассчитали?

— Мы же бионики, Максим Владимирович! Ну помогли немного ребята с физтеха. Но ведь не птица, да? Не птица?

Максим еще раз проверил все расчеты:

— Вы правы, друзья. Так мог взлететь только механизм. Недаром я с самого начала подозрительно относился к этому «ястребу». Но кто мог изготовить такой прибор? И для чего?

— Узнаем, Максим Владимирович. Все узнаем! Только бы поймать это «птичку».

— Поймать?

— Конечно! За этим я и пришел к вам. Вот смотрите. — Гера вынул еще один чертеж. — Все проще простого. Автомат запрограммирован на повышенную радиацию. Пожалуйста! Это мы ему и подсунем, — он развернул чертеж, расправил на коленях. — В этом вот ящике, на дне — кусок уранинита. Я договорился с минералогами, они дадут. Тут, повыше — фотоэлемент. А здесь — сегментный затвор. Действует мгновенно! Мы все отладили. Хотите, сейчас покажем?

— Зачем, я верю вам. Молодцы! Давно пора было это сделать.

— Так едем, Максим Владимирович. Мы все будем работать как черти, честное слово!

— Спасибо, Гера! За все спасибо. Что же касается поездки в Отрадное... Я подумаю. Зайдите ко мне дня через два.

Но через два дня Максима вызвали в научную часть института и предложили срочно оформлять документы для поездки в Ленинград на стажировку по плану повышения квалификации.

— На стажировку сейчас, весной? — удивился Максим.

— Так предусмотрено планом вашей кафедры, — невозмутимо ответил замдиректора по научной части.

— Возможно. Но в лаборатории бионики сложилась очень напряженная обстановка с доводкой прибора, и мой отъезд...

— Я звонил Субботину, он не считает, что ваш отъезд сильно отразится на работе лаборатории.

— Но Победилов-то знает положение дел.

— А Павел Семенович уж и приказ о командировке подписал. Так что сдавайте дела и оформляйте отъезд. И вообще — о чем разговор? Я б на вашем месте плясал от радости. Провести лето в Ленинграде! И отпуск целехонек. В бархатный сезон — на море!

Максим молча повернулся и вышел.

Через день он писал Антону:

«...Я понимаю, эта командировка похожа на ссылку. Но у меня не было никаких формальных поводов для отказа. Единственное, что я смог добиться, это обещания Победилова не передавать прибор в производство до моего возвращения. К тому же у меня есть особая причина побывать в Ленинграде. Нет, не Лара. Хотя я дорого бы дал, чтобы увидеться с ней. Особенно сейчас. Однако надеяться на случайную встречу в многомиллионном городе... К сожалению, я неплохо знаю теорию вероятности. Но есть еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое заставляет меня поехать в Ленинград. Дело в том, что, описывая последние события в Отрадном, я не упомянул об

одной детали. В день отлета из села, в самую последнюю минуту, когда вертолет уже отрывался от земли, в шуме винта его мне послышался шепот Нефертити: «Лахта, запомните, Лахта!» Только эти три слова. Вначале они показались мне совершенно бессмысленным набором звуков. Но недавно я установил, что Лахта — один из пригородов Ленинграда...»

11

Это было самым большим чудом, о каком мог мечтать Максим. Он едва отошел от памятника Петру, где не меньше часа любовался бессмертным творением Фальконе и неповторимой панорамой университетской набережной, и в рассеянии двинулся к Исаакиевскому собору, когда увидел ее. Лара шла по аллее Александровского сада в глубокой задумчивости, опутив глаза, и, конечно, не замечала его, занятая своими мыслями. А он, как остановился у входа в сад, так и застыл от неожиданности, не в силах ни окликнуть ее, ни пойти за ней следом. Только тогда, когда она обогнула монумент и, свернув к Дворцовому мосту, смешалась с толпой, он словно очнулся и бросился следом, стараясь не потерять ее из вида.

197

Лара была уже далеко. Она шла, все так же опутив голову, не обращая внимания на царящую вокруг праздничную суету, на весенний ветер с Невы, на густой запах сирени, плывущий над набережной.

— Лара! — окликнул он, стараясь справиться с душившим его волнением.

Она удивленно обернулась.

— Лара...

Глаза ее широко раскрылись, губы дрогнули, руки, словно в испуге, поднялись к груди. Несколько мгновений она смотрела на него, будто вспоминая что-то давно забытое, потом слабо вскрикнула и, не говоря ни слова, прильнула лицом к его плечу. Он взял в руки ее холодные тонкие пальцы и молча прижался к ним губами. Так стояли они, забыв о времени, на виду всего города, эти два человека, вся жизнь которых была одним ожиданием встречи. Наконец она выпрямилась, подняла на него огромные влажно блестящие глаза. В них все так же метались зеленые сполохи, и все так же сплошное море света выплескивалось при малейшем взмахе ресниц. Но тонкие, еле заметные лучики уже окружили их со всех сторон, и привычная усталость притаилась где-то в тени припухших век.

— Ларуся, милая... — прошептал он, переполненный нежностью и грустью.

Она улыбнулась в ответ:

— Я знала, что ты найдешь меня. Только очень уж долго пришлось ждать...

— Мне нет прощения, Лара.

— Не надо, Максим. Слишком дорога эта минута, чтобы омрачать ее воспоминаниями о прошлом.

...Был двенадцатый час ночи, когда они вышли из театра и остановились возле бронзового Пушкина в центре сквера. День пролетел как одно мгновение. В памяти сохранилось лишь ощущение огромного, все нарастающего счастья, которое стало почти непереносимым там, в полутьме ложи, где звуки Большого адажио будто слились с ее улыбкой, запахом ее духов, безмерной радостью от все усиливающейся близости, какая угадывалась в каждом ее слове, каждом движении. И теперь, глядя на красиво подсвеченную колоннаду Русского музея и чувствуя тепло ее плеча, он совершенно забыл, что день прошел, надо расставаться, что даже самая прекрасная сказка имеет конец.

Она мягко коснулась его щеки:

— Опомнись, Максим! Время — ночь.

— Да, в самом деле... Ты устала, наверное?

— Я забыла спросить о самом главном — где ты остановился?

— В Петергофе, в университетском общежитии. Это на электричке с Балтийского вокзала...

Она рассмеялась:

— Знаю, прекрасно знаю. Давно было пора отправить тебя домой. Когда ты доберешься теперь до этого общежития...

— Ерунда! Я привычен. Подумаешь, Петергоф!

— Никаких Петергофов, — она решительно взяла его под руку. Сегодня ты мой гость, пойдем ко мне. Это здесь, рядом.

— Идти к тебе?! Но как же...

Она нахмурилась, коротко вздохнула:

— Я живу одна, Максим. Вернее с дочкой. Но сейчас она с папой на даче. Замужество мое было неудачным. И мужа моего больше нет. Для меня нет. И как человека тоже. И хватит об этом! На той квартире, где я живу сейчас, он не был ни разу. Это папина квартира. Вот и все... Идем! О себе не говори ничего, я знаю. Проездом в Монреаль у меня были Антон и Света.

— Как?! И он ничего не написал мне!

— Не сердись на него, Максим. Я взяла с них слово никому не говорить, не писать обо мне. Мне хотелось, чтоб ты... сам нашел меня.

— Ларуська... — он осторожно прижался губами к ее дрогнувшим ресницам.

Площадь опустела. Туманные крылья белой ночи распростерлись над спящим городом. Густой аромат сирени плыл со стороны Марсова поля, провожая их по тихой Инженерной улице, мимо мрачного Михайловского замка и дальше к Фонтанке, над которой еще плыли белые, чуть подрумяненные облака...

Часы пробили два, когда они встали из-за стола, и Лара провела его в кабинет отца:

— Здесь тебе будет удобно, Максим. Располагайся, как дома. И постарайся уснуть.

Он привлек ее к себе и поцеловал — в первый раз за этот день и за все время, сколько знал ее. Она мягко высвободилась из его рук:

— Спи, дорогой. Доброй ночи.

— Нет, Лара, нет! Я не отпущу тебя. Ни за что!

— Милый мой человек. Не надо, слышишь, не надо! — она с бесконечной нежностью провела ладошкой по его лицу и, легонько оттолкнув, захлопнула за собой дверь.

Утром они расстались у подъезда ее НИИ, условившись встретиться сразу, как только Лара освободится от работы. Но через два часа ему в лабораторию позвонили из общежития и попросили срочно приехать в Петергоф. Максим узнал голос дежурного вахтера.

— Что-нибудь случилось? — спросил он, удивленный такой просьбой.

— Тут телеграмма пришла. Не совсем ладно у вас дома.

— Читайте, прошу вас!

— Да вы приезжайте скорее, приезжайте! — вахтер повесил трубку.

Что там могло произойти?... Максим схватил портфель и бросился к остановке автобуса.

Вахтер встретил его в дверях. В телеграмме было всего два слова — умер Славик. Как два удара ножом в сердце. Максим рухнул на подставленный вахтером стул и все читал и читал эти два слова в безумной надежде найти в них какой-то иной смысл, какую-то ошибку, недоразумение. А в голове творилось что-то невообразимое.

Первая мысль — как можно посылать такие короткие телеграммы? Будто два-три лишних слова могли что-то прибавить к этим двум! Потом другая — что можно предпринять, не зная никаких подробностей? Будто можно было еще что-то предпринять, что-то исправить! И наконец единственно разумная — как теперь жить, для чего? Вопрос, который мог задать только человек. Любое рациональное кибернетическое устройство, любой электронный мозг вместо этого поинтересовались бы расписанием самолетов, летящих на восток.

Но то, что не сделал убитый горем Максим, сделал за него другой человек.

— Я звонил в аэропорт, — сказал вахтер, осторожно касаясь его плеча. — Ближайший самолет будет через три с половиной часа. Если сейчас выехать, можно успеть.

— Да-да... Спасибо... Конечно, я еду.

Из аэропорта он позвонил Ларе. Короткий стон вырвался из трубки в ответ на его слова. Максим больно закусил губу:

— Лара...

— Да, да, Максим. Я слышу. Когда ты летишь?

— В четырнадцать тридцать.

— Так это... Я не застаю тебя даже на такси. Но я еду. Самолет выруливал на взлетную полосу, когда он увидел

ее, бегущую по полю. Сквозь иллюминатор трудно было различить выражение лица. Но во всей фигуре ее, в напряженном повороте головы, неестественно вскинутых руках — было одно страдание.

Только месяц спустя он нашел в себе силы написать ей небольшое письмо. И не столько о себе, сколько о чудовищной непорядочности, с какой институтское начальство распорядилось судьбой прибора. Вопреки заверениям Победилова, эта уникальнейшая установка, в создание которой они с Антоном вложили все знания, все умение, всю душу экспериментаторов-исследователей, была сразу же по отъезде Максима отправлена на завод, не отлаженная, не доведенная до нужных кондиций и потому заведомо обреченная на неодобрительные отзывы инженеров-производственников. Стыдно было смотреть в глаза своим товарищам, товарищам Антона, вместе с которыми они трудились над прибором. И, несмотря на это, он с головой ушел в работу. Только чтобы забыться, приглушить боль, бежать от своего горя.

Так прошло лето. Первые караваны птиц потянулись над городом, когда, придя однажды в лабораторию, Максим увидел Геру Шитова. Тот в смущении поднялся навстречу:

— Здравствуйте, Максим Владимирович. Я прямо из Отрадного...

— Вы все-таки поехали туда? Одни!

— Съездили. Только без толку. Не клюнул ястреб на нашу приманку. Ни разу не показался — ни на кордоне, ни в Отрадном. Как ни мудрили мы со своей ловушкой, что ни подсовывали ему. Видно, не та радиация.

— Да, очевидно, автомат запрограммирован только на трансураны. Ну, а как наши друзья? Степан Силкин?

— Как старый дуб! День и ночь в тайге. Очень сокрушался, что вы не приехали. Вот и письмо прислал. — Гера подал большой самодельный конверт.

— Спасибо, Гера. И тебе, и твоим друзьям. Заходите как-нибудь, поговорим обо всем, — он пожал руку студенту и вскрыл конверт.

Письмо было длинным. Силкин подробно рассказывал о своих охотничьих делах, о всех вормалеевских знакомых, а в конце писал: «...И еще я хотел сообщить тебе — не знаю, как и написать об этом, — вскоре после отъезда твоего из Отрадного пропала могила нашей докторши Татьяны Аркадьевны. И не то, чтобы кто-то порушил ее, нет, совсем пропала могила, на том месте, где хоронили ее — сплошная дерновина, словно тут никто никогда и не копал. Весь Вормалей до сих пор только об этом и говорит. А я так не знаю, что и подумать, отродясь такого не случалось. Хотя должен тебе сказать, что в тот день, когда мы ее хоронили — ты тогда еще в больнице лежал, — я подошел проститься к гробу и — веришь — будто живая была докторша, даже румянец на щеках. Я еще подумал тогда: что-то тут не совсем ладно. И вот, такое дело... А на днях Кузьма Вырин отрадненский охотник, рассказал мне, что в канун того дня, как пропасть могиле, он видел, будто часа в два ночи упала с неба звезда, как раз на кладбище. И такая, слышь, яркая, какой он сроду не видывал. Ну, Кузьма — ты знаешь его — горазд и прихвастнуть, с него станет. Но когда столько всего сразу, тут уж, сам понимаешь... И все ж таки есть тут у нас и такие, которые не верят во все это. Особенно начальство. Говорят, просто похоронили докторшу в другом месте, стало быть, перепутали мы и разводим теперь религиозный дурман. Но

ты-то знаешь, что Степан Силкин не верит ни в черта, ни дьявола и никогда ничего не путал, даже в самой что ни есть глуши, а не то что на нашем кладбище, хоть и много здесь теперь хоронят всякого пришедшего люду. А пишу я это потому, что сами вы с Антоном Дмитриевичем не раз у меня пытали, не слышал ли я о чем-нибудь диковинном, необъяснимом. Так это вот самое диковинное и есть...»

Максим трижды перечел эту часть письма, тщетно стараясь найти мало-мальски сносное объяснение тому, что писал Силкин. Не мог же старый охотник просто выдумать столь невероятную историю. Но и то, что было написано им, абсолютно не укладывалось в сознании. Максим снова углубился в письмо:

«...Был, правда, еще один случай, — писал дальше дядя Степан. — Да тут уж меня самого сомнение берет, было такое видение или все только во сне пригрезилось. А все-таки напишу и об этом. Дело было уж под Петров день. Пришлось мне промышлять тогда на Лысой гриве: зверя-то в наших краях совсем не осталось. Ну, пришел я туда, спустился к озеру, разложил костерок, сажу эдак, чай кипячу, вдруг слышу — плачет кто-то в лесу. Что за наваждение! Привстал я, смотрю — мать честная! — стоит неподалеку от меня девица, славная такая, пригожая и лицом и статью, только, как есть, в одном платьишке. Это в тайге-то! Стоит, стало быть, прислонясь к пихточке, а из глаз — слезы. Ну я, понятно, к ней. «Что, — говорю, — девонька, плачешь? Заблудилась, что ли?» Она сначала испугалась меня, шарахнулась в сторону, потом видит — с добром я, сама подошла ближе и говорит: «Дедушка, ты ведь знаешь Максима Колесникова?» — »Как, — говорю, — не знать, соседями были». — »А как написать ему, знаешь?» — спрашивает. «Нет, — говорю, — адреса его у меня нет, но вот поедут скоро туда, в город, студенты, что у него учатся, так они доставят ему любое письмо». Обрадовалась

она, даже плакать перестала, погладила меня, строю хрыча, по бороде и душевно так сказала: «Дедушка, напиши ему, что видел меня тут, говорил со мной и что тягостно мне, тоскливо, а помочь некому». — »Да кто ты, — говорю, — такой? От кого поклон-то Максиму посылать?» — «А он, — говорит, — « знает, от кого, напиши только все как было и добавь одно лишь слово: Лахта. Лахта, запомнишь, дедушка? А теперь прощай!» Тут она глянула так, словно всю душу высветлила, и хочешь верь — хочешь нет, а только помутилось у меня вдруг в глазах, и такой сон напал, что свалился я на землю, и уснул, как в омут провалился. Просыпаюсь утром — никого. Думал, приснилось все. Да гляжу, трава под пихтой притоптана, и от пихты к озеру — следы. Ее, стало быть, следы. Ума не приложу, что это было за видение! Может, и на смех ты поднимешь старика. Может, и в самом деле во сне мне приснилась та девица. Только так она просила отписать тебе, что пишу во всех подробностях и завтра же отправлю письмо с Герой Шитовым...»

Максим бережно вложил письмо обратно в конверт и в раздумье заходил по лаборатории. Снова Лахта! Но что это значит, что?! Зачем понадобилось Нефертити — а Силкин встретил, видимо, ее — дважды напоминать ему, Максиму, об этом пригороде Ленинграда? Эх, дядя Степан, нет чтобы расспросить ее обо всем подробно!

Ну, да что теперь вспоминать о Нефертити, после смерти Тани, после гибели Славика, после всего! Видел ее дядя Степан или не видел... А вот эта история с могилкой Тани! Кто и зачем надругался над прахом бедной девушки? Неужели снова те, которые сорвали работу у них с Антоном и, может быть, пленили Нефертити? Впрочем, Нефертити, кажется, снова на свободе. Но зачем им понадобилась могила Тани? Что это, месть за ее помощь, за невольное участие в поисках, за рисунок таинственной незнакомки? Или что-то большее, последствия чего трудно даже предвидеть.

Максим вспомнил, с какой беспощадной методичностью уничтожалось все, что так или иначе имело отношение к вормалеевской тайне. Как они еще не добрались до рисунка Тани? Но ведь он не видел его с весны. Что, если не осталось и его?

Чувство тревоги не покидало Максима весь день. Сразу после работы он перебрал дома все свои бумаги, перерыл письменный стол, книжный шкаф, обшарил всю квартиру — рисунок исчез. Вместе с ним исчезла и фотография Лары...

А на другой день, придя утром в лабораторию, он нашел на своем столе сразу два письма. Оба пришли из Ленинграда. Одно было из Монреаля, от Антона, адресованное еще в Петергоф и пересланное оттуда «за неостребованием». Вторым оказалось его собственное письмо к Ларе с коротким убийственным штампом: «адресат выбыл». Будто тупым ножом полоснуло по душе. Отложив в сторону этот смятый, потертый на сгибах конверт, он вскрыл письмо Антона. Тот писал:

«Дорогой друг. Мне всегда казалось чем-то нелепым и противоестественным слово «последний». И все-таки я вынужден употребить его. Ибо, судя по всему, это будет действительно последнее письмо. Уж месяц, как я в больнице, из которой даже в наш космический век редко кто выходит на своих ногах. Страдаю страшно. Но что все физические муки по сравнению с тем, что жизнь растрочена попусту, отдана ложной идее, ошибочность которой я окончательно понял лишь теперь.

Здесь, в Канаде, я начал с того, с чего следовало бы начать еще в студенческие годы, — с детального изучения сравнительной анатомии и физиологии человека и обезьян. Не по книгам, не по атласам, а в натуре. И это сравнение, доведенное до внутриклеточного, до субмолекулярного уровня, убедило меня в том, что мы, конечно же, ветви одного материнского древа. Чего стоит один факт, что и у обезьян, и у человека, как и у всех без исключения организмов Земли, для поляризации моноклеотидов, приводящих к созданию молекул ДНК, используются исключительно связи между 3-ми и 5-ми концами (хотя вполне равновероятны и другие комбинации)!

Затем я тщательно проанализировал материалы, относящиеся к последним находкам Ричарда Лики в Восточной Африке, добросовестнейшим образом перечитал все работы наших советских антропологов и окончательно понял, насколько вздорными были мои попытки искать предков человека где-то вне Земли.

Я уже послал соответствующую статью в печать и собираюсь написать извинительное письмо Стогову. Но ты мой главный судья и тебе первому я сообщаю о пересмотре своих взглядов. Ты был прав всегда, и я рад, что не сбил тебя с твоих позиций. Иди своим путем, Максим. Уверен, что ты добьешься большего, чем удалось мне. Я же не добавлю к своим работам больше ни строки.

А так хотелось бы обсудить еще одно соображение. Эта мысль не идет сейчас у меня из головы. Кто не знает, что во всей истории жизни смерть всегда была одним из самых обычных и необходимых биологических явлений. Почему же человеческий разум никогда, ни при каких обстоятельствах не может принять ее? Почему ни один человек, как бы ни был он стар или болен, не может примириться с уходом из жизни? Почему, словом, разум реагирует на смерть так, будто он сформировался в организмах практически бессмертных или, по крайней мере, исключительно долго живущих? На этот вопрос не сможет ответить никакая теория происхождения человека. Впрочем, может быть, он мучает меня только потому, что я слишком болен. И все-таки, подумай об этом на досуге. И еще — должен покаяться тебе в большом грехе. Я знал адрес Лары. Но она взяла с меня слово не говорить тебе об этом. Наверное, зря я сдержал свое слово. Она живет...»

Далее следовал адрес. Тот самый адрес, который перечеркнул безжалостный штамп: «адресат выбыл». Адресат выбыл! Но куда? По какой причине? Надолго? Навсегда? Обо всем этом можно было только гадать. И Максим закусил губу, чтобы не застонать от физически нестерпимой душевной боли. В первый раз он почувствовал себя абсолютно одиноким, никому не нужным, окончательно выбитым из жизни.

Резкий порыв ветра ворвался в окно и бросил на стол сухой, сморщенный листок. Стонущий клекот журавлей донесся с неба. Мелкие капли дождя упали на подоконник. Длинно задремавший телефон, и хриплый раздраженный голос потребовал:

— Лаборатория бионики! Когда будут процентовки? Процентówki, я говорю! Или вам денег не надо?

Максим бросил трубку и обхватил голову руками...

Через несколько дней его вызвали в партком.

— Та-ак... Явились! — недобро прищурился Аскосинский, не отвечая на приветствие Максима. — Должен уведомить. На днях здесь будет слушаться ваше персональное дело. Хотелось бы уточнить кое-какие детали.

— Не понимаю...

— Не понимаете? Сейчас поймете. Впрочем, я предпочитаю предоставить слово документам. — Аскосинский раскрыл папку и начал медленно, с чувством видимого удовольствия листать подшитые в ней бумаги. — Это вот, прежде всего, — объяснительная записка руководителя группы по поводу срыва производственной практики семью студентами-биониками. Да, вы угадали. Речь идет о компании Шитова, которая, вместо того, чтобы поехать на работу в указанное место, решила, по вашему наущению, поразвлечься, отправилась в некое экзотическое путешествие. Это, во-вторых, копия докладной заведующего кафедрой Субботине декану, из которой явствует, что во время ваших собственных так называемых «экспедиций» в район Отрадного, вы, мягко говоря, бездельничали, занимались посторонними делами, вели разгульный образ жизни. Это, в-третьих, ваше собственное письмо в Ленинград к некоей особе, тоже, очевидно, не отличающейся высокими моральными устоями, но почему-то слишком уж интересующейся некоторыми приборами, о которых далеко не всем положено знать. Это, в-четвертых... хе-хе... фотография и рисуночек, видимо, одной из ваших дульциней...

— Хватит! — прервал Максим, с трудом сдерживая охватившее его бешенство. — Как все это оказалось здесь, у вас?

— А это все предоставила нам ваша супруга вместе с заявлением, в котором просит разобрать ваше аморальное поведение и...

— Довольно! Меня абсолютно не интересует ни это заявление, ни все прочие ваши бумажки. Сейчас же верните мое письмо и принадлежащие мне рисунок и фотографию!

— Вернуть письмо? А это уже не письмо. Это документ. Да-с! Вот и входящий номер на нем.

— Входящий номер на личном письме?!

— А как вы думали? У нас полный порядочек. И мы выведем вас на чистую воду. Но кто бы мог подумать...

Максим не стал дальше слушать:

— Или вы сейчас же вернете мне письмо, рисунок и фотографию или...

Аскосинский побагровел:

— Как вы смеете говорить со мной в таком тоне! Знаете ли вы, что половины этих документов достаточно, чтобы с треском вышибить вас из института, да и из партии тоже.

— Из партии? — Максим подошел вплотную к столу и медленно, с расстановкой, словно печатая слова, произнес: — Будь моя воля, я бы таким прохвостам, как вы, не позволил даже произносить слово «партия».

— Ну-ну! За такие слова... — Аскосинский вскочил с места и потянулся к телефону.

— Сидеть!! — сильным ударом в плечо Максим вдавил его обратно в кресло и, вынув из «дела» дорогие реликвии, швырнул папку в лицо насмерть перепуганному секретарю. — Держите ваши... «документы»!

Аскосинский только икнул. Максим прошел мимо побледневших, втянувших голову в плечи второго секретаря и машинистки хлопнул дверью. За спиной его лихорадочно защелкали диски телефонных аппаратов.

Стоило ли еще заходить на кафедру? Зачем? Он спустился в пустынный вестибюль, и первое, что бросилось ему в глаза, был большой портрет Антона в черной рамке.

Все. Глотнув закипевшие в груди слезы, Максим выскочил на свежий воздух. Больше ничего не удерживало его ни в институте, ни в городе. Взяв первое попавшееся такси, он приехал в аэропорт и, быстро пробежав глазами расписание, подошел к кассе:

— Ленинград.

Осенью ночь в Ленинграде наступает быстро. В девять тридцать вечера, когда электричка Сестрорецкого направления отошла от платформы и, прогромыхав по бесчисленным стрелкам, вырвалась наконец на магистральный путь, в окна вагона смотрела глухая тьма. Выбрав скамью посвободнее, Максим пристроился в уголке, у окна, и прижался лицом к черному стеклу.

Поезд шел быстро. Некоторое время по сторонам мелькали яркие пятна домов, затем побежали редкие одиночные огоньки, потом не стало и их. Глаза начали слипаться. Ночь накануне он почти не спал, а в течение всего дня ни разу не удалось даже присесть.

Приехав из аэропорта рано утром, он сейчас же помчался на квартиру Лары. Но там уже поселились другие люди. И женщина, вышедшая на его звонок, заспанная, неопрятная, в старом заношенном халате, сразу заявила, что она понятия не имеет, кто жил здесь до них и куда, по какой причине выехал из этой квартиры.

Тогда он позвонил в адресный стол. Но оттуда ответили:

— Лицо, интересующее вас, в Ленинграде не проживает. Куда выехала? Это в компетенцию адресного стола не входит.

В НИИ же он не смог пройти дальше стоящего в дверях вахтера:

— Извините, товарищ, учреждение закрытое, без пропуска нельзя.

— Но мне нужно справиться об одном работнике института. Очень нужно!

— Позвоните в отдел кадров. Вот номер телефона. Разрешите, я напишу вам.

Вахтер был сама любезность. Максиму оставалось лишь поблагодарить его и снова пойти к телефону-автомату. Из отдела кадров ответили не менее любезно:

— Простите, пожалуйста, но ни адресов, ни места работы уволившихся от нас специалистов мы не даем. Просто не имеем права. Такую справочку вы сможете получить лишь в городском управлении милиции. Литейный, шесть.

В милицию Максим шел уже без всякой надежды на успех. Само слово это вызывало представление о чем-то казенном, безжалостном, недобром. Но все оказалось совсем иначе. Встретивший его дежурный — голубоглазая блондинка в форме лейтенанта милиции — внимательно выслушала Максима и, улыбнувшись, встала с места:

— Пойдемте, прошу вас. Вот в этом кабинете все выясните, — и, обращаясь к небольшой толпе у двери. — Товарищи, это гость Ленинграда. Пусть он пройдет вне очереди, у него пустячный вопрос.

Люди без слов расступились. Кое-кто ободряюще улыбнулся. Максим был растроган. Через минуту дверь открылась, и он вошел в просторный кабинет, обставленный удобной мягкой мебелью. В глубине комнаты за столом сидел седоволосый майор с очень интеллигентным лицом и усталыми глазами. Он кивнул Максиму на кресло:

— Садитесь, я вас слушаю:

Максим представился, изложил свою просьбу.

— Что же, попробуем помочь вашим розыскам; Человек не иголка. Разрешите взглянуть на ваши документы.

— Документы?... — Максим поспешно обшарил карманы. — А я их... Они остались дома...

— Ну, это не так страшно. Успеете съездить. Я приму вас сразу, как возвратитесь.

— Но дома — это в Сибири. Я как-то не подумал... Выехал в такой спешке... — Максим растерянно взъерошил волосы.

Майор улыбнулся:

— Да вы не расстраивайтесь. Бывает. Особенно с вашим братом — ученым. Пошлите телеграмму. Через три дня паспорт будет здесь. Все равно вам без него не обойтись. Тогда и разыщем ваших знакомых. Обязательно разыщем!

— Спасибо... — Максим встал. Что он мог сказать еще этому, по-видимому, очень хорошему, очень доброму, очень порядочному человеку? Пришлось снова уходить ни с чем.

Между тем уже стемнело. Пошел дождь. Тяжелый туман стекал с крыш, заволакивая фонари. Максим пересек Фонтанку, вышел к Летнему саду. Дождь усилился. Поднялся ветер. Холодные струйки поползли за воротник. Куда теперь? И тут словно черная завеса разверзлась где-то в недрах памяти. «Лахта, помните, Лахта!» — будто отпечаталось у него в мозгу.

Лахта... Он так и не съездил туда весной, не выбрал времени, не успел. А теперь это потеряло всякий смысл. Теперь все потеряло смысл. Но не торчать же здесь на улице, под дождем. Скоро ночь. Пора подумать о ночлеге. А во всем городе ни родных, ни знакомых. В гостиницу без паспорта не пойдешь. Даже в станционных залах ожидания могут потребовать документы. Что же делать?...

Рядом остановился автобус. «Финский вокзал», — прочел он на залитом дождем трафарете. Финский вокзал... Что-то было связано с этим вокзалом?... Ах, да! Он еще весной установил, что именно с Финского вокзала идут поезда на Лахту. Опять Лахта!

— А-а, была — не была! Больше терять нечего! — И он прыгнул на подножку автобуса.

...Поезд замедлил ход. Максим выглянул в окно. Дождь прекратился. Ущербная луна показалась в разрывах туч, и широкая полоса тусклых бликов протянулась к самому горизонту.

Он пристальнее взгляделся в странно плоский, безжизненный ландшафт. Вода, вода... Что это, залив, озеро? Он перешел к противоположному окну. И здесь вода — тяжелая, неподвижная, будто подернутая нефтью. Болото, догадался Максим: Оно подступало к самой насыпи. Поезд шел словно по узкой дамбе. Казалось, конца не будет этой черной застывшей трясине. Но вот дамба расширилась. Высокие заросли кустов поднялись над водой. Мелькнул огонек, другой...

— Станция Лахта! — донеслось из динамика над дверью. Поезд остановился. Максим вышел на узкую деревянную

платформу. Кроме него здесь не сошел ни один человек. Он проводил глазами уходящий состав и огляделся. Слева от станции виднелись огни поселка. Справа, сразу за длинным рядом ларьков и павильонов, поднималась высокая стена деревьев. К ней шло неширокое асфальтированное шоссе.

С минуту подумав, Максим двинулся по дороге к роще. Шоссе огибало ее почти вплотную, отделяясь лишь узкой канавой и полуразвалившимся штакетником. Из-за высокой стены деревьев не было слышно ни звука.

Что же там, за этими деревьями? Максим прыгнул через канаву, легко перебрался через забор и сразу попятился назад — перед ним стоял массивный черный крест. Кладбище!

Он поспешно вернулся на дорогу, скорым шагом миновал кладбищенскую ограду. За ней тянулось голое свежевспаханное поле. Асфальт кончился. Под ногами зачавкала грязь. Впереди не было видно ни огонька. Сзади все еще угадывались контуры кладбищенской рощи. Что-то зловещее было в черной стене деревьев. Он, не оглядываясь, зашагал вперед. Ночь была темной. Узкий серп луны снова скрылся в тучах. Скоро исчезла под ногами и дорога, то ли свернула куда, то ли уничтожил ее плуг. Пришлось идти по рыхлой пахоте. Ноги промокли. К обоим ботинкам будто навесили по гире. Каждый шаг давался с трудом. Но он шагал и шагал, не отдавая себе отчета, куда и зачем идет.

Сколько так продолжалось, неизвестно. Часы, которые Максим не помнил когда заводил, остановились давным-давно. Наконец он почувствовал, что не в силах сделать больше ни шагу. Смертельная усталость сковала ноги, свела спину, свинцовой тяжестью наваливалась на плечи. С неба снова посыпал дождь. Ледяной ветер пронизывал насквозь. Пашня под ногами стала совсем непроходимой.

Максим остановился. Кругом была непроглядная темнота. Огни Лахты скрылись в сплошной сетке дождя. Да он и не знал теперь, в какой стороне она, Лахта. Не все ли равно! Голову сдавило тупой болью. Сильный озноб завладел телом. Приступы тошноты волнами подкатывали к горлу. Хотелось одного — лечь и не вставать. Лечь немедленно, прямо здесь, в это черное вязкое месиво.

Но тут что-то больно кольнуло в висок, и тихий протяжный звон пронесся в темноте. Максим вздрогнул. Что это, чудится или звенит в ушах? Но звон повторился. Ясно. Отчетливо. И он вспомнил — он уже слышал этот низкий звенящий звук. Кажется, тоже ночью. И в таком же отчаянном положении. Но где, когда?

Он больно закусил губу, стараясь выловить из пестрой мозаики воспоминаний давно забытый эпизод. Но боль в голове смешивала все мысли. Страшная опустошающая слабость тянула к земле. Максим нащупал ногой место потверже и сел, сжав голову руками. Что толку вспоминать прошедшее...

Однако в следующее мгновение сильный порыв ветра ударил в лицо, и сразу, точно молнией, разорвало тяжелые завесы памяти. Ветер нес запах астийского эдельвейса, и этот ни с чем не сравнимый аромат напомнил все. И ту, другую ночь, когда он также услышал странный звенящий звук, перед тем, как выбраться из трясины, — это было на Черном болоте, у кордона. И тот не то день, не то вечер, когда такой же звон вывел его из оцепенения за несколько минут до появления вызванного кем-то вертолета, И спасительный взрыв на тропе под старой лиственницей. И загадочный свет в окне лесной сторожки. И многие другие дни и ночи, когда ветер приносил ему аромат чудесного цветка, и он гнался за ним, как за счастливой звездой, выбираясь из самых, казалось бы, безвыходных положений. А над всем этим, как в давние годы, с поразительной ясностью, точно наяву, встал образ той, кого он назвал когда-то астийской Нефертити. Она будто склонилась над ним, больным, никому не нужным, измученным переживаниями, и с бесконечной нежностью смотрела на него, звала его взглядом.

Но в памяти всплыло уже другое — узкая, отрезанная от всего мира площадка на Зубе Шайтана и тихий, прерываемый рыданиями голос: «Прошу вас, умоляю... Мне самой нужна помощь...» И сразу вслед за тем — корявые строки из письма Силкина: «...тягостно мне, тоскливо, а помочь некому...»

Максим вскочил на ноги. Так она в беде, в опасности! Вот что значит сегодня этот запах. С ней давно что-то случилось, ей трудно, может быть, труднее, чем ему. И также некому помочь. Как мог он забыть об этом! Как мог весь год заниматься жалкими, ничтожными делами, тратить себя на пустые дразги, в то время как она ждала его, нуждалась в помощи, страдала!

И вот теперь...

«Лахта, помните, Лахта!» — будто вновь услышал он ее молящий шепот.

«ЛАХТА, ПОМНИТЕ, ЛАХТА!!» — гулко стучало у него в висках.

«ЛАХТА, ПОМНИТЕ, ЛАХТА!!!» — скорбным набатом гудел осенний ветер.

И этот ветер, этот тревожно зовущий запах словно вернули ему силы, заставили забыть о собственных страданиях. К ней, к ней! Скорее к ней, туда, откуда несется призывный аромат, что бы ни ждало его там, с какой бы опасностью ни пришлось столкнуться!

А запах астийского эдельвейса становился все явственнее, все сильнее. Он будто звучал во тьме ночи, звенел, как туго натянутая струна, стонал, плакал, молил о помощи. Скорее, скорее! Она ждет его, ей плохо. Он уже не сомневался, что вот-вот увидит ее, — слабую, беззащитную, как в день их первой встречи, и знал, чувствовал, что не пожалеет жизни для ее спасения.

Но каким напряжением давался каждый шаг! В голове по-прежнему мутилось. Ноги подкашивались. Он то и дело терял равновесие и падал. Однако снова вставал, снова выдираал ноги из тугой, как резина, грязи и шел дальше и дальше, совершенно не представляя, куда выведет его зовущий аромат.

Наконец пашня кончилась, он выбрался на мокрую, в кочках луговину. Идти стало легче. Однако голова кружилась все сильнее, силы окончательно покидали его. Вдруг острая боль пронзила левый бок, стрельнула в плечо. Он снова упал, даже не упал, а как-то осел в намокшую траву. Кажется, больше не встать...

Нет-нет! Только не это! Только дойти. Только увидеть ее, убедиться в ее безопасности или отдать за нее последнюю каплю жизни. И Максим снова двинулся вперед, ползком, на четвереньках, цепляясь за каждый кустик пожухлой травы.

Внезапно ветер стих, дождь прекратился. И тот же тихий звон раздался над самым ухом. Максим с трудом раскрыл отяжелевшие веки. И сразу зажмурился. Яркий голубой луч ударил в глаза. И вся земля вокруг, весь воздух будто вспыхнули ослепительным пламенем. Что это, что? Максим снова раскрыл глаза. Но все уже погасло. Кругом по-прежнему была сплошная темень.

Он с тоской посмотрел в ту сторону, откуда все еще неся знакомый запах, и похолодел от волнения. Огромный голубой тор, словно сгусток светящегося тумана, медленно и беззвучно опускался с черного неба. Через минуту он коснулся земли и так же медленно двинулся к нему. Ближе... Ближе... И вот уже в двух шагах от него взметнулась на высоту многоэтажного дома пылающая громада, исчерченная мозаикой кругов, ромбов, сферических треугольников.

Максим невольно прижался к земле. Объятая голубым пламенем стена подступила почти вплотную, нависла над самой головой. Холодные космы огня клубились совсем рядом, касались его лица. Еще минута, и все это обрушится на него, вондет в землю, раздавит, как муравья.

Вот оно, вот! Вот что оборвет сейчас его жизнь. Или поглотит, как поглотило тогда плачущую Нефертити, недаром она предупреждала его своей пластинкой. Но нет, нет! Пусть не думают они там, в этой горячей бочке, что он встанет перед ними на колени. Нет, черт возьми! Собрав последние силы, Максим встал во весь рост и шагнул к пылающей громаде...

Часть третья «АО ТЭО ЛАРРА» («ЛЕТЯЩИЙ ЗА ЗНАНИЯМИ»)

1

Мягкий повторяющийся аккорд все громче, все настойчивее звучал над самым ухом. Максим сделал над собой усилие и открыл глаза. Сознание медленно возвращалось. Сначала он видел лишь зеленый туман и слышал глухой шум, который мог быть шумом прибоя. Потом туман будто поднялся, рассеялся, и он понял, что лежит в большой комнате со странно просвечивающими потолком и стенами.

Комната была абсолютно пустой, если не считать невысокой кушетки, где он лежал раздетый, и крохотной тумбочки, на которой высилась аккуратная стопка вычищенной, отутюженной одежды. Не было видно ни дверей, ни окон, ни даже вентиляционных решеток. Но воздух, как и свет, видимо, свободно проникал сквозь диковинные стены: в комнате дышалось легко, как утром в весеннем лесу.

Где он? Как попал сюда? Максим попытался вспомнить, что произошло перед этим. Но память разворачивалась с трудом. Он помнил только, что были большие неприятности, была ночь, был дождь, холод, была трудная дорога и страшная опустошающая слабость. А потом... потом... Что же было потом?

И вдруг вспомнил все: как тихий протяжный звон раздался в темноте, как ветер принес ему запах астийского эдельвейса, как гигантский голубой тор, словно сгусток светящегося тумана, медленно и беззвучно спустился с черного неба. Он будто вновь пережил ту страшную минуту, когда пылающая громада придвинулась почти вплотную, дохнула пламенем в лицо. Однако он, помнится, еще заставил себя подняться, чтобы встретить смерть, как подобает мужчине. Но в это время огонь погас, и все исчезло в ночном мраке.

Лишь после того, как глаза привыкли к темноте, сквозь сетку дождя вновь проступила тускло поблескивающая стена, исчерченная мозаикой кругов, ромбов, треугольников. Таинственный тор стоял теперь неподвижно, поверхность его будто парила, загадочные фигуры на ней то полностью исчезали в белесой дымке, то становились отчетливо видимыми даже во тьме ночи. А в следующую минуту один из кругов, ближайший к

Максиму, вдруг ярко («пыхнул, покрылся бегущими бликами и словно расплавился, исчез, открыв за собой отверстие в рост человека.

На всякий случай Максим отступил чуть в сторону, чтобы избежать прямого нападения. Но люк лишь осветился зеленым светом, каким была залита сейчас странная комната, и тихий знакомый голос произнес:

— Войдите, Максим.

В это было трудно поверить. Это казалось немыслимым, невероятным. Но то был голос Нефертити. Она звала его Спокойно. Приветливо. Как много лет назад на залитом солнцем Вормалеевском озере. Можно ли было ждать и желать чего-то большего? Но он еще медлил, пытался заглянуть в открытый люк. Там не было ничего, кроме зеленого полумрака.

— Входите, прошу вас! — в голосе Нефертити послышалось нетерпение, а зеленый полусвет в люке будто ожил, заметался в тревожном ритме. Не оставалось сомнений, что она приглашает его войти в загадочное сооружение, настаивает, торопит. Но силы уже окончательно оставили Максима. Он смог лишь подняться на нижний обрез освещенного туннеля и тут же свалился в мерцающий полумрак. Крышка люка беззвучно закрылась за ним. Он провалился в черное безмолвное небытие...

И вот теперь — пробуждение в столь удивительном, ни на что не похожем помещении. Максим приподнялся на своем ложе, огляделся. Что это — храм, мавзолей, темница?

Комната представляла собой высокую шестигранную призму и меньше всего походила на жилье. Если с чем и можно было ее сравнить, так разве с многократно увеличенной, наглухо запечатанной ячейкой в пчелиных сотах — аналогия не из воодушевляющих, особенно в той ситуации, в какой находился Максим.

Но самочувствие было отличным, голова свежей, тело упругим, весь он полон каких-то неясных радостных ожиданий. Он встал, оделся, обошел комнату кругом. Все шесть стен ее напоминали сплошные пластины полированного нефрита. Таким же был, по-видимому, и потолок. Пол же покрывал тугой белый пластик, похожий на литую резину. Все это было бы не лишенным красоты, если бы не наводило на размышления о сверхсовершенном застенке. Трудно было отделаться от мысли, что кто-то специально позаботился, чтобы упрятать сюда Максима. И в то же время слишком уж странным был этот каземат. Станным был воздух, будто напоенный ароматом цветов, странным был свет, пронизывающий потолок и стены, странным было само ложе, с которого только что поднялся Максим, — ни простыни, ни подушки, ни одеяла — сплошной брус того же белого пластика. Впрочем... Где же оно?

Максим обвел глазами комнату. Здесь не было уже ни «кушетки», ни «тумбочки». Все словно испарилось: одни голые стены. Не переставая удивляться, Максим подошел к стене, из-за которой особенно ясно доносился ритмичный гул, и, приложив ухо, постарался уловить какие-нибудь новые звуки. Однако не успел он коснуться холодного камня, как раздался тихий мелодичный щелчок и стена... исчезла. Яркий солнечный свет ослепил Максима. Голова закружилась от запаха цветов, земли, моря. Он даже зажмурился от неожиданности. Зато когда снова открыл глаза, то чуть не вскрикнул от радостного изумления. Признаться, он почти смирился с мыслью, что зеленая ячейка, в которой он проснулся, заключена в недрах космического корабля. А перед ним открылся чудесный уголок земли. И какой земли!

В нескольких шагах от Максима, у самого подножья каменной лестницы, полого сбегавшей вниз по склону, действительно кипел прибой. Неоглядная морская гладь расстилалась далеко кругом. Бирюзовые волны ритмично накатывали на берег. Белокрылые чайки с криком носились над водой. Тугой влажный ветер дул в лицо, неся с собой свежесть и запах моря.

Максим с жадностью смотрел по сторонам, переполненный никогда не испытанными ощущениями. Оказывается, он попал на остров. Всюду, от горизонта до горизонта — лишь вода, вода, вода. И крохотный кусочек земли среди волн.

Он оглянулся назад. Сам остров был невелик, в три-четыре километра длиной. Но довольно высокий, с крутыми, в террасах, склонами, сплошь покрытыми лесной растительностью. Лесов здесь было так много и они были столь пышны, что, казалось, остров вскипел зеленой пеной, среди которой высились, подобно свечам, узкие белые здания, искрились под солнцем серебристые купола, сверкали белизной ажурные беседки и массивные плиты лестниц.

Здание, возле которого стоял Максим, тоже узкое и высокое, располагалось в нижней части склона, метрах в десяти над морем. Оно было сложено из белого с голубоватыми искорками камня, как и площадка перед ним, и лестница, идущая вниз, к воде, и так же, как все другие здания острова, окружалось зеленой стеною леса.

Это было самым удивительным — безраздельное господство этих двух цветов: зеленого и белого. Даже морская гладь и небо над головой, даже солнце и сам воздух, казалось, имели зеленоватый оттенок. Зато какой стерильной белизною сияли плывущие над островом облака! А эта вилла, в которой он оказался столь непонятным образом! Она была не просто белой. Она слепила глаза: лишь с большим трудом Максим смог рассмотреть здесь искусно выполненное изображение чайки и вынужден был сейчас же перевести взгляд на большой куст сирени, видимо, специально высаженный у самой стены виллы.

Сирень, как ни странно, только еще набирала цвет, словно стояла ранняя весна. Да и листва у нее была нежной, сочной, самой что ни на есть весенней. Впрочем, весна чувствовалась во всем. И в слепящем блеске солнца, и в призывном крике чаек, и в той особой, бодрящей свежести, какой был наполнен утренний воздух.

Максим обошел куст кругом и вновь остановился в удивлении. Сразу за сиренью начиналась дорожка, огибающая виллу и идущая вверх по склону, а вправо от нее открылось нечто такое, что сразу завладело всем его вниманием. То была небольшая сигароподобная гондола, лежащая на двух тонких металлических полозках, круто убегających к вершине острова и дальше в небо. Скоро он смог рассмотреть, что легкие паутинки таких полозков тянутся и от других зданий и беседок, сплетаясь в причудливую сеть, опоясывающую весь остров.

Ни о чем подобном Максиму не доводилось и слышать. Неужели люди ездят здесь в таких сигарах? Да, видимо, так — в гондоле вполне могло уместиться два-три человека. Только как выдерживают их столь тонкие полозки? И зачем понадобилась такая уйма путей на небольшом острове?

Он вернулся на площадку, подошел к невысокой балюстраде. Где мог быть этот остров, в какой части света? Во всяком случае, не у экватора. Об этом говорил и цвет морской воды, в котором было больше зеленых тонов, чем синих, и приятная прохлада, несмотря на то, что солнце поднялось уже довольно высоко, и характер растительности...

Впрочем, растительность здесь вообще была какой-то непонятной. На острове не росло ни пальм, ни кипарисов. Но не было и берез, кленов. Не было, кажется, ни одного знакомого дерева. Только куст сирени он узнал сразу. А все остальное...

Тревожное предчувствие закралось в душу Максима. Это же совершенно неестественно — такое небо! И солнце! И здание без окон и дверей! Он снова огляделся кругом. Поверхность моря была абсолютно пустынной. Не было ни души и по берегам острова. Весь он будто вымер или спал непробудным сном. Но солнце поднялось уже достаточно высоко. Должен наконец показаться хоть какой-нибудь рыбак или лодочник! Впрочем, вдоль береговой кромки не было видно ни единой лодки, ни одного причала. Что за мертвое царство?

Максим решил взобраться на вершину гряды, чтобы осмотреть по возможности весь остров, однако не успел он ступить на дорожку, огибающую виллу, как сверкающая в лучах солнца гондола вдруг стронулась с места и, стремительно набирая скорость, ринулась к вершине острова. Что могло это значить? Кто-то успел сесть в нее? Или, наоборот, она помчалась за кем-то из здешних жителей, может, хозяевами этой виллы? В

таком случае едва ли стоило уходить далеко, не дожидая этих людей. Ведь как бы там ни было, они поселили его здесь, позаботились о его сне, вычистили его одежду, обувь, а главное — видимо, имеют самое непосредственное отношение к Нефертити. Если, конечно, голос ее не пригрезился или не был подстроен какими-то злоумышленниками. Занятый такими мыслями, Максим вернулся к лестнице, сел на верхнюю ступеньку. Но здесь им снова овладела тревога. Слишком уж подозрительная тишина царила в этом уголке. Ничто, кроме шума прибоя да крика чаек не нарушало бело-зеленого безмолвия. Весь остров будто притаился в ожидании чего-то неотвратимо страшного. А что, если все почему-то покинули его, оставив Максима одного? Что, если остров взлетит сейчас на воздух или погрузится в пучину вод? И не это ли означало стремительное исчезновение гондолы?

От одной такой мысли Максим снова вскочил на ноги, готовый броситься к вершине гряды. Но в это время сзади раздался слабый шорох, и тонкий аромат астийского эдельвейса ворвался в запах леса и моря. Привычное чувство надежды и отчаяния током пронзило Максима: «Нефертити?...»

Он поспешно обернулся. И действительно увидел ее — свою Мечту, свою Таинственную незнакомку. Она стояла у куста сирени, взволнованная, улыбающаяся, залитая лучами утреннего солнца и, как много лет назад, смотрела на него огромными лучистыми глазами.

Безмерная радость мгновенно переполнила Максима, заставив забыть все страхи и тревоги. Но так продолжалось лишь с минуту. В памяти сейчас же всплыло другое утро — над тихим таежным озером. И радость исчезла. Так это снова сон!

— Здравствуйте, Максим, — сказала Нефертити, шагнув ему навстречу.

Но он не отвечал. Он уже не сомневался, что и море, и остров, и прекрасная незнакомка — всего лишь сон, что стоит подойти к ней, и все исчезнет. Но так не может продолжаться вечно! Он бросился к девушке, попытался схватить ее за руку. Однако не успел сделать и шагу, как глаза Нефертити мгновенно потемнели, и он почувствовал, что все тело его как-то странно обмякло, а руки бессильно упали, точно набитые ватой. Максим отступил обратно:

— Простите, пожалуйста. Но я знаю, сейчас все это пройдет... Сейчас вы скроетесь, как всегда, а я проснусь где-нибудь в поле или овраге... Только прошу вас, умоляю! Прежде скажите, кто вы, откуда? Как понять все, что происходило до сих пор и вот теперь...

Она снова улыбнулась, и к Максиму вернулась власть над телом.

— Не бойтесь, я не покину вас. И постараюсь ответить на все ваши вопросы.

— Но ведь столько раз...

— Я виновата перед вами. Хотя и не по своей воле. Обстоятельства были сильнее меня. Но об этом после. Прежде всего мне, действительно, пора представиться. Зовут меня Миона. Я ваш друг. Здесь я живу. Вы у меня в гостях. Я понимаю, это еще мало о чем говорит. Но скоро вы все увидите и поймете сами. А сейчас вам нужно поесть, вы еще не завтракали сегодня.

Тут только Максим почувствовал, как сильно голоден:

— Да вы не беспокойтесь...

— Больше здесь беспокоиться некому, — ответила Миона. — Вернемся в ваше жилище. Я понимаю, в нем нет привычного для вас уюта. Но все-таки придется пожить здесь, Максим. Хотя бы несколько дней. Поэтому я покажу кое-что: как «поднять» необходимую мебель, воспользоваться экраном ближней связи, пройти в туалет, столовую, попросить автомата-официанта приготовить то или иное блюдо, ну и все прочее...

После завтрака они снова вышли наружу. Солнце поднялось чуть выше. Но воздух был все так же свеж и прохладен, как и утром, когда Максим впервые ступил на каменную площадку.

— Так где этот остров, в каком море? — снова обратился он к Мионе, чувствуя, что сейчас подтвердится самая безумная из его догадок.

Но Миона не спешила с ответом:

— Сейчас вам все будет ясно. Пройдемте сюда, — она подошла к гондоле и откинула прозрачный колпак. — Садитесь.

— А вы?

— И я с вами, — она села рядом и задвинула фонарь. — Это основной вид нашего транспорта, нечто вроде фуникулера.

— На таких тонких рельсах?

— Не беспокойтесь, рельсы играют лишь роль направляющих. Аппарат движется и поддерживается в равновесии особым силовым полем. Итак, поехали, — она нажала несколько клавиш на приборной доске, утопила ногой педаль. Гондола сейчас же устремилась вверх. В одну минуту лес, море, белые свечи вилл остались далеко внизу. На миг мелькнула вершина острова, занятая большим красивым озером. И вот они уже скользнули вниз, к самой земле, влетели в широко раскрытые ворота низкого куполообразного здания, промчались узким полуосвещенным туннелем и остановились в большом зале с высокими светящимися стенами.

Здесь Миона выпрыгнула из гондолы, жестом пригласила Максима следовать за собой. Тотчас одна из стен зала распахнулась, и они прошли в небольшую овальную комнату, сплошь задрапированную черным бархатистым материалом. Свет падал теперь лишь из небольшого светильника в потолке и едва позволял различать два кресла и невысокий пульт управления, выдвинувшиеся откуда-то из-под пола.

— Сядем, Максим, — сказала Миона вполголоса, — и постарайтесь особенно не волноваться.

Она передвинула несколько рычажков на пульте, и свет в потолке погас. Зато прямо перед ними открылся огромный экран. Впрочем, Максим не сразу догадался об этом. Потому что экран был совершенно черным, только золотистая россыпь звезд заполнила вдруг бездонную черноту, и какая-то неведомая сила словно потянула Максима в этот зияющий провал. Он невольно вжался в кресло и тут же почувствовал, как прохладная ладошка Мионы легла ему на руку:

— Это только изображение, Максим. Изображение на экране. Сейчас я буду смещать его в сторону. Смотрите!

Звездная россыпь сдвинулась с места. Экран словно ожил. А в следующее мгновение огромный бело-голубой диск выплыл откуда-то слева снизу и остановился, повинуясь рукам Мионы.

Со смешанным чувством изумления и горечи смотрел Максим на этот диск, где можно было уже рассмотреть под вихревыми скоплениями облаков неясные очертания желтовато-зеленых континентов, иссиня-серых морей и даже рек:

— Земля?

— Да, — тихо ответила Миона.

— Так это... Так, значит... — не находил слов Максим.

— Да, Максим, мы не на Земле. Мы очень далеко от нее, на нашем звездолете, в моем доме. А эта комната — центр дальней связи корабля, — она погасила экран, включила светильник.

— На вашем звездолете?! А как же остров, лес, дома?

— Все это корабль, его живой сектор.

— Выходит, голубой тор... Выходит, это, на нем... — Максим все еще не мог прийти в себя от всего увиденного.

— Нет, — покачала головой Миона, — то был лишь маленький транспортный кораблик, мы зовем его челночек. Он курсирует между звездолетом и Землей.

— Маленький кораблик?! Эта пылающая громада...

— Да. Но он действительно небольшой, Максим. А громадой, да еще пылающей, показался вам потому, что был окружен мощным защитным полем. К сожалению, без этого нельзя спускаться на Землю. Что же касается звездолета, то это целая планетка,

целый кусочек нашей родины со своей атмосферой, своим климатом, своим животным и растительным миром, с полным кругооборотом веществ, словом, всем, что необходимо для жизни. Здесь есть и море и суша, и ручьи и озера, даже маленькие горы. Впрочем, вы видели...

— А как же космос?

— От космоса все это защищено надежной многослойной оболочкой и защитным полем.

— Но я видел солнце...

— Ночью увидите и звезды и две наши «Луны». Но это уже имитация. Очень искусная, в точности воспроизводящая нашу родину, но...

Несколько минут прошло в молчании.

— Я знал, чувствовал, что вы не землянка, — сказал Максим, не спуская глаз с прекрасной инопланетянки.

— Да, я родилась не на Земле.

— Где же, Миона? Откуда вы прилетели к нам? И как все это время...

— Это слишком большой разговор, Максим. Здесь тоже лучше кое-что показать, только... Знакомый аккорд пронесся где-то в вышине. Миона растерянно оглянулась:

— Сигнал ближней связи! Меня ищут. Придется нам расстаться. Не сердитесь, пожалуйста, так надо. Это не зависит от моего желания. Пройдемте к гондоле, я провожу вас до виллы. — Она была явно озабочена.

Максим постарался скрыть охватившую его тревогу:

— Я понимаю, вы очень заняты...

— Не в этом дело, но... Пойдемте скорее, после я все объясню.

— Но если вы очень спешите, я доберусь до виллы один. Скажите только, какие кнопки нажать.

— О, это просто! — ответила Миона, подходя к гондоле. — Садитесь, я покажу. А вечером мы еще увидимся. Вернее, вы увидите меня на экране ближней связи. Всего вам доброго. Погуляйте, посмотрите наш маленький мир, я уверена, здесь многое вас заинтересует. Можете гулять где угодно, на корабле нет ни одного опасного животного, ни одного ядовитого растения и... ни одного человека, кроме нас с мамой.

— Как? На всем корабле только вы двое? Она молча кивнула.

— А как же все эти виллы, дворцы?

— Они пусты, Максим, давным-давно пусты. Скоро вы узнаете обо всем этом. А пока... Пока можете осмотреть эти дворцы. Кроме круглого здания на берегу верхнего озера. Мы зовем его Дворец командиров. Там живет сейчас мама. Она не знает еще, что вы на корабле, так надо... — Миона словно запнулась. А Максим почувствовал, как неприятный холодок пробежал у него по спине. Но он только сказал:

— Хорошо, я не пойду к этому зданию.

— И еще, — поспешила добавить Миона, — иногда вам будут попадаться наши универсальные автоматы, то, что вы называете роботами. Их легко узнать по ярко-оранжевой окраске. Так не обращайтесь на них внимания. Даже если они будут проявлять к вам интерес.

— Все ясно. До свидания, Миона. Слышите, снова этот звук!

— Да, надо ехать. Счастливого вам пути. До вечера. И возьмите на всякий случай вот это, — она вложила ему в кармашек пиджака небольшой цилиндрический предмет. — Это поможет мне разыскать вас, если возникнет такая необходимость. — Миона коснулась его плеча и задвинула фонарь.

Максим нажал на педаль...

Солнце сместилось к продольной оси острова и стояло почти над самой головой, когда он снова ступил на белоснежную площадку перед виллой и, не заходя в помещение, сбежал

вниз по лестнице к морю. Здесь он снял пиджак, сбросил ботинки и, откинувшись спиной на теплые плиты, стал смотреть в странное неземное небо.

Он был удивительно красив, этот зеленовато-голубой небосвод иного мира. Красивы были его чистые кристально-прозрачные глубины, не знавшие, наверное, ни струйки дыма, красиво было «Солнце», не слишком яркое, чуть меньше нашего, цвета чистейшего аквамарина, красивы были огромные облака, низко плывущие от горизонта к горизонту.

Но Максим почти не замечал всего этого. Он видел перед собой лишь лучистые глаза юной инопланетянки, и мысли его были только о ней.

— Ми-о-на... — произнес он вполголоса, вслушиваясь в необычные сочетания звуков, прозрачных и чистых, как звон хрустальной чаши.

— Миона! — тотчас отозвалось в каждом его нерве, каждой клеточке мозга. Он снова и снова вспоминал ее улыбку, голос, запах волос и все больше сознавал, что любил ее всю жизнь, с самой первой встречи на озере.

И завтра он увидит ее снова! И будет с ней долго-долго! Мог ли он мечтать о таком счастье? Максим вскочил на ноги и, сбросив одежду, ринулся в кипящий прибор.

Морская вода оказалась не соленой, но очень прохладной, приятно пахнущей свежесрезанным арбузом. Поныряв возле берега, Максим шумно вздохнул и широкими саженками, как когда-то в юности, поплыл в сторону горизонта. Ему все казалось, что и море и этот горизонт — лишь сложный оптический обман, и стоит проплыть несколько метров, как рука упрется в искусно раскрашенную преграду. Но вот уже и берег остался далеко позади и мускулы начали заметно уставать, а горизонт, как был в далекой зеленой дымке, так и не приблизился. Пришлось повернуть обратно.

Между тем солнце склонилось к закату. Длинная тень от здания, закрыв всю площадку, начала наступать на лестницу. Максим быстро оделся и поднялся к вилле. Но не стал заходить в нее, а направился вверх по склону, решив еще до обеда забраться на вершину острова.

Впрочем, путь туда оказался дальше, чем он предполагал. Узкая дорожка, тщательно посыпанная розовым гравием, пологим серпантинном вилась меж деревьев, не торопясь подниматься вверх и открывая все новые и новые картины неземной природы. По обеим сторонам ее то тянулись широкие луговины с густой травой странного голубовато-зеленого цвета, то вставала сплошная стена деревьев с не менее странной листвой, диковинными плодами и цветами. Цветов здесь было множество. И сверху, над головой, и внизу, под ногами. И все это источало такой сложный, непривычный аромат, будто Максим шел не по лесу, а по экзотическому цветнику. Да так оно в сущности и было. На всем пути он не увидел ни одной сухой ветки, ни одного опавшего листа. Но кем наводился здесь столь идеальный порядок?

Вскоре, однако, разъяснилось и это. На одной из полян он увидел шеренгу роботов, тех самых, о которых, очевидно, говорила Миона. Три больших, до метра в диаметре полусферы медленно двигались по траве, коротко подмигивая фиолетовыми фонариками. Максим остановился, чтобы рассмотреть их поближе. Роботы удивительно напоминали наших жучков — божьих коровок, — и цветом, и формой, и даже россыпью черных пятнышек на спине. Только пятна эти были особенными: из них по мере надобности выдвигались то длинные рычаги, то цепкие захваты, то пилы и прочие инструменты, необходимые для работы.

Сейчас они прочесывали луговину короткими щупиками вроде грабель и, видимо, вытаскивали сорную траву и рыхлили почву или вносили удобрения. Поразительнее всего было то, что за роботами не тянулось никакого следа, они будто парили над землей, опираясь на невидимую воздушную подушку, и в то же время до Максима не доносилось ни звука: автоматы работали абсолютно бесшумно. Полюбовавшись их точными, слаженными действиями, он вернулся на тропинку и снова зашагал вперед, жадно всматриваясь в жизнь чужого мира.

Наконец, лес расступился. Дорожка сделала последний поворот, и Максим вышел к центральному озеру, которое видел из гондолы фуникулера и которое занимало почти всю вершину острова. Озеро было огромно. Не меньше двух километров длиной и добрых полкилометра в поперечнике. Четким сверкающим овалом лежало оно в неглубокой котловине, сложенной как бы из двух колец: внешнего, более широкого, спускающегося прямо от деревьев и занятого тщательно подстриженной лужайкой, и внутреннего, прибрежного, вымощенного гладкими розовыми плитами. Впрочем, вскоре Максим заметил, что плиты не доходят до самой воды, а незаметно сливаются с полосой пляжа из тонкого розоватого песка.

Гладь озера была пустынной, на берегах его не высилось ни одного строения. Только далеко за озером, на небольшом холме, ясно просматривалось сквозь деревья огромное круглое здание.

— Дворец командиров, — догадался Максим. — Здесь, стало быть, и живет мать Мионы. Но почему старушка не знает, что он на корабле? Значит, у Мионы есть основания скрывать это? Щекотливая ситуация! И долго ли так будет продолжаться? Во всяком случае — подальше от этого «Капитолия»!

Он взглянул в противоположный конец острова. Там не было никаких зданий. Лишь громадный фонтан сверкал в лучах заходящего солнца да красивая арка со скульптурными фигурами четко выделялась на фоне неба. Это стоило посмотреть. Максим двинулся вдоль озера и минут через десять вышел к массивному сооружению из голубого камня и серебристого металла. То, что он принял за арку, оказалось высоким П-образным зданием, на крыше которого, действительно, располагались скульптурные фигуры мужчин и женщин, занятых, по всей видимости, гимнастическими упражнениями.

Стоит ли говорить, с каким интересом смотрел Максим на соотечественников Мионы. Облик, даже спортивная одежда инопланетян мало чем отличались от хорошо сложенных и соответственно одетых гимнастов Земли. Но поражала одна деталь: лица всех их были удивительно безжизненными, точно маска, словно они никогда не умели улыбаться.

«Странно... Почему они такие?» — подумал Максим. Он попытался обойти арку так, чтобы увидеть фигуры со стороны солнца. Но это оказалось невозможным. Береговой склон рассекался здесь мощным водоспуском: широкий плотный поток вырывался из озера меж вертикальных башен здания и стремительно несся вниз по гладкому параболическому лотку, уходящему прямо в море.

Теперь стала понятной центральная фигура композиции на крыше: то были трое воднолыжников, мчащихся вниз по лотку. Какое захватывающее ощущение, должно быть, испытывали эти смельчаки! И сколько мужества надо иметь, чтобы решиться на такой спуск.

Между тем солнце скатилось еще ниже. Вот оно коснулось морской глади и, точно плаваясь в огне заката, быстро погрузилось в глубины вод. И сразу наступила ночь. Первая

224
звездочка загорелась в небе. Мягким фосфоресцирующим светом озарился Дворец командиров. Лес потемнел, слился в сплошную черную стену.

Максим взглянул на часы. Стрелки едва подошли к шести. Коротковаты сутки оказались в этом мире! Однако Миона могла уже искать его. Максим поспешил вернуться к вилле.

Но где тот поворот, тот спуск к морю? В лес вело множество дорог. Все одинаково чистые, одинаково посыпанные гравием. Пришлось идти наугад. А мрак здесь, в лесу, оказался еще гуще. Лишь редкие светлячки, словно зеленые искорки, мелькали меж деревьев, да слабо высвечивали в траве какие-то диковинные цветы. С большим трудом, почти ощупью, дошел Максим до конца тропы и даже чертыхнулся от досады: перед ним было совсем другое здание. Тоже высокое, сложенное из белого камня, только на фронте его, вместо знакомой чайки, слабо светилось изображение смешного зверька, чем-то похожего на земного кенгуру. А главное — на площадке не было куста сирени. Ясно, что он заблудился.

Что же делать? Максим постарался сориентироваться. Вилла эта, видимо, тоже стояла над морем, но глухой шум прибоя едва доносился до его слуха, а запах воды почти не чувствовался. Значит, теперь он оказался выше виллы с чайкой. Зато отсюда, с такой высоты, было отчетливо видно, как далеко на горизонте вое больше разгорается яркое оранжевое зарево.

Это еще что такое? Взрыв? Пожар? Максим даже вздрогнул от неясного предчувствия. Но скоро все разъяснилось. В небе всходила «Луна», маленькая, всего в четверть лунного диска, но с очень сильным, совсем не лунным светом: она была оранжево-красной. И красноватая полоса побежала от нее по морю. Красноватый отблеск появился на белых плитах, где он стоял, белых стенах других вилл. Все вокруг стало зловеще-красным, пугающим, недобрый.

Нет, здесь не уснуть, под этой «Луной»! Да и какой сон, когда Миона, может быть, ищет его, тревожится, переживает. К тому же, вон то здание, влево, ближе к морю, очень похоже на виллу с чайкой. Только как пройти к ней? Всюду, вплоть до самого моря, оранжевел под «Луной» сплошной лес. Видимо, все здания соединялись дорожками лишь с верхним озером. Но что за беда? До озера тут рукой подать. Света теперь достаточно. Максим еще раз прикинул расстояние до выбранной виллы и, не дав себе передохнуть, помчался обратно к озеру.

Лес теперь преобразился до неузнаваемости. Призрачно-оранжевый свет «Луны» делал его фантастически прекрасным. Особенно хороши были поляны: каждый цветок, каждая травинка казались окруженными красноватым ореолом, и будто оранжевые клубы тумана теснились по опушкам леса.

На одной из полян он снова увидел роботов. Оказывается, они работали и ночью. Только теперь, кроме фиолетового фонаря, на каждом из них было еще по три огонька: белый впереди и два синих сзади. Впрочем, сейчас Максиму было не до них. Поднявшись к озеру, он прошел метров триста береговой тропой и, найдя дорожку в лес, снова помчался вниз по склону. Но этот бесконечный серпантин! Он не только удлинял путь, он мог вывести совсем в другое место.

Так оно и получилось. Тропинка привела Максима к низкому куполообразному зданию, стоящему почти на уровне моря. Узкая кольцевая дорожка обегала его со всех сторон. Низкий гудящий звук доносился изнутри. Видимо, это было какое-то техническое сооружение.

Но что это? Лес вокруг стал снова другим. Красный туманный полусвет, к которому Максим уже привык, сменился желто-зелеными тонами, и стало значительно светлее. Неужели утро?

Он продрался сквозь росистые кусты и вышел на берег моря. Здесь происходило нечто совсем невероятное. Из-за горизонта выкатилась вторая «Луна», чуть больше первой, сияющая неярким голубовато-зеленым светом. И две дорожки бежали теперь по морю: одна оранжевая, другая — цвета нежнейшей бирюзы. Все это было так красиво, что на миг Максим забыл о всех своих невзгодах. Вторая «Луна» двигалась быстрее первой, словно догоняя красную соперницу, и лесная опушка преображалась на глазах: красный свет будто уходил в глубь зарослей, прижимался к земле, а на смену ему наплывали волны аквамарина, все гуще, все сильнее...

Максим спустился к самой воде, чтобы зачерпнуть в ладонь сверкающей пены бликов, как вдруг черная тень пронеслась у его ног, и громкий истерический хохот метнулся в лицо. Он быстро отступил в тень деревьев, пристально всматриваясь в прибрежные камни: огромные синие глаза смотрели на него в упор.

Максиму стало страшно. Пригнувшись, все время оглядываясь, он вернулся к круглому зданию и, выйдя на тропу, чуть не бегом пустился вверх по склону. Теперь он сам не знал, куда и зачем идет. Только бы подальше от этого места, этого страшного чудовища. Правда, скоро он вспомнил, как Миона говорила, что на корабле нет ни одного опасного животного. И все-таки, эти глаза, этот хохот... Максим снова ускорил шаг.

А за ближайшим поворотом его ждало новое испытание. Навстречу, прямо по дорожке двигалась целая вереница роботов с толстой металлической трубой, которую они цепко держали в гибких рычагах-захватах. Максим на минуту растерялся. До сих пор он видел «божьих коровок» только издали. А как они поведут себя теперь, да еще с такой ношей? Самым разумным было сойти с дороги и встать в тень деревьев.

Но роботы тоже остановились, быстро замигали фиолетовыми фонариками. После чего один из них немного продвинулся вперед и, выдвинув два длинных коленчатых рычага, ловко открыл крышку большого люка. Два других автомата сейчас же спустились вниз. Остальные подняли трубу с помощью телескопических захватов и начали спускать ее под землю. Через минуту труба исчезла в шахте. Вслед за ней туда же спустились все роботы. Люк остался открытым. Максим не удержался и, подойдя ближе, глянул вниз. Там, на огромной глубине, освещенной лишь фонариками роботов, виднелись сложные переплетения труб, поблескивали циклопические механизмы, по которым деловито ползали оранжевые «коровки».

Но вот одна из них двинулась обратно вверх, и Максим поспешил отойти от люка. Все только что увиденное потрясло его. Несмотря на то, что он узнал от Мионы, это было слишком неожиданно — обнаружить под этим лесом, этими дорожками гигантские машины космического корабля. Какая же цивилизация, какой великий разум могли создать такое чудо? Откуда прибыл звездолет, и какая трагедия разыгралась здесь, сделав пустыми его дворцы и виллы?

Занятый такими мыслями, Максим снова вышел к озеру. Больше идти было некуда. На остров, видно, спустилась глухая ночь. Но какая ночь! Две «Луны» — оранжевая и голубовато-зеленая, — словно спеша друг за другом, плыли по черному небосводу, сплошь усыпанному золотниками звезд. Все кругом: лес, озеро, прибрежные лужайки — будто спало в хризолитовой дымке, замороженное запахом ночных цветов. Лишь искорки светлячков мелькали меж деревьев, да легкий бодрящий ветерок дул от Дворца командиров, донося звуки тихой, еле различимой музыки.

На все это можно было смотреть и смотреть. Но у Максима совсем уже слипались глаза, ноги подкашивались от усталости. Отыскав нечто похожее на широкую каменную скамью, он свернулся на ней калачиком и сомкнул глаза. Однако рядом снова послышался шорох. Максим попытался раскрыть непослушные веки. Но чьи-то теплые, тревожные ищущие руки уже коснулись его лица, легли на грудь, и запах астийского эдельвейса ворвался в полусонное сознание.

— Максим! Что с вами? Вы больны? Вам плохо? Почему вы здесь?

«Миона?...» — Он все еще не мог понять, сон это или явь. — Простите, пожалуйста. Не рассчитал времени. Ночь наступила так внезапно. А все дорожки одинаковы... — он раскрыл наконец глаза и замолчал на полуслове: Миона светилась в лунной дымке. Светилась не только ее одежда. Светилось лицо, грудь, руки. Светились прическа, кончики реев. И это было так необычно, так неожиданно красиво, что он отказывался верить своим глазам. Но на рисунке Тани, помнится, тоже было нечто подобное. Да и дядя Степан упоминал об этом.

— Но вы здоровы, невредимы? — продолжала Миона, не отнимая рук и не спуская с него встревоженного взгляда.

— Здоров, конечно! Что может здесь случиться?

— О, вы не представляете, какая опасность подстерегала вас на этих розовых дорожках. Я совсем упустила из виду, что по ночам универсальные автоматы открывают люки смотровых и ремонтных шахт. Будь у вас работающий элемент связи с Кибером, они предупредили бы вас об этом. Но я отключила ваш элемент.

— Тот, что у меня за ухом? — догадался Максим.

— Да. Я отключила его, чтобы мама не знала о вашем присутствии на корабле. И вот... — она улыбнулась сквозь слезы. — К счастью, все обошлось благополучно. Вставайте, пойдём!

— А как вы нашли меня здесь?

— Меня привел ваш индикатор, — указала она на вставленный в карман пиджака цилиндр. — Постарайтесь не терять его, Максим. По крайней мере, до тех пор, пока я не включу элемент связи. — Лицо Мионы стало очень серьезным.

— Но почему мое пребывание здесь должно быть тайной? — не удержался Максим.

— Это трудно объяснить в двух словах. Со временем вы все узнаете. И так будет недолго. Всего три дня.

— А что произойдет через три дня? Она заметно смутилась:

— Я стану совершеннолетней... Но больше никаких расспросов! Вы, наверное, не ели с утра?

— Ну, после такого завтрака...

— Не продолжайте! Идемте со мной.

— Вы покажете мою дорожку?

— Я провожу вас до вашей виллы.

— Но это слишком далеко.

— Здесь рядом есть станция фуникулера.

Они углубились в лес и не прошли десятка шагов, как Максим увидел знакомую гондолу. Он отодвинул фонарь:

— Позвольте, на этот раз повезу вас я? — Он помог ей сесть в кабину, задвинул фонарь и, нажав нужные клавиши, надавил на педаль. Гондола взвилась вверх.

— Можно и не так быстро, — сказала Миона.

Он отпустил педаль. Гондола почти остановилась. Теперь они словно парили в звездной вышине.

— А это ничего, что вы задержитесь? Вас не будут искать? — спросил Максим вполголоса.

Она заговорщически улыбнулась:

— Я выключила и свой элемент связи.

Гондола начала спускаться к морю. Внизу поплыли темные куртины леса, поляны, залитые лунным светом, тонкие, еле различимые ленты серпантина.

Максим оглянулся на Миону:

— Можно открыть колпак?

— При такой скорости можно.

Он сдвинул фонарь. Встречный ветер ударил в лицо, завладел волосами Мионы. Она придержала их рукой:

— Как нравится вам наш маленький мир?

— Трудно сказать. Здесь все так необычно...

— Мама говорит, это точная копия одного из уголков второй планеты нашей звезды Агно. Но я не видела ее. Моя родина здесь.

— Вы родились на корабле?

— Да. Тот, большой мир я знаю только по сеансам иллюзионория и рассказам мамы. Он очень красив. Однако на планете слишком мало суши. Только отдельные острова. Поэтому люди живут и на воде, и на большом спутнике — Риге. Вот этом, зелено-голубом, — указала она на небо. — Сейчас он лучший из миров Системы. Хотя вся атмосфера и вода на нем искусственные. А малый спутник — Церо заселить не удалось, там слишком высока радиоактивность, поверхностных пород. Недаром он такой зловеще-красный.

— Но где все это? Где такая звезда — Агно? — спросил Максим, глядя на незнакомый узор созвездий.

— О, далеко! Совсем в другой стороне галактики. Позже я покажу на карте вашего звездного неба. А вот и вилла! Закройте фонарь. У вас, наверное, голова кружится от голода?

— Что вы! Я и забыл о еде.

— Правда? Как странно, что вы, люди Земли, не светитесь. Это ведь очень трудно, — говорить с человеком в темноте, не видя его лица...

Гондола остановилась у знакомого куста сирени. Максим открыл фонарь. Миона легко спрыгнула на дорожку.

— А это ваш земляк, — сказала она, указывая на куст. — Я сама выкопала его совсем крохотной веточкой. Позже вы встретитесь и с другими переселенцами с Земли. Они прекрасно чувствуют себя на новой родине.

Она прошла с ним в помещение виллы, сама включила светильники, открыла вход в столовую, подняла необходимую мебель:

— Надеюсь, теперь вы не ляжете спать голодным?

— А вы уже уходите?

— Да, теперь я должна вас покинуть. До завтрашнего утра. Кстати, в наших сутках всего двадцать земных часов. Придется вам вносить поправку и каждое утро переводить стрелки вперед. Ничего другого я предложить не могу. Мы просто чувствуем ход времени. Доброй ночи, Максим. — Она протянула к нему руки ладонками вперед.

— До свидания, Миона, — он взял ее пальцы и прижался к ним губами.

Она неожиданно побледнела:

— Максим, милый! Мне приятны эти ваши... ласки. Но пока не надо. Нельзя. Наши девушки не могут до совершеннолетия переступать товарищеских отношений с мужчиной. Таков закон Системы. Не сердитесь на меня. Прощайте! — Она шагнула к стене и исчезла в ночном мраке.

Он снова остался один...

3

— А теперь я покажу вам еще одно интересное сооружение, — сказала Миона, когда на следующий день, рано поутру, они отправились на осмотр жилого сектора звездолета. — Мы зовем его Дворец астронавтов. Видите тот огромный шар? Впрочем, надо подняться выше...

— Я уже видел его из кабины фуникулера.

— О, это совсем не то! А сейчас... Вот смотрите!

Они поднялись вверх по тропинке, и оно открылось сразу во всем своем величии, это громадное здание в виде ребристого цилиндра с шаром на вершине. Сам цилиндр был сложен из голубовато-серого камня, а ребра-пилоны облицованы серебристым металлом, настолько ярким, что на них было больно смотреть. Казалось, здание прорезано полосами белого пламени. Но самым удивительным был шар. Огромный, абсолютно гладкий, цвета красной меди, он будто парил в воздухе, едва касаясь кровли здания. Диаметр его составлял никак не меньше тридцати-сорока метров, и было совершенно непонятно, как он крепится к крыше, не скатываясь с нее.

— Зачем этот шар? — спросил Максим, пораженный гигантскими размерами необычной конструкции.

— О, это не просто шар. Сейчас я расскажу вам. Только давайте сядем вот тут, над ручейком. Хотите? Так вот, изнутри шар представляет звездную сферу, какой она выглядит из летящего звездолета, а в центре помещается нечто вроде пульта управления кораблем. И звездная сфера все время меняется, имитируя различные участки Галактики, по которым как бы пролетает звездолет. В этом шаре космоштурманы отрабатывают маршрут движения корабля. Я однажды была там. Это страшно. Одно дело, когда видишь космос на экране Центра дальней связи. И совсем другое, когда он рядом, вокруг тебя, когда ты словно висишь в нем.

— А сам Дворец?

— Сам Дворец был местом отдыха, местом массовых празднеств, спортивных состязаний. Но главное — только там, во внутреннем двореке Дворца, сохранились теперь живые ингрезио. Вы знаете этот цветок. Даже дали ему свое название...

— Астийский эдельвейс! Но ведь его запах...

— Да, вы не раз сталкивались с его запахом. Так вот, астийский эдельвейс-ингрезио — это совсем особенный цветок. С ним связана целая эпоха в развитии цивилизации Агно. Сразу, как только он был выведен безвестным цветоводом Системы, цветок полюбился жителям всех миров: всех обитаемых планет и спутников, всех космических станций и кораблей. Мужчины дарили его своим любимым, женщины украшали прически и платья, пожилые люди выращивали вокруг жилищ. Ни одно празднество, ни одно радостное или печальное событие не обходилось без астийского эдельвейса.

Но скоро стало ясно, что запах цветка совершенно особенным образом действует на человеческую психику. Он усиливает чувственность, эмоциональность, располагает к мечтательности, восторженности, словом, делает человека более мягким, сентиментальным, склонным к самопожертвованию или, как говорят у вас, более душевным, добрым.

Но это неизбежно отвлекало людей от того, что диктуется трезвым разумом. А надо вам сказать, что абсолютное, безраздельное торжество разума с незапамятных времен стало краеугольным камнем нашей цивилизации. Полное подчинение чувств разуму — вот высшая мудрость системы Агно. И все это заколебалось от запаха какого-то цветка. Система заволновалась. Начались споры, дискуссии. Наконец Высший Директориум Системы специальным решением запретил астийский эдельвейс во всех мирах Агно.

Исключение было сделано лишь для галактических и внегалактических кораблей, подобных нашему. Потому что слишком долгое время экипажи их находятся вдали от родины, слишком суровым испытаниям подвергает их враждебный космос. Наши инженеры сделали даже так, что запах астийского эдельвейса возникает в момент подключения астронавта или любого другого человека к системе дальней связи, что вы не раз испытali на себе.

Что же касается миров Системы, то все ингрезио там были уничтожены, а запах астийского эдельвейса исключен даже из программ иллюзионориев. Воспоминания о нем сохранились лишь в песнях и преданиях.

— Странно. Мне всегда казалось, что этот запах делает меня сильнее, чище, способным на что-то большое...

— Но ведь это все чувства. Только чувства! Мне тоже кажется, что астийский эдельвейс помогает работать и жить. А мама смотрит на это иначе. Она полагает, что ингрезио отвлекает меня от дел, не дает стать настоящим гражданином Системы. Прежде он рос повсюду: на берегу озера, у Дворца командиров. Теперь осталась одна маленькая куртинка только здесь, во внутреннем дворике Дворца астронавтов. Но и тут в последнее время мама позволяет мне бывать лишь по праздникам. Правда, это немного смешно: ведь все автоматы, кондиционирующие воздух в моих личных комнатах, настроены на запах астийского эдельвейса, запах астийского эдельвейса имеет моя туалетная вода, мои кремы. Запах астийского эдельвейса модулируется в наших музыкальных инструментах, здесь мама уступила мне. Но живой астийский эдельвейс я смогу показать вам не скоро. Я ведь еще не гражданин Системы.

— Как так?

— Человек становится гражданином Системы, лишь достигнув совершеннолетия. Только тогда он приобретает все права и подключается к Главному киберу.

— К Главному киберу? Это еще что такое?

— Главным кибером мы называем главное кибернетическое устройство корабля, своего рода главный электронный мозг.

— Я так и подумал. Но мне не совсем понятна его роль.

— Прежде всего, это хороший хранитель наших знаний. У нас нет ни книг, ни киноплёнок, ни магнитных записей. Есть, правда, запоминающие пластинки. Но это скорее для развлечения. Вся серьезная информация накапливается, систематизируется и хранится в таких киберах. Главный кибер — наиболее полное хранилище информации.

Человек, подключенный к нему, получает возможность пользоваться всеми знаниями Системы.

— Значит, вам совсем не надо в детстве учиться?

— О, что вы говорите! Совсем наоборот. Чтобы иметь возможность подключиться к Главному киберу, надо очень много знать. Иначе тот колоссальный запас информации, который заключен в нем, просто убьет нетренированный мозг. К тому же, эта информация, как правило, очень высоких порядков.

— Понятно. Таблицы умножения там не почерпнешь.

— Вот именно. Для получения элементарных знаний на корабле существуют особые информатории, разных ступеней. И каждым заведует свой кибер. Главный же Кибер, помимо накопления информации, управляет всеми механизмами корабля, следит за состоянием воды, воздуха, биосферы, руководит работой универсальных автоматов, контролирует режим внешнего защитного поля, помогает командиру корабля составить маршрут движения в космосе и ведет корабль по этому маршруту, сообщая командиру о всех отклонениях или возникших непредвиденных обстоятельствах. Он же следит за сохранностью жизни астронавтов, как внутри корабля, так и на чужой планете, ведет строжайший учет всех энергетических и материальных ресурсов и немедленно предоставляет в распоряжение астронавтов все, что те потребуют, в соответствии с кодексом прав гражданина Системы. Но он же блокирует любые действия астронавтов, если они выходят за рамки этого кодекса.

— Но ведь понятие права может меняться. Кто определяет эти права, этот кодекс, неужели сам Кибер? Неужели вся ваша жизнь подчинена машине?

— Нет, это не так. Все астронавты подчинены Киберу. Но Кибер подчиняется командиру корабля. Одному командиру. Может, это покажется вам не совсем демократичным. В мирах Системы дело обстоит иначе. Но в условиях космического полета такая концентрация власти необходима.

— Значит, все астронавты находятся в безусловном подчинении командира?

— Они подчиняются Киберу.

— Какая разница?

— Разница есть. Во-первых, всякий командир все-таки человек, со всеми свойственными человеку слабостями. Он может, незаметно для себя, отдать предпочтение кому-нибудь одному в ущерб другому. Кибер этого не сделает. Во-вторых, командир не может предусмотреть всех мелочей, уследить за действиями сотен людей, тогда как Кибер... Простите, пожалуйста, — Миона вдруг встала и прислушалась. В голосе ее послышалась тревога. А в следующую секунду произошло нечто невероятное — солнце погасло, на остров мгновенно спустилась ночь, и мощный звуковой аккорд пронесся в темноте.

Максим вскочил с места:

— Что это, авария?

— Во всяком случае, сигнал тревоги. Но вы не пугайтесь. Просто надо вернуться к вилле. Возможна смена орбиты.

Аккорд повторился. И сразу рассвело. Узорчатые тени вернулись на скамью. Веселый зайчик, как прежде, запрыгал в ручейке. Максим снова сел. Однако Миона схватила его за руку:

— Бегом, Максим! Надо спешить.

— Но, кажется, все прошло. Или я не совсем понял...

— Точнее, ничего не поняли. Но после, после! Ни о чем не спрашивайте, бежим! — торопила она, увлекая его к станции фуникулера.

Через минуту они были уже в вилле с чайкой. Здесь Миона бросилась к красной кнопке и открыла комнату, в которой оказался какой-то странный механизм, напоминающий зубо врачебное кресло. Миона подтолкнула Максима к нему:

— Садитесь удобнее. Все остальное сделают автоматы. Прощайте! Я спешу. У меня свои обязанности по тревоге. Позднее вызову вас к экрану ближней связи. — Она быстро вскинула руки вверх и исчезла в проеме стены.

Стена тотчас сомкнулась. И прежде чем Максим успел что-либо сообразить, властная сила прижала его к «креслу», плотные захваты щелкнули на груди и ногах, легкое головокружение затуманило мозг, и он понял, что теряет собственный вес. Странное, никогда не испытанное чувство невесомости миг лишило его всякой опоры, сделало беспомощным, как пловца, попавшего в водоворот.

Но «кресло» держало цепко. Временами казалось, что только оно одно и составляет реально существующую твердь, ибо не было уже ни верха, ни низа, ни потолка, ни стен. Что происходило с кораблем? Максим уже не на шутку встревожился за его судьбу, когда новое головокружение вернуло все на место, и он снова почувствовал вес. Та же властная сила опять вдавила его в «кресло», и захваты разошлись. Стена раздвинулась. Он вышел в шестигранный зал.

И сразу зазвучал сигнал ближней связи. Максим бросился к клавише в полу. Стена над ней исчезла. За ней оказалась просторная комната, где в кресле перед каким-то прибором сидела Миона. Она тотчас встала и пошла ему навстречу. На лице ее не было и следов тревоги.

— Как вы себя чувствуете? — сказала она, по обыкновению протягивая руки.

— Прекрасно. Но что произошло? — он быстро шагнул к ней и... больно стукнулся плечом о невидимую преграду.

— Максим! Как вы неосторожны! Это всего лишь экран.

— Экран? Да, конечно. Но просто невозможно поверить...

— Даже получив такой удар? — она вдруг рассмеялась, впервые за все время, что он знал ее, и сразу стала проще, доступнее, роднее.

— Даже услышав ваш смех, — сказал он, окончательно оправившись от неловкости. — Так что случилось, Миона?

— Пустяки! Только сейчас я... Впрочем, вот что, сегодня вечером, часов в шесть по вашему времени... Кстати, вы не забыли перевести стрелки?

— Ровно на четыре часа.

— Так вот, сегодня вечером я приглашаю вас погулять у озера. Приезжайте к арочному зданию у водоспуска. Знаете?

— Да, я там был.

— Фуникулер — сектор «Озеро», шестая клавиша слева. Там я расскажу, чем была вызвана тревога. А сейчас мне необходимо отключиться. Всего вам доброго. Изображение исчезло. Перед Максимом вновь была холодная каменная стена.

4

— Так знаете, что было причиной сегодняшней тревоги? — сказала Миона, когда они встретились у арочного здания. — Это ваши земляки задали работу Киберу. Вчера с Земли стартовала ракета в сторону Венеры.

— Что вы говорите! Это же замечательно, просто здорово!

— Да, я рада за вас. Но трасса ракеты пересекала траекторию звездолета.

— Могло произойти столкновение?

— Нет, до столкновения было далеко. Но, проходя в достаточной близости от корабля, ракета могла обнаружить его своими приборами, что, как вы понимаете, ни в коем случае не входит в наши планы. Пришлось уступить ей дорогу... Я не стала этого рассказывать по каналу ближней связи, чтобы не привлечь случайно внимания мамы.

— Она все еще не знает о моем присутствии на корабле?

— Вас это очень тревожит?

— Не то чтобы очень...

— Мне и самой неприятно, Максим. Но еще два дня. Только два дня! Тогда я сама ей все скажу. Не печальтесь об этом, пожалуйста. Лучше взгляните сюда, на этот поток. Вы обратили внимание на скульптурную фигуру, там, наверху?

— Да, я сразу понял, что здесь ваши соотечественники спускались на чем-то вроде лыж.

— Верно. Только эти «лыжи» больше сходны с земными судами на воздушной подушке. И молодые люди не просто спускались на них, а неслись с ужасающей быстротой. Я видела это в иллюзионории. Удивительной красоты зрелище! И, должно быть, ни с чем не сравнимое ощущение. На огромной скорости они вырывались прямо в море и уносились далеко-далеко, вплоть до... Видите, вот там, под Риго, словно белая пена?

— Да. Что это, остров или какое-нибудь сооружение? Кстати, я давно собираюсь спросить, почему на корабле так много каменных построек. Ведь это такая тяжесть! А для космического корабля...

— А космический корабль в вашем понимании должен быть воплощением легкости? Но это потому, что вы не научились еще управлять силами гравитации. Для нас проблемы массы не существует. Так же, как и проблемы энергии. Иначе нас не было бы здесь. Что же касается камня, то он красивее металла... Впрочем, там, в море, нет никаких сооружений. Там просто отмель. Но сплошь заросшая цветами. Их называют аулоро. Все их стебли и листья под водой. На поверхности лишь бутоны. Но какие бутоны! Белые, как ваш снег, и хрупкие, как стекло. А стебли алые. Словом, это удивительно красивый цветок. Здесь, на корабле он растет лишь на той отмели. Я никогда не держала его в руках, даже не видела вблизи. Вернее, видела только в иллюзионории. Дело в том, что отмель Аулоро отделяется от берега очень сильным течением, а никакого другого пути туда нет.

— Как же так получилось? Сломалось что-нибудь?

— Нет, все это специально сделано. В прежние времена наши молодые мужчины считали за честь достичь на «лыжах» такой скорости, чтобы прорваться сквозь течение и возвратиться к берегу с цветами аулоро. Здесь их встречали как героев. А они дарили цветы своим подругам. Славный, чудесный ритуал! Как я хотела бы жить в то время.

— Но как они преодолевали течение на обратном пути? — заинтересовался Максим.

— Тут есть один секрет. Как только нога человека коснется отмели, течение автоматически отключается. На две-три минуты. За это время можно нарвать цветов и выйти из зоны течения.

— Интересно. А девушки ждали их тут, у арки?

— Да. В такой день вся эта площадь у фонтана была заполнена людьми. А они поднимались с цветами вот здесь, по тропинке, что идет вдоль водоспуска... Жаль, что я не могу еще показать вам этого. Но как только меня подключат к Киберу...

— Пойдите, вы ведь и сейчас соединены с Кибером через элемент связи. И даже я... — Максим похлопал себя по виску.

— Ах, это? — она коснулась родинки на шее. — Это совсем другое. Это — как колокольчик, что подвешивают у вас в тайге на шею корове...

— Чтобы Кибер мог пасти обладателя такого элемента?

— По крайней мере, мог принять соответствующие меры в случае прямой опасности или информировать тех, кто заботится о таких «обладателях». А полноправный гражданин Системы, вступая в двустороннюю связь с Кибером, в какой-то мере может даже командовать им, просить его что-то сделать...

— Затребовать у него любую информацию?

— Да, в мирах Системы именно так. Но экипажи космических кораблей находятся в несколько ином режиме. То есть возможности у них почти такие же. Объем знаний нашего Кибера колоссален. Но, как я уже говорила, здесь он всецело подчиняется командиру корабля. И командир может дать ему любой приказ, в том числе и на ущемление некоторых прав, на ограничение объема общедоступной информации.

— Командир корабля, то есть ваша мать?

— Да, сейчас Кибер подчиняется ей.

— Понятно...

— Но в космосе иначе нельзя, Максим.

— Однако сейчас вы не в глубинах космоса.

— А при контакте с чужой планетой тем более. Особенно, если она населена разумными существами.

Эти последние слова хлестнули, как удар пощечины.

— Ну да, Земля для вас всего лишь чужая планета, а я — случайный представитель неких «разумных существ», — проговорил Максим, не скрывая обиды.

— Объективно это так. По крайней мере, для Кибера. И может быть, для мамы.

— А для вас?

— Для меня иначе. И мы еще поговорим об этом. Во всяком случае, я не всегда и не во всем согласна с мамой. Я люблю Землю. Люблю людей Земли. Люблю их искреннюю непосредственность, их красивые чувства. Я больше землянка, чем человек Системы. И это главное, с чем не может примириться мама.

— Вот оно что! Понимаю...

— А сейчас пойдете, проводите меня до фуникулера.

— Уже?!

— Так надо, Максим. И мы не увидимся теперь целых два дня. У меня будет занята каждая минута. Это очень не просто — подключиться к Киберу. Я даже боюсь немного... Зато через два дня утром вы придете на мой праздник. И познакомитесь с мамой. Доброй ночи, мой друг, — Миона захлопнула фонарь гондолы и мгновенно скрылась из глаз. Она была явно взволнована и озабочена.

Каково же было Максиму? Оба последующие дня его не покидало чувство тревоги. Было совершенно ясно, что он попал на корабль без ведома и, возможно, против воли старой инопланетянки. Она почему-то не любила его, а может быть, и все человечество Земли. Она даже дочь свою, как видно, тиранила за то, что та благосклонно относилась к землянам. Теперь Максим не сомневался, что это ее деспотизм побудил в свое время Миону молить о помощи, что это она запретила Мионе даже думать о нем, Максиме, и это по ее злой воле он сам чуть не погиб на Зубе Шайтана.

И вот послезавтра, в день своего рождения, Миона, видимо, прямо объявит ей о присутствии Максима на корабле. Объявит потому, что отныне старухе, очевидно, уже нельзя будет безраздельно командовать дочерью, как то было прежде. Но значит ли это, что теперь Миона вольна станет поступать, как ей заблагорассудится? Едва ли. Скорее всего, старуха начнет хитрить, действовать исподтишка. Она, конечно, не потребует немедленного изгнания Максима с корабля. Зачем ей ссориться с единственной взрослой дочерью? Она постарается сделать так, чтобы он сам покинул звездолет, создаст невыносимые для него условия, заставит служить этой цели всю свою сверхавтоматику.

Ну, что же, он и не станет здесь задерживаться. Единственно, что привлекло бы его на корабле, это те гигантские знания, какими, несомненно, обладают инопланетяне. Как нужны были бы они Земле! Но не очень, похоже, тут расщедятся на эти знания. Мионе самой будет доступна лишь самая элементарная информация.

Словом, наплевал бы он на старушку вместе со всеми ее роботами и киберами. Но расстаться с Мионой, о которой он мечтал с детства, которую любил и искал всю жизнь — это будет свыше всяких сил. Да, он покинет звездолет хоть сейчас. Только вместе с Мионой. Только с ней вдвоем!

Но как отнесется к этому сама Миона? Захочет ли она уйти с ним? Сможет ли жить на Земле? Ведь он не знает о ней абсолютно ничего. Ни ее вкусов, привычек, ни ее образа жизни. Что, если она лишь внешне похожа на женщину Земли? Что, если у нее совсем иной склад мышления, иные чувства, иная физиология?

Нет, этого не может быть! Она тоже любит его. Он это чувствует. Она любит его давно. Только мать ее до сих пор не давала им соединиться. Но теперь она не разлучит их.

Теперь их не разлучит никто и никогда. И он сразу даст понять это старой инопланетянке. Только как это сделать? Как показать ей, что он любит Миону больше жизни?

Кстати, ко дню ее рождения надо бы обязательно приготовить какой-нибудь подарок. Тоже проблема! С Земли он не захватил абсолютно ничего. А все, что можно найти здесь, и без того принадлежит Мионе. Вот если бы он смог достать ветку аулоро! Это, несомненно, доставило бы ей удовольствие. А главное — она сама сказала — именно этот цветок дарили мужчины Агно своим подругам. Только сможет ли он преодолеть проклятое течение? А почему не попробовать?...

И вот, день спустя после разговора с Мионой, он снова пришел на открытую площадку у арочного здания. Море раскрывалось отсюда во всю ширь, и теперь, в свете дня, было отлично видно, как далеко от берега сквозь бирюзовую гладь воды просвечивают Пурпурные заросли аулоро. До них было не больше трехсот метров. Но Максим прекрасно видел, как вода близ отмели кипит от бесчисленных бурунов. Нечего было и думать прорваться сквозь такое течение просто так, без всяких приспособлений.

Впрочем, оставалась одна надежда. Судя по бурунам, течение захватывало лишь поверхностную полосу воды шириной в два-три десятка метров. Следовательно, если нырнуть глубоко вниз, то можно попробовать миновать опасную зону под водой.

Итак, за дело! Он прикинул еще раз расстояние между берегом и отмелью и начал спускаться вниз, к морю. Но тут его ждало новое затруднение. Отмель была слишком далеко, а море штормило. Здесь внизу, с кромки берега, с трудом можно было различить лишь самые макушки цветов, а стоит сойти в воду, исчезнут и они. Как же плыть? Как выдержать на таком расстоянии направление почти в точку?

К счастью, Максим вспомнил, что как раз на отмель нацелен створ озерного водосброса. Это уже кое-что! Он прошел по берегу к самому устью лотка и еще раз выверил направление: ось лотка смотрела прямо на отмель. Тогда он бросился в воду и, не раздумывая больше ни минуты, поплыл по бурному морю.

Плыл Максим не спеша, стараясь не устать, и часто оглядываясь, чтобы как можно точнее выдержать направление. Берег отступал медленно. Ветер дул прямо в лицо. Сильная зыбь заливала рот, слепила глаза. Но Максиму и в голову не приходило отказаться от задуманного. Метр за метром резал он бирюзовые волны, пока не поднялась над ними пышная пена белоснежных аулоро.

А вот и течение. Он почувствовал его сразу, еще до того, как увидел кружево бурунов и услышал предательское шуршание струй. Отмель была совсем рядом. Он мог различать уже отдельные венчики цветов. Итак, будь что будет! Максим набрал в легкие побольше воздуха и, нырнув прямо вниз, сильно заработал руками и ногами. Тело послушно пошло на глубину.

Через секунду он открыл глаза и глянул вниз. Дно было совсем рядом. Ровное, с чистым песком и мелкими камешками, оно оставалось неподвижным. Значит, течение не проникало сюда. Теперь вперед! Еще вперед. Вот дно пошло уже на подъем. Вот что-то краснеет там, вдали. Сделав последний рывок, он свечой пошел вверх и вскоре вынырнул на поверхность.

Море под ним было почти спокойно. Течение осталось позади. И ветер стих. А совсем рядом, всего в нескольких метрах от него высилась над водой гигантская клумба цветов, будто подсвеченная снизу пурпурным заревом. Ветер покачивал хрупкие, будто из тончайшего фарфора колокольчики, и чудесный запах, напоминающий запах лесных ландышей, плыл над морской гладью. Максим подплыл к самой «клумбе», спустил ногу вниз. Здесь оказалось совсем не глубоко, едва по грудь, и вода была значительно теплее, чем на глубине. Он подошел вплотную к зарослям. Кусты аулоро напоминали веточки красных кораллов, но были гибки и упруги, а главное, будто светились изнутри.

Он оглянулся назад. Море было без бурунов. Значит, течение прекратилось, Миона была права. Но так будет всего несколько минут!

Быстро выломив несколько веток, Максим, не теряя времени, поплыл обратно к берегу. Настроение у него сразу изменилось. Все-таки он добился своего. Несмотря на всю здешнюю автоматику. Теперь даже встреча со старой инопланетянкой не казалась такой страшной. Но больше всего радовала возможность подарить Мионе аулоро. И все-таки — что-то ждет его завтра?...

5

И вот это завтра наступило. Оно началось с неожиданно раннего вызова к экрану ближней связи. Максим только что успел позавтракать, как знакомый аккорд пронесся в вышине, заставив его вздрогнуть от волнения. Он поспешно привел себя в порядок, нажал клавишу в полу. Стена тотчас исчезла, и Миона, счастливая, радостно возбужденная, встала ему навстречу:

— Доброе утро, Максим! Поздравьте меня. Сегодня самый большой праздник в моей жизни. Отныне я полноправный гражданин системы Агно! — она подошла к самому экрану и протянула руки, словно желая передать Максиму часть своей радости.

Трудно было не залюбоваться ею в эту минуту. Трудно представить, чтобы природа могла создать что-то более совершенное и прекрасное. Весь праздничный наряд Мионы состоял из простого белого платья, чуть приталенного зеленым пояском, и небольшой связки изумрудов, стягивающей пышный ворох волос на голове. И это все, если не считать легких туфель, едва скрывающих кончики пальцев на ногах. Казалось, главное, если не единственное, назначение ее одежды заключалось в том, чтобы как можно меньше скрывать истинную красоту фигуры.

— Я рад за вас, Миона, — сказал Максим, невольно заражаясь ее счастьем.

— Спасибо, Максим. Мне очень дорого ваше участие. А сейчас садитесь в фуникулер и приезжайте во Дворец командиров. Мы с мамой будем ждать вас.

— Вы все рассказали ей?

— Да.

— И что она?

— Дала хороший урок, как должен держать себя в подобной ситуации истинный гражданин Системы: ни взглядом, ни жестом не показала своего удивления или недовольства, не подняла даже глаз от вводной системы Кибера, за которой сидела в тот час. Единственными словами ее были: «Но я смогу уделить землянину лишь очень немного времени». Так что мы ждем вас.

— А ваша мать... Она тоже говорит на русском языке?

— Лучше меня. Как и на большинстве языков Земли. Но не будем терять времени. Я иду во Дворец. До скорой встречи, — она снова протянула к нему руки. Экран погас.

Максим быстро сбежал по лестнице к морю. Ветки аулоро были все там же, где он спрятал их вчера в прибрежных камнях, и стали, кажется, еще богаче и краше. Но когда он раздвинул камни, то увидел, что хрупкие кустики уже прицепились ко дну тонкими белыми корешками. Неужели снова губить их? Нет, пусть хоть один останется здесь, в память об этом дне.

Максим осторожно отделил три веточки и вернулся к вилле. Всего минута понадобилась ему на туалет. Еще минута на то, чтобы переодеться в праздничный костюм и занять место в гондоле. Пора! Он попробовал вспомнить две-три фразы из тех, что приготовил вчера, мысленно обращаясь к старушке. Но не смог припомнить ни одного слова и понял, что лучше отдался на волю обстоятельств.

Гондола взвилась в воздух и уже через несколько секунд скользнула на широкую площадь перед Дворцом командиров. Он не без робости ступил на белые с золотистыми блестками плиты. С площади к Дворцу вела красивая каменная лестница. Над ней вздымалась колоннада обширного портала. Максим поднялся по гладким золотисто-белым ступеням и остановился меж колонн. В глубине портала, как всюду на корабле, не было видно ни дверей, ни окон, но всю переднюю стену здания занимал гигантский барельеф мужской

фигуры, сжимающей в ладони массивный зеленовато-белый шар, вокруг которого вращалось несколько мелких бирюзовых шариков. То было, видимо, символическое изображение системы Агно.

Торжественная тишина и отсутствие всякого движения невольно заставляли замедлить шаги. Но стоило Максиму пройти линию колонн, как вся стена перед ним исчезла, открыв огромный круглый зал, размеры которого трудно было оценить, поскольку освещалась лишь центральная его часть. Свет падал сверху, очевидно, из круглого окна в кровле здания, но почему-то не рассеивался, а стоял в виде огромной световой колонны, отчего стены зала тонули в густом мраке.

Не увидев никого из хозяев, Максим подошел к столбу света и ступил на освещенную часть пола. Тотчас мощные музыкальные аккорды раздалась где-то в вышине помещения, а через секунду будто гигантские окна раскрылись в крыше здания: лавина света залила огромный зал, осветив его белые стены с массивными параллелепипидальными пилонами из прозрачного золотисто-розового камня и высокий сводчатый потолок цвета здешнего неба. Зал был абсолютно пуст. Ни единой статуи, барельефа или картины, ни каких-либо люстр или канделябров. Идеально чистые стены. Идеально чистый потолок. Можно было лишь гадать, как освещается этот удивительный холл.

Максим обвел взглядом странное помещение, не представляя, откуда могут появиться хозяйки дворца, и даже вздрогнул от неожиданности: они были уже перед ним — две прекрасные молодые женщины с одинаково вскинутыми руками ладонями вперед и чуть запрокинутыми вверх лицами. Одна из них была Миона. А другая...

Не раз и не два пытался Максим представить себе старшую инопланетянку, рисуя ее в воображении то сравнительно молодой, но уже увядшей, надломленной невзгодами женщиной, то гордой, сильной, могучей душой и телом амазонкой, то даже дряхлой, согбенной старухой. Но то, что он увидел в действительности, просто не укладывалось в сознании. Такому невозможно было поверить. Перед ним стояли два совершенно одинаковых юных создания. И не зная он Мионы, не было бы никакой возможности решить, кто из них мать, кто дочь. Одинаковы были их черты лица, рост, фигуры. Одинаковы были позы, цвет волос и глаз. Одинаковы были свежесть, обаяние, женственность. Разница виделась лишь в одежде. Если Миона была все в том же белом платье, платье старшей инопланетянки было густо-синим, цвета индиго, стянутым по талии поясом из золотисто-рубиновых камней. Такие же камни, сцепленные тонкой вязью бриллиантов, сдерживали пышный узел ее прически.

Максим сделал шаг вперед, молча поклонился. Женщины опустили руки. Музыка смолкла. Мать Мионы приблизилась к Максиму, коснулась его плеча:

— Дорогой землянин! Мы рады приветствовать вас от имени старших братьев по разуму из далекой системы Агно. Мы счастливы предложить вам гостеприимство на борту галактического корабля Ао Тэо Ларра, являющего собой частицу всех шести планет Системы. Вы будете иметь возможность пользоваться всеми благами нашей цивилизации и познакомиться со всеми накопленными Системой знаниями, за исключением тех, какие могут принести вред слишком несовершенной цивилизации Земли. Мы сделаем все, чтобы ваше пребывание здесь было приятным и полезным. Вы сможете оставаться у нас столько, сколько найдете нужным. Но достаточно будет малейшего вашего желания, чтобы мы возвратили вас на родную планету. Я сама, к сожалению, не смогу уделить вам много времени. Но моя дочь значительно свободнее меня. Она познакомит вас с кораблем, научит пользоваться нашими источниками информации. Ваше пребывание здесь не будет регламентировано никакими ограничениями, кроме тех, какие налагает на всех нас Главное кибернетическое устройство корабля. Однако, когда вы захотите покинуть нас, я буду просить вас выполнить три неперемennых условия: вы не возьмете на Землю ни одного предмета внеземного происхождения, вы сохраните в тайне нахождение звездолета на орбите, вам не будет разрешено повторное возвращение на корабль. С моей дочерью вы знакомы. Ваше имя мне известно. Меня зовут Этана. Мы всегда будем рады

оказаться вам полезными, — закончила она с улыбкой, отходя к Мионе, и Максим понял, что разница между ними отнюдь не ограничивается одеждой. Если Миона, радостно взволнованная, счастливая, чуть смущенная, напоминала нежный, только что распустившийся цветок, сотканный из одного солнечного цвета, то Этана, столь же юная, цветущая, столь же непостижимо прекрасная, как и ее дочь, казалась высеченной из глыбы сверкающего льда. И в улыбке ее, безукоризненно вежливой, даже благожелательной, даже обворожительной, был холод космических глубин, загадочных и беспощадных.

Но это ледяное «радушие» вернуло Максиму уверенность в себе:

— К сожалению, я меньше, чем кто-либо, могу претендовать на право говорить от имени всего человечества, — сказал он, глядя прямо в глаза гордой инопланетянке. — Но прошу вас верить, что и нашей «слишком несовершенной» цивилизации не чуждо чувство благородства и достоинства.

— Высота цивилизации измеряется не глубиной чувств, а могуществом разума, — холодно возразила Этана.

— Мне кажется, это не совсем так... — возразил Максим.

— Вы полагаете? — насмешливо улыбнулась инопланетянка.

— Да. И, возможно, смогу убедить вас в этом.

— Вы — нас?! — Казалось, ледяная метель взметнулась в глазах Этаны.

Но и Максимом овладел уже знакомый прилив упрямой злости:

— Да, вас. Если вы найдете время выслушать меня.

— Вы считаете, это что-то добавит к тому, что я уже знаю о Земле и ее обитателях?

— Я надеюсь на это.

— Любопытно... Но вы, наверное, слышали, что сегодня у нас праздник?

— Да, и потому я позволю себе, по нашему земному обычаю, поздравить Миону и подарить ей в этот день то, что, кажется, доставит ей хоть небольшую радость. — Он подошел к Мионе и, поцеловав ее в щеку, подал цветущие ветки аулоро.

— Аулоро! — воскликнула Миона, вся вспыхнув от смущения и радости. — Спасибо, Максим, — прошептала она чуть слышно, прижимая к груди подарок.

Этана снисходительно улыбнулась. Но Максим успел заметить, что ей едва удалось скрыть удивление и досаду, видимо, она не ожидала ничего подобного. Впрочем, это продолжалось доли секунды. В следующее мгновение она обратилась к нему с прежней ледяной улыбкой:

— А теперь, по обычаю нашей Системы, я попрошу вас пройти к дереву мудрости и принять участие в ритуале, который по традиции совершается у нас, когда молодой человек становится гражданином Системы.

Они вышли через противоположную стену здания в сад и остановились у невысокого дерева с крупными розовато-коричневыми плодами. Миона сорвала один из них.

— Плод дерева мудрости, — сказала Этана, — может сорвать лишь совершеннолетний гражданин Системы и оделить им только самых близких ему друзей. „45

Миона снова порозовела от смущения. Но тут же разломила плод на три части и подала одну из них матери, другую Максиму.

Максим надкусил плод. Он оказался вяжущим и горьким, точно яблоко-дичок, но стоило проглотить его, как мозг начал работать как-то особенно четко, мысли приобрели небывалую законченность и ясность.

Несколько минут прошло в молчании. Глаза Этаны чуть смягчились, на миг в них мелькнуло что-то похожее на грусть. Она подошла к Мионе и положила ладони ей на голову:

— Отныне мы равны, Миона. Во всем без исключения. Сегодня утром ты в последний раз назвала меня мамой, а я тебя дочкой. Теперь ты пойдешь своим путем. Будь счастлива, Миона!

— Благодарю тебя, Этана.

Две женщины на мгновение прижались лицами друг к другу, и Этана быстро отошла от дочери:

— Прощайте, друзья. Теперь я должна покинуть вас обоих и заняться неотложными делами. — Она протянула к ним руки ладонями вперед и скрылась за деревьями сада. Миона подняла на Максима огромные, наполненные слезами глаза, смущенно улыбнулась:

— А сейчас я приглашаю вас к себе, Максим, — сказала она, по-прежнему прижимая к груди цветущие ветки аулоро.

Они вышли из сада, спустились с дворцового холма, поросшего с этой стороны густым лесом. Миона молчала, лишь время от времени бросая на Максима смущенно-радостные взгляды. Он тоже не говорил ни слова, все еще под впечатлением встречи со старшей инопланетянкой. Впрочем, путь оказался недлинным. Лес скоро расступился, открыв широкую поляну с небольшой красивой виллой из желто-белого камня.

— Это и есть мое гнездышко, — сказала Миона, пропуская Максима в уютный внутренний дворик. — Видите, сколько здесь всего земного. Вот ваши гладиолусы, пионы, даже куст жасмина. Здесь, на корабле, есть цветы и с других планет, привезенные в Систему нашими астронавтами. Кстати, аулоро тоже не наш. Но какая это прелесть! — она склонилась над небольшим бассейном и бережно укрепила там ярко-алые ветки чужанина. — Пусть растет и напоминает о вас. Вы доставили мне такую радость! — она встала. — А теперь позавтракаем, как это принято у вас на Земле. Пройдемте сюда, — Миона провела Максима в небольшое помещение овальной формы, сплошь задрапированное белой шелковистой тканью.

Несколько вазонов с цветами стояло здесь вдоль стен. Массивный клавишный инструмент возвышался слева у входа. А в центре комнаты стоял, круглый стол, уставленный незнакомыми Максиму яствами в красивой золотисто-розовой посуде.

— Садитесь, Максим. Я нарочно устроила все это немного по-земному. Но угощать вас буду только нашими блюдами. Согласны?

Он устроился в удобном мягком кресле. Она села напротив:

— Мы не пьем напитков вроде ваших вин. Но у нас есть много тонизирующих плодов и ягод... Нет, это не то, что плоды дерева мудрости! — рассмеялась Миона. — Там большую роль играет ритуальная сторона. А попробуйте вот это...

Сочная мякоть крупных янтарных ягод в самом деле действовала подобно вину: чувства обострились, исчезала скованность, все начинало казаться более легким, доступным. Но мозг продолжал оставаться ясным, даже, пожалуй, яснее обычного.

Миона тоже проглотила несколько ягод. Глаза ее заблестели ярче. Она встала и пересела ближе к Максиму:

— Максим, милый! Пусть вас не расстраивает холодность Этаны. Так принято там, в мирах Системы. Я сама цепенею, когда вижу это в иллюзионории. Но сегодня, сейчас, я хочу, чтобы ничто не омрачало вашего настроения. Скушайте вот это, — она пододвинула к нему вазочку с тонко нарезанными дольками какого-то фрукта, взяла кусочек себе.

Так они просидели с полчаса. Потом Миона встала и подошла к музыкальному инструменту:

— Я сыграю вам ту звездную симфонию, которую вы слышали давно-давно на Лысой гриве. Хотите? Тогда садитесь вот сюда, — она усадила его в кресло возле инструмента и села за клавиши.

Максим не сводил с нее глаз. Миона взяла несколько нот. И сразу исчезло все — стены, цветы, праздничный стол. Мощные, непередаваемой красоты аккорды, переплетаясь с волнами чудесного запаха астийского эдельвейса и непрерывно меняющимся освещением комнаты, разом унесли его в далекое детство, и он будто снова увидел яркие, чуть подрагивающие в холодной ночи звезды, черный провал озерной котловины, радужное кольцо света в крошечной темноте. Но теперь сверх всего этого, затмевая и ночь, и звезды, и тьму, и вспышки света, затмевая все на свете, сияли зелеными сполохами глаза

той, что сидела сейчас перед ним, управляя этой волшебной аромато-светомузыкой. В ней одной воплотился сейчас для него весь мир, вся вселенная, свет всех звезд, дыхание всего живого.

Но вот звуки смолкли. Миона, бледная, с высоко вздымающейся грудью и широко раскрытыми глазами, положила руки на колени и опустила голову к лавишам. Максим встал, подошел к ней сзади, осторожно коснулся губами ее волос:

— Миона...

— Максим, — прошептала она, еще больше опуская голову на грудь.

— Я хотел сказать, Миона, что всю жизнь, с той самой ночи, на Лысой гриве, я любил только вас одну...

— Я знала это, Максим. Знала всегда. Знала, еще не понимая, что это значит. Знала одна. И все это время... Столько лет! Ждала этой минуты. — Она подняла голову, порывисто встала, обернулась к Максиму и прижалась лицом к его лицу...

6

— Видите, как это кошмарно далеко — от нашей звезды до вашего Солнца, — сказала Миона, выключая экран, где только что проектировался гигантский завиток Галактики.

— Как же вы оказались на Земле? И остались вдвоем с матерью? — спросил Максим.

— Сейчас вы увидите и это. — Миона провела его в дальний угол комнаты, где в пол была вделана небольшая площадка из голубого гофрированного металла, и указала на нее — : Встанем сюда. И постарайтесь не терять равновесия. Будем спускаться.

Действительно, едва они ступили на площадку, как та, дрогнув, пошла вниз и плавно опустила их в большой круглый зал.

Зал этот располагался, видимо, где-то глубоко в недрах корабля и напоминал огромный полый шар. Здесь все было черным. Черным, будто покрытым густым слоем сажи, был вогнутый, без единого шва или трещины пол. Черными были идеально гладкие сферические стены. Черным был высокий сводчатый потолок. Лишь небольшой матовый светильник высоко вверху скупое освещал это мрачное пустое помещение.

Впрочем, едва они прошли в середину зала, как свет усилился и снизу поднялись два глубоких мягких кресла.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала Миона, усаживаясь в одно из них. — Только ботинки придется снять... Теперь положите руки на подлокотники и откиньте голову, — она сделала какое-то неуловимое движение, и Максим почувствовал, как руки и ноги сжали тугие «ластичные захваты, а на голову опустился тонкий металлический обруч.

— Вот и все, — продолжала Миона, руки и ноги которой также были стянуты кольцами из серебристого пластика. — Мы с вами в нашем главном иллюзионии. В принципе, это нечто подобное земному кинематографу. Там у вас тоже искусственный внешний раздражитель действует на органы чувств человека: зрение и слух. Но можно ведь добавить к этому, скажем, ощущение запаха. Почему бы, сидя в вашем кинотеатре и видя, к примеру, цветущую черемуху, не ощущать одновременно и ее аромат?

— Со временем, видимо, так и будет, — сказал Максим.

— Так вот, наш иллюзионии действует одновременно на все без исключения органы чувств, включая осязание, ощущения вкуса, словом, все-все. Есть и еще одно отличие. В вашем кино действие разворачивается по определенному, заранее составленному сценарию, и действующие лица повторяют все время одни и те же реплики. У нас, в иллюзионии, действующее лицо просто живет, черпая соответствующую информацию из хранилищ Главного киберы. Поэтому при желании вы можете поговорить с ним на любую интересующую вас тему, поспорить, попросить сводить в интересное для вас место, познакомить с нужными вам людьми, реально живущими или жившими в любое отдаленное от нас время.

— А если у Киберы не окажется соответствующих данных?

— Тогда ваш собеседник скажет, что он чего-то не знает, не помнит или не может сделать. Это то, что принято называть у вас документальным фильмом. Но можно настроить иллюзионории на какой-то вымышленный сценаристом художественный сюжет. В таком случае сам автор закладывает в Кибер соответствующую программу. Возможности такого «фильма» уже. Но и в этом случае вы можете вмешаться в действие так, как вмешались бы в жизнь реально существующих людей. Со всеми вытекающими отсюда последствиями, — улыбнулась Миона. — Так что не вздумайте, к примеру, прыгнуть вниз головой со скалы. Физически с вами ничего не произойдет. Но психика переживет весь комплекс соответствующих эмоций. Впрочем, сейчас я попрошу вас ни во что не вмешиваться. Только смотрите и слушайте. Речевое сопровождение будет синхронно переводиться на русский язык. Я буду с вами. Только не говорите со мной громко. Вы готовы?

-Да

— Включаю генераторы. Сейчас мы окажемся в центре управления кораблем. Не пугайтесь, пожалуйста.

Светильник погас. На мгновение зал погрузился в темноту. Только профиль Мионы слабо фосфоресцировал в сплошном мраке. Но вот тьма рассеялась, и Максим увидел, что это уже не прежний зал, а небольшое овальное помещение, сплошь облицованное приборными панелями, где мигали, струились, перескакивали с места на место тысячи разноцветных огоньков. В передней части помещения перед большим светящимся экраном сидел в кресле высокий седой мужчина с тонким чрезвычайно усталым лицом. Сзади, за его спиной, бесшумно двигались два оранжевых робота. Руки мужчины лежали на клавиатуре приборного щита. Длинные рычаги роботов то поворачивали различные маховички, то поднимали или опускали тумблеры приборов.

Но не это больше всего удивило Максима. Больше всего поразило его то, что они с Мионой совершенно свободно стояли на полу, словно за секунду перед этим и не было никаких кресел с их кольцами и захватами. А главное, что оба они были снова обуты: Миона в свои обычные туфли, а он в какие-то легкие сандалии из мягкой эластичной ткани. Все это просто не укладывалось в сознании. Он вопросительно взглянул на Миону, но та сразу взяла его за руку:

— Сядем вот здесь, за этими пилонами, — шепнула она, увлекая Максима в дальний угол помещения. — То, что вы видите, произошло тридцать лет назад. Сейчас глубокая ночь. А в кресле командира корабля, перед экраном, — мой отец.

— Ваш отец?!

— Тише. Смотрите. Смотрите!

Командир поднял голову от пульта, нажал на небольшой рычаг. Экран сразу потемнел, а в центре его, в золотистой россыпи звезд, ясно проступил яркий голубой диск с темными провалами морей, желто-зелеными пятнами материков, причудливыми нагромождениями облаков.

Командир устало откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза рукой. Стало совсем тихо. Лишь какой-то прибор отстукивал ровные промежутки времени, да медленно, очень медленно поворачивался на экране диск планеты.

Но вот командир тряхнул головой, положил руку на одну из клавиш:

— Этана!

Максим вздрогнул. Ведь кроме них троих в помещении не было никого. Но в следующее мгновение на пульте вспыхнул небольшой экран связи:

— Иду, дорогой. Только уложу Миону.

— Не надо, зайди с ней.

Через минуту в Центр управления вошла Этана, точно такая, какой он видел ее вчера, только очень худая, утомленная, с маленьким ребенком на руках. Командир обернулся к ней:

— Сядь, Этана. Вот она, цель нашего трагического пути, — он указал на голубой диск планеты. — Я выверил все координаты, снял необходимые константы. Это и есть третья планета звезды Гелио, на которую два миллиона лет назад по местному исчислению высадились наши соотечественники. Мы достигли цели. Но какой ценой! Эта чудовищная гравитационная аномалия, сбившая корабль с пути, стала роковой.

Однако дело не только в этом. Я хочу, чтобы Система знала, что главной ошибкой экспедиции было укомплектование корабля слишком пожилыми астронавтами. Конечно, не будь той аномалии, мы все успели бы вернуться в Систему. Но разве можно рассчитывать только на благополучный исход? И вот результат...

Вторая ошибка — и я хочу, чтобы о ней тоже знала Система — заключалась в том, что женщины звездолета, подобно женщинам Системы, не хотели иметь детей естественным, непосредственным образом. Лишь твоя мать оказалась разумным исключением. Иначе уже через несколько часов это замечательное творение разума превратилось бы в мертвый астероид, и Система никогда не узнала бы о результатах экспедиции.

— Через несколько часов?... Что ты говоришь, дорогой! Тебе нужно просто отдохнуть.

— Нет, Этана, я знаю, что говорю. Иначе не позвал бы вас с дочкой в столь поздний час. Слушай внимательно, что я тебе скажу. Я уже дал Киберу приказ ввести тебя в ранг командира корабля. Датчик командира надо вживить до истечения этих суток...

— Но, дорогой...

— Не перебивай, Этана, время дорого. Итак, о датчике ты не забудешь. Теперь главное: сейчас корабль выведен на самую оптимальную орбиту вокруг планеты, при необходимости Кибер внесет нужные поправки. Защитное поле на максимуме. Все системы приведены в состояние наинизших энергетических уровней. Я уже исследовал физико-химические параметры атмосферы планеты. Они практически такие же, как два миллиона лет назад. Я специально пользуюсь местным исчислением времени, оно теперь ляжет в основу всех расчетов. Так вот, в нынешней атмосфере лишь чуть меньше углекислоты и больше свободного кислорода, — это естественно. Но я не успел установить наличие или отсутствие разумной жизни. Для этого нужно вывести на более низкие орбиты спутники-ретрансляторы. Этим придется заняться тебе. И последний совет, даже приказ — если на планете не окажется разумных веществ — сажай корабль на планету. Там в спокойной обстановке проведешь все наблюдения, выяснишь по возможности судьбу нашей первой экспедиции, рассчитаешь с Кибером обратный маршрут к Системе. Если же обнаружишь разумную жизнь, то независимо от высоты цивилизации и ее происхождения — ни в коем случае не уходить с орбиты! Только наблюдать. Никаких контактов с цивилизацией. Спуск на планету в челночке лишь в исключительных случаях со всеми правилами предосторожности. Ну, а дальше я полагаюсь на твой ум. И самое главное — береги ее! Вы с ней должны вернуться в Систему. Дай мне взглянуть на нее в последний раз.

— Она спит... — мать осторожно передала девочку командиру.

— Бедная крошка! — он взял ее на руки, прижался лицом к маленькому тельцу, потом передал дочь обратно матери и отвалился в кресле.

— Все... Прощайте... родные... — он закрыл глаза. Этана опустила на колени и прильнула к его ногам.

Тысячи огоньков все так же мигали, струились, перескакивали с места на место по бесчисленным панелям и приборам. Гулко отсчитывал ровные промежутки времени бесстрастный метроном. Медленно, очень медленно поворачивался на экране диск чужой планеты...

Максим осторожно перевел дыхание. Жгучий комок подкатил к горлу. Но все уже исчезло. Секунда полной темноты — и снова вспыхнул матовый фонарик, осветив пустой зал иллюзионория.

К удивлению Максима, они с Мионой сидели на прежних местах, в креслах с зажимами. Только лицо Мионы было чуть бледнее обычного, да крупная слеза катилась по щеке, скупно поблескивая в полутьме.

— Вот так мы прибыли на Землю, — сказала она вполголоса, словно самой себе, — и остались одни с Этаной. Обе мы, как видите, родились здесь, на корабле, и знаем о Системе лишь по фильмам, вроде этого. Стоит ли говорить, как трудно, как неизмеримо тяжело было Этане в первые месяцы и годы? Но надо было жить, надо было растить меня, вести наблюдения за планетой.

К Земле были посланы спутники-ретрансляторы, на поверхность планеты спущены различные автоматы, тщательно замаскированные под ваших птиц, рыб, насекомых. Наблюдения велись и в море, и на суше, и в лесах, и в городах. И весь этот гигантский поток информации молниеносно перерабатывался Кибером, который выдавал Этане лишь самые важные, самые необходимые обобщения. Скоро она узнала, что на Земле существует довольно высокая цивилизация похожих на нас людей, и естественно было предположить, что это потомки наших астронавтов, оставшихся здесь, как вы слышали, два миллиона лет назад. Этана очень надеялась на это. Но что ожидало ее!

Свет снова погас, и через мгновение они оказались в знакомом Центре дальней связи. В кресле перед экраном сидела Этана. Максим и Миона расположились в сторонке, за ее спиной. Этана передвинула рычажок на пульте. Экран осветился. И картины Земли, далекой и близкой, поплыли перед их глазами.

Вот потянулись горы — крутые, неприступные, с шапками снегов, голубыми языками ледников, шумными ручьями, бегущими вниз, в долины. Потом пошли равнины — мягкие, чуть всхолмленные, с широкими спокойными реками, тенистыми лесами, бескрайними полями и лугами, где целые стада сытых, чистых, лениво жующих коров и овец медленно двигались по колено в траве к белеющим вдали фермам. А вот и сами фермы — с красивыми коттеджами, добротными помещениями для скота, складами с зерном, обширными, тщательно ухоженными плантациями и садами.

И снова — поля; луга, дороги, прямые, как стрела, широкие, ровные. Вихрем мчатся по ним машины изящных стремительных форм, ласкающих глаз расцветок. И люди в них — красивые, изысканно одетые, с беззаботными улыбками на лицах. Но...

Что это, там вдали, у обочины дороги? Большая толпа грязных, изможденных людей медленно бредет под жгучим солнцем. Вот они остановились, свернули с дороги и, рассыпавшись по плантации, начали обирать пушистые белоснежные комочки хлопка. Едкий пот на лицах дряхлых стариков. Едкий пот на голых, остро выпирающих лопатках юных женщин, почти девочек. А чуть поодаль стоит и дымит сигарой молодой упитанный мужчина. Он не работает. Он заставляет работать. Лицо Этаны хмурится. Она нервно вздыхает. А Максиму стыдно. Мучительно стыдно за свою планету, за человечество, за этого трутня, который, так же, как и все земляне, носит гордое звание — Человек Разумный.

Но вот на экране город — величественная панорама сверкающих стеклом и металлом небоскребов, блеск и роскошь фешенебельных кварталов, горы булок, фруктов, колбас, сладостей в зеркальных витринах, целые вороха одежды, обуви, посуды, бытовой техники на прилавках магазинов. И — стайка детишек, худых, бледных, нездоровых, усердно роющихся в мусорных ящиках и жадно поедающих какие-то отбросы.

У Максима становится сухо во рту. Он боится взглянуть на Этану. Но она уже сместила следящую систему звездолета куда-то за город. Теперь на экране целый квартал нарядных домиков. Перед ними великолепные лужайки с цветниками, искусственными бассейнами, дорожками, посыпанными песком.

Из одного домика выходит молодой, элегантно одетый мужчина. С ним красивая женщина, по-видимому, жена, и две девочки, свежие, румяные, в одинаковых голубых платьях с белыми бантами. Мужчина идет к автомобилю и, поцеловав жену и дочерей,

садится в машину. Жена улыбается. Девочки машут руками. Машина срывается с места и мчится по автострате. Затем сворачивает на узкую проселочную дорогу.

Еще несколько минут, и автомобиль останавливается у небольшой группы приземистых строений. Здесь долго проверяют документы. Наконец мужчина выходит из машины и направляется к одному из строений. Войдя внутрь, он облачается в белый халат, вешает на шею полумаску и входит в лифт.

Лифт несет его глубоко под землю. Тут длинные коридоры, белые керамические стены, трубы, провода, плотно закрытые двери, над которыми тревожно мигают красные лампочки.

Мужчина натягивает полумаску на лицо и открывает одну из дверей. За ней обширное помещение, сплошь заставленное приборами, вытяжными шкафами, термостатами. В лаборатории еще двое в таких же халатах и полумасках. Мужчина здоровается с ними и, открыв журнал наблюдений, придвигает к себе микроскоп.

Вдруг дверь открывается, и входит четвертый. На нем тоже халат и полумаска. Но под халатом виден военный мундир. Трое работавших встают. Четвертый нетерпеливо машет рукой:

— Доброе утро, господа. Что нового? Только что приехавший подходит к военному:

— Есть хорошие новости, шеф. Культура вибриона холеры прошла последние испытания. Техника воспроизводства отработана полностью. Можно запускать в серию.

— Опять холера! — военный не скрывает неудовольствия. — Что в ней проку? Мои агенты в порядке эксперимента завезли ваш хваленый эмбрион в три города известной державы. И что вы думаете? Через два месяца все три очага болезни были локализованы и практически ликвидированы. Вот вам и культура эмбриона! Глупая трата денег. Нам надо не это. Нам нужны возбудители таких болезней, каких не знает человечество, против которых нет никаких средств, с которыми не справится никакая медицина.

— Но, шеф...

— Знаю, что вы хотите сказать. Но это лишь подтверждает ограниченную способность мыслить, господин профессор. Надо искать! Искать всюду! Искать не только в настоящем, но и в прошлом!

— Как в прошлом?

— А вот так! Известно ли вам, что древние гробокопатели, расхитители египетских пирамид часто умирали от страшной, никому не известной болезни?

— Что-то такое я читал.

— А вам надо знать об этом не «что-то такое». Мы располагаем сведениями, что год назад точно такой болезнью заболел французский археолог, производивший раскопки в Египте. Медицина была бессильна спасти его. Возбудителем болезни оказался э-э... вирус-глистоплазмозис...

— Гистоплазмозис, — осторожно поправил профессор.

— Плазмозис так плазмозис! — раздраженно отмахнулся военный. — Какое это имеет значение? Важно, что против него нет никаких лекарств. И стопроцентный смертельный исход! Вот что нам нужно. А не эмбрион холеры или какой-нибудь чумы. Деньги, которые вы получаете, надо отрабатывать честно.

— Я обязательно займусь этой проблемой.

— И немедленно!

Этана схватилась за голову:

— И это люди! Это цивилизация!!!

А Максим больно прикусывает губу, чтобы не закричать от отвращения и гнева. То, что подсмотрели автоматы инопланетян, мало кто знает и среди людей Земли. Страшно подумать, что еще скрывается в этих мрачных подземельях.

Но на экране уже джунгли. Крохотная деревня из нескольких хижин. Смуглые полуголые люди, мужчины и женщины, заняты нехитрым трудом: чинят одежду, мастерят корзины, пекут на углях плоды. Рядом играют дети, весело, с хохотом гоняют по лужайке пустой

засушенный орех. Древний старик смотрит на них слезящимися глазами, и улыбка освещает морщинистое лицо.

Вдруг вой и свист послышались в безоблачном небе. Черные тени самолетов пронеслись над солнечной поляной. Страшный грохот потряс тишину девственного леса. И все потонуло в клубах дыма и огня...

Когда дым рассеялся, не было уже ни леса, ни хижин. Лишь мертвые искореженные стволы деревьев, груды дымящейся золы и пепла. И трупы мужчин, женщин, детей... Только древний старик, каким-то чудом избежавший смерти, как потерянный смотрит на этот хаос разрушения, но на его черном, обезумевшем от ужаса лице никогда уже не появится улыбка...

В это время откуда-то из темноты Центра связи вышла маленькая девочка лет трех в коротком белом платьице с пышными, рассыпавшимися по плечам волосами. То была маленькая Миона. Она подбежала к матери, прижалась к ее ногам.

— Миона, девочка моя! Ты видела? — Этана подхватила ее на руки, прижала к груди, заслонила от экрана. — И эти существа, называющие себя людьми, строят ракеты, космические корабли, пытаются проникнуть в тайну гравитации, собираются лететь к иным мирам, искать контакт с иными цивилизациями! — Этана рывком выключила экран и, не выпуская дочери из рук, выскочила из Центра связи...

Миона включила свет:

— Пора и нам, Максим. Все это слишком мрачно. Пойдемте на свежий воздух. — Через несколько минут гондола фуникулера подняла их ввысь и перенесла в глубокую бухту на западной стороне острова. Тут Максим еще не бывал. Бухта замыкалась крутыми высокими склонами, сплошь поросшими большими деревьями, напоминающими крымскую сосну. А в верхней части ее, далеко выдвигаясь в море, нависло над водой нечто подобное балкону-беседке из знакомого розовато-белого камня.

Миона прошла в беседку, села на низкую широкую скамью. Максим встал рядом. Он был совершенно обескуражен.

Миона улыбнулась:

— Мы поняли довольно скоро, что Земля поделена на множество совершенно автономных государств. Скоро нам стало также ясно, что все эти государства находятся на разных ступенях общественного и экономического развития. Но тогда Этане, естественно, захотелось остановить внимание прежде всего на самой высокоразвитой стране. А как ее выбрать? Кибер посоветовал взять за основу общий энергетический потенциал государства. Тем более, что эту величину проще всего было установить нашим приборам-разведчикам.

Вскоре такая страна была найдена. Она располагалась на юге Северо-Американского континента и надолго стала объектом самого пристального изучения. Изучалась и сама страна, и ее связи, и взаимоотношения с другими государствами. Но чем больше мы наблюдали за ней, тем больший ужас охватывал Этану. Да вы сами видели...

— Что и говорить... Можно представить, какое мнение о Земле сложилось у нее после таких картин.

— Да, конечно. Но постепенно до ее сознания начала доходить одна любопытная деталь. Оказалось, что эта огромная, богатая, могущественная страна живет в постоянном страхе. Страх пронизывал все стороны ее жизни. И чем более высокое положение занимал гражданин страны, чем большим богатством он владел, тем больший страх был мерилем всех его поступков. Но страх перед чем?

Ответ на этот вопрос и привел к открытию вашей страны, вашей идеологии, вашего образа жизни. И первое время Этане казалось, что ей открылось почти идеальное общество, что здесь, на одной шестой суши вашей планеты, складывается основа истинно прогрессивной Цивилизации. Однако вскоре... Вскоре она поняла, что все лозунги и воззвания вашей так называемой коммунистической партии, все заявления и клятвы ваших вождей — не что иное, как пустое словоблудие, как самая бессовестная ложь. Она

увидела, что в то время, как эти вожди и их приближенные купаются в роскоши, люди подвергаются еще более изощренной эксплуатации, чем народ Северной Америки. Она убедилась, что ваш военно-промышленный комплекс ничуть не в меньшей, а даже в большей степени готовится к истребительной войне, без конца наращивая и ядерное, и химическое, и бактериологическое оружие. Более того, она обнаружила, что ваша властвующая элита систематически, целенаправленно оглушает народ, всячески лишает его любых достижений культуры. Стоит ли говорить, что ее снова охватил ужас. Вся планета, вся огромная планета фактически была занята лишь одним: изготовлением и накоплением

оружия уничтожения друг друга. Ничего подобного она не слышала ни об одном из миров Галактики. Она готова была немедленно стартовать обратно к Системе. Но у нее был долг — выяснить судьбу первой экспедиции на вашу планету и обеспечить продолжение разумной жизни на АО Тэо Ларра. А надо вам сказать, что к тому времени наши спутники-рентрасляторы и специальные зонды установили, что именно на территории вашей страны находятся остатки первой экспедиции Системы. К счастью, они оказались в почти безлюдной местности, вдали от крупных городов и военных комплексов, но были погребены под мощным чехлом песчано-галечных грунтов.

Тогда Этана начала спускаться на челночке на поверхность планеты. Главная трудность заключалась в том, чтобы скрыть челночек от людей. Но и здесь природа Сибири пришла нам на помощь. В самой глухой местности, неподалеку от пункта, где, видимо, приземлился первый корабль Системы, наши автоматы-разведчики обнаружили обширное озеро, заключенное в глубокую естественную котловину. Большая глубина озера позволяла полностью погружать в нее челночек, а гигантская котловина не только легко компенсировала любой подъем воды в озере, но и полностью скрывала челночек от случайного наблюдателя в самый опасный для обнаружения момент — взлета и приземления.

Позднее выяснилось, что озеро, которое Этана назвала Тинто, что означает «гавань», «причал», соединяется подземным туннелем с другим озером, возле которого находилось небольшое селение людей...

— Наш Вормалей? — догадался Максим.

— Да, скоро мы узнали, что селение это зовется Вормалей и что живущие в нем охотники промышляют дичь вплоть до самого Тинто. Нельзя сказать, чтобы нас это очень обрадовало. Но подземный туннель позволял еще лучше регулировать водный режим Тинто во время спуска и подъема челночка, а жители Вормалея, да и расположенного неподалеку Отрадного, показались нам не слишком любопытными. Во всяком случае, даже всезнающий Кибер не смог еще тогда предугадать появление доцента Колесникова, — улыбнулась Миона.

— А вот дядя Степан знал о вас уже тогда, — заметил Максим.

— Так для дяди Степана мы и остались лишь «нечистой силой». Между тем наши автоматы соорудили на дне Тинто удобный причал, построили подсобные помещения, центр связи, перекрыли туннель надежными защитными системами. И мы получили возможность регулярно посещать Землю. Теперь Этана брала иногда с собой и меня. Сначала ненадолго. Потом все больше, больше, постепенно приучая к атмосфере Земли, ее удивительному перепаду температур, снегу, метелям.

Все это было чрезвычайно интересно. Одно плохо. Здесь шагу нельзя было ступить без биофильтров — и воздух, и вода, и почва просто кишели болезнетворными микроорганизмами. Не укладывалось в сознании, как вы могли жить в столь неблагоустроенном мире. Впрочем, продолжительность жизни на планете говорила сама за себя.

В первые годы я бывала на Земле только с Этаной. Позже она начала отпускать меня одну в сопровождении автоматов. И это было несказанно прекрасно — плавать в лесном озере, бродить по дикому лесу, валяться в снегу. Но однажды летом я увлеклась сверх всякой

меры... — Миона остановилась, будто к чему-то прислушиваясь, и встала со скамьи. — Однако это длинная история, а время близится к обеду. К тому же я хотела предложить вам перебраться в новое жилище. По моей просьбе автоматы приготовили другой домик, поменьше, неподалеку от моего. Он и обставлен в земном вкусе, без лишней автоматике.

— Спасибо, Миона. Доставил я вам хлопот! Представляю, как намучились вы со мной в ту ночь...

— В ту ночь?... Какую ночь вы имеете в виду?

— Ну, ту, пять дней назад, когда подобрали меня под Лахтой.

— Вы ошибаетесь, Максим. Я должна... Я обязана сказать вам... Вы были очень больны тогда. Еще несколько минут, и могло произойти непоправимое. Поэтому я так поспешно, без вашего согласия забрала вас на корабль и... И больше года вы были в состоянии анабиоза...

— Что? Больше года?! — Максиму показалось, что земля уходит у него из-под ног. — Я здесь уже больше года?!

— Да, Максим. И это еще хорошо, что все кончилось так благополучно. Поверьте, мне было очень нелегко. Ведь я не могла просить помощи у Кибера, не могла посоветоваться с Этаной.

— И все это время мучились со мной одна?

— Мне помогали, конечно, автоматы и специальный электронный врач. Но что касается принятия окончательных решений, ответственности и страха, да, страха за вашу жизнь...

— Миона... — Максим почувствовал, как что-то горячее заволакивает грудь, сдавливает горло, мешает говорить. — Миона... Смогу ли я когда-нибудь отблагодарить вас за все, что вы для меня сделали?

— Отблагодарить меня... Зачем? Ведь я люблю вас.

Она сказала это так просто, так безыскусственно спокойно, будто иначе и быть не могло. А у него дыхание перехватило от счастья:

— Миона, милая... милая... — он опустился на землю и начал целовать ее колени.

— Максим, дорогой, но ведь это... ведь так... Ну, нельзя же так, здесь, сейчас... Пойдемте! Пойдемте, я прошу вас! — она склонилась к нему и, пригладив его рассыпавшиеся волосы, спрятала в них пылающее лицо...

Через несколько минут они входили в небольшой портик уютного особнячка, действительно мало чем отличающегося от земного коттеджа. Сразу же за прихожей с традиционным зеркалом и гардеробом располагалась небольшая гостиная с круглым столом, креслами, диваном и экраном ближней связи. Оттуда можно было попасть в столовую, спальню, рабочий кабинет. Туалет и гимнастический зал открывались в прихожую. В спальне же Максим увидел наконец самую настоящую кровать с подушками, одеялом, простынями, а в кабинете письменный стол, на котором лежала груда карандашей и стопка бумаги.

Миона лукаво улыбнулась:

— Карандаши и бумага с Земли.

— Разве у вас нельзя изготовить что-то в этом роде?

— Мы не пользуемся ни карандашами, ни бумагой. Но дело не в этом. Если бы нечто подобное сделали наши автоматы, вы не смогли бы вынести свои записи с корабля. Помните предупреждение Этаны?

Только теперь Максим понял, какую услугу оказала ему Миона.

— Спасибо вам большое. Сейчас это самое главное — возможность вести дневник. Что же касается всех запретов Этаны...

— Не надо, милый! — Ладонь Мионы мягко легла ему на лоб, и он почувствовал, будто слабый ток стекает с кончиков ее пальцев, разглаживая набежавшие морщины и снимая поднявшееся было раздражение против старшей инопланетянки...

— Вот он, наш информаторий высшей ступени, — сказала Миона, когда на следующий день они вошли в небольшой зал, всю переднюю стену которого занимал огромный серебристый экран. — Недавно я сама часами просиживала здесь, особенно последние месяцы. Этана строго следила за этим.

Миона нажала несколько клавиш, и в зале появились два кресла и тонкий металлический стержень с десятком скользящих по нему колец. Максим в недоумении оглядел диковинный прибор. Миона перехватила его взгляд:

— Обычно здесь не бывает больше ничего. Но для вас я приготовила нечто вроде шпаргалки, — она выдвинула легкую стойку из белой ткани, где сверху вниз шли крупно написанные названия наук, и поставила ее рядом со стержнем, так, что надписи на стойке совместились с кольцами. — Теперь смотрите. Включив экран, вы поворачиваете по часовой стрелке то кольцо, которое соответствует выбранной вами области знания, к примеру — «биология», и опускаете его по стержню, последовательно совмещая с более мелкими разделами науки, скажем: зоология, ботаника, эволюционный процесс. Кибер подтвердит выбранный раздел, а на экране появится соответствующий текст. После чего вы громким четким голосом назовете интересующий вас вопрос или проблему. И останется лишь слушать объяснения Кибера.

— А если я что-то не пойму в этих объяснениях или кибер неточно переведет?

— Кибер запрограммирован на русский язык, неточностей у него не бывает. К тому же я ввела в него уровень вашей подготовленности. Так что вы отлично поймете друг друга. Вся необходимая графика, рисунки, формулы будут изображаться на экране. К тому же вы всегда сможете переспросить его. А теперь я покину вас. Всего доброго, мой друг, — Миона прижалась щекой к его щеке и вышла из зала.

Максим подошел к стержню и вернул «Биологию» на место:

— Нет, все эти клетки, ткани — после. Сначала атом! Атомное ядро! — он поставил раздел «Физика» на строку «Строение вещества» и, услышав голос кибера, попросил:

— Общие представления о строении атома, пожалуйста.

И больше уже не мог оторваться от экрана. Величественно строгая картина мироздания, развернутая кибером, заставила забыть обо всем. Сколько, оказывается, простых, элементарных истин не знали еще люди Земли, как далеки они были от той законченной безукоризненно стройной и удивительно простой модели строения вещества, какую воссоздали ученые Агно! Но каждый новый факт, каждая новая деталь рождали лавину вопросов. Он потерял всякое представление о времени, (и давно уже вскочил с кресла, сбросил пиджак и в сильнейшем возбуждении расхаживал перед экраном, без конца спрашивая, споря, высказывая свои соображения, заставляя доказывать, подтверждать расчетами, как вдруг знакомый аккорд раздался в вышине зала. Он машинально нажал клавишу в полу и, лишь услышав голос Мионы, понял, что она вызывает его к экрану ближней связи.

— Максим. Максим! Да отключите вы этого болтуна!

— Сейчас, Миона, одну секундочку. Я никак не могу понять, как в этой вот схеме...

— Вернетесь вы к схеме! Сначала скажите, вы кушали?

— Нет, а разве...

— Вы сумасшедший, Максим! Отходили ли вы от экрана?

— Нет, но я сейчас поем, честное слово! Я даже не думал, что уже время обеда...

— Время обеда! Сейчас вечер. Взгляните на часы! И немедленно приезжайте ко мне. Будем ужинать вместе. Не хмурьтесь! Завтра с утра опять засядете в эту келью.

Максим не без сожаления выключил экран и вышел к фуникулеру. Тот в считанные секунды доставил его к домику Мионы.

— А теперь я продолжу свой рассказ, — сказала Миона, когда после ужина они вновь прошли в розовую беседку над морем. — Вчера я остановилась на том, какую радость доставляли мне прогулки по Земле. Так вот, однажды летом, купаясь в Тинто, я увлеклась сверх всякой меры, проплыла весь подземный туннель — специальные устройства

позволяют нам свободно чувствовать себя под водой — и проникла в ваше Вормалеевское озеро. Универсальные автоматы сопровождали меня до самого выхода из туннеля. И там остановились. Они были запрограммированы так, чтобы ни в коем случае не оказаться в поле зрения или слуха человека Земли. Естественно, я тоже не должна была двигаться дальше. При первом моем шаге из туннеля автоматы дали предупредительный сигнал. Но мною уже овладело какое-то озорное удалство. Микролокатор, укрепленный на купальном костюме, показывал, что поверхность озера пустынна. И я выключила автоматы. Кошмарная, непростительная беспечность! Я разом лишилась всякой защиты. Но какое захватывающее чувство свободы тотчас овладело мной! Я ринулась на поверхность и принялась плавать по сверкающей глади озера. Помнится, я хлопала по воде ладошками, смеялась, даже пела, как вдруг... услышала голос человека. Или увидела его, сейчас уже не помню.

Но это было так неожиданно, так страшно, что я совершенно растерялась. Растерялась настолько, что даже вскрикнула и поплыла почему-то к дальнему берегу, хотя мне, конечно, надо было немедленно уходить на дно. А голос повторился, в нем послышалась угроза и я... потеряла сознание от страха.

Конечно, все это сейчас же было зафиксировано Главным кибером. Тот поднял тревогу. Потребовал немедленной свободы действий. А он мог сделать многое: мог мгновенно включить выключенные мною автоматы и направить их ко мне, мог срочно поднять с Тинто челночек и перебросить его на Вормалеевское озеро, мог наконец просто послать с корабля аварийный снаряд. Но все это невозможно уже было сделать, потому что ко мне прыгнули вы. Любой вариант моего спасения мог погубить вас и уж, конечно, рассекретить наше пребывание на Земле. И Этана, видя все это, отключила меня от Кибера.

С ужасом смотрела она, что будет дальше. Но к ее удивлению и радости вы, маленький дикарь, каким она, безусловно, вас считала, не только извлекли меня из воды, ко и вернули сознание. Главная опасность миновала. Однако радость радостью, но нельзя же было даже вам, моему спасителю, открыть тайну звездолета Агно. И Этана приказала Киберу усыпить вас.

Теперь я могла спокойно уйти на дно озера. Но Этана заинтересовалась вами. Кибер успел проанализировать ваш мозг, замерить уровень интеллекта и пришел к выводу, что многие показатели вашей психики очень близки нашим. С таким большим сходством Этана столкнулась впервые. Вот почему она попросила Кибера вывести один из автоматов на берег — благо все это время там не было ни души — и дать ему указание вживить в ваше тело элемент связи, подобный моему. Так появилась у вас за ухом странная «родинка».

Впрочем, все эти детали я узнала много позже. Мне было предписано сейчас же вернуться в Тинто и немедленно стартовать на корабль.

Однако все, что произошло в тот день, имело для меня значение чрезвычайное. Земля, вокруг которой уже много лет вращался наш корабль, впервые из абстрактного понятия планеты, населенной разумной жизнью, превратилась во вполне конкретный уютный уголок, где живет мальчик, такой же, как я, немного смешной, немного странный, но определенно добрый, с которым можно поиграть, поговорить, побегать вперегонки... И я прямо заявила, что снова хочу к мальчику.

Однако Этана запретила мне даже думать о самостоятельных полетах к Земле, даже говорить об этом. Что же касается моего желания играть с вами, то против этого она не имела абсолютно ничего. Только... не дальше нашего иллюзионория.

Кибер быстро воссоздал ваш образ, жесты, привычки, даже ваш ход мышления, ну, и, конечно, соответствующие ландшафты, запахи, погодные условия. Всего несколько дней понадобилось, чтобы кибер-информатор научил меня русскому языку. И вот я бегала с вами по Кордону, по берегам Студеной, ходила по малину, по клюкву, вы показывали мне земных зверей и птиц, а я учила вас гипнозу и самовнушению. Иногда вы дарили мне

цветы, а я угощала вас нашими фруктами. А потом... в зале загорался матовый светильник, и все исчезало.

Впрочем, тогда я думала, что так и должно быть. Ведь, хотя мы родились почти одновременно, я была много наивнее вас — мы развиваемся медленнее, чем земляне. Ой, тики! — Дымчато-серый шарик вдруг скатился откуда-то сверху беседки и тотчас вскарабкался на колени Мионы. Она взяла его в руки, погладила по пушистой шерстке:

— Ну, что тебе, тики? Взгляните, Максим, это одно из самых забавных существ нашего маленького мира, — она посадила зверька Максиму на колени, и тот, как ни в чем не бывало, начал обнюхивать его руки. Потом огромные круглые глаза зверька остановились на лице Максима, и он смешно заморгал густыми, длинными, как у человека, ресницами.

— Видите, как он удивлен? — рассмеялась Миона.

Но тики уже спрыгнул с колен Максима и пустился наутек. Миона проводила его взглядом, чуть слышно вздохнула:

— Но иногда я, действительно, видела вас, Максим. Через Центр дальней связи и спутник-ретранслятор, следящий за районом Вормалея. Чаще всего это было, когда вы попадали в какую-нибудь беду. Тогда по всему кораблю звучал сигнал тревоги: теперь ведь Кибер следил за вами через ваш элемент.

В таком случае мы с Этаной бросались в Центр связи. Кибер мог справиться со всем и без нас, ему сразу было дано указание ограждать вас от любых опасностей с одним, правда, условием, — чтобы все действия по отношению к вам маскировались под естественные природные явления. Но такова была традиция. К тому же, Кибер мог перестараться. Машина остается машиной.

Словом, мы с Этаной бежали в Центр связи, и Этана сама контролировала действия Кибера. Мне, естественно, следовало сидеть не двигаясь, не произнося ни звука. Но как — если бы вы знали! — я переживала за вас! В такие минуты вся Земля казалась мне сплошным скопищем ужасов. До сих пор не могу вспомнить без содрогания, как загнали вас на дерево волки. А эта метель, когда вы заблудились с больной Мариной! Что было бы, если мы не вывели вас к лесной избушке и не направили луч света на -окно? Мы могли, конечно, прекратить и снег и ветер. Но это потребовало бы такого мощного воздействия на циклон, что всполошило бы всех ваших синоптиков. Разве могла пойти на это Этана? Ее больше всего заботило, как бы люди не увидели в действиях Кибера чего-нибудь неестественного, как бы вы сами не догадались, что вам кто-то помогает.

Смешно! Ведь я-то хотела совсем другого. Мне почему-то хотелось чтобы вы, наоборот, знали меня, думали обо мне, хотели меня видеть. Впрочем, Этану это не очень беспокоило: Кибер не мог выполнить ни одного моего желания. И никто, ни Этана, ни я, не вспомнил, что ведь элементы связи, мой и ваш, имеют обратную связь, правда, слабую, на уровне подсознания, но действующую не только через Главный кибер, но и через автономное кибернетическое устройство челночка.

Я поняла это много позже. А тогда... Тогда я просто чувствовала, что вы не забыли обо мне, чувствовала вашу тоску, ваше желание найти меня, чувствовала, что и вы догадываетесь, как много я думаю о вас, с каким волнением слежу за вами. К тому же мне было известно уже, что, подключаясь к системе дальней связи, вы ощущаете запах астийского эдельвейса, а этот запах... — она в смущении замолкла, ласково поглаживая снова забравшегося к ней на колени тики и следя взглядом за одинокой чайкой, вьющейся над бухтой.

— А этот запах? — напомнил Максим.

— Этот запах должен был обязательно напомнить вам обо мне. Потому что в тот день, когда мы узнали друг друга, я только что помыла голову экстрактом ингрезио, а несколько волосинок осталось на вашей руке...

— Вы заметили даже это?

— Я увидела это позже, когда Этана, желая подтвердить мое легкомыслие, показала всю сцену на озере в иллюзионории. Сама она не обратила на это внимания. А мне сразу стало ясно, что теперь никакие старания Кибера не собьют вас с толку.

— Так оно и было, Миона, — сказал Максим. — Больше того, я будто видел вас.

— Видели меня?!

— Да, всякий раз, когда возникал этот запах. Я не только вспоминал о вас. Вы будто являлись мне. Такая добрая, ласковая. И всегда другая. Сначала девочка, потом девушка...

— Если бы знала Этана!

— Она не хотела, чтобы я помнил о вас?

— Она хотела, чтобы о нас не знал никто, ни один житель Земли.

— Зачем же она вживила мне элемент связи? Только чтобы изучать как подопытного кролика?

— О нет! Сейчас я точно знаю, что в отношении вас у нее были далеко идущие планы. Но... Я не утомила вас своим рассказом?

— Нет-нет! Продолжайте, прошу вас!

— Хорошо. Только проводим закат, это так красиво. И... погрейте мне руки, что-то совсем заоченели.

В воздухе, действительно, стало прохладнее. Подул ветер. А солнце, как огромный плавающий изумруд, готово было нырнуть в пылающее море.

Максим поспешил снять пиджак и, набросив на плечи девушке, заключил ее тонкие пальцы в свои большие горячие ладони. Она теснее прижалась к нему:

— Так вот я и жила в то время. Между иллюзионорием и Центром дальней связи. На много месяцев зал с матовым светильником стал единственной отрадой в моей жизни. И Этана охотно отпускала меня в этот мир иллюзий, строго следила, чтобы Кибер все время разнообразил наши «встречи». Вы тоже постепенно «взрослели». Менялись наши игры. Сердечнее становились отношения. Но время шло, и я начала понимать, что все это не больше, чем красиво сделанный спектакль.

А мне хотелось видеть вас самого, хотелось на Землю, к людям. Я умоляла Этану как могла. Однако единственное, что я добилась, это разрешение вновь посещать в челночке Тинто. Могла я выходить и на берег, если кругом никого не было. Могла плавать в озере. Но подземный туннель был теперь намертво заблокирован Кибером. Зато на челночке был свой Центр связи, свой маленький кибер, и я могла через спутник-ретранслятор наблюдать за районом Вормалея, видеть кордон, Отрадное, все ваши игры, забавы. Теперь я хорошо представляла и Диму, и Марину, и Костю с Федей. А однажды узнала, что вы собираетесь идти на Тинто. Как взволновало и встревожило меня это ваше намерение! Наверное, я должна была сказать об этом Этане. Но я сохранила это в тайне. Я становилась совсем землянкой.

Все последующие дни я провела в челночке на Тинто. Я видела, как оставили вас одного товарищи, видела грозу, которую вы пережидали на дереве. И вот мы снова были почти рядом: вы на вершине Лысой гривы, один, на ветру, на холоде, я — в теплом уютном Центре связи челночка. И мне захотелось порадовать вас, хоть чем-нибудь. Я подняла челночек почти к самой поверхности озера, отключила защитное поле и исполнила свою любимую «Звездную симфонию». Я знала, что вы слышите меня, кибер челночка подключил ваш элемент к системе связи, и вы чувствовали, переживали почти то же, что и я. Это было одно из неучтенных Этаной несовершенств малого корабля: кибер челночка беспрекословно подчинялся его пилоту. Видимо, в норме несовершеннолетний гражданин Системы просто не допускался к пилотированию челночком. Но не могла же Этана все время держать меня возле себя!

Потом вы спустились к воде. Как мне хотелось выйти к вам навстречу! Однако я нашла в себе силы удержаться от этого. Только тогда, когда, бросив последний взгляд на озеро, вы пошли обратно к Лысой гриве, нервы мои не выдержали, и я, забыв все предосторожности, взметнула челночек в небо.

Это было большой ошибкой. Лишь на другой день, вернувшись на Тинто и отыскав вас через Центр связи, я поняла, что случилось несчастье. Но что могли сделать я и небольшой кибер челночка? Главный кибер нашел бы выход и из такого положения. А я только металась по челночку, редела, как последняя земная дуреха, и наконец решила на величайшую глупость: включилась в земную радиосвязь и вызвала к вам вертолет.

Как же мне попало за это от Этаны! Мне снова было запрещено пользоваться челночком. И снова я могла видеть вас только через Главный центр дальней связи. Помню, как страшно было, когда вы забрели в болото. И ничем невозможно помочь! Кибер быстро определил направление, по которому можно выбраться из трясины. Но как подсказать его вам? Этана сориентировала на него ваш элемент связи. Я знала, что теперь вы ощущаете запах астийского эдельвейса. Он должен был звать вас. Но вы так долго не догадывались об этом! Сколько я ни старалась вам внушить, сколько мысленно ни молила ползти на этот запах. Но все обошлось. А главное — я поняла, почувствовала, что вы снова вспомнили обо мне.

Потом был Зуб Шайтана. Страшный, кошмарный день восхождения на скалу. Знали бы вы, как всполошилась Этана! Ведь через вершину Зуба проходила линия дальней связи: спутник-ретранслятор — Тинто, там стояли наши усилители. Этана была уверена, что на скалу не поднимется ни один человек. А вы поднялись! Вы сделали то, что не сделал бы, наверное, ни один юноша Системы. Я восторгалась вами. Радовалась за вас. Гордилась вами. И готова была умереть от страха. Ведь надо было еще спуститься с вершины, что в тысячу раз труднее всякого подъема. А вы словно забыли об этом. Но день уже близился к вечеру. И я не выдержала и прямо сказала об этом в передатчик голосовой связи. О, каким взглядом одарила меня Этана! Она опять, конечно, думала лишь о том, как бы не поразить вас чем-нибудь необыкновенным. Но я уже не обращала на нее внимания. О какой предосторожности могла идти речь, когда вы были на краю гибели! И страх овладел вами, я видела. Да и могло ли быть иначе? Вам ничего не было видно оттуда сверху. А стена казалась гладкой, как стекло, только я могла заметить кое-какие неровности. И я начала подавать вам советы. Прямо. Голосовой связью. Этана больше не препятствовала мне. Видимо, ни она, ни ее хваленый Кибер не смогли придумать ничего лучшего. Наконец вы были на земле. А я упала в кресло и расплакалась. То ли оттого, что так долго сдерживала в себе нервное напряжение, то ли оттого, что... — Миона вдруг смолкла и низко склонилась над пушистым тики, сладко дремавшим у нее на коленях.

Максиму захотелось пригладить ее рассыпавшиеся волосы. Но она уже выпрямилась:

— Впрочем, говорить, так все. Мне было очень больно, Максим, от сознания, что вы пошли на такой риск ради Марины. Это было, конечно, страшно глупо с моей стороны. Глупо, непонятно, противно всякой логике! Но так было. Прежде мне казались равно одинаковыми, что она, что Дима или Костя. И вдруг все переменялось. Теперь мне становилось больно даже тогда, когда я просто видела вас вместе. А это было все чаще и чаще.

Я поделилась с Этаной. Она рассмеялась и сказала, что это свойственно всем людям Земли — в определенном возрасте сближаться друг с другом. Но что у вас с Мариной это случайно и временно. Потому что Кибер снял характеристику ее психики, и она оказалась абсолютно несовместимой с вашей.

Я успокоилась. Но ненадолго. Вы все чаще бывали только с ней, вы давали обещания быть с ней всю жизнь. Я поняла, что вы просто не знаете того, что знает Кибер, что людям вообще не дано знать друг о друге. А вы собирались уехать в большой город, там я уж никогда не смогла бы встретиться с вами. Но мне нужно было, обязательно нужно было предупредить вас.

Я сказала об этом Этане. Я просила ее день и ночь. И она согласилась. Но не на встречу. А лишь на новый сеанс в иллюзионории. Вроде наших детских встреч. С той разницей, что теперь вы — не синтетический образ, созданный Кибером, а вы сами — должны были принять в нем участие. Кибер мог, оказывается, устроить и такое, пользуясь моим и

вашим элементами связи. Для этого нужно было только, чтобы вы уснули. Но это было проще всего.

Впрочем, в этом было и большое неудобство. Ведь вы могли принять все за сон, не обратить на мои слова никакого внимания. Нужно было убедить вас, что вы говорили именно со мной. И я решила подарить вам настоящий, живой ингрэзио. Сделать это было нетрудно. Я уже говорила, что Землю исследует масса наших автоматов. Один из них и должен был вложить вам в руки цветок.

И вот я пришла в иллюзионории. Погас свет. Я оказалась на берегу озера. Вы были уже там... Все остальное вы, наверное, помните?

— Как?! Значит, вас не было на озере?

— Да, мой друг, я была только в вашем сне, смешная и наивная, говорившая по-русски так, как не говорит никто из людей. Разве могли вы всерьез принять мой лепет? Хорошо, что Этана поспешила прервать это «свидание»...

— Да, она, действительно, поспешила. Слишком поспешила... — добавил Максим с горечью. — Как все было бы иначе, как по-иному сложилась вся моя жизнь, если бы вы сказали мне тогда еще хоть два-три слова.

— Но этих слов я и не имела права говорить. Кибер не дал бы мне произнести их. А потом... Я согласна, жизнь ваша сложилась бы по-иному. Но лучше ли, чем она сложилась?

— Я любил вас уже тогда.

— Вы не любили еще меня по-настоящему, Максим. Хотя могли и полюбить. Наверное, могли бы... Но это и было бы самым большим несчастьем. Ведь кем я была тогда? Всего лишь девочкой, подростком. Да и вам нужно было учиться. Вспомните, каким вы были в то время. Этана ни за что не позволила бы нам быть вместе. А без этого...

— Может быть, вы и правы. И все-таки... — Максим невольно вздохнул.

Миона коснулась его лба:

— Не надо жалеть о прошлом, мой друг. Жизнь — это луч, устремленный в бесконечность. Он может и погаснуть. Но вернуться — никогда!

— Да, пожалуй... — согласился Максим. — Ну, а цветок, ваш подарок? Его снова забрали автоматы?

— Конечно. Это было неременным условием Этаны.

— Н-да... Чистая работа! Значит, много их на Земле, этих автоматов, замаскированных под наших животных?

— Да. Сотни, тысячи! Самых разных форм, размеров и назначений. От сравнительно крупных, с чайку, до еле видимых глазом. Вам покажется, что укусил комар, а мы имеем анализ крови. В сверхсекретную лабораторию залетает муха, а мы имеем фотопленку всего, что там есть, включая запись разговора всех сотрудников.

— И все нужные вам предметы, если в дело вступает, скажем... ястреб?

— Да, — простодушно ответила Миона, и Максиму стало ясно, что она понятия не имеет о тех несчастьях, какие преследовали их с Антоном. Значит, все было делом рук Этаны? Видимо, так. Но почему она здесь не боялась риска разоблачения?

— А если один из таких механизмов был бы пойман человеком, поврежден пулей, оказался в ловушке? — спросил Максим.

— Все автоматы окружены защитным полем, в крайнем случае срабатывает их механизм мгновенного самоуничтожения.

— И все-таки можно представить ситуацию, когда такой аппарат мог бы навести на нежелательные для вас умозаключения.

— Например?

— Например? Представьте себе, что какой-то охотник бьет по вашей «птице» из ружья. А затем находит необычно деформированную пулю. Как вы думаете, какие мысли придут ему в голову?

— Но это настолько исключительный случай!

— Хорошо. Представьте другую ситуацию. Специалисты-бионики тщательно снимают и анализируют траекторию полета вашей «птицы» и, естественно, замечают, что никакая живая птица так летать не может.

— Но, согласитесь, для этого нужно иметь какую-то заранее поставленную цель, заранее возникшее подозрение...

— А вы исключаете это?

— В реальной действительности нельзя исключать ничего, даже самой невероятной ситуации. Но мы делаем все, чтобы свести их к минимуму.

— Понятно... — Максим задумался. Миона, безусловно, не имела никакого отношения к пропаже их находок. Видимо, даже не знала о них. Недаром в ее рассказе не было ни слова ни о шестерне, ни об алмазе. Но зачем все это понадобилось Этане? Почему она с такой методической последовательностью уничтожала все результаты их трудов? Это могла сказать только она сама. Если ей вообще заблагорассудится говорить на эту тему...

8

Легкая белоснежная гондола мягко отчалила от берега и, быстро набирая скорость, помчалась по голубовато-зеленой глади озера. Несколько минут Максим и Миона молчали, глядя на проплывающие берега. Потом Миона сказала:

— Вы не сердитесь, что сегодня я не дала вам пойти в информаторий? Ведь нужно иногда и отдохнуть, правда?

— Отдых — вздор. Но ради того, чтобы побыть с вами, можно поступиться чем угодно.

— Слышала бы вас Этана!

— Думаете, ей никто не говорил ничего подобного?

— Такое можно услышать только на Земле. У нас, в наших мирах, сочли бы это за безумие.

— Разве там нет любви?

— Такой, как на Земле, — нет. Неужели вы в самом деле допускаете, что там, в мирах Системы, кто-то стал бы так вот, часами смотреть в глаза любимой? Разве можно столь нерационально растрачивать энергию и время?

— Вы так думаете?

— Я должна была так думать. Так думают все мои соотечественники. А я... Я не думаю, не могу. Вы действуете на меня в тысячу раз сильнее всякого астийского эдельвейса. Иногда мне бывает просто страшно. И все-таки... Все-таки, я не променяю это ни на что. Земля покорила меня, несмотря на все старания Этаны. В прошлый раз я рассказала вам, как она прервала нашу «встречу» на озере. Это было, конечно, разумнее всего. А мне было так больно покидать вас, так хотелось еще поговорить с вами. И Этана, видимо, желая утешить меня, сказала: «Потерпи немного. Скоро будет для вас обоих сюрприз». Я не придавала значения ее словам. Но сюрприз появился очень скоро. Этим сюрпризом оказалась Лара...

— Лара?!

— Да. Я узнала о ней раньше, чем вы. О ней и об Антоне. И с замиранием сердца ждала вашей первой встречи с Ларой.

— Но кто она, кто?

— Очень хорошая девушка-землянка, близкая вам по душевному складу, по характеру чувств, умственных запросов. И очень похожая на меня. Правда, тут Этана с Кибером кое-что подправили с помощью автоматов.

— Подправили! Разве можно так с людьми? — не удержался Максим.

— Они не сделали ей ничего плохого. Хотя я, конечно, не поступила бы так. Да я и не знала еще тогда всего. Просто любовалась ею и ждала ее встречи с вами. Мне очень хотелось, чтобы вы стали друзьями. Надо вам сказать, у меня никогда не было по

отношению к ней такого чувства, как к Марине. Даже наоборот. Я любила ее. Может быть, потому, что представляла на ее месте себя...

— Скажите, Миона, у нее тоже был элемент связи?

— Да. Только Кибер вел его в несколько ином режиме. Несколько минут прошло в молчании. Гондола скользила уже вдоль другого берега, по солнцу, и Миона прикрыла иллюминаторы плотными светофильтрами:

— И вот, ваша встреча состоялась. Как вы, бедняжка, мучились вопросом, я это или не я! Но вы любили ее, я видела...

— Да, она нравилась мне... Но только потому, что была похожа на вас.

— Я знала это, знала все. Однако трудно сказать, во что вылились бы ваши отношения. Я помню, с каким волнением шли вы к ней на свидание. Но это несчастье с мальчиком на реке... Я преклонялась перед вами за ваш самоотверженный поступок. Но каким горем это обернулось для вас! Вы были в таком отчаянии, что Кибер поднял даже тревогу, а Этана без слов разрешила мне «встретиться» с вами в иллюзионории.

В то утро я хотела рассказать вам все. Я просто устала от игры, затеянной Этаной. Но она снова убрала меня из вашего сна. Может быть, так было лучше. В конце концов ваши недоразумения с Ларой уладились бы сами собой. Однако случилось так, как не мог предположить никто. Мы не знали, что вас ждет новое испытание. И уж, конечно, не могли предвидеть, что вы покинете и город, и Лару, и снова вернетесь на кордон. Но все произошло именно так, и несколько дней спустя я опять увидела вас на старой вормалеевской дороге.

А дальше... Дальше страшно вспомнить. Эта ваша схватка с хулиганами произошла совершенно неожиданно. Я была тогда в челночке на Тинто и видела, как они набросились на вас. Все решали считанные секунды. Я немедленно связалась с кораблем. Все остальное сделали Кибер с Этаной. И как всегда с опозданием. Вы были уже ранены ножом.

Но за что? Что толкнуло их на такое преступление? Этот вопрос занимал нас тогда больше всего. Кибер специально проанализировал психику этих и многих других подобных хулиганов. И вот что мы узнали.

Вы, несомненно, понимаете, что человека отличает от животного многое. Жаль, что ваши ученые — биологи и психологи — мало уделяют этому внимания. Между тем, одно из главных отличий заключается в том, что любой человек, любое разумное существо живет не столько настоящим, сколько будущим. Даже если он уже в годах, даже достигнув определенного положения, даже имея все, что хотелось бы иметь от жизни.

Именно эта забота о будущем, эта ответственность за будущее, заставляет человека до конца дней совершенствовать свои знания и умения, свою внешность, свой интеллект. Это, если хотите, один из существеннейших факторов поступательного движения общества. Достаточно, чтобы значительная часть граждан стала жить лишь сегодняшним днем, и общество будет обречено на деградацию.

И вот этот-то опасный симптом оказался доминирующим в психике хулиганствующей молодежи. Не дурное образование и воспитание, хотя и то и другое оставляет желать много лучшего, не грубость и жестокость, хотя всего этого у них больше, чем достаточно, а именно привычка жить сегодняшним днем, привычка не проектировать себя в будущее превращает их почти в животных, толкает на бессмысленные, бесчеловечные поступки.

А ведь это ужасно, мой друг! Разберитесь в этом, когда вернетесь на Землю. Пусть ваши социологи подумают, почему некоторая, пусть небольшая часть молодежи перестала жить будущим, верните им это бесценное качество человека!

Но я отвлеклась, простите. Ведь речь шла о вашем ранении. Оно было серьезным. Очень! Может быть, ваш организм со временем и справился бы с ним. Но мог и не справиться. И нервы мои не выдержали. Я села в аварийный снаряд и, не думая ни о каких последствиях, забыв даже о биофильтрах, вылетела к вам, в тайгу. Я знала, что о вылете аварийного снаряда сейчас же будет известно Киберу и Этане. Знала, что Этана будет вне себя от

гнева. Но ничто уже не могло остановить меня. Так в первый и в последний раз я встретила с вами на Земле.

Но что это была за встреча! Мне, правда, -удалось с помощью биотоков восстановить поврежденные ткани. Однако вы еще не пришли в сознание, как Кибер потребовал немедленного возвращения меня в челночек. Противиться было бессмысленно. Они увезли бы меня силой. Пришлось оставить вас в лесу.

Не знаю, что сделала бы Этана за все это. Но я сама прибыла на корабль в полубессознательном состоянии. Достаточно нескольких минут пребывания в вашей атмосфере без биофильтров, чтобы земные микробы свалили меня с ног.

А когда я поправилась и начала просматривать в иллюзионории все, что произошло на Земле за время моей болезни, то первый, кто привлек мое внимание, была Таня. Вот кто мог бы, Максим, стать для вас настоящей подругой на Земле. Она не была такой красивой и умной, как Лара. Но душа ее, чувства... Трудно представить что-нибудь более чистое и непорочное, более нежное и возвышенное, чем душа и чувства этой девушки. А главное, она была словно специально создана для вас, вы оба будто предназначались друг для друга, как две половинки одного целого. И как она любила вас! Я была потрясена силой ее чувства. Это было какое-то всежигающее пламя, какое-то сплошное самопожертвование. Вы были для нее богом. Нет, больше, чем богом. Она боялась даже подойти к вам, смотрела на вас только издали. Но как смотрела! Только видя все это, я поняла, что такое любовь. Любовь землянки. Я на такое чувство — сознаюсь вам, Максим, — просто не способна... — Миона раскрыла иллюминаторы гондолы и долго молчала, глядя на белые струйки пены, рвущиеся из носовой части судна. Глаза ее светились печалью:

— Если бы я смогла когда-нибудь отказаться от вас, — сказала она чуть слышно, — то только ради нее.

Максим лишь вздохнул.

— А вы потянулись опять к Марине. Как это было нелепо, противоестественно, неразумно! Неужели только воля матери побуждала вас к этому?

— Вам не понять этого, Миона... Мне было просто жаль ее. Вы не знаете этого чувства.

— Нет, почему же. Мне часто было жаль вас, Лару, Антона.

— Это совсем другое. А тут... Я чувствовал себя чем-то обязанным перед ней, ответственным за ее судьбу... Да и мать... Нет, я не смогу этого объяснить...

— Сейчас я, кажется, и сама начинаю понимать этот ваш поступок. Но тогда... Тогда все казалось кошмарным недоразумением. Вас точно лишили рассудка, ввергли в гипнотический сон. Хотелось подойти к вам и сказать: «Максим, проснитесь, что вы делаете!» Так я, наверное, и поступила бы в конце концов. Но Этана больше не хотела о вас слышать. Мне было запрещено выходить на поверхность Земли, а главный иллюзионорий отключен от всех спутников-ретрансляторов. Оставался челночек. Там я проводила многие часы, думая над тем, как спасти вас от Марины. И ничего не могла придумать.

И вот настал день помолвки. Мрачный, дождливый, ветреный день. Казалось, вся природа Земли оплакивает ваше решение. Плакали и я в челночке, на Тинто. И мысленно молила вас выйти к озеру. Как молила! Это не могло не подействовать на обратную связь наших элементов. Вы, видимо, почувствовали мою тоску и пришли под старый кедр. Но что я могла сделать еще? Под руками у меня был только что раскрывшийся бутон астийского эдельвейса. И я послала его с автоматом через туннель. Он-то должен был напомнить обо мне. И в душе вашей проснулось что-то похожее на раскаяние. Проснулось, я знаю!

Но на пригорке снова появилась Марина. Словно чувствовала, что вы боретесь с собой. О, как я не любила ее в эту минуту! Как хотела, чтобы она ушла от вас, оставила вас в покое. Вся моя воля сконцентрировалась на этом. И произошло то, чего я не могла предположить. Обратная связь моего элемента, достигнув небывалой силы, включила какой-то неведомый мне механизм Кибера, и тот как бы вывернул душу Марины наизнанку. Все пороки ее, все низменные побуждения выступили на ее лице и тотчас

отразились стократно увеличенными в огромном зеркале, каким стал весь затянутый тучами небосвод. Вот почему закричала она тогда в безумном страхе, а вы содрогнулись от отвращения и ужаса.

Не знаю, чем закончилось бы все это, что еще сделала бы я, забыв себя от гнева. Но тут вмешалась Этана. Она воспламенила астийский эдельвейс и заблокировала кибер челночка. Больше я не видела ничего. А вскоре потеряла и всякую связь с вами. Потому что Этана, возмущенная вашей женитьбой, вашим предательством по отношению к Ларе, по отношению ко всему, что мы видели в вас хорошего, отключила ваш элемент связи от Кибера, и вы затерялись, как песчинка, среди миллионов людей Земли...

Перед Максимом словно раскрылся страшный занавес. Так вот почему отвернулись от него в то время инопланетяне! Он с самого начала предполагал, что причиной была его женитьба на Марине. Но объяснял это лишь тем, что не внял советам Мионы. А на деле все оказалось глубже. Гораздо глубже! Да, он совершил предательство. И не только по отношению к Ларе. Но и по отношению к себе — своим чувствам, своим идеалам, своему «я». А ведь по меркам земной морали он поступил вполне благопристойно, даже благородно, даже гуманно...

— Не грустите, Максим, — прервала его мысли Миона. — Не надо жить прошлым. У вас еще все впереди.

Максим вздохнул:

— От прошлого не уйдешь. Помните, что сказал ваш отец?

— Так у него действительно не оставалось ничего, кроме прошлого. Да глубин этого озера, — добавила она с мрачной грустью.

— Не понимаю, — сказал Максим, вздрогнув от неясного предчувствия.

— Сейчас поймете, — коротко ответила Миона. Нажатием кнопки она закрыла иллюминаторы гондолы,

и корабль быстро погрузился под воду. Густой зеленый полумрак окружил их со всех сторон. Юркие рыбоподобные существа закружились перед глазами. Однако Максим еле успевал их рассматривать. Судно стремительно уходило на глубину. Вскоре в гондоле стало совсем темно, слабо светились лишь лицо и руки Мионы. Она молча вела корабль дальше к неведомой цели. Молчал и Максим, приготовившись к чему-то совершенно необыкновенному.

Наконец движение замедлилось. Слабый багровый полусвет забрезжил внизу. А еще через минуту огромная светящаяся полусфера встала на их пути. Корабль пошел вдоль нее по спирали вниз. Свет под куполом все усиливался. Неясные очертания громадного сооружения начали проступать сквозь прозрачные стены.

Между тем, корабль почти коснулся дна и медленно вошел в небольшую, примыкающую к куполу камеру. Послышался слабый шум. То невидимые насосы быстро откачивали из камеры воду. Наконец гондола мягко легла на массивные каменные плиты. Иллюминаторы раскрылись. Миона встала и молча протянула ему руку. Лицо юной инопланетянки было бледнее обычного. В глазах застыла скорбь.

Максим, не говоря ни слова, направился за ней. Они вышли из гондолы, подошли к стене купола. Миона коснулась ее рукой, и стена исчезла. Огромное круглое помещение открылось перед ними. А когда глаза Максима привыкли к красноватой полутьме, он увидел, что почти все оно занято гигантской шестигранной пирамидой из черного с золотистыми искорками камня.

Здесь Миона остановилась, протянула руки вперед, низко опустила голову к груди. Несколько секунд прошло в молчании. Максим не сводил глаз с величественно-мрачного монумента. Вершина его терялась в багровом мраке, нижняя же часть была объята красным пламенем, единственным, что освещало этот подводный мавзолей усопших.

Дрожь пробежала по спине Максима, когда он понял, куда привела его инопланетянка. А она снова взяла его за руку и пошла прямо к обътой пламенем стене. Багровые отсветы

делали ее лицо неузнаваемым, рука, сжимающая руку Максима, вздрагивала от напряжения.

Страх окончательно овладел Максимом. Однако он словно в оцепенении продолжал идти за Мионой. Вот она уже шагнула в клубящееся пламя. Вот огонь коснулся его собственной руки, но не обжег, а лишь чуть парализовал ее. Вот он уже полностью вступил в бесшумно клокочущий костер, чувствуя, как все тело точно немеет, становится безжизненным, чужим.

А нижняя часть стены уже исчезла перед ними, будто расплавилась в пламени, и Миона ввела его в узкий коридор, освещенный только заревом бушующего за спиной огня и ведущий, казалось, в бесконечность.

Наконец коридор расширился в небольшую овальную, камеру, где было совершенно темно. Лишь сотни продолговатых цилиндров слабо фосфоресцировали голубым светом на стенах подземелья, да тускло светился в глубине высокий экран. Под каждым цилиндром размещалась серебристая клавиша и был выбит в стене то ли символ, то ли цифра незнакомых Максиму очертаний. А высоко над головой будто в сполохах фиолетовой люминисценции угадывались контуры парящей женщины с призывно опущенными вниз руками и теплой всепрощающей улыбкой на лице.

Миона выпустила руку Максима и, подойдя к одному из цилиндров, на миг прижалась к нему лицом, потом нажала клавишу и приблизилась к экрану. Тот осветился сильнее, а в следующее мгновение знакомый седовласый командир шагнул к ней навстречу, протягивая руки в немом приветствии. Миона также протянула к нему руки, низко опустив голову, и так застыла в скорбном молчании и абсолютной тишине, настолько глубокой, что Максим услышал, как бьется его сердце.

Но вот экран погас. Миона, все так же не говоря ни слова, повернулась и пошла к выходу. Максим поспешил за ней. Через несколько минут коридор вывел их к подножью пирамиды. Здесь они снова пошли через стену пламени и остановились, обернувшись к монументу. Вид его действовал потрясающе. Теперь, после мрака погребальной камеры, света было вполне достаточно, чтобы рассмотреть всю пирамиду. В ней было что-то от космоса. Золотисто-черная громада, возносящаяся из багровых языков огня, воплощала, казалось, саму вечность. Но Миона уже пошла к выходу. Через несколько минут они прошли в шлюз, сели в гондолу, и корабль понес их на поверхность.

Там уже сгустились сумерки. Мягким зеленоватым сиянием осветился Дворец командиров. Но Максиму все еще казалось, что он видит кровавое зарево, просвечивающее сквозь воду. Он не мог оторвать глаз от озера. То же самое было, по-видимому, и с Мионой.

— Вот кто связан только с прошлым, — сказала она, кивнув за корму.

— То был ваш отец? — тихо спросил Максим.

— Мой и Этаны.

— Как?!

— Мы с ней не только мать и дочь, но и сестры по отцу. На галактических кораблях так бывает.

«Так вот почему они так поразительно похожи друг на друга», — подумал Максим, удивленный ее словами. Но вслух лишь сказал:

— Сколько же их там, под пирамидой?

— Около тысячи, — ответила Миона, подавляя вздох. — Весь экипаж корабля. Отец последний. Он был единственным юношей, которого Совет Астронавтики допустил к участию в экспедиции к Земле. За победу во всесистемном состязании будущих космоштурманов. А мать Этаны, моя бабушка, оказалась самой молодой женщиной в экипаже корабля. Она специализировалась по истории, изучала материалы первой экспедиции к Земле. И была очень красивой, красивее Этаны.

— Они любили друг друга?

— Они выполнили долг гражданина Системы. Другие мужчины и женщины, похоже, просто уже не могли иметь детей. Многие из них оказались на дне озера задолго до того, как корабль прибыл в систему Солнца.

— О чем же думали они раньше, когда были достаточно молоды? Почему им не пришла мысль о долге?

— К сожалению, Систему покидают уже взрослые люди с прочно сложившимися привычками и традициями. А в Системе проблема деторождения... Нет, я не смогу объяснить вам этого. Может, Этана когда-нибудь расскажет. Во всяком случае, на мой взгляд, не все ладно в этом отношении в Системе. Впрочем, мне ли судить об этом! Ведь я... Это, наверное, очень дурно. Но я... не смогла бы, пожалуй, полюбить мужчину Системы...

9

Все последующие дни Максим с утра до вечера не выходил из информатория. Законченно-строгая картина строения вещества все шире и глубже раскрывалась перед ним, заставляя забывать о еде, отдыхе, даже хозяевах корабля, предоставивших ему столь редкую возможность. Впрочем, старшая из них так и не пожелала встретиться с Максимом.

Что это, — недоумевал Максим, — чрезмерная занятость или открытое пренебрежение? Неужели ей абсолютно неинтересно поговорить с человеком Земли? Или все дело в том, что он, Максим, лично несимпатичен ей, она не может простить ему ошибок молодости? Был, правда, и третий вариант — их с Антоном раскопки на Студеной и странно-настойчивое противоборство со стороны Этаны. Но тут оставалось еще столько непонятного, что нельзя было делать никаких предположений.

Как бы там ни было, все это угнетало Максима больше, чем он хотел. И трудно сказать, что бы он предпринял в конце концов, если б не пришлось столкнуться с одним чрезвычайно неприятным обстоятельством. Постепенно вникая в сущность строения атома, он, казалось, вплотную подошел к понятию самого интересного, самого интригующего и пока еще не разгаданного на Земле явления, явления гравитации. И сразу стало ясно, что это особый раздел физики, которого просто нет в списке, идущем вдоль стержня настройки экрана. В то же время между интервалом «Строения атома» и следующим за ним «Термодинамика» оставался значительный промежуток стержня. Но в этом промежутке, очевидно, и размещался раздел «Гравитация», а может, и другие, не менее интересные разделы физики.

Так вот о каких ограничениях говорила Этана! Но почему кольцо не спускается по стержню до конца? Максим поднял его чуть выше и ясно увидел небольшой металлический бугорок, нечто вроде стопора, который ограничивал движение кольца. Вот в чем причина! Прежде, до появления Максима на корабле, этого стопора, конечно, не существовало, он сделан специально для него, землянина, и, безусловно, не Мионой, а по прямому приказу Этаны. Сделан временно. Следовательно, его можно как-то уничтожить. Пошарив у себя в карманах, Максим достал карандаш и легонько стукнул по бугорку. Тот сразу отвалился.

Вот удача! Максим включил экран и начал торопливо спускать кольцо вниз. По экрану побежали знакомые титры: «Электронная оболочка», «Атомное ядро»... Кибер едва успевал перечислять названия разделов физики. Но вот кольцо прошло через место крепления стопора, и на экране засветилось: «Энергия мезонного поля». Это было уже новое, что Максим до сих пор не видел. Он спустил кольцо еще ниже и, боясь поверить своим глазам, прочел: «Теория гравитации». В сильном волнении он подскочил к экрану и почти прошептал:

— В чем же сущность гравитации? Пожалуйста!

— Гравитация... — начал спокойно все тот же чистый мужской голос. И замолк. А экран вдруг погас. И сейчас же резкий повелительный сигнал ближней связи прорезал наступившую тишину.

Максим нажал клавишу в полу. Перед ним предстала... Этана.

Она поднялась от большого пульта, сплошь занятого бесчисленными щитками, тумблерами, циферблатами, и, не спеша, словно между делом, подошла к экрану. Царственно-надменная голова инопланетянки медленно, как у богини, повернулась в сторону Максима. Руки поднялись в традиционном приветствии:

— Доброе утро, дорогой землянин.

— Здравствуйте... Этана... — совершенно растерялся Максим.

— Простите, я отрываю вас от ваших занятий, — продолжала она со знакомой леденящей улыбкой. — Но мы условились, что вы не сможете познакомиться с некоторыми разделами знаний, которые пойдут лишь во вред вашей несовершенной цивилизации.

— Вернее, вы поставили мне такой ультиматум, — глухо сказал Максим. От его растерянности не осталось и следа. Он готов был пойти на ссору с этим холемым извоянием.

— Если вам хочется говорить в таком тоне... — с прежней улыбкой ответила Этана. — Но, как бы там ни было, я не смогу изменить своего решения. Поэтому сейчас к вам придет автомат и восстановит поврежденные ограничители. Это

280

займет всего несколько минут, после чего вы получите возможность продолжать ваши занятия.

Глаза Максима потемнели от сдерживаемого негодования:

— Нет, после этого я не стану продолжать свои занятия, а буду просить вас дать возможность побеседовать с вами.

Она чуть заметно нахмурилась.

— Я знаю, вы очень заняты, — поспешил продолжить Максим. — И все-таки нам необходимо поговорить, Этана.

Она села на прежнее место:

— Хорошо, я вас слушаю.

— Нет, простите, я не привык разговаривать с изображением. Как бы! совершенно оно ни было. — Максим сам почувствовал, что хватил через край. Но это, по-видимому, было настолько неожиданно для Этаны, что на мгновение она словно растерялась:

— Ну, что же, тогда... Я приглашаю вас к себе завтра к одиннадцати часам. Мой автомат проводит вас.

— Благодарю.

Она вновь протянула к нему руки. Экран погас.

Максим вышел из информатория, поднялся к озеру, пошел вдоль берега. Теперь следовало собраться с мыслями, продумать хоть немного предстоящий диалог с этой гордой, несомненно, умной и, по-видимому, коварной женщиной.

Но разве можно представить, как она поведет разговор, может статься, не даст сказать ему и двух слов. И все-таки такой разговор необходим. Хватит играть в кошки-мышки! Во всяком случае, он не будет в роли просителя. Либо она выслушает его, отнесется как к равному по разуму, снимет все ограничения с пользования информацией, либо... Либо он пошлет ее ко всем чертям! Вернется на Землю!

Максим с откровенной злостью взглянул в сторону Дворца командиров и вдруг увидел Миону. Она подбежала к нему, окинула быстрым встревоженным взглядом:

— Вам плохо, мой друг? Вы чем-то расстроены?

— Устал немного...

— Да, вы слишком переутомлены, сядем здесь на скамеечку, — она мягко коснулась кончиками пальцев его лба, легонько прижалась глазами к щеке. И все в нем — каждый нерв, каждая клеточка тела так и рванулись к ней в порыве безмерной нежности.

Вернуться на Землю! Но, значит, расстаться и с ней? Потерять ее навсегда? Нет, это будет выше его сил... А если Этана будет упорствовать? Что делать тогда? Что делать?!

Надо сегодня, сейчас же поговорить с Мионой обо всем. Он взял ее за руки, заглянул в самые глаза:

— Миона, я давно хотел спросить вас. Скажите, если бы что-нибудь случилось здесь, на корабле, и вам пришлось переселиться на Землю, смогли бы вы жить там?

Лицо ее стало очень серьезным:

— Надо подумать, милый. Во всяком случае... — Но не успела она закончить, как свет погас, мгновенная ночь опустилась на остров, и мощные раскаты знакомого сигнала потрясли воздух.

Максим вскочил:

— Тревога?

Миона встала, отыскивала в темноте его руку:

— Да. Жаль, что мы не успели договорить... Но теперь не до этого. Вон, уже загорается солнце. Значит, времени в обрез. Мне нужно мчаться в свой аварийный пост. Фуникулер здесь рядом. А вам... Вам придется бежать к арочному зданию. Ближе ничего нет. Там в помещении правой башни найдете красную кнопку. Все остальное вам известно. Спешите, мой друг! — Миона прижалась лицом к его щеке и побежала к виднеющейся вдали гондоле.

А солнце снова погасло. Раз, другой. И новый звуковой сигнал прозвучал над островом.

— Максим! Макси-и-им! — в страхе закричала Миона. — Скорее! Это уже не тревога. Это авария! Быстрее в кресло!

Он прибавил ходу, пулей выскочил на дорогу, подбежал к арке. Все! Осталось не больше двух шагов. Он облегченно вздохнул, хотел завернуть за угол, где открывался вход в помещение. Но обернулся назад и оцепенел от ужаса: гондола, которая должна была умчаться Миону, стояла на месте. И даже не на месте, а чуть поднявшись над землей, едва отъехав от станции фуникулера.

«Что там произошло? Почему она остановилась?» — он в нетерпении вернулся на дорогу, замахал руками. Гондола продолжала стоять.

«Да что с ней в самом деле? Что она медлит? Неужели вышел из строя какой-нибудь механизм? А вдруг ей самой стало плохо? Вдруг она в обмороке, без сознания?» — И, не раздумывая больше ни секунды, он помчался к фуникулеру.

Вот и гондола. Стоит метрах в ста от станции, и поднялась уже на такую высоту, что с земли не дотянешься.

— Миона, что с вами? Миона! — закричал Максим вне себя от тревоги. В ответ ни звука. А время бежит. Остаются, может быть, считанные секунды.

— Миона! Миона!!!

По-прежнему ни звука. Что же делать? Как помочь ей?

Как забраться на такую высоту? Максим лихорадочно переводил глаза с предмета на предмет. Да вот же, вот! Это дерево почти над гондолой. И тонкое, должно согнуться.

Он вмиг вскарабкался к самой вершине, повис на руках и мягко, как на парашюте, спланировал на крышу обтекателя. В гондоле было пусто... Что такое?! Выходит, он ошибся? Значит, это совсем другая гондола! Значит, Миона вне опасности. Значит...

Но в это время горизонт круто пошел вниз. Гондола над Максимом затряслась, как в лихорадке. Тело налилось свинцом. И, соскользнув с обтекателя, он рухнул вниз, на землю. Острая боль обожгла плечо и руку. Красные пятна пошли перед глазами. А в следующее мгновение невыносимая тяжесть навалилась на грудь. Железным обручем сдавило тело. И дыхание остановилось...

Очнулся Максим в постели, от мягкого пощелкивания какого-то прибора. Чувствуя боль и слабость во всем теле, он хотел повернуться на бок, но правая рука не повиновалась ему,

он не смог пошевелить даже пальцами. В страхе Максим открыл глаза и увидел, что весь правый бок его заключен в прозрачный колпак, сквозь который проскакивают слабые фиолетовые искорки. В памяти тотчас всплыло все, что произошло на озере. Видимо, это было вчера, потому что в окна светило утреннее солнце, и тени от деревьев вытянулись в сторону домика Мионы.

Он, сколько мог, приподнял голову от подушки, стараясь проникнуть взглядом сквозь плотную стену деревьев. Но все там, в домике, словно застыло в гнетущей неподвижности. Неужели с ней все-таки что-то случилось? Максим с тоской посмотрел на поврежденную руку. Сердце заныло от страшного предчувствия. Нет, это совершенно невыносимо — лежать здесь в полном неведении. Надо добраться хоть до экрана связи. Он попытался сбросить колпак. Но в это время стена спальни распахнулась, и в комнату вошла... Этана. Максим приготовился к худшему.

Однако лицо Этаны было непроницаемым. С привычной ледяной улыбкой она подняла руки для приветствия, быстро подошла к постели больного.

— Здравствуйте, Максим, — в голосе ее не было и тени тревоги. Но Максим не верил уже ничему:

— Этана... Ради всего святого! Что с Мионой?

— С Мионой? Миона занята своим обычным делом. Часа через два навестит вас. А что произошло с вами? — она села к изголовью Максима, мельком взглянула на его руку, перевела какой-то рычажок на колпаке.

Он невольно нахмурился. Меньше всего хотелось говорить о случившемся с Этаной. И она, видимо, поняла это:

— Если не хотите, не отвечайте. Я вообще могла не беспокоить вас сегодня. Вы сами просили о встрече.

— Ах, да! — вспомнил Максим. — Простите, пожалуйста. Все получилось так нелепо. Я очень хотел поговорить с вами. А вместо этого...

— Потому я и пришла сама. Нам, действительно, пора поговорить. Я не спешила с этим лишь потому, что хотела дать вам возможность освоиться в непривычной обстановке. Но больше откладывать, кажется, ни к чему.

Максим коротко кивнул.

— Итак, почему цивилизация Агно не может поделиться всеми накопленными знаниями с цивилизацией Земли? Вы ведь об этом хотели говорить со мной?

— Да, но сначала...

— Понимаю. Вам хотелось бы изменить мои представления о землянах, о вашей цивилизации?

— Да... — снова смутился Максим, удивленный столь поразительной проницательностью.

— Но прежде чем перейти к такой большой проблеме, как взаимоотношения цивилизаций, мне хотелось бы, как у вас говорят, поставить точки над 1 в другом, пусть небольшом, но тоже важном вопросе, вопросе взаимоотношения нас с вами, — она окинула Максима быстрым взглядом и, как ему показалось, усмехнулась. — То, как относитесь ко мне вы, я знаю...

— То есть? — насторожился Максим.

— Знаю, можете не сомневаться! — повторила Этана, уже не пряча усмешки. — А вот каково мое отношение к вам, придется сказать мне самой. Я отношусь к вам вполне благожелательно, Максим.

Он недоверчиво поднял на нее глаза. Этана понимающе улыбнулась:

— Да, здесь есть два «но». Во-первых, говоря так, я имею в виду вас как личность, но отнюдь не как представителя несимпатичной мне цивилизации. Во-вторых, действительно, было время, когда я относилась к вам иначе. Позже я объясню причину такой антипатии. Но, повторяю, это было давно. С тех пор изменилось многое. И вы

должны знать, что в свое время я была искренне опечалена вашими злоключениями в Ленинграде и вашим недомоганием на Лахтинском поле. Я прекрасно знала о «тайном» полете Мионы за вами и «тайных» заботах ее во время вашей болезни. Смешно бы было, если бы командир не знал, что делается у него на корабле. Все время полета Мионы в Лахту я не выходила из Центра дальней связи. А потом делала все возможное, чтобы восстановить ваше здоровье. Одной Мионе это было бы просто не под силу. Поэтому пусть вас не терзает мысль, что вы оказались на корабле без моего ведома.

— Спасибо, Этана.

— А теперь вернемся все-таки к вчерашнему происшествию. Вы знали об опасности? Миона предупредила вас?

— Да, она сказала мне об этом и объяснила, что нужно делать.

— Что же вы?

— Я собирался последовать ее совету, как заметил, что гондола, в которой, как я думал, должна была уехать Миона, почему-то осталась на месте.

— Так?...

— Но это могло значить либо неисправность гондолы, либо какое-то недомогание Мионы.

— И вы бросились ей на помощь?

— Как же иначе?

— Но вы знали, что подвергаетесь опасности?

— Эта опасность грозила и Мионе.

— Мионе не грозило ничего. Здесь вообще никому ничего не грозит. Это не на Земле. И с вами ничего не случилось бы, если бы Миона не забыла включить ваш элемент связи. Теперь он включен. Но не в этом дело. Пусть Миона действительно оказалась бы в затруднительном положении. Однако вы должны были отдавать себе отчет, что Миона у себя дома, что ей в тысячу раз легче выпутаться здесь из любого затруднения. Вам же была известна лишь одна-единственная возможность избежать опасности. Ну, скажите, — мне это очень важно знать, — что вы подумали перед тем, как броситься к гондоле?

— Я же сказал — подумал, что Мионе стало дурно.

— Да не о Мионе, а о себе! Что вы подумали о возможности своего спасения?

— Я как-то... не успел об этом подумать. Все произошло в считанные секунды.

— Чудесно! О ней успели подумать, а о себе нет!

— О ней я думаю всегда. А о себе... Кто же думает о себе!

— Вот! Так я этой представляла. Станный, феноменальный элемент человеческой неполноценности! Откуда он? Избавятся ли когда-нибудь люди Земли от этого? Или это так же непроходимо, как жестокость?

— Вы ставите это на одну доску?

— Смотря по тому, с какой точки зрения смотреть. Если оценивать этот ваш поступок и все ему подобные вне зависимости от судеб человечества, просто как действие абстрактного существа, ну, скажем, только друга моей дочери, то я, как мать, как женщина, готова преклоняться перед вами. Но если рассматривать его с точки зрения дальнейших судеб вашей цивилизации, то да — это бессмысленное самопожертвование, как и бессмысленная жестокость, в одинаковой степени являются тормозом в ее развитии, ибо то и другое стоит вне разума.

— Ну да, а разумом и только разумом и измеряется высота развития цивилизаций, так, по-вашему?

— Безусловно. И это отнюдь не мое личное мнение. Цивилизации, как и все в природе, развиваются по определенным законам.

— Я понимаю... А в чем суть этих законов, если не секрет?

— Законов много. Что вас интересует больше всего?

— Больше всего?... Ну, главная, если так можно выразиться, генеральная линия в развитии цивилизаций?

— Главное заключается в том, что любая цивилизация, развивающаяся должным образом, я подчеркиваю — должным образом, не имеет предела в своем развитии, ни во времени, ни в пространстве. Никакие процессы природы не могут явиться причиной гибели такой цивилизации. Напротив, рано или поздно она будет безгранично распространяться по Вселенной.

— Никакие процессы природы? А затухание центрального светила?

— Высокоразвитым цивилизациям становятся подконтрольны процессы, идущие в недрах звезд. К тому же, это отнюдь не единственный источник энергии и далеко не единственная точка вселенной, к которой должна непременно тяготеть цивилизация.

— Возможно. Но что значит — «цивилизация, развивающаяся должным образом»?

— Должным образом — значит, на истинно разумной основе.

— Та-ак... — сказал Максим, не желая пока уточнять этого последнего понятия. — А как мыслится безграничное распространение цивилизации по Вселенной?

— Речь идет о том, что представители высокой, истинно разумной цивилизации могут дать начало новым дочерним цивилизациям в тех из ближайших планетных систем, где есть соответствующие условия, но нет разумной жизни. Однако любая цивилизация, развитие которой пойдет по порочному пути, — поспешила добавить Этана, — не только никогда не расширит своих границ, но неизбежно придет к полному самоуничтожению. Кстати, примеры самоуничтожения цивилизаций известны. Поэтому во Вселенной нет и не может быть порочных высокоразвитых цивилизаций, какие изображают иногда ваши писатели-фантасты. Такие цивилизации уничтожают себя еще на стадии дикости, едва соприкоснувшись с высшими формами энергии или открыв случайно законы гравитации. И это следовало бы иметь в виду вам, землянам.

— Мы отдаем себе в этом отчет; А как ваши законы трактуют вопрос о взаимоотношении цивилизаций?

— Считается, что две цивилизации могут контактировать друг с другом, помогать друг другу знаниями, обмениваться информацией. Но лишь в том случае, если они стоят на более или менее одинаковой ступени развития. Однако никакая высокоразвитая цивилизация не должна вмешиваться в жизнь или оказывать какую-либо помощь слабо развитой цивилизации, ибо это может нанести последней только вред, толкнуть ее на полный развал и самоуничтожение. Или вы не согласны с этим?

— Нет, с этим я согласен. Но вот вопрос — что считать высоко развитой, а что недостаточно развитой цивилизацией? Ведь ни в одном из приведенных вами законов не сказано, что мерилom такой высоты является лишь разум.

Этана не попыталась скрыть досаду:

— Но это настолько само собой разумеющаяся аксиома...

— Для вас? Возможно. Для меня — нет. И не только для меня. Даже составители законов не разделяли столь категоричного утверждения. Иначе оно несомненно вошло бы в свод их правил. Вы ошибаетесь, Этана. И я надеюсь доказать вам это.

— Очень любопытно! — Этана даже встала с места и заходила по комнате. — Я вас слушаю.

— Только не сегодня, если позволите. Потому что, сами понимаете, вести полемику в таком состоянии... — Максим кивнул на поврежденную руку.

— Простите, пожалуйста. Мне самой следовало вспомнить об этом. — Этана вернулась к кровати, провела рукой над грудью Максима. — Вам, действительно, нужен покой. Мы вернемся к нашему разговору через два дня. А сейчас так. Руку я освобожу, здесь все в порядке. Но вот в груди... В общем, постарайтесь пока много не ходить. По крайней мере, сегодня. Я пришлю автомат, он поможет вам.

— Спасибо, Этана. Не нужно автомата. Я обойдусь.

— Обойдетесь без автомата?! Впрочем, дело ваше. Итак, до послезавтра. Всегда буду рада оказаться вам полезной. — Она вскинула к нему руки и вышла. Ни разу не обернувшись. Не сделав ни одного лишнего движения...

Проводив Этану взглядом, Максим с удовольствием вытянулся, повернулся на бок. Пальцы на руке были еще как чужие. Но боль в теле уже прошла, осталась только слабость.

Он взглянул на часы, мысленно перевел стрелки. Время подходило к обеду. Неплохо бы и поесть... Но какова Этана! Всю артиллерию главного калибра выкатила, чтобы оправдать свой запрет. И ударила вхолостую! Да, вхолостую, потому что он ждал таких возражений. Зато теперь он знал, что ответить Этане. Словом, первый бой прошел неплохо. Можно готовиться ко второму.

Максим устроился поудобнее, собираясь еще раз осмыслить все слабые стороны в рассуждениях инопланетянки. Но тут его мысли приняли совсем другой оборот.

«Представители высокоразвитой цивилизации могут дать начало новым, дочерним цивилизациям», — сказала Этана. Но как это происходит? В какой форме? Что, если нечто подобное случилось в свое время и на Земле? Что, если Антон был все-таки прав, и именно соотечественники Этаны два миллиона лет назад заронили первую искру разума в головы в общем-то готовых к этому обезьян?

Эта мысль ошеломила Максима, всколыхнула в памяти все прежние думы и сомнения. Но в это время стена спальни снова распахнулась, и Миона, стремительная, как ветер, полная тревоги и нежности, подскочила к нему, обхватила руками за голову, прижалась лицом к щеке:

— Милый мой! Нет-нет, ничего не говорите. Я все знаю, все чувствую. Я поступила бы так же. Точно так же! И вынесла бы любую боль. Но как ваша рука? — ее тонкие пальцы быстро пробежали от запястья к плечу. — Все хорошо, можете двигать ею, сколько угодно. А здесь? — рука Мионы скользнула на грудь, чуть задержалась под сердцем:

— Здесь еще кое-что есть. Но теперь я с вами. — Она поднялась, словно к чему-то прислушиваясь. — У вас была Этана?

— Да

— Долго?

— Все утро. Целую лекцию прочла.

— Конечно, ни больше ни меньше, как по проблемам вселенского масштаба?

— Как вы угадали? Речь шла о законах развития цивилизаций.

— Но она хоть покормила вас?

— Я не был голоден, Миона. Она покачала головой:

— Я должна извиниться за Этану.

— Да, право, у меня нет к ней ни малейших претензий.

— Вы полагаете, я не знаю Этаны. Но они все таковы, граждане системы Агно. Кибер избаловал их. Он так мелочно заботится о каждом жителе Системы, что те разучились думать друг о друге. Но я накормлю вас, независимо от того, голодны вы или нет. Идите умойтесь. А я приготовлю стол.

После обеда она усадила Максима в кресло под окном, сама села рядом на низкой скамеечке и сказала:

— Я хотела предупредить вас. Остерегайтесь Этаны.

— Остерегаться Этаны? Почему?

— Я не могу сказать точно почему. Но чувствую, понимаете, чувствую, что когда-нибудь она сделает вам больно.

— Однако она сказала, что относится ко мне вполне благожелательно.

— Да? Так она сказала? А зачем ей понадобилось это говорить?

— Ну... очевидно, просто так.

— За всю свою жизнь, мой друг, Этана не сказала ни одного слова просто так. И это свойственно всем им, всем гражданам Системы. Этана не лучше и не хуже каждого из них. Ни одного бесцельного поступка, ни одной ненужной фразы — вот во что вылилось там безраздельное господство разума. Я несколько раз была в Системе, через иллюзионорий, конечно, и знаю цену этому основополагающему принципу Агно.

— Но что может сделать Этана — убить, заточить в темницу?

— Нет, один из правовых принципов Системы категорически запрещает Лишать человека жизни или подвергать его любым физическим мукам. Но там нет никаких гарантий от мук душевных. С точки зрения Системы, это, пожалуй, и объяснимо. Трудно нанести душевную травму человеку, у которого нет души. Но вы, земляне, так ранимы в этом отношении. Я знаю по себе... До сих пор не могу забыть, как мучила меня Этана в течение многих лет после вашей женитьбе на Марине.

— Мучила вас?

— Да. Я, конечно, тоже была не в восторге от этого вашего поступка. Мне было больно, обидно, досадно. Но я жалела вас. Мне по-прежнему, а может быть, даже больше, чем прежде, хотелось помогать вам, хотелось видеть вас, знать, как вы живете. И это, видимо, больше всего ожесточало Этану. Она была неумолима. Не разрешала мне даже говорить о вас, не хотела слышать вашего имени. Вы словно перестали существовать. Я не знала, где вы, что с вами, больны вы или здоровы. Тщетно обшаривала я через оптические системы челночка окрестности Вормалея и Отрадного. Вас там не было. Я знала только, вернее, чувствовала, что иногда вам бывает очень плохо. В такие минуты я бросалась к Этане, просила, умоляла ее разыскать вас, узнать, что с вами. Она не хотела меня и слушать. Это были самые черные дни моей жизни. Миона вздохнула:

— Но вот вы вернулись в Отрадное. Я сразу почувствовала это. А вскоре и увидела вас. Вместе с Антоном. Как я была счастлива! Но уже на следующий день Этана запретила мне пользоваться челночком, заблокировала даже Центр дальней связи. Целыми днями металась я по кораблю, искала возможности установить с вами связь. Но что можно было сделать против Кибера и Этаны? Одна машина стояла другой...

Так повторилось и на следующее лето. Однако осенью, когда я почувствовала, что вы вот-вот снова покинете Вормалей, я взбунтовалась. Я пошла на неслыханное преступление, Максим. Вооружившись гравитоизлучателем, тайком от Этаны я разрушила блокирующую систему шлюзов и бежала в челночке на Тинто. Там я прежде всего соединилась с Этаной и заявила, что немедленно уничтожу челночек и себя, если они с Кибером попытаются вернуть меня на корабль. Этана вынуждена была уступить, взяв с меня лишь слово, что я не воспользуюсь спасательным снарядами и не покину окрестности Лысой гривы.

Так я на несколько дней обрела свободу, дышала одним воздухом с вами, а на экране челночка видела вас, Антона, Таню. Вы изменились. Стали взрослым мужчиной, сильным, умным. Но по-прежнему любили меня. Я это чувствовала. Это нельзя было не чувствовать. И вы подружились с Таней. Как я была рада этому!

Но потом я узнала ужасную вещь. Я поняла, что вы готовы согласиться с Антоном, будто меня совсем нет, будто я жила два миллиона лет назад. Два миллиона! Мне стало страшно. Так страшно, как никогда прежде. Но как я могла переубедить вас?! Времени оставалось совсем мало. Вы уже собирались уезжать. И я не придумала ничего лучшего, как дать приказ автоматам вложить в альбом Тани случайно оказавшуюся у меня памятную пластинку с моим изображением. Вы ведь видели ее?

— Да. Но почему она исчезла?

— Автоматам было дано указание уничтожить пластинку сразу, как только она побывает в ваших руках. Так, наверное, и случилось. А вскоре вы уехали. И снова я целую зиму ничего не знала о вас. Ждала, тосковала, плакала. Зато весной прямо заявила Этане, чтобы она не препятствовала моим полетам на челночке. Она вынуждена была согласиться. Даже не сказала о вас ни одного худого слова. Впрочем, я и не прислушалась бы к ним. Для меня вы давно стали единственным, любимым, и я уже не анализировала своих чувств. Они казались столь же естественными, как сама жизнь. Я просто любила вас так, как любят женщины Земли.

А между тем, именно этой весной я впервые начала понимать, что между мной и вами стоит стена, стена земных и наших условностей, преодолеть которую у меня не было никакой надежды. Будь я землянка, я просто пришла бы к вам и сказала, что люблю вас,

не думая больше ни о чем, не рассуждая, умно это или глупо. Но надо мной властвовал разум Системы. Я не могла не задать себе вопроса: а что дальше? Как, где мы могли бы быть вместе? Вы не могли покинуть Землю, я не могла уйти с корабля.

И все-таки этой весной что-то случилось бы, наверное. Земное чувство победило разум Системы, и так или иначе я решилась бы на встречу с вами. Однако Земля осталась Землей. Со всеми ее нелепостями и бессмысленностями. Вдруг я узнала, что, не успев приехать, вы собираетесь снова покинуть Вормалей, кто-то вынуждает вас к этому. Потом вы расстались с Антоном. Неплохо, но, как мне показалось, и не совсем хорошо. Встретились с Таней, даже остались у нее, но уже наутро простились с нею, надолго, на много дней.

Вероятно, Этана разбиралась во всем этом лучше меня. Она ничему не удивлялась, а в день вашего прихода на Тинто, ничего не сказав мне, вдруг одна улетела в челночке на озеро. Сначала это не очень расстроило меня. Признаться, мне и не хотелось видеть вас там на глазах у Этаны. В памяти еще жило воспоминание о первой нашей «встрече» на Лысой гриве. Но потом мной вдруг овладела такая тоска, такое страшное предчувствие большой беды, что я занемогла. Спешно прилетевшая Этана нашла меня в полубессознательном состоянии. Я могла спросить только, живы ли вы. Этана заверила меня, что у вас все хорошо. Но я успела заметить, что она как-то странно возбуждена и, конечно, что-то не договаривает.

Только через три дня я смогла снова вылететь на Тинто. Вылетела одна, украдкой от Этаны, и нашла вас... на Зубе Шайтана. Вы не представляете, какой ужас овладел мной. Ведь я знала, что ваш элемент связи отключен Этаной. Следовательно, я не могла связаться с вами, не могла оказать вам никакой помощи. А без этого вы могли сорваться, разбиться насмерть. Страх за вас парализовал все мои мысли, слезы мешали следить за вами. А надо было что-то предпринять. Срочно, немедленно! И я направила к вам автомат с переговорным устройством. Этана не разрешала пользоваться такими автоматами, слишком велик был риск раскрытия нашей тайны. Но я не могла придумать ничего другого. Я торопилась сказать вам, чтобы вы не взбирались дальше, к вершине, чтобы немедленно спускались вниз. Но, кажется, я не успела сказать и половины того, что хотела. Главный кибер заблокировал мой автомат. А сама я потеряла сознание...

Для меня так и осталось тайной, потеряла ли я сознание от страха или это было делом рук Этаны. В первом случае я должна была возненавидеть себя, во втором — навсегда потерять уважение к Этане. Я предпочла первое.

Очнулась я уже на корабле. И первый мой вопрос, естественно, был о вас. Этана сказала, что вы благополучно спустились со скалы, вам помогла Таня, но немного нездоровы и лежите пока в больнице. И вот тогда, Максим, я впервые сказала себе, что недостойна вашей любви. Таня, девушка, не имеющая абсолютно ничего, кроме любящего сердца, спасла вас. А я, со всем арсеналом системы Агно, не сделала для вас ничего, лишь потеряла сознание от страха. Правда, мне мешали Кибер с Этаной. Но я должна была придумать, как противостоять им, бороться с ними, может быть, умереть за вас. Ведь она умерла. А я... Я снова вернулась к этим дворцам, этому благополучию, этой роскоши. Да, я поняла, что на такую любовь, какой любила вас Таня, я просто не способна. Я осталась девушкой Системы. А вы достойны только любви землянки, любви бездумной, самоотрешенной, все сжигающей, как пламя пожара.

На следующий день Этана сказала, что минувшей ночью автоматы ликвидировали нашу базу на Тинто, и отныне мы будем совершать челночные рейсы на Землю где-то в окрестностях Лахты под Ленинградом. Ей это было удобнее, потому что предстояло лучше познакомиться с Ленинградом — городом, наиболее интересным в вашей стране. А мне было уже все равно. Мысленно я прощалась с вами навсегда. Мне было просто стыдно за все, что произошло. И все-таки захотелось увидеть вас в последний раз. Помню, я словно в каком-то забытии прошла в Центр дальней связи, включила Землю, и автоматы мгновенно разыскали вас. Я даже растерялась от неожиданности. Только после до

сознания дошло, что Этана снова подключила к Киберу ваш элемент связи. Но какое это имело теперь значение! Вы были на кладбище, прощались с Таней, прощались со всем, что привело вас к этому холмику земли. Я молча смотрела на вас и плакала вместе с вами. Я даже не обернулась, когда почувствовала, что за спиной у меня стоит Этана. Что привело ее в Центр связи? Раскаяние женщины или все тот же бесстрастный ум командира корабля? Но тут я увидела, как наш автомат опустился на могилу и укрепил там только что распутившийся астийский эдельвейс. Тогда я бросилась к Этане и прижалась лицом к ее плечу...

Так мы стояли долго. Просто стояли и молчали. Потом Кибер вызвал Этану к Главному пульту вводной системы. Я снова осталась одна. Вы улетали. В последний раз я видела ваши плотно сжатые губы и заметно побелевшие виски. Как я страдала за вас! И я не выдержала, включила передатчик голосовой связи и прошептала: «Лахта, запомните, Лахта!»

Миона замолчала, низко опустив голову. Максим обнял ее за плечи, мягко привлек к себе: — Любимая моя...

Она доверчиво прижалась к нему, спрятала лицо на груди.

— Потом я ждала, ждала, ждала... Знала что вам трудно. Но теперь вас травмировали люди. Против них мы были бессильны. К тому же я стала достаточно взрослой, чтобы понимать, что не имею никакого права вторгаться в вашу жизнь. А она становилась все запутаннее, все тяжелее. Даже Лара... Но о ней после, после. Что Лара, когда вы! потеряли даже сына. Удары сыпались на вас со всех сторон. Пропала ваша уверенность в себе. Заметно ухудшилось здоровье. Теперь, не доверяя Киберу, я сама днем и ночью следила за вашим состоянием. Уж смерти бы я вас не отдала! В крайнем случае примчалась бы на аварийном снаряде прямо к вам в дом или в вашу лабораторию. Пусть дальше было бы что угодно. Теперь я любила вас настоящей земной любовью. А на Земле не осталось ни одного человека, которому вы были бы так нужны, как мне. Но вы сами вспомнили обо мне, вспомнили мои последние слова, выехали в Лахту.

В безумном волнении, еще не зная, что будет дальше, я э»няла место в челночке. Пошли последние часы нашей разлуки. Большого нервного напряжения я не испытывала никогда. Страшно подумать, что было бы, если бы в мои действия вмешалась Этана. Я ни на секунду не выпускала вас из поля зрения оптической системы челночка. Несколько автоматов непрерывно замеряли все параметры вашего слабеющего организма. Весь арсенал наших средств реанимации был приведен в готовность. И при первых серьезных сбоях в работе сердца я стартовала вам навстречу... — она подняла наконец голову, легонько отстранилась от Максима:

— Теперь вы знаете все, мой друг. И обо мне и о моих чувствах к вам. А сейчас вы ляжете и постараетесь уснуть. К завтрашнему утру от вашего недуга не останется и следа. Но сегодня — больше никаких волнений! И...

— Миона!... — Максим встал и снова привлек ее к себе.

— И не будете удерживать меня у себя. Пожалуйста... Я прошу вас... — голос Мионы перешел на шепот. — Потому что мне самой не хватает сил уйти от вас... Потому что я сама только и жду той минуты... Но еще немного... Скоро я сама не отпущу вас от себя... Скоро... Совсем скоро... — она поцеловала его в губы и выскользнула из комнаты...

11

Робот Этаны появился точно через два дня. Максим едва успел позавтракать, как вход в столовую раскрылся, и оранжевый автомат, помигивая фиолетовым фонариком, вплыл в проем стены. Он бесшумно пересек комнату и остановился у самого стола. Усики-антенны «коровки» приподнялись, круглый глаз объектива уставился на Максима. Тот непроизвольно встал. В недрах автомата что-то щелкнуло, и он произнес на чистейшем русском языке:

— Командир просит вас к себе. Если вы свободны, можете следовать за мной.

Максим взглянул на часы. Времени было ровно шесть утра. Раненько назначает свидания Этана! Но так-то даже лучше.

— Я готов,—сказал Максим, невольно кивнув машине. Робот сейчас же развернулся и направился к выходу.

Максим поспешил за ним. Так дошли они до Дворца командиров, свернули в южную пристройку, поднялись по небольшой лестнице и, пройдя несколько пустых комнат, остановились перед высокой стеной с замысловатым барельефом. Робот сейчас же двинулся назад. И как только фонарик его исчез за поворотом, стена распахнулась, открыв большой овальный зал.

К удивлению Максима, уверенному, что Этана примет его в рабочем кабинете, передним была красивая гостиная, в центре которой стоял стол из золотисто-розового камня, а вдоль всех стен протянулся неширокий диван из полированного розового дерева. Окон здесь, как и всюду на корабле, не было, но чуть выше спинки дивана по всей длине стен, так же, как у Мионы, задрапированных белой шелковистой тканью, тянулся сплошной ряд зеркальных светильников, источающих близкий к дневному свет. Пол зала был сделан из полированных плиток темных тонов дерева, потолок выложен цветной мозаикой, изображающей восход Риги. В глубине комнаты виднелся музыкальный инструмент, подобный тому, что он видел у Мионы. На столе стоял большой букет цветов и несколько ваз с фруктами.

Не менее удивила его и сама Этана. На этот раз она была в белом, сильно открытом платье, с прической, собранной в один узел, небрежно заколотый крупной аквамариновой шпилькой, а главное — с почти теплой, даже приветливой улыбкой.

Она встала с дивана и пошла ему навстречу с традиционно поднятыми руками. Он молча поклонился. Этана подошла совсем близко, на миг опустила веки и вдруг ослепила его изумрудной вспышкой, вырвавшейся из-под вскинутых ресниц.

— Здравствуйте, Максим, счастлива вас видеть. Руки инопланетянки были все еще протянуты к нему,

и он не придумал ничего другого, как поцеловать ее пальцы. Впрочем, она не выразила ни малейшего неудовольствия:

— Садитесь, прошу вас, — Этана опустилась на диван, жестом показывая место возле себя. Максим неловко сед поодаль. Однако она передвинулась к нему ближе, неумовимым движением изменила освещение на более спокойное, зеленоваточ:умеренное, непринужденно положила руку на плечо Максима:

— Рада буду слышать обещанное вами доказательство, что разум не является мерилom высоты развития цивилизаций.

Максиму снова едва удалось скрыть удивление. Уж двумя-тремя фразами можно было бы обменяться, прежде чем приступить к столь серьезной полемике. Однако Этана считала это, видимо, совершенно излишним. Максим постарался собраться с мыслями:

— Это не совсем так, Этана. Я говорил, что разум не является единственным мерилom.

— Вот как! Что же имеется в виду еще?

— Вы сами скажете об этом. Но прежде позвольте задать один вопрос. В прошлый раз вы неоднократно упоминали о цивилизациях «не истинно разумных», идущих по «порочному пути», развивающихся «не должным образом». Что значит это?

— Это значит многое: и чрезмерную концентрацию власти в руках одного или нескольких людей планеты, и безграничное накопление оружия, основанного на высших формах энергии, и вовлечение в арсенал междоусобных войн биологического фактора, и злонамеренные эксперименты по изменению генетического кода человека, и создание искусственных полуразумных, заведомо порочных организмов, и увлечение изготовлением недостаточно контролируемых кибернетических устройств, и прочее, и прочее...

— То есть то, что можно было бы объединить в понятие антигуманизма?

— Пожалуй.

— Следовательно, мыслимы цивилизации высокогуманные и негуманные?

— В принципе, да.

— Но это и будет другим мерилom совершенства цивилизаций.

— Понятие разума включает в себя и понятие гуманизма, — спокойно возразила Этана.

— Должно включать! — резко ответил Максим.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что в действительности это, видимо, не всегда имеет место. Биологический фактор в войне, то есть намеренное уничтожение целых стран, целых народов искусственно выведенными возбудителями болезней? Это вы хотите сказать?

— В частности, и это.

— Но кто вызывает к жизни такую мерзость, разве не ум ученого? И разве не разум создает термоядерное или еще более страшное оружие, не разум рождает полчища тупых беспощадных машин, уничтожающих впоследствии все живое? Или вы допускаете существование двух разумов — гуманного и негуманного?

— Ни в коем случае. Речь может идти лишь о двух ступенях в развитии разума: низшей и высшей. На первой, действительно, возможно проявление такого антигуманизма. Для второй это абсолютно исключено.

— Понятно. И вот эти-то цивилизации низшего разума и стоят как бы на распутье, подняться ли на более высокую ступень или прийти к полному самоуничтожению?

— Вы совершенно правы.

— Что же, по-вашему, предопределяет то, каким путем они пойдут?

— Во всяком случае, не помощь иной цивилизации.

— Но все-таки? — не отступал Максим.

— Масса факторов может склонить чашу весов в ту или другую сторону. Общих закономерностей здесь нет.

— Вы так думаете?

— Я знаю это.

— Поэтому и не можете сказать, каким путем пойдет развитие цивилизации Земли, хотя уверены, что мы стоим на распутье?

— Вам виднее это.

— Допустим. Но разве для вас безразлично, каким путем мы пойдём дальше?

— Нет, не безразлично. Мне очень хотелось бы видеть землян на высшей ступени разума. Но, поймите, помочь вам в этом я не могу ничем, абсолютно ничем. Ибо о каких-либо проповедях не может быть и речи, — их достаточно произносится и на Земле. Передать же вам все наши знания я просто не имею права. Вы не доросли до них. Это все равно, что дать ребенку бомбу. Ну разве могу я, к примеру, сообщить вам сведения о гравитации, энергии мезонного поля, технике преобразования генетического кода и тому подобном? Повторяю, вы не доросли до них.

— Кто — мы?

— Как кто? — усмехнулась Этана. — Вся ваша цивилизация, все человечество Земли.

— Ну да, особенно если прийти к выводу, что «вся планета фактически занята лишь одним: изготовлением и накапливанием оружия уничтожения друг друга», — вспомнил Максим недавно услышанное от Мионы. — Действительно, есть отчего предать нас анафеме! Но что значит «вся планета»? Разве я, мои отец и мать согласны были с этим? Разве хотели этого Антон, Лара, дядя Степан и другие знакомые вам земляне? А таких людей миллионы, абсолютное большинство планеты. Хотят и делают это лишь те, кто стоит у власти и в фанатическом, ослепляющем разум стремлении утвердить эту власть или отнять ее у своих политических противников готовы уничтожить сотни тысяч ни в чем не повинных людей, а то и всю цивилизацию планеты.

Но разве по ним, этим одичавшим от жажды власти сатрапам следует судить о характере цивилизации? Да и как вообще можно оперировать такими абстрактными понятиями, как народ, человечество, население всей планеты? Это же не какая-то аморфная

однородность, а совокупность отдельных индивидуумов, абсолютно разных по своему умственному, моральному, эстетическому уровню.

— Особенно на вашей планете, — подхватила Этана. — Просто калейдоскоп какой-то!

— Я думаю, это относится не только к Земле, но и к другим планетам, стоящим на такой же стадии развития. Иначе не из чего было бы формироваться тому законченно-совершенному типу разумного существа, какие составляют цивилизации, подобные вашей.

— Любопытно...

— Да. И вы, я полагаю, не до конца рассмотрели этот калейдоскоп. Слов нет, в многомиллиардном муравейнике, каким вам кажется, по-видимому, человечество Земли, найдется немало тупоумных себялюбцев да и просто отъявленных негодяев. И они, несомненно, прежде всего и схватываются объективами ваших автоматов-разведчиков. Но ведь основная-то масса людей, независимо от их националь-сти и социального положения, хотят лишь одного: честной спокойной жизни для себя и своих детей. К тому же вы наблюдаете планету, человечество как бы в виде мгновенной фотографии. Без истории его становления. Но можно ли судить о будущем, не зная прошлого?

Знаете ли вы, что около четырехсот лет назад мракобесы-церковники сожгли на костре выдающегося сына Земли, великого итальянского мыслителя, космолога и философа Джордано Бруно? Сгореть на костре... Можно ли представить смерть более мучительную и страшную! И он мог избежать ее, сказав лишь одно слово отречения. Однако Бруно предпочел смерть отступничеству от своих идей. И красные гвоздики на Площади цветов в Риме, где когда-то пылал костер инквизиторов, до сих пор славят подвиг одного из творцов нашей цивилизации.

А можете ли вы Понять, как русский революционер Николай Кибальчич, двадцатисемилетний молодой человек, приговоренный к смерти через повешение, в своей одиночной камере Петропавловской крепости, боясь упустить хоть одну минуту из оставшихся ему часов жизни, чертил острием камня Ш тюремной стене схему изобретенного им ракетного двигателя и вместо просьбы о помиловании писал: «Если моя идЦ[будет признана исполнимой, то я спокойно встречу смерть, \зная, что эта идея будет существовать среди людей, для которых я готов пожертвовать жизнью».

— Но все это из области чувств, эмоций, — возразила Этана. — Я знаю, этого на Земле больше чем достаточно. Однако, поймите, цивилизацию создают не чувства, а разум. Только разум! Сейчас вы привели несколько примеров проявления чувств прекрасных, изумительных. Мне было очень приятно вас слушать. Но с таким же успехом вы могли привести и другие примеры — проявления чувств ужасных, отвратительных. Насколько я знаю, эти два начала находятся у вас в постоянной борьбе. И борьба эта может продолжаться бесконечно. До тех пор, пока не поставит в ней окончательную точку разум. Поверьте, вы не избавитесь от своей дикости до тех пор, пока каждый из вас, землян, не станет настолько умным, что сам, своим собственным рассудком поймет, насколько бессмысленно и нерационально собирать и копить деньги и прочие материальные ценности, уклоняться от труда, стараться урвать от общества больше, чем оно может дать, грубить, унижать, портить настроение ближнему, опьянять себя наркотиками, стремиться подчинить своей власти других людей. Чувства могут оправдать все это. Разум — никогда!

— Я не согласен с вами, Этана. Я понимаю ваше негодование по поводу многочисленных пороков, от которых, действительно, еще не освободилась определенная часть человечества. Хорошо вам теперь, с пьедестала, воздвигнутого многомиллионнолетней цивилизацией, провозглашать истины вселенского масштаба и воздавать хвалу разуму, обрушиваясь на человеческие чувства. Сейчас они вам мешают. Но чем были бы вы без них?

Кто будет сомневаться, что главным двигателем человеческого прогресса является разум. Но почему все-таки бывают цивилизации истинно разумные, высокогуманные, а бывают и

порочные, обреченные на самоуничтожение? Почему одни из них нашли в себе силы выйти из состояния «дикости», а другие окончательно погубили все достижения разума? Вы не видите здесь общих закономерностей. А я вижу. Все дело здесь именно в тех благородных чувствах, той способности людей к самопожертвованию, против которых вы так негодуете.

Сейчас цивилизация Агно достигла таких высот, что ей, кажется, не в чем упрекнуть себя. Но ведь было и у нее начало. Было такое же состояние «дикости», как у нас на Земле. Что вывело ее из такого состояния? Только разум? Едва ли. Вы просто не знаете об этом, потому что потеряли связь с далеким прошлым. А мы знаем, потому что переживаем это сейчас. И нам сегодня еще надо много чувства любви и ненависти, чувства благородной злости и самопожертвования, чтобы вывести цивилизацию Земли на путь истинного прогресса. Неужели вы не согласны со мной?

Этана долго молчала, словно взвешивая все сказанное Максимом. Наконец улыбнулась мягкой задумчивой улыбкой:

— Во всяком случае, мне было интересно послушать вас. Я должна буду о многом подумать и, как знать, может быть кое-что переосмыслить после этого разговора с вами.

299

Красные гвоздики на могиле Бруно... Да, этого наши автоматы не заметили. А между тем, видимо, не случайно была и в нашей истории эпоха Ингрезио...

— Эпоха Ингрезио? — вспомнил Максим рассказ Мионы.

— Да, была у нас такая в глубокой древности. Я расскажу как-нибудь. А сейчас...

Максим поспешил встать:

— Я понимаю, я отнял у вас слишком много времени.

— Нет, не понимаете, — неожиданно рассмеялась Этана. — Я не считаю беседу с вами потерянным временем. Напротив! И мы еще продолжим этот разговор. Что же касается нашего небольшого конфликта, — улыбнулась инопланетянка, — то давайте договоримся так. Я сниму ограничения с общих вопросов гравитации, без которых, действительно, невозможно познать теорию строения вещества. Честно говоря, я не думала, что вы захотите изучить ее так глубоко. Однако кое-какие детали, связанные с использованием гравитационных волн и энергии гравитационного поля...

— Я понял вас, Этана. Того, что вы разрешаете, — достаточно. Благодарю вас.

— Вот и хорошо. А сейчас мне хотелось бы познакомить вас с одним любопытным феноменом. Сегодня Кибер принял и записал передачу очень далекой цивилизации, пытающейся установить контакт с иными мыслящими мирами. Сигналы идут откуда-то из глубин Галактики, со стороны ее центра, но представляют собой лишь бессмысленный набор математических абстракций. Видимо, это свойственно всем не очень высокоразвитым цивилизациям — убежденность, что иные мыслящие миры смогут понять лишь самую наипростейшую символику.

— А вы могли бы расшифровать любые сигналы?

— Разумеется. Но в данном случае меня настораживают два обстоятельства. Прежде всего то, что сигналы передаются на гравитационных волнах, — принцип передачи информации, которым пользуются обычно только высокоразвитые цивилизации.

— Почему так?

— Более примитивному разуму он просто не под силу. Слишком сложна система модуляции этих волн и слишком низок уровень сигнала по сравнению с уровнем помех, создаваемых посторонними массами. Зато неоценимой особенностью их, выгодно отличающей от используемых вами электромагнитных волн, является исключительная всепронцаемость и незатухание при прохождении через материальные объекты. Рано или поздно и вы перейдете на такой тип связи. Кстати, эпоха радиосвязи в истории развития любой цивилизации занимает крайне незначительный срок. Именно этим объясняются неудачи ваших ученых в попытках установить контакт с иными мыслящими мирами посредством электромагнитных волн. Так вот, первое, что наводит на размышления в

полученных нами сигналах, это то, что они идут на гравитационных волнах. И второе — что передача ведется сразу по двум каналам: по одному, как я уже сказала, передается набор математических абстракций, а по второму — искусно закодированные звуковые сигналы, которые оказались своеобразной музыкой. Впрочем, сейчас вы увидите сами. Пройдемте сюда, в соседнюю комнату.

Максим прошел за Этаной в большой зал. Они сели в кресла. И сразу, как только погас свет, на огромном экране, занимавшем всю переднюю стену зала, замелькали знакомые всякому образованному человеку математические теоремы, фундаментальные константы физики, основные понятия о полях и излучениях.

Все это было, конечно, небезынтересно. Однако лишь постольку, поскольку исходило от далеких братьев по разуму. Но что действительно потрясло, так это музыка. То был сплошной вопль безысходности, сплошной страх перед чем-то уходящим, исчезающим, неотвратимым. И в то же время! ухо улавливало нотки мольбы о помощи, робкие, нерешительные, но тем сильнее берущие за душу. Максим взглянул на Этану. На лице ее застыла насмешливая гримаска:

— Ну, что вы на это скажете? Кому и зачем понадобилось тратить такую уйму энергии, чтобы пронзить чуть ли не всю галактику столь примитивной информацией? А звуковое сопровождение! Неужели во всей их музыке не нашлось ничего более оптимистического и жизнеутверждающего? Нет, все это могло быть порождено лишь очень примитивной цивилизацией.

— А я так убежден в противном.

— Почему? — удивилась Этана. — Только потому, что передача идет со стороны центра галактики и ведется на гравитационных волнах?

— Нет, не поэтому. Гравитационные волны, как я понимаю, могли прийти и с противоположной стороны галактики.

— Именно так.

— А кстати, вы смогли бы им ответить?

— Что вы! Разве я располагаю столь колоссальными запасами энергии. Только Система с ее гигантскими гравито-генераторами смогла бы это сделать. И то, мобилизовав весь свой энергетический потенциал.

— Вот видите! Но дело даже не в этом. Я исхожу из музыкальной стороны передачи. Трудно допустить, чтобы она не несла никакой смысловой нагрузки. Музыка, несомненно, создана специально для передачи на космос, причем именно музыка, то есть то, что действует не столько на высокоразвитый мозг, сколько на почти подсознательную эмоциональность. А то, что она сопровождает столь примитивную символику, свидетельствует лишь о том, кому она предназначена, а отнюдь не о том, от кого она исходит.

— Но с какой стати высокоразвитая цивилизация будет искать контакт с только что формирующимся разумом?

— Вот на этот вопрос и может ответить музыка. Вы вслушайтесь в нее внимательнее. Это же вопль человека, сбившегося с пути, ужаснувшегося своим деянием, попавшего в собственные сети! Так почему не предположить, что это крик отчаяния, мольба о помощи цивилизации достаточно высоко развитой, но зашедшей в своем развитии в тупик?

— И рассчитывающей выйти из этого тупика с помощью цивилизации более примитивной?

— А вы совершенно исключаете такую ситуацию?

— Вы высказываете очень оригинальные мысли, но... Впрочем, надо подумать. Послушать еще, проанализировать эту музыку. Да и ваши соображения относительно энергетических возможностей передатчика не лишены смысла... А вот стилизованные изображения и самих авторов передачи!

— Совсем как люди! — воскликнул Максим.

— Вас это удивляет?

— Да, признаться. Хотя после того, как я увидел вас, так похожих на людей Земли...

— Но это же совершенно естественно. Как вы думаете, облик человека Земли случаен или воплощает в себе высшую степень целесообразности по отношению к тем условиям, где он живет, и той сфере деятельности, которая определяется разумом?

— Мне трудно ответить на этот вопрос.

— Почему же? Попробуем разделить его на отдельные элементы. Скажите, нужен ли человеку хвост?

— Нет, пожалуй, — рассмеялся Максим.

— А рога, копыта, когти, бивни?

— Нет, конечно!

— Поэтому ничего подобного и не может быть у мыслящего существа. Природа не допускает ничего лишнего. А теперь поставим вопрос так: мог ли бы человек жить без глаз, без ушей — именно ушей, а не слуховых дырочек, без носа — и опять-таки, носа, а не отверстия для дыхания, в которое беспрепятственно попадала бы вода, пыль, в котором

не мог бы очиститься и согреться, без рта, языка, зубов, мог ли бы он жить и работать без рук, этого удивительнейшего универсального инструмента, какой только могла создать природа?. — Нет, разумеется, но...

— Но, может быть, ему удобнее было бы иметь не два, а один глаз, одно ухо, три ноздри?

— Все это понятно, Этана. Иначе не было бы стереоскопичности зрения, слуха, обоняния. Словом, каждый орган отработан в совершенстве. Но общая компоновка их? Ведь если взять все многообразие животного мира одной лишь нашей Земли...

— А зачем брать все многообразие? Вам должно быть известно, что только низшие формы жизни могут без конца варьировать в морфологических признаках. Для высокоорганизованных животных это почти исключено. Недаром даже такие, сравнительно далекие друг от друга таксономические единицы, как рыбы, киты, дельфины, имеют почти одинаковое строение тела, обусловленное спецификой образа их жизни, спецификой условий существования. У разумного существа, человека, таких возможностей еще меньше, практически нет совсем. Потому что наличие разума позволило ему развиваться как универсальному организму, одинаково приспособленному для жизни в любых условиях. А эта универсальность, ее высшее проявление однозначно, ибо здесь вступают в силу уже законы математической логики. Вот почему мы с вами так похожи друг на друга, — улыбнулась Этана. — А теперь, простите, я покину вас.

Максим вышел из Дворца и, пройдя по раскаленным плитам площади, спустился к озерной котловине. Но сегодня было жарко и здесь. Ветер почти не чувствовался. Солнце пекло немилосердно. Он решил побыстрее укрыться в прохладном информатории, однако сверху, со стороны станции фуникулера, его окликнула Миона.

— Максим, куда вы? Подождите! — она сбегала к нему вниз, коснулась ладошками разгоряченного лица. — Вы совсем запарились!

— Душно сегодня. Жаль, что у вас не бывает дождей.

— У нас не бывает дождей! А вам хотелось бы побегать под дождем? Пожалуйста! — она отошла чуть в сторону и, отыскав в верхней части склона небольшой щиток с клавиатурой, нажала несколько кнопок.

— Теперь смотрите!

Максим поднял глаза к небу. Не прошло двух минут, как мощные дымчато-сизые облака, клубясь и разрастаясь, выплыли из-за северной оконечности острова, за отмелью Аулоро, и быстро затянули весь небосклон. Все сразу насторожилось. Влажный ветерок прошумел в кустах. Первые капли упали на розовые плиты. А еще через мгновение раздался удар грома, и плотный проливной дождь обрушился на озеро и прибрежные леса.

Миона вскинула на Максима торжествующие глаза:

— Как дождь?

— Здорово!

— Теперь бежим!

— Куда? — растерялся Максим. — Я уже весь вымок.

— Еще бы! Кто бежит под дождем в одежде. Все лишнее — долой! Ну-ка отвернитесь, — и не успел Максим стянуть с себя намокшую рубашку и брюки, как она крикнула: — Готово, догоняйте!

Максим обернулся к ней. Миона успела сбросить с себя все. Лишь две белые «чашечки» из легкой шелковистой ткани каким-то чудом держались на груди, да такие же точно плавки плотно облегали крепкие, точно из мрамора, бедра. На память пришло когда-то прочитанное утверждение одного искусствоведа, что Венера Милосская не представляет собой истинно -художественного произведения, поскольку ни одна из женщин не имеет столь совершенных и чистых форм. Нечто подобное испытал сейчас и Максим, непроизвольно скользнув взглядом по груди, ногам, талии обнаженной девушки.

«Такого просто не может быть!» — мелькнуло у него в мозгу, прежде чем он сообразил, что видит раздевшуюся Миону. А она уже сорвалась с места и припустилась по гладким плитам.

Он бросился за ней следом. Но это оказалось не так просто. Тугие струи дождя хлестали по лицу, заливали глаза, уши. Дыхание сбивалось. А Миона была уже далеко.

Но вот она выбежала на пляж и остановилась, смеясь и протягивая к нему руки. Он подбежал к ней, хотел ухватить за мокрые плечи, однако она ловко увернулась, сбежала к самой воде и помчалась по узкой полоске розового песка, непрерывно оборачиваясь и подзадоривая его веселым смехом. Он старался не отставать. Это было, оказывается, ни с чем не сравнимое удовольствие — бежать по мокрому чуть пружинящему песку, когда сверху обрушиваются потоки воды, а озеро словно кипит тысячами фонтанчиков, вздымающихся от падающих в него капель.

Но Максим видел перед собой только Миону. Она бежала удивительно легко, едва касаясь ногами песка, и давно ушла бы от него, если бы время от времени не останавливалась и не петляла из стороны в сторону.

Наконец она остановилась, подняла руки вверх, запрокинула голову — живое изваяние несказанной красоты. Теперь он даже в мыслях не смог бы прикоснуться к ней. Но она сама обхватила его за шею и, поцеловав в губы, бросилась в кипящую воду озера.

Максим прыгнул за ней, ушел на глубину, открыл глаза и сразу увидел золотистое облачко волос, точно такое, как много лет назад в холодной полутьме вормалеевского омута. И так же, как тогда, он ринулся к нему. Однако Миона с непостижимой легкостью дважды обошла вокруг него и свечой пошла вверх. Он вынырнул на поверхность, готовый выложить все силы, но догнать ее. Однако Миона и не думала уплывать. Дождь, оказывается, прекратился, солнце вырвалось из-за туч, и она неподвижно лежала на воде, положив руки под голову и глядя в небо.

Максим подплыл к ней:

— А помните, Миона, как много лет назад...

— Помню, Максим. Все до малейших подробностей. — Она убрала руки из-под головы, как-то странно улыбнулась ему. Потом вдруг закрыла глаза и, внезапно побледнев, ушла под воду.

Что это, головокружение, обморок? На миг он совершенно растерялся. Сквозь прозрачную воду было видно, как Миона погружалась все глубже и глубже. Глаза ее были по-прежнему закрыты, тело казалось безжизненным. Тогда он бросился к ней, подхватил под руку и что было сил поплыл к берегу. Миона не приходила в себя. Голова ее свесилась вниз, лицо еще больше побледнело. Коснувшись ногой дна, Максим поднял девушку на руки и вынес на берег:

— Миона, что с вами? Миона!

Она медленно раскрыла глаза, обхватила Максима за шею, лицо ее порозовело:

— Это, наверное, очень смешно, — услышал он ее приглушенный шепот. — Но мне так захотелось, чтобы повторилась та минута... Тогда я испугалась, глупая, думала, умру от

страха, а теперь... — Она притушила в ресницах изумрудные сполохи, прижалась к его груди. — Теперь я, кажется, умру от счастья...

12

Новый вызов Этаны застал его опять в информатории, где он только что разобрался в одном из сложнейших вопросов теории гравитации и, чувствуя смертельную усталость, отключился от электронного наставника. Довольный своим успехом и создавая, что выжал из себя все, что мог, Максим хотел вызвать Миону и предложить ей провести остаток дня где-нибудь на воздухе, когда раздался сигнал ближней связи, и на экране появилась Этана... Как всегда, безукоризненно прекрасная, она протянула к нему руки и ослепила знакомой, точно сквозь ледяную призму, улыбкой:

— Добрый день, Максим! Сегодня вторая половина дня у меня свободна, и я с удовольствием продолжила бы нашу беседу.

Вот некстати! Меньше всего хотелось сейчас спорить с высокомерной инопланетянкой. Но он был ее гость. И потому лишь послушно кивнул в ответ:

— Спасибо, Этана. Когда мне зайти к вам?

— Сразу, как освободитесь. Я собралась пообедать и буду рада, если вы составите мне компанию.

Через несколько минут Максим снова поднялся в заднюю пристройку Дворца командиров и, пройдя знакомым путем, остановился перед входом в овальную гостиную. Стена с барельефом мгновенно раскрылась и тотчас захлопнулась за ним, словно отрезая все пути к отступлению.

Максим огляделся, мысленно подыскивая первые слова приветствия. Но в гостиной не было никого. Он в недоумении прошелся по комнате, остановился у одного из светильников. Этана не появлялась. Неужели он что-то перепутал?...

Однако в следующую минуту раздался тихий звон, и в комнату, помигивая фонариком, вплыл знакомый оранжевый автомат. Глаза-объективы робота остановились на Максиме:

— Командир просит извинения за отсутствие и приглашает следовать за мной, — робот развернулся и, не останавливаясь, двинулся из комнаты. Максим поспешил за ним. Вскоре они остановились перед глухой серебристой стеной.

— Войти в помещение Главного пульта вводной системы Кибера можно лишь по приглашению командира, — бесстрастно отчеканил робот и, мигнув фонариком, исчез в проеме боковой стены.

Максим остался один. В узком, замкнутом со всех сторон коридоре было больше, чем неуютно. Но теперь оставалось только ждать. Впрочем, ждать пришлось недолго. Белая стена вдруг исчезла, и он увидел Этану.

— Проходите, Максим! — сказала она, протягивая к нему руки. — Вместо обеда, как видите, приходится решать не терпящие отлагательства дела. Садитесь вот сюда. И пока ни о чем не спрашивайте. Позже я все объясню.

Максим понял, что вошел в святая святых корабля. Все кругом, включая пол и потолок большого круглого зала, было занято бесчисленными экранами, тумблерами, циферблата-

ми приборов. Лишь в центре зала, перед вращающимся пультом стояло кресло, в которое снова села Этана. Сам Максим примостился на небольшом стульчике у входа. Здесь же размещался экран ближней связи.

«Так вот где Этана проводит большую часть своего времени», — подумал Максим, вспоминая, что именно за этим пультом увидел инопланетянку, когда та впервые вызвала его по ближней связи, и наблюдая, как она молниеносно переключает тумблеры, включает и выключает экраны с бегущими кривыми, подает короткие сигналы голосом.

Наконец она откинулась на спинку кресла, повернулась к Максиму:

— Очень серьезная ситуация, мой друг. Малое космическое тело, которое вы называете Гермес, и которое движется по очень вытянутой орбите, снова приближается к Земле.

— Да? — насторожился Максим. — Так было уже. В 1937 году, если мне не изменяет память, он промчался всего в семистах восьмидесяти тысячах километров от Земли. Опасались даже столкновения. Как недавно с Икаром...

— Икар сейчас далеко, — перебила Этана. — А Гермес совсем рядом. И на этот раз, по расчетам Кибера, должен войти в соприкосновение с Землей.

— Как войти в соприкосновение? — не сразу понял Максим.

— Разве я недостаточно точно выражаюсь? Траектория астероида такова, что должно произойти соударение его с планетой. А как следствие — мгновенное выделение тепловой энергии, эквивалентной взрыву сотен самых мощных ваших водородных бомб, нарушение равновесия Земли на орбите, превращение в пустыню миллионов квадратных километров суши или молниеносный переход в пар многих кубических километров океанических вод, ну и резкое усиление тектонических процессов: землетрясения, выбросы магмы и прочее... — бесстрастно перечисляла Этана. А Максим почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове.

— Когда... это..... произойдет?... — еле выдавил он из себя.

— Должно было произойти, — наконец улыбнулась Этана. — Неужели вы думаете, мы допустим это? Я сейчас же приму меры. Кибер заканчивает последние расчеты по нанесению гравитационного удара по астероиду. А пока... Вы не возражаете, если мы пообедаем здесь, как говорится, на ходу? Мне часто приходится так...

— Да, конечно, как вам удобнее.

И не успел Максим договорить, как возле него вырос столик, а невесть откуда взявшийся робот сейчас же поставил перед ним и Этаной подносики с едой.

— Ешьте и не обращайтесь на меня внимания, — сказала Этана, пододвигая к себе тарелочку с розовым желе. Однако Кибер вновь отвлек ее коротким докладом. Выслушав его, Этана решительно нажала на одну из клавиш:

— Я включаю автомат-переводчик, чтобы вы не испытывали чувства неудобства. У меня нет от вас никаких секретов.

Максим кивнул в знак благодарности:

— Значит ли это, что вы всегда говорите только правду?

— У нас нет таких понятий: говорить правду или лгать. Мы говорим только то, что считаем целесообразным.

— Понятно. Значит, если вы сочтете, что мне целесообразнее не знать о чем-либо, то с чистым сердцем скроете это от меня?

— Разумеется, — просто ответила Этана. — Но это может касаться только меня, моей личной жизни, звездолета АО Тэо Ларра или системы Агно. Что же касается наших отношений с Землей, то вы будете знать все.

Кибер опять заговорил:

— Командир, с территории Советского Союза стартовала ракета в сторону Луны. На борту самоходная установка и обычный комплекс приборов. Трасса ракеты и траектория корабля не пересекаются.

— Ясно. Программа наблюдений прежняя.

Этана съела несколько кусочков желе, разломив на части небольшой фрукт.

— Командир, — снова раздался голос Кибера, — на северо-востоке Китая взорвано термоядерное устройство. Мощность — двенадцать мегатонн. В сфере значительного повышения радиоактивности — острова Японии, Монголии, Индокитай, Индостан, Цейлон. Включаю экран.

Максим поднял глаза. Страшное фиолетово-черное облако медленно поднималось над каменистой пустыней, постепенно приобретая очертания огромного клубящегося гриба. Этана нервно отодвинула подносик с едой:

— Еще несколько тысяч больных, калек, преждевременно умерших от действия радиации! И это в то время, когда к планете приближается астероид!

— Этана, а там, на Земле, знают о приближении опасности?

— Нет, телескопы Земли еще не могут обнаружить астероид. Но если бы хоть небольшая часть средств, которые тратят земляне на вооружение, была направлена на создание совершенной службы космоса, то они уже знали бы о приближении Гермеса, а накопленный запас расщепляющихся материалов вполне позволил бы им отогнать астероид от планеты. Однако, я уверена, они не сделают этого, если даже предупредить их.

— Я не думаю, что это так, Этана.

— Вы не думаете? А разве нищета и голодная смерть, на которую обрекает гонка вооружений миллионы жителей Земли, менее страшна, чем удар астероида? И разве фабриканты оружия не знают об этих миллионах? Или еще пример. Знаете ли вы, что ваши курильщики табака, отравляя себя и окружающих, отнимают бесценные годы жизни так же, как любое смертоносное оружие? И Их предупреждают об этом! Предупреждают многие годы. А результат?

— Но как можно сравнивать этот пустяк с той опасностью, которая нависла сейчас над Землей?

— Как можно сравнивать? А давайте все-таки сравним, — она быстро дала какую-то команду Киберу.

Через минуту последовал ответ:

— Употребление табака уменьшает среднюю продолжительность жизни землян на семь лет. Взрыв астероида с учетом прямой гибели части людей и ухудшения жизни вследствие уничтожения большей части жизненных ресурсов в пересчете на все население земного шара уменьшит продолжительность жизни нынешнего поколения на два с половиной года.

— Вот вам и пустяк!

Максим пристыженно молчал. Этана снова нажала на одну из клавиш. Кибер сейчас же доложил:

— Расчеты по гравитационному удару по малому космическому телу закончены. Включаю главный телескоп.

Над пультом вспыхнул другой экран. Огромная иссиня-черная скала висела там в звездной россыпи, слабо поблескивая остро зазубренными пиками вершин.

— Вот он, Гермес! — сказала Этана, пристально всматриваясь в глубину экрана. — Масса около трех миллиардов тонн. Объем — чуть больше кубического километра. Что же касается поперечника, то... Да вот хоть проекция на него вашего Московского университета. — Этана быстро произвела несколько манипуляций на пульте, и голубоватый пунктир всем известного здания на Ленинских горах тотчас вписался в контуры астероида, заняв лишь небольшую его часть. Скала сразу точно выросла во много раз.

— Какой кошмар! — невольно воскликнул Максим, лишь теперь уразумев, что значит это «чуть больше кубического километра», — Да, увесистый камешек! Страшно подумать, что произошло бы от столкновения его с Землей. Но... Смотрите!

Короткий предупреждающий звонок раздался где-то в вышине. Легкий толчок вдавил Максима в сиденье стула. А мрачная скала вдруг качнулась, сдвинулась с места, затем, словно подхваченная вихрем, рванулась в сторону и быстро исчезла в черных глубинах пространства.

— Все! Земляне могут спать спокойно. — Этана встала. — Пойдемте выйдем на свежий воздух. Я страшно устала. Почти не спала этой ночью. Потерпел аварию один из челночных кораблей на Марсе. Прямое попадание метеорита. Кибер, видите ли, распорядился отключить защитное поле. И вот результат. Хотя, действительно, за это был один шанс из ста миллиардов. Кибер считать умеет. А мне пришлось не спать ночь. Еле подняли корабль с планеты. Теперь не меньше месяца уйдет на ремонт. А чем измерить иервиое напряжение, которое пришлось пережить? Словом, я имею право немного погулять. Или... Хотите побывать в одном из миров системы Агно?

— Как побывать? — удивился Максим.
— Почти побывать, пережить такое путешествие.
— Вы имеете в виду иллюзионорий?
— Да, но вы едва ли представляете все его возможности. Идемте! — она встала с кресла и нажала клавишу на пульте.
— Несколько часов я буду в Главном иллюзионорий. Вызывать лишь в случае острой необходимости.
— Ясно, командир.

13

Через минуту они были в знакомом черном зале. Этана пригласила Максима сесть в кресло, помогала замкнуть зажимы на руках, надела на голову серебристый обруч:

— Постарайтесь ничему не удивляться. Все речевые сигналы будут синхронно переводиться на ваш язык, все единицы меры — длины, времени и тому подобного, выражаться в земных единицах. Я буду с вами.

Светильник погас. Мгновенье темноты. Знакомое головокружение. И ослепительное солнце залило небольшую каменную площадку, где стоял он теперь с Этаной, с удивлением рассматривая открывшиеся дали. Площадка оказалась крышей высокого здания, и потому горизонт раздвинулся необычайно. Густые леса вздымались с трех сторон, сбегая к бирюзовому морю. Белые свечи домов то тут, то там тянулись к аквамариновому небу. Огромные купы облаков медленно плыли над самой головой. Все это — и солнце, и море, и свечи домов, вздымавшиеся из густых зарослей, были точно такими, как на звездолете Этаны. Но было здесь и что-то еще, что сразу подсказало Максиму: он на одной из планет Агно.

С чувством захватывающего интереса смотрел он на этот мир, затерянный совсем в другом конце Галактики. А Этана подошла к парапету крыши, где было укреплено нечто вроде приборной доски, и запросто произнесла:

— Сейчас я вызову гравилет.

— Как вызовете? Ведь мы...

— Мы в гостях у наших соотечественников, сейчас вы увидите, что значит настоящая цивилизация. — Этана отыскала нужную клавишу, и через минуту легкий летательный аппарат плавно и бесшумно опустился к ним на крышу.

— Садитесь, прошу вас, — кивнула она Максиму.

Он шагнул в гондолу, сел в глубокое пластиковое кресло. Этана заняла место рядом, неуловимым движением закрыла люк. Гравилет сейчас же пошел вверх. Далеко внизу остались свечи домов, строгий геометрический рисунок дорог и площадей, буйный разлив садов и парков, — весь остров, отороченный кружевом прибоя. Впереди лежал бескрайний океан.

Максим перевел глаза на Этану. Она была совершенно спокойна и вела аппарат так, словно все маршруты здесь были ей хорошо известны. Управлялся гравилет до смешного просто: скорость движения, как у фуникулера, задавалась нажатием педали, а маневры в воздухе — легким движением руки перед небольшим экраном: взмах руки в сторону — аппарат поворачивал влево или вправо, вниз — он опускался ниже, вверх — гондола взмывала ввысь.

Вскоре они миновали еще остров, такой же зеленый и красивый, потом цепь островов, наконец внизу показалось идеально правильное зеленое кольцо. Этана повела аппарат на снижение:

— Взгляните, Максим. Это искусственный остров. Вы уже слышали, наверное, что на планетах Агно слишком мало суши. И наши инженеры издавна строят такие вот искусственные острова. В диаметре они километров двадцать — двадцать пять. В центре их закрытая лагуна, а по окружности — надежно защищенные от волн жилые дома и лесопарки.

Между тем гравилет спустился почти к самой поверхности острова, так что можно было рассмотреть не только детали строений, но и отдельных людей, группами и в одиночку идущих по дорожкам между зданиями. Здесь, видимо, не было никакого наземного транспорта. Зато в воздухе реяло множество гравилетов, таких же, как у них с Этаной, и более крупных, на несколько человек. Не было видно и никаких судов в океане, только во внутренней бухте острова сновало несколько крохотных, по-видимому, прогулочных гондол. Однако Максима больше всего интересовали, конечно, люди. Он попросил спуститься еще ниже. Но Этана лишь коротко усмехнулась:

— Зачем? Сейчас я включу оптическую и акустическую системы гравилета.

И произошло чудо. Аппарат будто снизился к самой земле. Сразу стали видны лица инопланетян, малейшие детали их костюмов, жесты, мимика, выражение глаз. В гондолу ворвался даже сдержанный говор, шелест деревьев на ветру, ритмичные удары волн. И совершенно особый, ни с чем не сравнимый запах — запах чужого мира.

С жадным любопытством вглядывался Максим в граждан иной системы, стараясь найти в них отражение того величайшего взлета разума и высочайшего гуманизма, какие должны отличать людей с многомиллионнолетней историей развития. Но чем больше он смотрел на них, тем большее недоумение они вызывали.

Все они выглядели, правда, очень молодо, были стройны, миловидны, но с удивительно холодными, бесстрастными лицами. Трудно было отделаться от мысли, что это не лица, а всего лишь красивые маски. Даже ледяная улыбка Этаны показалась бы воплощением тепла и света по сравнению с этими каменными, ничего не выражающими лицами.

Максим не удержался, чтобы не обратить на это внимание своей спутницы. Та совершенно искренне удивилась:

— А зачем они нужны, улыбки? Я даже у вас на Земле предпочла бы иметь дело с неулыбчивыми, но порядочными людьми, чем видеть обворожительную улыбку и знать, что в девяноста случаях из ста обладатель ее «держит за пазухой камень».

— Ну, это вы преувеличиваете, Этана! К тому же, я имею в виду не просто собеседников. Ведь там, среди этих людей, есть, очевидно, и друзья, и любящие друг друга мужчины и женщины.

— У нас нет таких понятий: друзья и недруги, — резко возразила Этана. — Все люди системы Агно — друзья. Что же касается любящих мужчин и женщин, то разве обязательно выносить любовь на всеобщее обозрение?

— С этим я соглашусь, пожалуй. И все-таки...

— Что «все-таки»? — неожиданно рассмеялась Этана. — Если судить по вашим улыбкам, вы питаете ко мне самую нежнейшую любовь. Но я прекрасно знаю, как вы меня «любите» Максим почувствовал, что краснеет.

— Нет, я никогда не забываю, что вы человек другой системы, — поспешила сгладить свою резкость Этана. — И меньше всего склонна порицать вас за то, что на Земле считается естественным и правомерным. Я хочу только, чтобы и вы поняли моих соотечественников. Кстати, смотрите, смотрите!...

Но Максим и сам уже заметил, что там, внизу, что-то произошло. Люди останавливались, поднимали головы вверх, старались рассмотреть что-то в небе. Максим также поднял глаза и увидел, что далеко на горизонте поднялись от воды и взметнулись в зенит четыре мощных луча, образовавших гигантскую букву «XV».

— О, это интересно! — сказала Этана. — Планета готовится к встрече галактического корабля.

— И мы смогли бы это увидеть?

— Если пожелаете. Хотя многого увидеть не удастся. Галактические звездолеты не опускаются на планету. Центральный космодром готовится принять лишь челночные корабли.

— И все-таки, это, видимо, такое зрелище!

— Хорошо, летим на космодром.

И снова поплыли под ними острова, большие и маленькие, естественные и искусственные, одинаково чистые и красивые. Но тщетно старался Максим увидеть на них хоть одну заводскую трубу. Всюду тянулись будто сплошные курортные зоны. Он высказал свои недоумения Этане. Она кивнула в ответ:

— Слишком дорога у нас земля, чтобы использовать ее под промышленные сооружения. Все предприятия и энергетические установки находятся на дне океана. Это тем более удобно, что там же сосредоточены сырьевые ресурсы планеты. По дну океана идут и транспортные магистрали. Небольшие заводы имеются только на самом крупном острове. Видите, он уже показался на горизонте. Это центр нашего приборостроения, колыбель кибернетики Агно.

— Он же является и столицей планеты?

— У нас нет столиц, в том смысле, как это понимаете вы.

— Но должны же где-то размещаться административные учреждения, органы управления государством.

— Ничего подобного нет в Системе.

— Какова же, все-таки, форма организации вашего общества?

— Я могла бы рассказать вам. Но лучше, если вы послушаете кого-нибудь из жителей Агно. Я позабочусь об этом. А вот и самый большой остров — Дзо. Здесь, как видите, меньше лесов, больше зданий. Здесь начиналась цивилизация Агно.

Этана снова снизила гравилет, включила оптическую систему, и Максим опять увидел людей, таких же неторопливых, сосредоточенных, строгих, в том же неопределенном возрасте, который он назвал бы молодым, если б молодость была совместима с безжизненностью изваяний. Впрочем, на этот раз Максима больше поразило другое обстоятельство: здесь, как и на других островах, совсем не было стариков и детей. Чем это можно объяснить? Старость они, по-видимому, победили. А дети? Должны же быть дети! Наконец он не удержался и спросил об этом у Этаны.

— Да, стариков, в том смысле, как у вас на Земле, здесь действительно нет, — ответила инопланетянка. — Ведь здесь нет и болезней. Ну, а дети... Дети Агно не живут со взрослыми, они воспитываются в специальных интернатах.

— С самого раннего детства?

— Почти со дня рождения.

— Но ведь это абсолютно беспомощные существа...

— О, за ними следят такие няни-автоматы, каких не заменит никакая мать. Они и кормят, и моют, и непрерывно взвешивают ребенка, и ведут тончайший контроль за всеми функциями молодого организма. Любому человеку это было бы просто не под силу.

— А дальше, когда они подрастут? Неужели и воспитание подростков вы отдали на откуп машинам?

— Нет, конечно, воспитанием юных граждан занимаются достаточно пожилые и потому наиболее опытные мужчины Системы.

— Мужчины?!

— А вы считаете, что к этому больше способностей у женщин?

— Нет, тут я, пожалуй, соглашусь с вами. Но каково отцам и матерям? Отдать новорожденного сына или дочь в интернат! Ведь это все равно, что потерять ребенка...

— Почему же? Родители могут навещать своих детей, гулять с ними, делать им подарки. Они лишены только одного — необходимости воспитывать юное поколение.

— Но согласитесь, что именно без этого чувства материнства и отцовства...

— Чувство материнства и отцовства! Опять чувство! Да неужели вы, на вашей планете, до сих пор не поняли, что это подсознательное, стоящее вне разума чувство просто мешает вырастить настоящего человека, что ребенок, живущий у отца с матерью, получает уродливое воспитание? Только в интернатах, где с первых дней своего существования дети воспитываются по оптимальной обязательной для всех программе, под руководством опытных педагогов, под неусыпным контролем электронных

автоматов-врачей, они могут сформироваться настоящими гражданами Системы без каких бы то ни было душевных и физических пороков.

— Но зато они, очевидно, и похожи друг на друга, как две капли воды или два автомата из одной серии?

— Ни в коем случае! Разнообразие генетических кодов так же велико, как просторы Вселенной. И никакие стандарты воспитания не сгладят этого разнообразия. Человек всегда останется человеком. Но именно человеком! И не инфантильным недорослем, каких немало поставляют обществу ваши сердобольные родители, — Этана рывком взметнула гравилет в небо, и плывущий под ними остров быстро растаял в зеленоватой дымке:

Впереди снова расстился бескрайний океан. В кабине воцарилось молчание. Этана словно забыла о своем спутнике, внимательно вглядываясь в далекий горизонт. Но вот вдали показалось нечто новое — большое серебристое кольцо, с плоской поверхностью, лежащее почти ровень с водой.

— Главный космодром планеты, — сказала Этана, резко отклоняя гравилет в сторону. — Любые полеты над ним строжайше запрещены. Стоянка гравилетов — южнее.

Этана повела аппарат вниз, и вскоре тот мягко опустился на каменные плиты рядом с такими же прозрачными гондолами. К удивлению Максима, ожидавшего увидеть сотни летательных аппаратов и тысячные толпы людей, на стоянке было почти пусто. Пусто было и на платформе космодрома, куда несколько секунд спустя вынесла их быстро движущаяся лента подводного путепровода. Лишь несколько десятков человек медленно прохаживались вдоль небольшого парапета, отделяющего широкую ленту гофрированного металла от обширной, не меньше километра в поперечнике, бухты чистой воды.

И это все?! В ожидании такого события, как прилет галактического корабля! Максим отказывался верить своим глазам. Но Этана, видимо, считала это в порядке вещей. Подведя Максима к небольшой стойке с экраном у внешнего обвода платформы, она нажала несколько клавиш и коротко произнесла:

. — Командир галактического корабля АО Тэо Ларра. Шифр связи с Главным кибером Системы — ко ми даро элла.

Экран тотчас осветился серебристым сиянием:

— Вводная система Главного кибера в вашем распоряжении, командир АО Тэо Ларра.

— Мне необходимо связаться с кем-нибудь из членов Высшего директориума Системы.

— Член Высшего директориума только что прибыл на Главный космодром океана Эо. Сейчас вы его увидите.

Через несколько секунд на них смотрели с экрана умные проницательные глаза явно не молодого, но, по-видимому, и не очень старого мужчины:

— Чем я могу быть полезен, друзья?

Этана протянула к нему руки в знак приветствия:

— Мой друг из иной системы хотел бы познакомиться с общественным устройством Агно.

— Я смогу побеседовать с ним через четырнадцать минут здесь, на космодроме Эо.

— В каком секторе вас найти?

— Не беспокойтесь, я сам найду вас. Ждите меня здесь же, где стоите.

Экран погас. Максим постарался подавить в себе волнение, вызванное предстоящей встречей со столь высокопоставленным лицом. Этана не мешала ему сосредоточиться.

— А вот и он! — наконец воскликнула она. Действительно, к ним подходил, еще издали протягивая

руки для приветствия, высокий темноволосый атлет, лицо которого они только что видели на экране:

— Добрый день, друзья! Рад познакомиться с такой милой соотечественницей и особенно с вами, мой друг. Меня зовут Горо. Счастлив буду оказаться вам полезным.

Максим и Этана называли себя. Член Высшего директориума улыбнулся Максиму:

— Я расцениваю это как большую удачу — побеседовать с представителем иной цивилизации.

Максим не мог не ответить улыбкой: Горо, кажется, очень выгодно отличался от своих соотечественников не только внешностью, но и складом характера, что, как оказалось позднее, имело вполне определенную причину: он, как и Этана, родился на космическом корабле.

— Где же мы побеседуем, друзья? — продолжал он, с видимым интересом приглядываясь к Максиму. — И не будет ли это скучно вам, Этана?

— Я оставлю вас, пожалуй, — ответила та, поняв намек Горо, — и сама разыщу часа через два.

— Очень хорошо. Тогда вот что, Максим, поднимемся-ка в воздух. Там нам никто не помешает, — и, простившись с Этаною, он снова повел Максима на стоянку гравилетов.

Через минуту они уже парили высоко над океаном.

— С чего мы начнем, мой друг? — спросил Горо, откинувшись на спинку кресла.

— Я хотел, чтобы вы рассказали об общественном устройстве системы Агно.

— Отлично. Но прежде, чем рассказать вам об этом, и для того, чтобы знать, как построить свой рассказ, я хотел бы услышать о вашем мире, вашем общественном устройстве.

Максим задумался:

— Это будет не так просто. Но я попробую...

— Та-а-ак... — сказал Горо, выслушав рассказ Максима. — Законодательная и исполнительная власть... Вы знаете, в принципе почти одно и то же во всех известных мне мирах. Но у нас есть свои нюансы. Все, что входит у вас в понятие исполнительной власти, осуществляется Главным кибернетическим устройством Системы. Это чрезвычайно сложная структура, на создание которой ушло более миллиона лет, но которая по праву может считаться самым большим достижением цивилизации Агно. В Главном кибере сосредоточены все наши знания, все достижения нашей науки и культуры, и, что самое главное, все это практически мгновенно может стать достоянием любого гражданина Системы. Это, если хотите, общий, коллективный мозг нашего общества.

Главный кибер осуществляет планирование и непосредственное руководство всей промышленностью, энергетикой, транспортом, добычей и переработкой сырья. Главный кибер наблюдает за каждым, я подчеркиваю, за КАЖДЫМ без исключения гражданином Системы в смысле выполнения принятых у нас норм и правил поведения. Наконец, тот же Кибер по первому требованию предоставляет в распоряжение любого гражданина все материальные блага и технические ресурсы в рамках, разумеется, установленных для данной эпохи, и немедленно приходит на помощь каждому, попавшему в беду, используя все имеющиеся в его распоряжении средства. Вот как мы понимаем исполнительную власть.

Теперь о власти законодательной. Она, напротив, ни в коем случае не может быть передана машине... О, смотрите, челночный корабль звездолета! — Горо привстал с кресла и развернул аппарат так, чтобы можно было лучше видеть платформу космодрома. Максим прильнул к прозрачной стенке гондолы. К центральной части серебристого кольца медленно, словно поддерживаемый невидимыми пружинами, опускался громадный голубой тороид, какой он видел когда-то в пластинке Мионы и какой предстал перед ним в последние минуты пребывания на Земле. Но тогда Максим видел лишь часть его, смутно выступающую из мрака ночи. Теперь же гигантский бублик, исчерченный мозаикой кругов, ромбов, сферических треугольников, был весь как на ладони. Жаль только, что они с Горо отлетели далеко от космодрома. Трудно будет рассмотреть детали встречи. Однако член Высшего директориума словно прочел его мысли:

— Придется включить оптическую и акустическую системы.

И вновь произошло чудо. Аппарат словно переместился к самой платформе космодрома. Сразу стали видны лица встречающих, слышен их говор, шарканье ног по платформе и тугой нарастающий гул от спускающейся громады корабля. Глаза Максима жадно перебежали с толпы на тороид и обратно.

Между тем «челночек» коснулся поверхности воды и замер. Встречающие — их набралось теперь человек триста-четыре — столпились вокруг внутреннего обвода бухты. Люки корабля раскрылись. Счастливые лица астронавтов показались в них. Максим почувствовал, что даже у него предательски запершило в горле. Торжественная минута приближалась. Все кругом будто насторожилось в ожидании радостного мгновенья. Как в небе перед первым ударом грома. Казалось, еще секунда, и космодром взорвется от бури восторга...

Но что это? Встречающие медленно, словно нехотя, вытянули вперед руки. Некоторые из них выдавили из себя жалкое подобие улыбки, другие просто скользнули равнодушным взглядом по люкам корабля. Ни один мускул не дрогнул на их каменных лицах. Ни один возглас не нарушил тягостной тишины.

Люки корабля захлопнулись. Он медленно погрузился в пучину вод. А сверху опускался уже второй корабль. Потом третий... Но Максиму больно было смотреть на эту «встречу». В душе клокотала обида за людей, которые, может быть, десятки лет провели во враждебном космосе, мечтая о возвращении на родину, считая каждый день, каждый час. А эти сфинксы...

Он с укоризной взглянул на Горо. Тот понимающе кивнул:

— Мне самому долгое время было странно видеть эту чрезмерную сухость моих соотечественников. Я ведь лишь недавно вернулся из длительного галактического рейса. Однако, может, так и должно быть? Нельзя давать волю чувствам...

— Но почему же, почему?

— Чтобы не дать им поработить себя, не дать увлечь на нелогичные поступки.

— Разве это опасно?

— Иногда — да. Горо вдруг нахмурился, словно отмахиваясь от каких-то неприятных воспоминаний, и резко переменял тему разговора:

— Так на чем мы с вами остановились?

— Вы сказали, что законодательная власть не может быть передана машине.

— Да. Ни в коем случае! Кстати, такие случаи известны. Даже для довольно высокоразвитых цивилизаций. Последствия их оказались трагичными.

— Как же решили этот вопрос вы?

— У нас законодательная власть осуществляется так называемым Высшим директориумом Системы. Этот орган нельзя сопоставить ни с одним из ваших учреждений. Члены его не избираются и не назначаются. Он не ограничен ни количеством законодателей, ни сроком их полномочий. Членом Директориума может стать каждый, кто хочет и считает себя способным к руководству Системой. Он должен лишь сдать соответствующий экзамен Главному кибернетическому устройству. Одним из таких законодателей являюсь я. Нас очень немного. Мы живем в разных уголках Системы, вплоть до искусственных спутников и галактических кораблей. Кстати, каждый командир галактического и внегалактического корабля автоматически становится членом Совета. Это вытекает из самой сущности космических экспедиций. Наши корабли летят лишь с одной целью — за знаниями. Мы очень редко собираемся вместе. Мы не заседаем, не дискутируем, не голосуем. Мы лишь время от времени обмениваемся мнениями по наиболее важным и интересным вопросам, используя обычные каналы связи. Мы не пользуемся абсолютно никакими привилегиями по сравнению с другими гражданами Системы. Кроме одной — Ки-бер регулярно информирует нас о всех достойных внимания событиях, происходящих в Системе и за ее пределами. Впрочем, такую информацию при желании может получить и любой другой гражданин Системы.

Как же осуществляем мы свои законодательные функции? По каждому вопросу, возникшему у Кибера или поднятому одним из членов Директориума, равно как и любым гражданином Системы, Электронный секретариат Директориума — единственная ячейка, не подчиняющаяся Киберу, — запрашивает мнение членов Директориума. Это свое мнение мы направляем в секретариат, и тот анализирует их. В случае совпадения не менее восьмидесяти процентов рекомендаций членов Директориума они становятся законом и вводятся секретариатом в обязательную программу Главного кибернетического устройства. В противном случае Секретариат уведомляет членов Директориума, что они не пришли к общему мнению и должны еще раз подумать над поставленной проблемой. В этом случае каждый член Директориума может ознакомиться с рекомендациями и других членов.

Что же за вопросы могут стать предметом обсуждения Директориума? Естественно, в основном это лишь важнейшие проблемы, такие, как планирование галактических и внегалактических экспедиций, проблемы, связанные с заселением иных миров, взаимоотношениями с другими цивилизациями, выработка главных направлений в развитии науки, изменение правовых норм граждан Системы и тому подобное...

Все это было интересным до чрезвычайности. Максим засыпал своего нового знакомого вопросами. Но беседу их прервал сигнал ближней связи. На экране появилось лицо Этапы:

— Я вынуждена прервать вас, друзья. Нам пора лететь, Максим.

Максим встал, извинился перед Горо:

— Простите, я отнял у вас слишком много времени.

— Напротив, мне было очень интересно побеседовать с вами. Где вы нас ждете, Этана?

— Стоянка гравилетов, сектор четыреста двадцать четыре.

— Через минуту мы будем там.

Горо направил аппарат вниз. Максим старался как можно лучше запомнить его умное, энергичное лицо:

— Позвольте задать вам еще один вопрос. Почему вы решили стать членом Директориума?

— Причин много. Я с детства, еще будучи в космосе, интересовался общественным устройством цивилизаций. А потом... Мне кажется, пора уже менять кое-что здесь, в Системе.

— Что же вам кажется еще не совершенным? Горо неожиданно улыбнулся:

— Именно то, что все здесь слишком совершенно. И это, оказывается, отнюдь не лучшая обстановка для развития человеческой личности.

Этана ждала их в гравилете. Вместе с ней в гондоле сидела другая молодая женщина, смуглая, темноволосая, с чрезвычайно красивыми глазами цвета янтаря.

— Знакомьтесь, друзья, — сказала Этана.

— Риека, — просто отрекомендовалась незнакомка, протягивая руки и мило улыбаясь.

Максим и Горо назвали себя.

— Риека полетит с нами, ей по пути, — сказала Этана — Прощайте, Горо.

— Счастливого пути, друзья! — Горо протянул к ним руки. Но Максим вернулся к нему и крепко, по-русски, обнял инопланетянина за плечи. Тот на мгновение растерялся, потом понимающе улыбнулся и тоже обнял Максима, прижавшись лицом к его щеке.

Через минуту гравилет снова летел над бескрайним океаном.

— Риека, — сказала Этана, обращаясь к молодой спутнице, — Максим с другой планеты, из другой системы, и ему очень хотелось бы познакомиться с нашей эпохой Ингрезио. Не могли бы вы, как историк, рассказать о ней?

— Эпоха Ингрезио? Но ведь это очень древняя эпоха. Мы знаем о ней больше по легендам, чем по документальным источникам. Тогда не было не только Кибера Системы, не было даже информаториев планет. Система состояла из многих враждующих государств, а люди были настолько дики, что могли убивать друг друга. И вот тогда, если

верить сказаниям, здесь, на второй планете был выведен дивный цветок — ингрезио, или «надежда на счастье», на языке древних. И произошло удивительное. Аромат цветка сделал людей мягче, добрее, заставил их забыть вражду, ненависть, позволил слиться в одну дружную семью, какой мы знаем сейчас Систему.

— Если верить сказаниям... А как было в действительности? Как вы смотрите на это?

— Я считаю, что все это, конечно, сказка. Красивая, милая сказка! Но, как и во всякой сказке, в ней заключена большая мудрость. Ясно, что то было время борьбы добра и зла. И победило добро...

— Но как победило? Как в самом деле произошло объединение враждующих государств? — спросил Максим.

— Это тоже остается в области догадок и предположений. Документов того времени осталось мало, да и те требуют осторожного подхода: беспощадная борьба враждующих идеологий заставляла даже историков отступать от объективности. Но скорее всего правы те исследователи, которые считают, что решающую роль сыграло открытие гравитационной энергии. Группа ученых, которая сделала это открытие и которая отдавала себе отчет в трагических последствиях, к каким может привести использование гравитационного оружия, предъявила нечто вроде ультиматума главам враждующих государств, заставив их уничтожить все виды вооружения и сесть за стол переговоров. Это были, видимо, не только очень умные, но и очень смелые люди. Мы не знаем, как сложилась их судьба. Но знаем, что дало Системе их открытие. Представьте, что произошло бы, если бы результаты их трудов попали в руки властолюбивых негодяев, каких достаточно было в то время в мирах Системы. Невиданный разгул деспотизма, а может, и гибель цивилизации, принесло бы тогда открытие законов гравитации. А безвестные герои, возможно, ценой жизни, обратили его на счастье людям. Вот где источник сказаний об ингрезио. Просто народ облек все в более поэтичную форму

— Но ведь такой цветок действительно существует, — возразила Этана.

— Да, это так. И мы располагаем уже документальными данными, что специальным решением Высшего директориума ингрезио был запрещен во всей Системе. Исключение представили лишь галактическим кораблям. Вот почему я так рвалась на эту встречу. Увидеть живой ингрезио — мечта моей жизни! Да где там! Кибер позаботился, чтобы цветок не попал даже на челночные корабли.

— Но почему он был все-таки запрещен? — спросил Максим, вспоминая разговор с Мионой.

— Потому, что действительно делал людей слишком чувствительными, лишал их холодного расчета. Недаром народ именно его взял в сказку. И я до сих пор не могу согласиться с решением Директориума. Слишком мы стали расчетливы. Ум отнимает у нас все живое. Да вот хоть сегодня! Вернулся галактический корабль. Прибыли люди из нашего вчера, люди, которые, наверное, плакали от одного слова Родина. А как их встретили?

Легкая усмешка тронула губы Этаны:

— Вы даже не представляете, какого единомышленника видите перед собой, Риска.

— Да? — оживилась та, быстро взглянув на Максима. Он лишь смущенно кивнул, встретившись с глазами молодой женщины.

— Да-да! — продолжала Этана. — Если бы вы слышали наши споры с ним, его рассказы о Земле! Но я не хочу быть несправедливой, Максим. Видимо, вы действительно кое в чем правы.

— Прав в чем? — заинтересовалась Риека, вновь обращая к Максиму огромные глаза с рвущимися из них золотистыми лучами.

— В том, что не один разум определяет пути развития цивилизации. И эпоха Ингрезио была столь же значительной вехой в нашей истории, как и создание Главного кибернетического устройства.

— Только была? — насторожилась девушка.

— Для нас — да. Для них — очевидно, еще будет.

— А мне кажется, что и нам неплохо бы снова пережить нечто подобное.

— Вы шутите, конечно?

— никоим образом! Будь моя воля, я снова засадила бы сады этими чудесными цветами.

— Зачем?

— Чтобы вернуть людям настоящее человеческое счастье.

— Вы еще дитя, Риека. А впрочем... Предложите это Директориуму.

— Бессмысленно. Все они словно помешались на торжестве разума.

— Вы ошибаетесь, Риека, — снова вмешался в разговор Максим. — Мне кажется, Горо, с которым я только что беседовал, мыслит почти так же, как вы.

— Горо? Он, член Высшего директориума?!

— Да. И я на вашем месте встретился бы и поговорил с ним.

— О, вы даже не представляете, какую радость дарите мне! — воскликнула Риека. — Конечно, я встречусь с Горо. В самое ближайшее время.

— Но неужели вы серьезно думаете, — сухо заметила Этана, — что развитие цивилизации может пойти вспять?

— Я не так наивна, Этана, чтобы допустить подобную мысль. Но вернуть себе прежние человеческие радости люди Агно могут — и должны это сделать. Я совершенно убеждена, что соотечественники Максима много счастливее в этом отношении, жизнь их богаче, чувства глубже, любовь красивее. Так ведь, Максим?

— Мне трудно судить...

— А вы расскажите нам о ваших чувствах, вашей любви.

— Любви землян?

— Да, самой красивой из тех, что пережили вы.

— Но я всю жизнь любил и люблю одного человека.

— Всю жизнь любите одну женщину?! — искренне удивилась Риека. — Странно... Это совершенно противоестественно.

— Не понимаю...

— Что же тут непонятного? Жизнь — обновление. Всегда, вся, во всем ее многообразии! От одноклеточной водоросли до человеческого организма! От первого движения до последнего вздоха! Это и молодая листва на деревьях. И все новая и новая кипень цветов. И ежесезонная перестройка организма животных. А человек? Разве он не нуждается в обновлении всего своего существа, всей своей эмоционально-психической сферы? Но что сможет дать ему это, как не новая любовь? Ведь только полюбив, он будто рождается заново, переживает свою новую весну, открывает в себе новые силы, новые возможности. Разве не так?

— Может быть, и так... Но какая это любовь, если она лишена самого главного — сознания, что любимый человек будет с тобой всегда?

— Тогда и ваша жизнь покажется бессмысленной, если она лишена самого существенного — вечности, — быстро парировала Риека. — Дело однако в том, что человек не может этого представить, не думает о смерти, а если и думает, чисто теоретически, отвлеченно, не зная, когда и при каких обстоятельствах умрет. И это делает его практически бессмертным.

— Да, пожалуй...

— Но ведь так и в любви. Влюбляясь снова и снова, человек никогда не думает, что это на время, не может представить, что это новое его чувство когда-нибудь уйдет. И оно кажется ему практически бесконечным.

— Все это логично, слов нет, — согласился Максим. — И все-таки я до конца дней своих буду любить одну Миону...

— А она вас? Тоже? — неожиданно спросила Риека.

— Она? — Максим даже растерялся от такого вопроса. — Ну, этого я не знаю...

— Конечно, не знаете. Она сама этого не знает. И в этом ее счастье. Но если все-таки — представьте на минуту! — она разлюбит вас, расстанется с вами, просто перестанет существовать, неужели вы все-таки никогда и не полюбите, скажем, Этану? Или... меня? — смеющиеся глаза Риеки приблизились к самому его лицу и вдруг вспыхнули такой страстью, что он почувствовал, как, против всякой воли, все существо его так и рванулось навстречу этому призыву. В них, этих kloкочущих янтарным пламенем глазах, вмиг замкнулся весь мир, все желания, вся жизнь.

В страшной растерянности отвел он свой взгляд:

— Не знаю... Вы словно лишаете меня рассудка... Это какое-то волшебство...

— Это просто жизнь, Максим, от которой вы почему-то упорно хотите отгородиться.

— Он не виноват, Риека, — вступила в разговор Этана. — Вся их планета опутала себя подобными перлами морали.

— И все земляне им следуют?

— В том-то и заключается трагикомизм людей Земли, что следует этой морали лишь небольшая группа идеалистов. И им-то больше всего и достается от моралистов-ханжей, столь же лицемерных, сколь и блудливых.

— Я не согласен с вами! — горячо возразил Максим.

— Милый друг мой! — сказала Этана с искренней горечью. — Я очень хотела бы переменить свои взгляды на эту сторону жизни землян. Но, боюсь, тут не поможет ни ваша безукоризненная логика, ни ваша любовь к Родине.

— И все-таки вы ошибаетесь, Этана. Все искусство Земли, вся наша живопись, музыка, поэзия против ваших умозаключений! Я опять привел бы десятки примеров. Но мы, наверное, утомили Риеку своим спором?

— Напротив, я вся — внимание, — возразила девушка. — Хотя многое мне, конечно, непонятно. Зачем накладывать какие-то путы на любовь? Зачем подчинять это интимнейшее чувство каким-то требованиям морали? Все-таки я — дитя Системы. И мечтаю встретить и полюбить еще многих мужчин, интересных и разных, и пережить еще много весен и много-много раз почувствовать себя распускающимся бутонem. Но и то, что сказал Максим, привлекает меня. Есть что-то удивительно прекрасное в этой любви на всю жизнь. В ней что-то от вечности. Нечто подобное было, кажется, и у нас в эпоху Ингрезио. А я люблю эту эпоху. Не только как историк. Но и как человек, как женщина. Я... Вы знаете, Максим, я... Ой, смотрите, что там?

Максим взглянул в направлении, указанном Риекой, и увидел, как большой многоместный гравилет быстро спустился почти к самой поверхности воды, на мгновение завис там над каким-то предметом и снова взмыл вверх, взяв курс им навстречу.

Через несколько секунд аппараты сблизилась настолько, что Максим смог рассмотреть сквозь прозрачные стенки гондолы человек десять молодых мужчин, которые, развалившись в мягких креслах, обсуждали какой-то, должно быть, очень важный вопрос. Видно было, что предмет спора захватил их целиком. Но это не помешало им вежливо вскинуть руки для приветствия, а некоторым даже задержать взгляд на очаровательных спутницах Максима, как только гондолы оказались друг против друга.

Риека слегка привстала с кресла и включила акустическую систему:

— Мы вас приветствуем, друзья! Что там внизу, на поверхности океана?

— Пустое! — небрежно ответил один из мужчин. — Какой-то юнец, видимо, только что покинувший интернат, не может справиться с гравилетом и не хочет ждать помощи Кибера.

— Не может справиться с машиной? А если ему грозит опасность? — не удержался Максим.

— Как это, грозит опасность? — удивился тот же мужчина. А Этана незаметно дернула Максима за рукав, напоминая, что он совсем в ином мире, где сам вопрос этот звучит неуместно.

Но Максима не покидала тревога:

— И все-таки, надо бы посмотреть, что там, внизу? — сказал он, стараясь не терять из виду блестящую точку.

— Право, я не вижу в этом необходимости, — возразила Этана. — Время близится к вечеру. А нам нужно еще завести Риеку.

— Но мы можем включить оптическую систему, — заметила девушка, видимо, заражаясь тревогой Максима.

— Что же, пожалуй, — Этана нажала нужные клавиши, и Максим увидел среди волн беспомощно качающуюся гондолу гравилета. Люк ее почему-то был открыт, тороидальный диск ушел под воду, волны захлестывали аппарат почти целиком, заполнив добрую половину гондолы. Незадачливый пилот гравилета, молодой юноша, почти мальчик, выбрался наружу и, вцепившись в крышу кабины, старался удержаться на гладкой поверхности гондолы. Он весь промок. На лице у него были написаны ужас и страдание.

— Так это авария! Человек гибнет! Давайте скорее туда! — Максим даже вскочил от нетерпения.

— Успокойтесь, мой друг, — остановила его Этана. — Здесь никто никогда не погибал. Кибер знает, как поступить. К тому же, все наши молодые люди прекрасные пловцы.

— Но неужели вы не видите, он теряет последние силы?

— Да, что-то мне здесь не нравится, — поддержала Максима Риека. — Если даже это заранее намеченное испытание, то все равно... Может, опустимся к нему?...

— Если вы так хотите...

Но не успела Этана нажать педаль, как гондола с юношей, видимо, переполнившись водой, вдруг резко накренилась и стремительно скрылась под волнами.

Риека вскрикнула. Этана бросила гравилет рывком вниз, опустилась к самой воде, включила все системы просмотра и прослушивания. Море было пустынным. Лишь белые гребни волн медленно катились к туманному горизонту, да жалобно, надрывая сердце, кричали большие сизые птицы, лениво парящие над водой.

Глаза Риеки наполнились слезами. Этана не говорил? больше ни слова, сидела бледная, как полотно. Максим прижался лицом к стенке гондолы, до боли в глазах вглядываясь в бегущие волны.

Но вот будто черная тень мелькнула под водой. Максим метнулся к люку:

— Откройте! Скорее!

— Что вы задумали? — насторожилась Этана.

Но он уже нащупал овальный выступ на стенке гондолы, нажал на него обеими руками и прыгнул в открывшийся люк.

Море тотчас сомкнулось над головой. Максим открыл глаза и глянул вниз. Но там был лишь непроницаемый мрак, дно лежало, видимо, слишком глубоко. Он вынырнул на поверхность, чтобы набрать побольше воздуха и чуть не стукнулся головой о днище гравилета.

— Максим, сумасшедший! Что вы делаете? Под нами трехкилометровая глубина! — Этана накренила гравилет, чтобы было удобнее забраться в гондолу. Но Максим снова ушел под воду.

Так повторилось несколько раз. Лишь убедившись окончательно в невозможности что-либо сделать для несчастного пилота, поднялся он в машину и в изнеможении упал в кресло.

Этана не скрывала раздражения:

— Зачем? Зачем вы так рискуете! Спросили бы хоть нас. Приборы гравилета ясно показывают, что на глубине по крайней мере трехсот метров нет ни гондолы, ни человека. А Риека молча схватила его за руки и прижалась к ним мокрыми от слез глазами:

— Спасибо, мой друг. Спасибо! Это то, о чем я мечтала всю жизнь. То, что так хотела бы вернуть мужчинам Агно...

Несколько минут прошло в молчании. Наконец Этана произнесла, как в забытьи:

— Нет, этого не может быть... Просто не может быть... Кибер не мог не прийти ему на помощь. Что вы думаете обо всем этом, Риека?

— Я предполагаю, — тихо ответила девушка, — что несчастный мальчик — с только что прибывшего звездолета. И если он родился в космосе, то у него не было еще связи с Кибером. Кибер просто не знает о нем. А он не знает Системы, не знаком даже с устройством гравилета. Этим можно объяснить и его страх перед океаном, и неумение плавать...

Что-то похожее на стон вырвалось из груди Этаны:

— Так что же мы медлим! — она рывком нажала на одну из клавиш, подалась почти к самому экрану:

— Командир галактического корабля АО Тэо Ларра. Вводную систему Главного кибера, срочно! Шифр связи — коми даро элла.

И не успело раздаться традиционное: «Вводная система Главного кибера в вашем распоряжении, командир АО Тэо Ларра», как Этана, задышавшись, произнесла:

— Океан Эо. Сектор 744. Тонет человек, не связанный с Кибером. Будем наводить гравилет класса РАо. Все!

Мгновенье томительной тишины. Быстро бегущие блики по экрану. И наконец:

— Вас поняли. Место нахождения гравилета зафиксировано. Аварийные снаряды вышли. Освободите акваторию океана.

Этана нажала на педаль. Гравилет рванулся вперед. А через секунду Максим увидел, как далеко за их спинами прямо с неба вонзились в воду черные молнии.

Все с облегчением вздохнули. Этана погасила экран:

— Будем надеяться, что все кончится хорошо, — она отвела со лба упавшую прядь волос и откинулась на спинку кресла.

— Да, — ответила Риека, — но именно с этого я начну разговор с Горо.

— А я начал бы с того, что привлек к ответственности этих молодых! — взорвался Максим. — Ведь, покидая несчастного, они не преминули сказать, наверное, «рады были бы оказаться вам полезными». Представители «настоящей цивилизации»!

— Они не виноваты, Максим, — мягко сказала Риека. — Случай, действительно, экстраординарный. Недаром Кибер не усмотрел в их поступке ничего предосудительного.

— Грош цена после этого вашему Киберу! — вновь вспыхнул Максим.

— Кибер тоже не виноват. Это всего лишь машина.

— Значит, плохо запрограммированная машина.

— Машина запрограммирована хорошо, лучше не придумаешь. Плохо, что люди стали похожи на запрограммированную машину... Но вот и мой остров, — взяв управление на себя, Риека плавно посадила гравилет на крышу одного из зданий:

— Прощайте, друзья! Счастливого пути, Этана! Я рада была узнать, что вы командир галактического корабля. Даже позавидовала немного. Ведь вы видели живой ингрезио?

— Да. И вполне согласна с запрещением Директориума. Риека взглянула на нее долгим, пристальным взглядом:

— Вы не искренни, Этана.

Та лишь молча пожала плечами. А Риека подошла к Максиму, с грустью протянула к нему руки:

— Всего вам доброго, мой друг! И большое спасибо за те несколько часов, что я провела в вашем обществе. Это был словно привет из далекого прошлого. Будьте счастливы. И не бойтесь там, на вашей планете...

— Астийского эдельвейса? — закончил за нее Максим.

— Как вы сказали? — не поняла Риека.

— Астийского эдельвейса, так я называю ваш ингрезио.

— Астийского эдельвейса... — задумчиво повторила Риека. — У вас очень красивый язык, Максим. Да, не бойтесь астийского эдельвейса и вообще всего, что не заменит человеку никакая машина. И еще — возьмите мой индикатор. Он позволит вам найти

меня в любом уголке Системы. Мало ли как сложатся обстоятельства. Я буду ждать вас... — она словно замешкалась на мгновение, потом решительно обняла Максима за плечи и прижалась лицом к его лицу...

Высадив Риеку, гравилет снова поднялся в воздух. Небольшой зеленый островок, где жила девушка, быстро скрылся в туманной дымке, и теперь из бирюзовых волн поднимались роскошные дворцы и громадные спортивные сооружения, предназначенные, по-видимому, для всепланетных празднеств. То был, очевидно, один из красивейших уголков планеты. Но в гравилете царило тягостное молчание. Этана, бледная и задумчивая, сидела, вперив взгляд в далекий горизонт, не обращая внимания на проплывающие внизу чудеса архитектуры и инженерного искусства. Наконец губы ее разжались:

— Что вы скажете о нашей спутнице?

— О Риеке? Очень милая девушка, — не задумываясь ответил Максим. — Я рад, что вы познакомили меня с ней. Мне кажется, это будущее системы Агно.

— Вот как! — холодно отозвалась Этана. — Не буду вас разубеждать. Вы ей тоже понравились. И очень. — Она снова замолчала.

Между тем внизу потянулись небольшие острова, плотно застроенные высокими жилыми домами, почти лишенные растительности. Здесь располагался, по-видимому, самый старый, самый густо заселенный район планеты.

— Скажите, Этана, — заговорил Максим, больше из желания нарушить затянувшееся молчание. — Как решается в Системе проблема питания?

— Проблема питания? — повторила Этана, с трудом отрываясь от своих дум.

— Да. Ведь на всех островах и искусственных платформах культивируются, кажется, только декоративные растения.

— Разумеется. Разве мы можем позволить себе использовать эти крохотные участки суши под поля и пастбища.

Белок животного происхождения дает нам океан. Ну, а фрукты и овощи... Они тоже выращиваются на дне моря. В океане много отмелей глубиной не больше десятка метров, на них и созданы наши фабрики фотосинтеза. И если хотите взглянуть на них...

— Конечно, очень хочу!

— Тогда простимся ненадолго с небом. Это здесь, под нами.

Этана взмахнула рукой. Гравилет резко снизился, с минуту скользил по гребням волн и вдруг стремительно пошел под воду. Внутри гондолы сразу сгустился зеленый сумрак. Однако вода кругом оставалась достаточно освещенной, и можно было прекрасно видеть, как тысячи рачков, рыбешек и каких-то ни на что не похожих животных самых причудливых форм и расцветок проносятся перед глазами.

Но вот показалось дно, ровное, покрытое буроватым илом, полого поднимающееся вверх. Этана отжала педаль, и гравилет почти остановился, медленно приближаясь к огромному прозрачному куполу, под которым можно было различить уже зеленые кроны деревьев, увешанных золотистыми плодами. Людей на плантации видно не было. Зато скоро Максим заметил роботов, точно таких, к каким привык на корабле Этаны. Они деловито рыхлили почву, убирали сорняки, очищали деревья от сухих сучьев. Больше здесь смотреть было нечего. Гравилет обошел купол кругом и начал уже подниматься вверх, когда вдали показалось нечто совершенно необычное: будто застывший фейерверк смутно проступил там сквозь толщу потемневших вод. Максим обратил на это внимание своей спутницы.

— О, на это стоит посмотреть, — оживилась Этана. — Это подводный питомник цветов. Редкость даже для второй планеты. Чудо, что мы натолкнулись на один из них. Вы не возражаете? — спросила она, направляя аппарат к многоцветному куполу.

— Напротив! Буду очень признателен.

Гравилет приблизился к куполу и остановился у эллипсоидального тамбура, который служил, очевидно, шлюзом. Действительно, не успела Этана, медленно опуская гравилет,

коснуться носом гондолы нижней части тамбура, как тот послушно распахнулся и впустил аппарат внутрь. Невидимые компрессоры в считанные минуты откачали воду. Этана раскрыла люк и выпрыгнула наружу. Максим последовал за ней. А через минуту они были уже в сплошном море цветов. Цветы — красные, белые, синие, фиолетовые, даже черные, простые и махровые, блестящие, словно покрытые лаком, и матово-бархатистые, будто поглощающие весь падающий на них свет, — образовали непроходимые заросли. Лишь вдоль самой стены купола можно было протиснуться внутрь этого царства живых красок. Впрочем, здесь, в глубине питомника, кое-где были заметны следы тропинок, правда, сплошь заросших травой, но вполне доступных, чтобы пройти человеку. Максим пошел по одной из таких дорожек, не переставая восторгаться все новыми и новыми чудесами здешней флоры. Однако Этана остановила его:

— Подождите, Максим. Мы попали в заброшенный питомник.

— Но это даже красивее!

— Возможно. Только здесь очень трудно ходить. И потом...

Резкий щелчок не дал ей договорить. Сзади, со стороны шлюза, что-то звякнуло, заскрежетало. В глазах Этаны мелькнул ужас:

— Максим! Это... — Но голос ее потонул в нарастающем грохоте: задняя часть стены рухнула, и разъяренный поток с ревом ринулся к ним под купол.

Максим оцепенел от страха. А Этана бросилась к стене и всем телом повисла на большом красном рычаге. В тот же миг сплошная прозрачная стена отделила их от беснующейся воды. И сразу погас свет. Лишь редкие оранжевые фонарики, играющие, должно быть, роль сигнальных огней, робко светились в вышине, создавая слабый тревожный полусвет. Этана в изнеможении опустила на траву. В глазах ее было отчаяние:

— Это большая неприятность, Максим. Нам, конечно, не следовало входить в заброшенный питомник. Теперь мы отделены водой от всего мира.

— Но разве в куполе нет другого шлюза?

— Есть, на противоположной стороне. Но там нет гравилета. А над нами не меньше пяти метров воды. Да и что сделаешь сейчас, на поверхности бурлящего океана?

- А как же Главный кибер? Разве он не найдет возможности помочь нам?

— Для него это не составило бы труда. Но ведь я родилась не здесь и не связана с Главным кибернетическим устройством Системы. Кибер просто не знает ни обо мне, ни о вас. Поэтому он и не заблокировал перед нами вход в аварийное сооружение. — Она прижала руки к вискам, устало сомкнула веки. — Конечно, я что-нибудь придумаю. Должна придумать... Но сейчас я очень утомилась, Максим. Накануне ночью почти не спала, — я уже говорила, было много неприятностей. Вы не осудите, если я полежу с полчаса, отключусь от всего, восстановлю немного свои силы?

— Конечно, о чем говорить! Я с удовольствием поброжу здесь один. — Он кивнул Этане и, подойдя к стене купола, прижался к ней лицом. Чужое море жило своей неведомой Максиму жизнью: какие-то длинные, змееподобные существа извивались у самого основания купола, большие иссиня-оранжевые шары парили в толще воды, быстро, как молнии, мелькали перед глазами стремительные торпеды фосфоресцирующих рыбообразных. Чужая жизнь... Несмотря на весь трагизм положения, Максим глаз не мог оторвать от этого огромного естественного аквариума. Лишь много минут спустя он снова вернулся к Этане.

Она спала. Спала, свернувшись калачиком, прямо в траве, положив ладонь под щеку. Спала сном капризного, уставшего от шалостей ребенка. И такой неприкаянной, такой детски-беспомощной была в эту минуту среди обступившей их стихии, что у Максима сердце сжалось от жалости к ней. Он выбрал бугорок посуше, очистил его от сучьев и, застав своим пиджаком, осторожно перенес туда спящую женщину. Она даже не проснулась. Лишь счастливая детская улыбка разлилась по ее лицу, и слабый вздох вырвался из груди.

Максим с минуту смотрел на ее прекрасное юное лицо, с трудом веря своим глазам. Куда делось то ледяное, надменно-презрительное выражение, с каким она встретила его в первый раз во Дворце командиров? Где было то царственное величие, с каким она поучала его законам развития цивилизаций?

Командир галактического корабля... Максим невольно улыбнулся. Сейчас перед ним была просто женщина, слабая, уставшая, абсолютно беззащитная, какая лишь сном могла отодвинуть от себя жестокое испытание, неожиданно подкараулившее их в подводной западне.

— Нет, ничего ты не придумашь, дитя сверхвысокой цивилизации! Ты сильна лишь под крылышком электронных сторожем. А здесь должен думать я. — И, сев возле спящей Этаны, Максим попытался еще раз осмыслить создавшуюся обстановку.

Итак, через второй шлюз можно выбраться из купола. Это не составит труда. Дальше — пятиметровый столб воды. Тоже не проблема. Труднее будет найти шлюз с гравилетом! Но и это не безнадежное дело. Хуже, если вышли из строя механизмы открывания шлюза и откачки воды. Тогда из всей затеи не выйдет ничего. Но это единственная возможность вызволить Этану. Не исключено, что она не умеет даже плавать. Придется рискнуть... И, взглянув еще раз на спящую женщину, убедившись, что ей удобно и никакая беда пока не угрожает, Максим отправился на поиски шлюза. Шлюз был совсем недалеко и, как он и ожидал, выйти через него и вынырнуть на поверхность оказалось проще простого. Глотнув свежего воздуха, Максим поднялся на гребень волны и огляделся. Ветер стих, волнение ослабло, вода как будто потеплела. Однако солнце уже зашло, и всюду, куда ни глянь, расстилалась однообразная, мерно покачивающаяся гладь черной воды.

Куда же плыть и как найти шлюз с гравилетом? Он опустил лицо под воду, раскрыл глаза. И — о, радость! Опоясанный кольцом оранжевых фонариков, купол, хоть и слабо, но прослеживался сквозь толщу воды в виде большого удлиненного эллипса. Значит, шлюз должен быть где-то на противоположном конце его. Максим еще раз прикинул направление и, не раздумывая, ринулся вперед, время от времени вглядываясь в цепочку сигнальных огней.

Но вот они, кажется, кончились. Максим набрал побольше воздуха и нырнул. Глубже... Еще глубже... Шлюз! Он сделал последний рывок и ясно увидел в оранжевом сумраке знакомые очертания гравилета. Самое трудное осталось позади. Подплыть к шлюзу, заполнить его водой, проникнуть внутрь — было делом нескольких секунд. Страшно только, сработает ли механизм откачки. Но неодолимая сила уже потянула его вниз, к полу камеры. Значит, вода уходит. Значит, все в порядке! Через мгновение ноги Максима коснулись дна, а в легкие ворвался тугий свежий воздух. Уф-ф! Победа! Он видел уже сухую уютную кабину гравилета и мысленно нажимал на педаль пуска, он шагнул уже к аппарату, примериваясь, как лучше вывести его из шлюзовой камеры, когда вновь раздался душераздирающий скрежет, и вспененная стена воды, все круша и ломая на своем пути, ринулась под купол шлюза.

Тут человек был уже бессилен. Вода обрушилась сразу со всех сторон, сдавила, опрокинула, завертела в бешеном водовороте и, прежде чем Максим успел что-либо сообразить, вытолкнула его на поверхность океана.

Это было, конечно, чудо. Самое большое чудо, на какое он мог рассчитывать. Видимо, его спас огромный пузырь воздуха, скопившийся в шлюзе. Но как помочь теперь Этане? Как вызволить ее из водяного плена? Максим опустил голову в воду, стараясь рассмотреть сигнальные огни злополучного купола и тотчас снова похолодел от страха, получив удар в голову чем-то твердым. С опаской поднял он глаза, боясь столкнуться с новым кошмаром. Однако на этот раз судьба решила сыграть с ним шутку совсем иного рода.

На черных волнах прямо над головой Максима беззвучно покачивался тороид гравилета, и наглухо закрытая гондола его, черная, зловеще поблескивающая в свете звезд, без всяких признаков жизни, казалась призраком чужого мира.

Максим инстинктивно отпрянул в сторону. Но тут же спохватился. Так это... Так это их с Этаной гравилет вынырнул вслед за ним из разрушенного шлюза и носится теперь по воле волн. Вот удача!

Через несколько минут Максим снова был в теплом, напоенном удушливыми запахами полумраке питомника. Он быстро набросил на себя оставленную здесь одежду и кинулся к Этане.

Но что это? Почему так трудно дышать? Он пошел медленнее, расстегнул ворот рубахи. И вдруг понял: это растения, сразу, как погас свет, перестали выделять кислород, и питомник заполнился губительным углекислым газом. Что же там с Этаной? Скорее к ней! Он снова побежал бегом, не обращая внимания на хлещущие по лицу ветви, на сильное головокружение, от которого мутилось сознание.

Но вот и Этана. Все в той же позе, на том же бугорке. Он склонился над ней:

— Этана! Да проснитесь же, Этана!

Она медленно раскрыла глаза, с трудом подняла голову:

— Это вы, Максим?... Но почему так кружится голова? О, углекислый газ! Ну, ясно: погас свет. Вам, наверное, тоже дурно? Что же придумать, что придумать?! — Она попыталась встать и снова опустилась на траву.

Максим присел с ней рядом:

— Ничего не надо придумывать, Этана, я все сделал.

— Что сделали?

— Перевел гравилет на второй шлюз.

— Как?!

— После расскажу. Все после! А теперь бежим! Скорее! Иначе Задохнемся в этой ловушке.

— Да-да. — Этана заставила себя встать, сделала два шага, но тут же покачнулась и упала на руки Максиму.

— Этана, вам очень плохо? Этана... — он поднял ее и понес к шлюзу. Благо было совсем недалеко. Но густо разросшиеся ветви цеплялись за одежду, царапали лицо, руки, в висках стучало, оранжевые круги вились перед глазами. Лишь собрав всю волю, добрался Максим до шлюза и усадив Этану в гравилет, вывел его на поверхность океана.

Здесь была глубокая ночь. И черные волны катились под чужим небом. Но что теперь было до них, когда можно было дышать, и дышать чистым воздухом, наслаждаясь безопасностью и покоем.

Этана с минуту недвигалась была в глубоком забытии. Но вот глаза ее раскрылись, она огляделась по сторонам:

— Максим, где мы?

— Не знаю. В воздухе, над океаном. И живы. Чего еще!

— А почему вы без пиджака, в изодранной рубахе. И... у вас все лицо в крови!

— Чепуха! Пиджак я подостлал под вас, чтобы удобнее было спать, там он и остался. А изодранная рубаха и кровь... Эти ваши цветочки могут, оказывается, и царапаться, если продираться через них не очень осторожно. Кстати, и ваше платье...

Этана окинула себя быстрым взглядом, на миг задумалась. И вдруг поняла все:

— Так вы действительно смогли перебросить гравилет, а затем вынесли меня из купола?

— Что оставалось делать?...

— Максим!... — Этана мгновенно смотрела на него так, словно впервые увидела. И вдруг все сметающая волна нежности взметнулась в глазах инопланетянки. — Максим, дорогой, милый... — она обвила руками его шею и крепко прижалась лицом к его лицу.

Максим осторожно отстранился от нее, снял с плеч ее руки:

— Не нужно так, Этана...

Она вздрогнула, мгновенно побледнела и как-то сникла:

— Простите, пожалуйста. Я все еще не оправилась от отравления. Сейчас это пройдет. —

-Она откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза руками. А когда снова открыла их,

перед Максимом была прежняя Этана — холодная и неприступная, как льды горных вершин.

— Сейчас я сориентируюсь. — Она взглянула на небо, сделала несколько движений рукой перед экраном. Гравилет плавно развернулся и пулей помчался сквозь ночную темень.

Больше они не произнесли ни слова. Несколько минут спустя аппарат опустился на знакомую крышу дома. Этана спрыгнула на каменные плиты. Максим последовал за ней. Красно-оранжевое зарево поднялось далеко над морем. То восходил Церо. Но Этана словно не замечала этого. Она быстро подошла к парапету крыши, нажала на клавишу. Гравилет поднялся и исчез в черном небе...

И сразу все пропало. Мгновенье полной темноты. Сильное головокружение. И матовый светильник зажегся у них над головой, осветив большой круглый зал и два кресла, в которых сидели они с Этаной.

— Так это лишь иллюзионорий! — невольно вздохнул Максим.

— А вы как думали?

— Я просто ни о чем не думал. Все было настолько естественно. Видимо, с непривычки... Этана покачала головой:

— Нет, так бывает всегда, со всеми. Иначе какой смысл... — она говорила с трудом, словно взбираясь на гору, сидела бледная, осунувшаяся, да и Максим был как вшатый лимон.

Медленно, с большим трудом поднялись они с кресел.¹ Медленно вышли из зала. Наконец лифт поднял их в овальную гостиную. Этана в изнеможении опустилась на диван. Максим сел рядом. Голова у него кружилась, все тело болело, словно изломанное безжалостной машиной.

Этана нажала клавишу в стене, и в комнату вкатился робот. Он поставил перед ними столик с фруктами. Этана взяла один из них, разломила на части, положила дольку в рот:

— Это надо съесть, Максим.

Он машинально последовал ее примеру. Головокружение начало проходить. Он взглянул на Этану. Она продолжала сидеть неподвижно, опустив глаза в пол, словно в забытии, отламывая крохотные дольки плода и отправляя их в рот:

— Что вы ничего не скажете, Максим?

— Я до сих пор не могу поверить...

— В возможности нашей техники?

— В то, какой были вы, Этана.

Она чуть порозовела. Потом побледнела, гордо выпрямилась, сверкнула знакомой ледяной улыбкой:

— Так то был иллюзионорий. Всего лишь иллюзионорий! Вся кровь бросилась в лицо Максиму. Он встал:

— Я понял вас, Этана. Доброй ночи.

— Доброй ночи, — она пожала плечами и протянула к нему руки. Он молча поклонился и, не оглядываясь, пошел к выходу.

Снаружи было прохладно. Глухая ночь опустилась на остров. Оба спутника, видимо, зашли за горизонт. Черным провалом зияло внизу неподвижно застывшее озеро. Черной громадой высился над площадью Дворец командиров.

— Всего лишь иллюзионорий... — Максим усмехнулся и, отыскав знакомую тропинку, пошел вниз по склону. Вот и домик Мионы. Максим пошел тише, боясь разбудить спящую девушку. Однако не успел он поравняться с входом во внутренний дворик, как милый светящийся профиль мелькнул в темноте и тихий встревоженный шепот нарушил тишину ночи:

— Максим! Что с вами? Где вы пропадали?

— Миона?... — он шагнул ей навстречу, взял в руки холодные вздрагивающие пальцы. — Этана показывала мне Систему Агно.

— В иллюзионорий? Так поздно?

— Там случилось, видимо, не запланированное ею происшествие. Но все обошлось благополучно.

— Однако, вы устали, конечно? Я знаю, это страшно утомляет.

— Устал, Миона. И как-то не по себе мне после этого сеанса. Завтра все расскажу. А сейчас... Доброй ночи, дорогая. Вам тоже пора спать. — Он хотел поцеловать ее пальцы. Но она отняла руки:

— Доброй ночи, Максим... А я... — она хотела добавить что-то еще, но неожиданно повернулась и побежала к себе.

Максим пошел дальше, к своему дому. Здесь было как-то особенно тихо и тоскливо. Не раздеваясь и не включая света, он сел в кресло и закрыл глаза:

— Всего лишь иллюзионорий... Черт знает что! Вдруг сигнал ближней связи, робкий, еле слышный, раздался в тишине. Он нажал клавишу в полу. Перед ним стояла Миона. Она, видимо, уже приготовилась спать. Волосы рассыпались у нее по плечам. Легкий пушистый халатик еле скрывал упруго вздымающуюся грудь.

— Вы не спите, Максим? — сказала она чуть слышно, с дрожью в голосе.

— Нет, не сплю. Что-нибудь случилось?

— Зайдите ко мне. Пожалуйста...

— Иду, Миона.

Экран погас. Он вскочил с кресла и чуть не бегом помчался обратно к домику Мионы.

Она встретила его у входа в спальню, бледная, растерянная, с глазами, полными слез.

— Миона, милая, что с вами?

Она лишь всхлипнула и спрятала голову у него на груди.

— Я обидел вас? Вы недовольны тем, что я...

— Нет, Максим, нет! Но я... Я впервые не могу выразить свои мысли словами. Я не знаю, как это говорится, как делается на Земле. Я... мне... Максим, вы действительно хотите стать моим... мужем? — он почувствовал, как вся она вспыхнула, задрожала от волнения.

— Да. Да! Я люблю вас больше жизни. Я... Она прижалась лицом к его лицу:

— Нет-нет! Больше не говорите ничего. Я хочу стать вашей женой. Сегодня... Сейчас... Сию минуту...

14

Этот вызов был больше чем странным. Максим не встал еще с постели, за окном стояла почти ночь, когда прозвучал сигнал ближней связи, и на экране появилась Этана:

— Простите, пожалуйста, Максим. Мне нужно видеть вас. Немедленно! Я жду вас в овальной гостиной, — быстро проговорила инопланетянка, экран погас.

Максим наскоро оделся и в сильной тревоге поспешил во Дворец командиров. Утро едва начиналось. Небо было совсем черным. Только в восточной части его, далеко за морем, показалась бледная, чуть розоватая полоска. Максим ускорил шаги. Что мог значить столь ранний вызов? Он чуть не бегом поднялся во Дворец. Этана ждала его в гостиной, нервно прохаживаясь меж столом и диваном. Вопреки обыкновению, она была в плотном спортивном костюме, волосы ее гладко зачесаны, лицо выражало явную тревогу.

— Вы не хотели бы побывать в открытом космосе? — неожиданно спросила она после обычного приветствия.

— Это там, во Дворце астронавтов? — догадался Максим.

— О нет! Я говорю о настоящем космосе. И не о прогулке в нем, а об очень сложной операции, которую надо произвести на обшивке корабля.

— Там что-нибудь случилось?

— Да, несколько минут назад корабль столкнулся с небольшим космическим телом. Защитное поле уничтожило его. Но взрыв астероида нарушил положение одной из антенн дальней связи. Будь то любое другое повреждение, его немедленно исправили бы автоматы. Но в данном случае дело осложняется тем, что антенны слишком

чувствительны к любому постороннему полю. Поэтому использование наших универсальных автоматов с их мощными силовыми полями абсолютно исключено. Кибер предложил создать особые, чисто механические автоматы и начал соответствующие разработки. Но это потребует слишком много времени. Между тем, мы лишились связи со многими ретрансляторами и челночными кораблями. Боюсь, могут быть серьезные осложнения. Остается одно: выйти в космос и исправить повреждение вручную. Кибер считает, что достаточно повернуть антенну вокруг оси. Но у меня просто не хватит сил. Поэтому я вынуждена просить вас пройти со мной...

— Все ясно. Пойдемте, я сделаю, что нужно.

— Но я не сказала еще об одном обстоятельстве. В силу той же чувствительности антенны, мы не сможем воспользоваться магнитными башмаками. Значит, есть риск оторваться от оболочки корабля. Риск небольшой. Масса корабля настолько велика, что не даст вам уйти далеко. И все-таки...

— Так разве я не смогу привязаться к чему-нибудь?

— Только к моему скафандру.

— Ну, если мы будем связаны одной веревочкой... — рассмеялся Максим.

— Не шутите, Максим. Все это очень серьезно. Ведь есть еще одна реальная опасность...

— О ней вы расскажете, когда вернемся.

— Но я хочу, чтобы вы знали уже сейчас...

— Сейчас мне нужно знать только, что и как я должен делать, — твердо ответил Максим.

— Хорошо. Во всяком случае, Кибер будет следить за каждым нашим шагом, — сказала Этана, направляясь к выходу.

— Поедем фуникулером?

— Нет, в подобных ситуациях мы пользуемся другой системой передвижения, — она провела Максима в зал вводной системы Кибера и открыла небольшую нишу в стене. В ней оказалась прозрачная яйцевидная капсула, которая сейчас же распалась на две половинки.

— Нам нужно как-то уместиться здесь вдвоем, — сказала Этана. — Это вас не очень стеснит?

Максим невольно улыбнулся:

— Не будем терять время, Этана, — он шагнул в капсулу, прижался к задней стенке. Инопланетянка встала рядом. Капсула тотчас замкнулась, и они полетели куда-то вниз. Или взвились вверх. На миг Максим потерял всякую ориентировку в пространстве. Но через какие-то доли секунды все вернулось на место, капсула разомкнулась. Этана соскочила на пол:

— Все, приехали. Мы в камере шлюза.

Максим огляделся. В камере их ждало два робота с металлическими скафандрами в рычагах-захватах. Один из них приблизился к Этане, другой к Максиму. Этана развела руки в стороны, с улыбкой кивнула землянину:

— Сделайте так же, Максим, и отдайтесь на волю автомату.

Максим приподнял руки вверх и тотчас взлетел к потолку, подхваченный под мышки мягкими эластичными захватами, выдвинувшимися из спинки робота. После этого автомат просто вставил его в скафандр, как вставляют руку в перчатку, и опустил на голову прозрачный шлем.

В ушах послышался голос Этаны:

— Вы слышите меня, Максим?

— Да, очень хорошо.

— Это автономная линия связи между нашими скафандрами. Вам удобно в нем?

Максим подвигал руками и ногами, сделал несколько шагов по шлюзу. Было, действительно, очень удобно. Скафандр, заключенный в сплошную оболочку из гладкого синевато-черного металла, внутри был выстлан слоем мягкого эластичного материала и совершенно не стеснял движений. Максим кивнул Этане.

— Тогда подготовьтесь к выходу, — сказала инопланетянка. — Сейчас автоматы откачают воздух из шлюза, и платформа, на которой мы стоим, поднимет нас прямо в космос.

Роботы исчезли за стеной. Шлюз совершенно опустел. Этана подошла к Максиму и пристегнула к его скафандру тонкий серебристый тросик, тянущийся от ее талии. В тот же миг свет погас. В большом проеме над головой показались звезды. А пол шлюза медленно пошел вверх.

Максим постарался унять предательскую дрожь в коленях. Ему показалось, что ледящее дыхание космоса уже сковало плечи и постепенно захватывает все тело. Но в ушах снова послышался голос Этаны:

— Спокойнее, Максим, спокойнее! Скафандр абсолютно надежен. Главное — никаких резких движений. И все будет хорошо.

Подъем платформы замедлился. Наконец она дрогнула и остановилась. Максим огляделся кругом. Теперь звезды были со всех сторон. Лишь огромный черный провал, уходящий прямо из-под ног, означал очертания гигантского корабля. И полнейшая неподвижность! Все словно застыло в сплошном вязком мраке. А этот черный провал... Не было, казалось, никакой силы, которая заставила бы Максима сделать хоть один шаг в зияющую бездну.

Однако под шлемом опять зазвучал голос Этаны:

— Вы молодец, Максим! Другие при первом выходе в космос цепенеют от страха. Но — повторяю! — никаких резких движений! Сейчас я включу фонарь, и вы пойдете за мной — медленно, шаркающими шагами, не поднимая ног от оболочки.

Действительно, рядом вспыхнул свет. Совсем рядом! А он так боялся, что Этана ушла далеко вперед. Теперь он смог даже различить ее — скафандр инопланетянки затенял часть звездной сферы. И тонкий луч протянулся от него в крошечную темноту — плотный, не рассеивающийся, как длинный светящийся канат.

Но вот луч качнулся и двинулся вперед. Максим осторожно выставил ногу. Подошва скользнула по гладкой твердой поверхности. Это немного успокоило. Он передвинул вторую ногу уже увереннее, дальше.

— Не торопитесь, Максим, не торопитесь! Это совсем недалеко, — продолжала подбадривать Этана, направляя фонарь так, чтобы луч скользил по обшивке корабля.

Максим пошел увереннее. Главное было убедиться, что под ногами прочная твердь. А луч уже выхватил из тьмы ажурное металлическое сооружение, напоминающее широкую полую чашу.

— Вот и антенна! — сказала Этана, обводя ее лучом. — Теперь можно двигаться быстрее. Только по-прежнему не поднимайте ног от оболочки и никаких резких движений!

Несколько минут они шли молча. Наконец луч уперся в решетчатую преграду. Этана остановилась. Максим ухватился за верхний обрез антенны. Она доходила ему до пояса, но была, видимо, очень широкой и массивной.

— Стойте так, Максим, и ничего не делайте, — сказала Этана. — Я установлю переносный экран связи.

Луч скользнул вниз, заплескался по обшивке корабля, выхватил из тьмы белый плоский ящичек и руки Этаны. Максим огляделся по сторонам. Теперь, когда он крепко держался за край ажурной чаши, страх окончательно прошел, и можно было взглянуть на обступивший его космос.

Это было ни на что не похожее, ни с чем не сравнимое зрелище: беспредельная сажистая чернота и бессчетная уйма непривычно мелких, абсолютно неподвижных, ослепительно ярких звезд. К сожалению, не было видно ни Земли, ни Солнца, ни Луны. Они оставались по другую сторону корабля. Но тем суровее, тем бесконечнее были эти ледящие душу глубины пространства. Лишь Млечный путь, замкнувшийся почти в сплошное кольцо, напоминал о существовании Галактики — крохотного островка среди безмерных пространств Вселенной.

— Начнем, Максим, — снова раздался под шлемом голос Этаны. — Сейчас вы попытаетесь медленно, очень медленно вращать эту чашу от меня вправо.

— Только и всего!

Максим нажал на обод антенны, стараясь повернуть ее так, как сказала Этана. Но не тут-то было! Антенна словно спаялась с корпусом корабля. Он напряг мускулы, нажал сильнее. Снова никакого результата. Тогда, упершись в обшивку ногами, он навалился на обод всем телом, потянул его изо всех сил и... сорвался в бездонную черноту. Металлические перчатки скафандра соскользнули с гладкой хромки антенны, а толчок был так силен, что он, подобно камню, выпущенному из пращи, полетел в открытый космос. Вначале Максим не понял, что произошло. Все свершилось слишком быстро. А когда понял, сердце зашлось от ужаса, и холодный пот залил лицо и руки. Случилось непоправимое — трос, соединяющий его с Этаной, оборвался, и он остался один на один с бескрайним космосом. Звезды мелькали теперь и над ним, и под ним — со всех сторон, а черная громада корабля отвалила в сторону и с катастрофической быстротой уходила в глубины пространства. Максим замахал руками и ногами, стараясь остановить свой губительный полет, и вдруг услышал голос инопланетянки:

— Максим, Максим, откликнитесь! Вы слышите меня?

— Да, но что толку...

— Не бойтесь, Максим! Ничего страшного не произошло. Прижмите ноги и руки к туловищу. Сейчас я подтяну вас к себе.

— А разве трос не оборвался?

— Что вы! Это совершенно исключено. Я держу вас. Только не двигайтесь. Иначе мне трудно справиться с тросом.

Страх немного прошел. Максим попытался вновь отыскать глазами контуры корабля и вдруг увидел... голубую звезду. Ту самую голубую звезду, которая столько раз будоражила его воображение на Земле и о которой он так ничего до сих пор не узнал. Теперь она сияла в бездонной черноте и была в сотни раз ярче всех других звезд, а под шлемом скафандра вдруг все явственнее, все сильнее начал ощущаться запах астийского эдельвейса. Что все это значит?

— Этана! Этана! — закричал Максим, стараясь не терять из виду загадочный феномен. — Что там за звезда, такая яркая, голубовато-фиолетовая? Вы видите?

— Голубая звезда? А-а, понимаю. Кибер подключил вас к системе дальней связи, ведь вы уже за пределами корабля.

— Как за пределами корабля? — вновь похолодел от страха Максим. — Звезда — это корабль?

— Нет, звезда — это явление кажущееся. Она, как и запах ингрезио, возникает на направлении, откуда идут импульсы сигналов дальней связи. Но вы можете ориентироваться по ней, особенно, если когда-нибудь окажетесь на большом удалении от корабля, скажем, на Земле.

— Вот оно что!

— А сейчас я подтягиваю вас. Спокойнее! Спокойнее! Он почувствовал легкий рывок и понял, что падает обратно на корабль.

«Фу, черт! И надо было так растеряться!» Через секунду «звезда» исчезла, и он снова увидел под собой черный зияющий провал. Лишь одна-единственная звездочка слабо мерцала в нем, это несомненно был фонарик Этаны. Теперь он стремительно приближался к Максиму. Все быстрее, быстрее. И вдруг... промчался мимо, ушел вверх. А он продолжал падать в провал. Значит, это вовсе не корабль! Но в ушах снова зазвучал голос Этаны. На этот раз Максим уловил в нем скрытое волнение:

— Вы развили слишком большую силу инерции. Она оторвала меня от корабля. Сейчас я над вами. Но вы вот-вот достигнете обшивки звездолета. Постарайтесь распластаться на

его поверхности, чтобы удержаться на месте. И не двигайтесь. Только не двигайтесь! Я скажу, когда можно будет тянуть меня к себе.

Действительно, через мгновение он коснулся твердой оболочки корабля. Но не гладкой поверхности, а какой-то решетчатой перегородки. Так это антенна! — догадался Максим, цепляясь за нее руками. И сразу страх пропал.

— Этана! — крикнул он, стараясь отыскать ее фонарик среди звезд. — Я ухватился за антенну. Сейчас подтяну вас к себе.

— Вы молодец, Максим! Только не тяните сильно. Достаточно самого незначительного рывка. Вот и все. Я лечу к вам.

Через секунду луч фонарика снова заплясал в ажурном переплете антенны, а под шлемом послышался усталый голос Этаны:

— Хватит, Максим. Не будем больше рисковать. Я так и предполагала, что ее трудно будет сдвинуть с места. Пойдемте!

— Как пойдемте? Так ничего и не сделав? Нет! Попробуем еще.

— А если снова сорветесь?

— Вы снова подтянете меня. Кстати, в случае чего, сразу хватайтесь за антенну.

— Не в этом дело, меня страшат метеориты. Ведь защитное поле отключено. А наши скафандры...

— Знаю. И все-таки, попробуем еще. Включайте экран! Этана опять склонилась над переносным экраном:

— Я готова.

Максим ухватился за обод антенны, навалился на него всем корпусом. Пра-аз... Еще раз... Кажется, пошло... Пошло!

— Стоп! Стойте, Максим! Э-эх, перестарались...

— Ничего, повернем в другую сторону. Та-а-ак... Этана замерла над экраном:

— Стоп! Отлично! Отлично, Максим! Сейчас я проверю фиксирующее устройство. Все! Можно идти к шлюзу...

Полчаса спустя фуникулер доставил их обратно во дворец. Этана провела Максима в овальную гостиную и, коротко извинившись, пошла переодеваться. Максим сейчас же повалился на диван. Только теперь он почувствовал, как сильно устал и проголодался. А на столе, как назло, — одни вазы с цветами.

— Вот порядочки! — мысленно чертыхнулся Максим. — Хоть бы фруктик завалящийся какой! Жди теперь, когда наведет красоту эта космическая модница! — Его даже поташнивало от голода. Мысль, что надо сидеть тут и неизвестно зачем ждать Этану, была невыносима. Но не успел он наградить инопланетянку еще полдюжиной не очень лестных эпитетов, как стена распахнулась, и она сама, свежая, как росистый цветок, безукоризненно одетая и причесанная, счастливо улыбающаяся и оттого вдвойне прекрасная, появилась перед Максимом:

— Простите, что заставила вас ждать/мой друг. И позвольте пригласить сегодня в мои личные апартаменты.

— Спасибо, Этана, но...

— Это не приказ командира, а просьба женщины, — сказала она, сверкнув ослепительной улыбкой и, не оборачиваясь, пошла из гостиной. Максиму ничего не оставалось, как последовать за ней.

Они прошли мимо Главного пульта вводной системы Кибера, миновали несколько пустых, красиво отделанных комнат и остановились в небольшом круглом зале, сплошь задрапированном голубовато-зеленой материей. Драпировка эта, легкая, почти воздушная, все время колыхалась, как под ветром, отчего вся комната будто тонула в волнах аквамаринового газа. Посреди комнаты возвышался стол, сплошь уставленный всевозможными яствами. Возле него стояло два кресла. Этана села в одно из них, жестом указала Максиму на второе:

— Садитесь, Максим. Ешьте. И слушайте. Вы оказали неоценимую услугу звездолету АО Тэо Ларра и вправе ждать от меня слов самой искренней благодарности. Но у нас в Системе не принято это. Поэтому я лучше, как говорят земляне, исповедуюсь перед вами. Нет, речь идет не о каких-то раскаяниях или оправданиях. Все, что делалось и делается мною, я по-прежнему считаю единственно возможным и верным. Но пришло время объяснить кое-какие из моих поступков. Иначе в отношениях между мной и вами всегда сохранится оттенок недоверия и фальши и мы никогда не сможем стать настоящими друзьями, а я искренне желала бы этого. — Этана помолчала, съела несколько кусочков розового крема, пододвинула Максиму вазу с «пьянящими» фруктами.

Он поблагодарил ее кивком головы:

— Я слушаю вас, Этана.

— Но прежде мне хотелось бы задать вам один вопрос: что вы «поняли» прошлый раз, после нашего сеанса в иллюзионории, когда уходили от меня гордый и разгневанный?

— Мне стало ясно, что все это было специально подстроено вами, видимо, из желания проверить меня...

Она покачала головой:

— Вы ошибаетесь, мой друг. Во-первых, в иллюзионории ничего нельзя «подстроить». В этом его величайшее достоинство и... величайшее проклятье. Во-вторых, зачем мне что-то проверять? Я знаю вас с ваших детских лет и, надеюсь, не хуже, чем вы сами. То, что произошло в подводном питомнике, только подтвердило мое мнение о вас и переполнило меня чувством самой искренней признательности. Слишком горячей признательности...

Этана снова помолчала:

— А почему я обидела вас той ночью? Так вы и сами могли бы догадаться. Кроме того, что я командир галактического корабля, я еще и... просто женщина. И хватит об этом!

А теперь послушайте мою исповедь. Вы, очевидно, уже знаете, что корабль АО Тэо Ларра не случайно оказался в системе Солнца. Еще два миллиона лет назад по вашему исчислению астронавты Агно открыли Землю — планету, биосфера которой удивительно напоминала биосферу наших миров. Открыли и остались здесь вследствие аварии корабля. Корабль этот, конечно, нельзя даже сравнивать с Ао Тэо.Ларра. Он был немногим больше челночка. В нем не было ни Кибера, ни универсальных автоматов. Можно только удивляться, как он достиг столь отдаленной части Галактики. Впрочем, это могло быть следствием чистой случайности. Перед ним ведь не стояла задача выйти в определенную точку пространства. И вопрос еще, смогли ли бы астронавты вернуться в Систему, даже избегнув аварии корабля. Но факт остается фактом — они посадили корабль на Землю в районе известной вам сопки Дальней, где, будучи погребенными под мощным чехлом позднейших геологических образований, он оставался до самого последнего времени...

— Так вот почему там молнии били в одну точку! — вспомнил Максим.

— Да, и можно только удивляться, что это не навело землян-ученых на мысль покопаться в этой точке. Но не будем судить их строго, как и Платова, который немного ошибся в своих предположениях: астронавты не отправили корабль на родину, а остались вместе с ним. Но все имеющиеся у них запасы энергии были потрачены на импульсное излучение в сторону системы Агно. Так много лет спустя Система узнала о Земле и участии звездолета Ао Рио Эмико. Естественно поэтому, что главной задачей, поставленной перед экипажем Ао Тэо Ларра, была задача выяснить, как сложилась судьба оставшихся астронавтов. Их было немного. Но они остались на планете, где можно было жить, где можно было дать начало новой цивилизации...

— И что же вы узнали? — спросил Максим, сгорая от нетерпения.

— К сожалению, полет Ао Тэо Ларра сложился трагически, вы слышали об этом. Но я выполнила свой долг. Я разыскала остатки корабля, изучила Землю и землян и твердо установила, что земляне не имеют никакого отношения к нашим астронавтам, хотя

общность путей эволюции, давшей разумные существа почти идентичные нам, заставила меня долго сомневаться в своих умозаключениях.

— А теперь вы уверены в своих выводах?

— Абсолютно. Последние данные, полученные в ходе изучения молекулярной структуры мозга землян, окончательно подтвердили, что вы ведете свою родословную от древних обезьян Земли. Впрочем, Платов в конце концов пришел к такому же выводу. Единственное, что могли сделать наши соотечественники, это существенно ускорить процесс очеловечивания обезьян...

— И они сделали это?

— Я не могу сказать, сделали они это или нет. Я бы не стала этого делать. Но такая возможность у них была. И изображение на известной вам алмазной гемме говорит, как будто, в пользу именно такого предположения, как и необычайно сжатые сроки превращения обезьяны в человека и некоторые особенности вашего мышления и ваших мировоззрений. Рассуждения Платова о некоторых особенностях психики землян далеко не беспочвенны.

— Но что значит «существенно ускорить»? Имеете ли вы в виду только перестройку генетического кода или то, что Платов в свое время понимал под передачей первой искры разума?

— Астронавты АО Рио Эмико могли сделать и то и другое. Однако — повторяю — я не смогла выяснить, как они воспользовались своими знаниями, как не смогла восстановить и

их жизни на Земле. Ясно только, что они не оставили

— Простите, Этана, еще один вопрос. Вы, по-видимому, достаточно хорошо изучили поверхность Земли, разыскивая остатки АО Рио Эмико. Не встретилось ли вам следов других инопланетных экспедиций?

— Нет, не встретилось.

— Неужели кроме вас никто никогда не высаживался на Земле?

— Я не торопилась бы со столь категоричным утверждением. Ведь поиски АО Рио Эмико велись очень целенаправленно. Соответствующие автоматы были запрограммированы исключительно на молекулярные структуры Агно. Они и не могли обнаружить остатков иных экспедиций. Больше того, мне кажется, в споре с Платовым вы были принципиально не правы. Ясно, что те циклопические сооружения и всякого рода «навигационные знаки», о которых рассказывал Антон, были воздвигнуты самими землянами и имели, по-видимому, чисто ритуальное значение. Но откуда такой ритуал? Откуда та космическая тематика наскальной живописи и барельефов надгробных плит, которая не находит пока никаких объяснений? Все это вполне могло быть отзвуком реальных событий, связанных с посещением Земли гостями из космоса. Не лишены здравого смысла и высказывания Платова относительно истоков первичных религиозных представлений людей Земли. Кстати, «всемогущий и всевидящий» бог землян, без ведома которого ни у одного человека «волос с головы не упадет», очень напоминает Главного кибера Системы.

— Так, может, это и есть отголоски тех первичных элементов разума, которые привнесли в мозг обезьян астронавты АО Рио Эмико?

— Это маловероятно. Хотя и... не исключено. Но не об этом сейчас речь. Выполнив первую свою задачу, я должна была решить и вторую — возвратить Ао Тэо Ларра в Систему и сообщить ей о результатах своих поисков. А это очень непростая проблема. Космические рейсы таят столько неожиданностей, что никто не сможет сказать, сколько времени потребуется для нашего обратного пути — годы или столетия. Поэтому прежде всего я должна была позаботиться об элементарном продолжении нашего рода, иначе говоря, о человеке, который дал бы жизнь сыну Мионы.

Однако это тоже было нелегкой задачей. Генетический код землян оказался засоренным всякого рода аномалиями, что неизбежно отражалось либо на их здоровье, либо на характере психики. Я перебрала огромное количество людей, прежде чем случайно не

натолкнулась на вас. Нет, вы не представляли идеально устраивавшего нас человека. Скажем, тот же Платов по своим психическим показателям был бы несравненно предпочтительнее вас, если бы не его слишком ограниченный жизненный ресурс. И тем не менее вы выгодно отличались от своих соотечественников. К тому же Миона сразу заинтересовалась вами, даже привязалась к вам. Словом, я решила остановить свой выбор на вас. То, что вы выросли быстрее, чем она, было не так страшно, это можно было уладить. Однако жизнь оказалась сложнее моих расчетов. И все началось со злополучной шестерни....

— Простите, я перебыю вас, Этана. Что значит «ограниченный жизненный ресурс Антона»? Вы знали, что он обречен?

— Да, мы знали, что серьезные нарушения генетического кода, которые у него имелись, рано приведут к трагическому концу.

— И вы ничего не могли для него сделать?

— Когда мы узнали его, было уже поздно.

— Значит, и у вас эта болезнь неизлечима?

— У нас просто нет ее. Те изменения в генетическом коде, которые впоследствии выливаются в болезнь, легко исправить на первых стадиях развития ребенка, что и делается в Системе. Но мы снова отвлеклись от темы нашего разговора. Так вот о шестерне. Как вы, наверное, уже догадались, то была деталь Ао Рио Эмико. К сожалению, Кибер слишком поздно установил, что она побывала в руках компетентных людей. Пришлось срочно изымать ее из вашего тайника. Это не составило для наших автоматов никакого труда, и я полагала, что этим все и завершится. Обычно дети легко мирятся с такими потерями.

Однако один из геологов проявил слишком большую активность и заразил вас стремлением разгадать тайну исчезнувшей детали. Дело осложнилось находкой бриллиантовой геммы. Она была сделана руками наших астронавтов и, конечно, не могла не заинтересовать Крайнева, давно уже охотившегося за странными находками в астийских слоях. Пришлось дать задание одному из автоматов уничтожить и гемму. Вы спросите, почему я не смогла оставить эти вещи у вас в руках? Не только потому, что они неизбежно привели бы людей к открытию пребывания на Земле наших предшественников и, следовательно, позволили допустить возможность нахождения в окрестностях Земли инопланетных кораблей. Главное же потому, что, изучив состав этих предметов, вы получили бы ключ к отысканию АО Тэо Ларра на орбите, смогли запрограммировать ваши поисковые ракеты так же, как мы программировали автоматы, ведущие поиски АО Рио Эмико.

Словом, пришлось мне ограбить вас, Максим. Но все эти неприятности были еще не так страшны. Значительно более сложные проблемы возникли предо мной, когда вы стали взрослым, когда для вас пришла пора выбирать подругу жизни или, как говорят земляне, жениться. Ведь мне было очень не безразлично, кто станет вашей женой. Женщина, особенно у вас, оказывает слишком большое влияние на психику мужчины. К тому же вы не должны были забывать Мионы. Больше того, вы должны были постепенно привыкнуть к ней, ее образу...

— Как мало вы смыслите в любви, Этана!

— В любви землян?

— Просто в любви.

— У меня не было времени особенно разбираться в этом... Но не будем отвлекаться, Максим. Так вот, мне казалось, что вы должны привыкнуть к образу Мионы. И я позаботилась о своего рода макете...

— Вы считаете, что поступили гуманно? — перебил ее Максим.

— Я считаю, что поступила разумно, ничего не отнимая ни у Лары, ни у вас.

— Но позвольте, а если бы мы с Ларой поженились?

— Я на это и рассчитывала.

— А потом? Потом вы просто выбросили бы ее из игры?

— Совсем не так. Вы были бы счастливы некоторое время... А потом Лара сама «ушла бы из игры». И тогда вас ничего бы уже не удерживало на Земле. Зато Миона к тому времени стала взрослой...

— Но как это понимать, «Лара сама ушла бы из игры»?

— Очень просто. У нее так же, как у Антона...

— Что?! Лара тоже обречена?

— Что поделаешь...

— Но вы знали об этом! А если бы у нас были дети?

— У вас не было бы детей.

— То есть?

— Я позаботилась бы об этом.

— Но это... Это чудовищный произвол!

— Это было бы единственно разумным решением. Потому что у детей Лары генетический код должен нарушаться в геометрической прогрессии. Кстати, у ее дочери...

— Как? И ее дочь?! Не надо, не продолжайте! Все это ужасно! Ужасно!!!

— На Земле слишком много ужасного.

— Но что толку, что вы без конца только констатируете это? Уж в этой-то страшной трагедии вы могли бы нам помочь!

— Вы сами давно справились бы с ней, если бы хоть десятую часть тех средств, какие тратите на создание оружия, обратили на благо человека. К тому же, разве мало людей умирает и от других болезней. Ваш сын, например...

— Вы и его не могли спасти? — не удержался Максим от вопроса, который мучил его всегда.

— Я могла бы сказать, что даже не знала о его болезни. Ведь вы с вашим элементом связи были в то время в Ленинграде. Но я не использую этой лазейки. Да, я знала о болезни вашего сына и могла бы его спасти. Но не сделала этого сознательно. Нет, не потому, что тогда мы не имели бы морального права взять вас на корабль. А потому, что он не унаследовал ни одной вашей черты. Зато черты матери были доведены у него до крайности. Вы даже не представляете, сколько горя принес бы он вам, став взрослым человеком...

Максим встал:

— Простите, Этана, я... Я вынужден покинуть вас. Она пожала плечами:

— Очень жаль, что мы не смогли понять друг друга...

15

Прошло два месяца. Для Максима они пролетели как одно мгновение. Каждый день, с утра до вечера, забывая о времени, не выходил он из информатория, все глубже и глубже вникая в тайны строения вещества. Однако им не было конца. Всякий решенный вопрос рождал лавину новых. На место любой разобранный проблемы вставал десяток других. А надо было еще связать все это в единую систему, осмыслить в свете привычных земных представлений, занести для памяти в дневник.

Дня не хватало. Случалось, он до глубокой ночи не выключал экрана, даже обедал перед ним. А когда в информатории вкатывали роботы, производившие с наступлением темноты профилактический осмотр корабля, он, не обращая на них внимания, торопился тут же на месте сделать краткие записи в дневнике. Тогда к нему приезжала Миона, мягко, но решительно поднимала от бумаг и, несмотря ни на какие возражения, увозила с собой.

Они вместе ехали в ее домик или забирались в какой-нибудь укромный уголок, ужинали там на открытом воздухе, потом бродили по бесконечным тропинкам, молча, тесно прижавшись друг к другу, или купались при свете Церо в черной с красными бликами воде озера, потом садились в гондолу и медленно, будто паря в воздухе, плыли над спящим островом. В такие минуты Максим забывал обо всем. Мысли его были заняты

лишь Мионой. Любовь к ней завладела всем его существом, казалась всесильной, нескончаемой, как вечность.

С Этаной он больше не встречался. Она не приглашала его к себе. Лишь изредка удавалось видеть инопланетянку на площади, у Дворца командиров, где она сидела, неподвижная, как изваяние, видимо, вконец окаменевшая от уединения с автоматами и не замечавшая не только его, Максима, но и всего окружающего, что жило и радовалось жизни под аквамариновым небом. Да и была ли у нее душа — душа женщины, которая могла бы любить, радоваться, страдать? Последний разговор с Этаной после выхода в космос заставил Максима серьезно усомниться в этом. Но тем удивительнее было то, свидетелем чего он оказался сегодня.

Он увидел ее случайно, рано утром, поднимаясь по дорожке от моря, и вначале принял за Миону. Но скоро понял, что ошибся. Этана шла со стороны Дворца командиров по направлению к беседке под обрывом, однако, не доходя до поворота, за которым стоял Максим, свернула к Дворцу астронавтов и скрылась за его колоннами. Это заинтересовало Максима. Зачем понадобилось ей одной идти в это пустое гигантское здание, предназначенное исключительно для массовых празднеств?

Движимый любопытством, он также свернул к Дворцу и встал за обступившими его деревьями. Этана не заставила себя долго ждать. Не прошло и десяти минут, как она снова показалась в портале Дворца с большой охапкой... астийских эдельвейсов.

Этана и астийские эдельвейсы! Можно ли было представить что-нибудь более несовместимое? Теперь Максим не спускал с нее глаз. Этана сошла по ступеням Дворца и медленно, не оглядываясь, направилась по тропинке вниз по склону. Максим незаметно последовал за ней. Она шла, глубоко задумавшись, время от времени склоняя лицо к роскошному букету и, видимо, не спешила, хотя шла куда-то, безусловно, с определенной целью.

Наконец она свернула в узкую тенистую аллею и остановилась под большим, в два обхвата, деревом. Сначала Максим не обратил на него особого внимания. Мало ли на острове всяких диковинных деревьев. И лишь тогда, когда Этана, молча склонившись перед гигантским стволом, положила к его подножью цветы, а сама села на стоящую неподалеку скамеечку, он поднял глаза кверху и увидел, что дерево это было давно погибшим, стояло сухой безжизненной громадой.

Что все это могло значить? Почему роботы, не пропускавшие ни одной сухой веточки, до сих пор не спилили, не выкорчевали его? И почему именно к нему, к этому дереву, принесла Этана цветы и теперь сидела под ним, грустная и задумчивая, какой он не видел ее никогда.

Между тем, Этана провела рукой по лбу, словно снимая какие-то невидимые путы, и закрыла лицо ладонями. А когда отняла их, Максим увидел, что по щеке у нее катится крупная слеза...

Все это было настолько невероятным, так не укладывалось в сложившиеся у него представления, что словно какая-то сила толкнула его к Этане, и он, сам не замечая того, вышел из-за укрывавших его зарослей.

Этана подняла голову. Максим хотел сейчас же скрыться за деревьями. Но инопланетянка уже заметила его, чуть привстала со скамьи, протянула к нему руки:

— Добрый день, Максим. Я рада вас видеть. Сядьте, перейдите со мной, если не очень спешите.

— Здравствуйте, Этана, — ответил Максим, отказываясь верить своим глазам. Женщины, живой, милой женщины, какую он только что увидел здесь, точно не бывало. Перед ним снова была гордая, высокомерная инопланетянка, ни одно чувство которой не выходило из-под контроля разума. Прежняя непроницаемая маска словно замкнула ее в невидимую бронь, прежняя ледяная улыбка будто припорошила инеем прекрасное лицо.

— Сядьте, сядьте! Я давно не видела вас. Хотя... ждала, что вы и заглянете ко мне.

— Хорошенькое дело — зайти к вам. Легче пройти сквозь стальную стену, чем проникнуть в ваши апартаменты, — попытался отшутиться Максим.

— Не хитрите, дружок! Вам прекрасно известно, что достаточно нажать клавишу, чтобы вызвать меня к экрану связи. Но я не в обиде на вас, знаю, что у вас нет лишнего времени. Я сама только иногда могу выбрать час-другой, чтобы посидеть здесь.

— А почему здесь? Простите, что я задаю такой вопрос, но... — замялся Максим, поднимая глаза к сухим веткам дерева.

— Вас интересует, почему мне дорого это камилло? Я отвечу вам. Когда-то оно было любимым деревом командира, отца Мионы. Он любил сидеть под ним в редкие часы отдыха, особенно, когда мы остались на корабле вдвоем. Поэтому я и сохранила его как память. А сегодня... Сегодня годовщина его смерти. Вот почему вы видите эти цветы. И меня здесь в этот ранний час... — она чуть заметно вздохнула, опустила глаза к земле, и Максим снова увидел милую, страдающую от одиночества женщину.

— Простите, Этана, я...

Но она вдруг рассмеялась нервным смехом:

— Дорогой друг! Конечно, это смешно! И вы можете издеваться надо мной, сколько угодно. Цветы к мертвому дереву! Никто и никогда во всей системе Агно не сделал бы такой глупости. Но то в Системе! А знаете ли вы, что значит всю жизнь — всю жизнь! — провести в отчаянном единоборстве с враждебным космосом? Что значит отправить на дно озера последнего близкого человека и остаться одной, совсем одной с крохотным ребенком на руках над чужой безжалостной планетой? Что значит утратить всякую связь со своими мирами и затеряться, как песчинка, в немыслимой дали от Родины? И все это время — только бездушные автоматы и металлический голос Кибера...

— Я могу представить это, Этана, — тихо сказал Максим.

— Ничего вы не можете представить! Иначе не ушли бы от меня в то утро, когда я пригласила вас на завтрак. Может быть, у вас, в вашей цивилизации, в людях Земли и есть что-то такое, чего не хватает нам и что я просто недопонимала, недооценивала до сих пор. Но я делаю все, чтобы понять это. Я только и занята тем, что пытаюсь постичь сущность вашей психики, ваших взаимоотношений, вашего сложного «я». А вы? Вы хоть раз захотели понять меня? Понять нашу жизнь, нашу цивилизацию? Вы хоть раз попытались осмыслить мои действия, мои взгляды? Все, о чем я рассказала вам в прошлый раз, вы сочли просто чудовищным, не стоящим того, чтобы даже попробовать разобраться в мотивах моих поступков и моих умозаключениях. Но ведь я человек совсем другого мира. Почему вы не хотели сделать даже малейшей скидки на это?

— Простите, Этана. Я был несправедлив по отношению к вам. Это было в высшей степени невежливо и жестоко — прервать вашу «исповедь»

— Это было просто нежелание видеть во мне человека, женщину, мать. Хотя бы и другого мира.

— - Может быть, и так. Все это время, вплоть до сегодняшнего дня, я не мог отделаться от какого-то навязчивого предубеждения против вас.

— Вплоть до сегодняшнего дня? А сегодня?

— А сегодня я увидел... Сегодня мне хотелось бы искренне извиниться перед вами. И если когда-нибудь вы найдете возможным возобновить тот наш разговор...,

— Что же, откровенность за откровенность. В то утро я дала себе слово не говорить больше с вами. А сейчас... Сейчас мне самой хочется продолжить свою «исповедь» Вы никуда не спешите?

— Нет-нет, прошу вас!

Этана коротко вздохнула, откинулась на спинку скамьи.

— На чем же мы остановились? — начала она после небольшого раздумья. — Да, я, помнится, рассказала о Ларе. Так вот, как я предполагала, вы встретились с Ларой и полюбили ее. Все шло по разработанному мною плану. Все до мельчайших деталей. И вдруг все рухнуло. Вы уехали от Лары, вернулись в Вормалей, женились на Марине.

Стоит ли говорить, как это уронило вас в моих глазах. Вы изменили самому главному — здравому рассудку. Я утратила всякий интерес к вам. Муж Марины не мог стать другом Мионы. Я вынуждена была переменить все свои расчеты, хотела даже полностью отключить вас от корабля, уничтожить ваш элемент связи. Но потом передумала. Вы не оставили еще мысли о поисках нашего первого звездолета, вы слишком много знали о Мионе, вы были просто опасны для нас. Поэтому я ограничилась тем, что перевела ваш элемент в другой режим работы. Миона не знала об этом. Зачем было расстраивать девочку. И без того ей было нелегко. Бедняжка слишком привязалась к вам.

Между тем, вы вернулись в Вормалей. Вместе с Платовым. Специально для поисков остатков корабля. Это была серьезная опасность. Я дала указание Киберу следить за каждым вашим шагом, тщательно проверять каждый найденный вами предмет и непременно изымать все, что имело хоть малейшее отношение к экспедиции Агно. Но вы не останавливались ни перед чем. Не примирившись с потерей «крестика Малей», вы спустились на дно Вормалеевского озера и даже забрались в туннель, соединяющий его с Тинто. Это было прямой угрозой нашей безопасности. В туннеле размещались шлюзовые механизмы, дежурили наши универсальные автоматы. Разве можно было допустить, чтобы вы увидели все это? И без того вы знали слишком много.

Сколько хлопот доставили вы мне в этот день! Особенно, когда гидравлический удар сорвал маску с вашего лица. Пришлось срочно наводить на вас вашего партнера-аквалангиста через элемент связи. И все-таки не обошлось без серьезных травм. Это было очень непросто — не допустить вашего проникновения в туннель и уберечь вас от гибели. Но поступить иначе я не могла. В противном случае пришлось бы ликвидировать базу на Тинто. Однако тогда это было невозможно: слишком много неясного оставалось в судьбе АО Рио Эмико.

Немало хлопот доставило мне и найденное Таней «рубило». Проникнуть к вам в сейф мои автоматы не могли.

Уничтожить же находку вместе с сейфом в ваших жилых помещениях было слишком опасно. Пришлось пожертвовать багажным сараем, предварительно пометив сейф радиоактивным крепом. С этим «ястреб» справился успешно. А посланный нами обломок астероида даже у специалистов не вызвал подозрения в преднамеренном уничтожении сейфа.

— Да, это была чистая работа, как и уничтожение контейнера с астийским эдельвейсом, — невольно вздохнул Максим. — А вот во время изъятия у нас конкреции, найденной в шурфе, ваш автомат определенно сплюхвал: пуля, пущенная охотником, сплюснулась о его поверхность, и я сразу понял, с чем имею дело.

— Я знала это. Но уничтожение вещественных доказательств было важнее ваших умозаключений. Тем более, как я поняла, ваши ученые не очень-то верят словам и не очень спешат менять привычные представления. Однако вы по-прежнему, несмотря ни на что, рвались к намеченной цели. Вас не остановил и гигантский катаклизм, явившийся следствием гравитационного удара, произведенного мной с целью уничтожения последних остатков АО Рио Эмико. Можно было только восхищаться вашей целеустремленностью, если бы она не была направлена против нас. Вы сами заставляли предпринимать по отношению к вам все более жесткие меры. Так и в то время, когда я была в челночке на Тинто и готовилась уже стартовать на корабль, вы пришли туда с магнитофоном и кинокамерой. Я знала, что ночью защитное поле корабля может просвечивать даже сквозь воду озера. Ясно, что вы с вашей наблюдательностью и упорством могли зафиксировать его. Пришлось просить Кибера вызвать ливень над Лысой гривой.

И ведь все это время, несносный вы человек, я должна была следить еще и за вашей безопасностью. Но тут, как нарочно, стало плохо с Мионой. Я уже потом, много позже поняла, что ваши элементы, неведомо для меня и Кибера, связывали вас на уровне подсознания. Видимо, ваши злоключения той ночью и вызвали у нее нервный шок.

Пришлось немедленно прервать дождь и у вас на глазах стартовать к кораблю. Я знала, что невероятно ионизированный вследствие грозы воздух, взаимодействуя с защитным полем челночка, даст феерическую картину взлета. Но у меня не осталось иного выхода: в опасности была жизнь Мионы. К тому же, вы знали уже так много, что это мало что могло прибавить. Зато все происшедшее на озере могло послужить для вас столь серьезным предупреждением, что вы покинули бы наконец Вормалей.

Однако я снова недооценила вашей воли. Ничто, оказывается, не могло остановить вас на пути к избранной цели. То, что произошло вскоре вслед за тем на Зубе Шайтана, окончательно убедило меня в этом.

— Так разве дело заключалось только в достижении этой цели?

— В чем же еще?

— Неужели вам ни разу не пришло в голову, что во сто крат более сильным двигателем всех моих поступков была любовь к Мионе, желание найти ее, узнать о ней хоть что-нибудь.

В глазах Этаны мелькнуло что-то похожее на растерянность:

— Любовь к Мионе? Уже тогда?... Впрочем, сейчас я, наверное, догадалась бы об этом. Но в то время... В то время это просто не укладывалось в моих представлениях. Любить человека, которого почти не знаешь, который столько лет подряд не дает о себе никакой весточки, само существование которого окутано непроницаемой тайной, любить годы и годы, любить несмотря на все удары жизни! Как это странно... И... великолепно.

Этана прикрыла глаза и надолго замолчала, словно вспоминая что-то давно забытое:

— Нет, тогда я была искренне убеждена, что вас влекут лишь загадки необычных находок. Я не сомневаюсь, что и на Зуб Шайтана вы решили забраться только потому, что там размещались усилители нашей дальней связи. Ясно, как важно было для вас завладеть этими приборами или хотя бы сфотографировать их. Тогда вы с полным правом смогли бы поставить вопрос о новой экспедиции в Вормалей.

Но злая ирония заключалась в том, что никаких усилителей на скале уже не было, а наши автоматы приступили к ликвидации базы на Тинто. Предупреждать вас об этом было бессмысленно. Трудности восхождения вас, как и прежде, не пугали. И вот произошло то, за что вы вправе были назвать меня злодейкой.

Да, я знала обо всем, что произошло на скале. Я видела, что вы гибнете, гибнете самой мучительной смертью, и ничего не могла сделать, чтобы облегчить вашу участь. Только... Вот чего мне стоило это «злодейство», — Этана отвела в сторону прическу, и Максим увидел серебристую прядь на виске, за ее маленьким красивым ухом. — Вы можете мне верить или не верить, но все то время, что вы правели на вершине скалы, я ни на секунду не сомкнула глаз и не встала из-за пульта вводной системы Кибера.

А дело заключалось в том, что в то самое время командование ваших ракетных войск в порядке учения выбросило в каких-нибудь сотне километров от Вормалея большой десант и создало базу с массой радаров и прочей электронной техники. В этих условиях я вынуждена была даже убрать с орбиты спутник-ретранслятор, работающий на Вормалей, и лишить сознания улетевшую в челночке Миону, чтобы, возвращаясь с Тинто, она случайно не воспользовалась каким-либо источником излучения. Само наблюдение за скалой оказалось в высшей степени затруднительным. А Кибер, основой всех программ которого была первостепенная забота о сохранности корабля и его экипажа, отказывался даже анализировать возможности вашего спасения.

Единственное, что я могла сделать, это послать к вам аварийный снаряд. Он стоял уже в стартовом шлюзе, в него была заложена вся необходимая программа. И, видимо, в самый последний момент я воспользовалась бы им, несмотря на все возможные последствия. Но любящее сердце Тани опередило меня... А может, и спасло АО Тэо Ларра от очень больших бед.

— И вы ничего не смогли сделать для нее?

— Я сделала все, что могла.

— И тем не менее...

— Я сделала все, что могла, — повторила Этана с каким-то особым упорством, словно стараясь убедить в этом себя, и отвела глаза в сторону. — Ну, а дальше... Дальше вы все знаете. Мы расстались с Вормалеем навсегда, а моя недоброжелательность к вам как-то сразу исчезла. Нет, не потому, что я чувствовала себя в чем-то виноватой перед вами, ведь я всегда была прежде всего командиром галактического корабля. А потому, наверное, что поняла: вы, как человек, были неповинны ни в своем, в общем-то похвальном упорстве, ни в тех жизненных ошибках, каких наделали вследствие слишком большого мягкосердечия, или под бременем тех условностей, каких так много еще у людей Земли. Как бы там ни было, я дала указание Киберу ввести ваш элемент связи в прежний режим и снова стала наблюдать за вами.

Не скрою, я уже тогда, в эти последние годы вашей жизни на Земле, пожалела о своем решении разлучить вас с Мионой. Но лишь той ночью, на лахтинском поле, увидела всю глубину ваших чувств к ней и лишь здесь, на корабле, смогла до конца, по-настоящему полюбить и оценить вас. И не только вас. Все человечество, вся цивилизация Земли предстала передо мной в совершенно ином сеете. Тридцать лет по вашему исчислению я всеми доступными мне средствами изучала Землю и землян, и лишь в последние несколько месяцев поняла...

Она вдруг замолчала, словно прислушиваясь к чему-то, и встала с места:

— Простите, Максим, я вынуждена вас оставить. Мне нужно немедленно пройти к пульту вводной системы Кибера.

Он не без сожаления поднялся вслед за ней:

— Но что вы поняли, Этана?

— Это долгий разговор, мой друг. Надеюсь, мы продолжим его, и очень скоро. Я хотела бы, чтобы это было скоро... А впрочем... Можно в двух словах и сейчас, — она чуть помолчала. — Я хотела сказать, что лишь в последнее время поняла: легенда об ингрезио — не просто легенда. А главное, что нечто подобное нужно Системе и ныне. Риека права. Граждане Агно должны вернуть себе настоящее человеческое счастье. Только цветочки здесь не помогут. Честно говоря, будь это несколько месяцев назад, я бы только посмеялась над вашими рассуждениями относительно помощи высокоразвитой цивилизации со стороны цивилизации примитивной. А сейчас... Сейчас я могу прямо вам сказать, что только вы, ваша цивилизация смогли бы сыграть роль астейского эдельвейса для цивилизации Агно. Нет, мы еще далеки от того вопля отчаяния, какой недавно пришел из космоса. И все-таки... Все-таки только теперь мне стало ясно, как важно, чтобы Ао Тэо Ларра во что бы то ни стало возвратился в Систему. Галактические и внегалактические корабли Агно летят в космос лишь с одной целью — за знаниями. И ничто не пользуется в Системе таким вниманием, как знания, привезенные из других миров. Знания же, добытые Ао Тэо Ларра, будут особенно ценными и полезными. Система должна знать о цивилизации Земли и о тех пороках, какие несет чрезмерное увлечение культом разума. Новый АСТИЙСКИЙ ЭДЕЛЬВЕЙС — вот что привезет Ао Тэо Ларра цивилизации Агно. Ну, а цветочки, вроде ингрезио... Наивная Риека! Я ведь провела среди них всю жизнь, Максим. Но лишь знакомство с вами, общение с вами здесь, на корабле, позволили мне почувствовать себя живым человеком, живой женщиной... — Она протянула к нему руки, и Максим почувствовал, как дрогнули у него в ладонях тонкие пальцы инопланетянки...

16

Эта мысль возникла сразу, без всякой ассоциации с другими, и обожгла как огнем. Максим вдруг понял, что вся его работа в информатории, все знания, какие он здесь получит, будут сплошной бессмыслицей, если он не передаст их людям. И он должен вернуться к ним, помочь им приобретенными знаниями. Это его долг, его святая обязанность.

Но как же Миона? Что будет с их любовью, их счастьем?

И словно в ответ на это в домике, где он, собравшись заняться дневником, с утра не находил себе места, раздался сигнал ближней связи. Миона стояла у самого экрана, с нежной тревогой вглядываясь в глаза Максима:

— Мне хочется видеть тебя, милый.

— Сейчас я иду к тебе.

— Нет, я знаю, ты работаешь. Я сама приду.

Экран погас. Максим захлопнул дневник и зажал лицо руками, чтобы не застонать от нестерпимой душевной боли. Как любима, как бесконечно дорога была ему эта необыкновенная женщина. Уже больше полгода прошло с тех пор, как они стали близки, но каждый час, каждая минута, проведенная с ней, были полны совершенно особого, непередаваемого захватывающего очарования. Не было случая, чтобы, расставаясь с ней хотя бы ненадолго, он не испытывал боли разлуки, и не было мгновенья, чтобы он не хотел видеть ее вновь и вновь.

Став мужем и женой, они по-прежнему жили каждый в своем домике, лишь время от времени встречаясь где-нибудь в укромном уголке или навещая друг друга на правах гостя. Так было принято в системе Агно, и Максим не видел нужды менять эту в общем-то неплохую традицию, тем более, что встречи после долгих часов разлуки приносили особенно большую радость.

Так было и сегодня. Не успел погаснуть экран, как все в Максиме так и рванулось навстречу Мионе. Рванулось и сникло под наплывом лютой боли...

Она вошла неслышно, как всегда, остановилась сзади кресла, обвила его шею тонкими прохладными руками, прижалась лицом к щеке. Он обнял ее за талию, хотел усадить к себе на колени. Но она мягко высвободилась и, придвинув любимую скамеечку, уселась неподалеку от кресла:

— Ты работай, работай! А я посижу рядышком, смирненько, как тики, — она спрятала голову ему под руку и замерла, будто перестав дышать.

Он нагнулся к ней, зарылся лицом в ее мягкие пахучие волосы. Время для них остановилось. Наконец она отыскала его руку, тихо шепнула:

— Почему ты не работаешь?

— А ты смогла бы сейчас работать?

Она молча покачала головой, постаралась улыбнуться. Но от Максима не скрылось, что в глазах ее пряталось смятение. Он легонько приподнял ее за подбородок:

— Что-то случилось, Ми?

359

— Нет, но я до сих пор не ответила тебе на один вопрос. Помнишь, ты как-то спросил, смогу ли я жить на Земле?

— Да...

— Так вот, я много думала об этом. И пришла к выводу, что я, наверное, смогла бы жить на Земле. Без большого комфорта, конечно, ни на минуту не расставаясь с биофильтрами, но смогла бы, если бы... Если бы я была одна с тобой... — она вдруг замолчала, порывисто прижалась к нему лицом.

Он молча ждал, боясь поверить своей догадке.

— Но я не буду больше одна, Максим, — послышался наконец ее приглушенный шепот.

— У меня будет малышка... Сын... Наш сын, Максим.

— Любимая моя!... — только и смог вымолвить Максим, покрывая поцелуями ее лицо. Но Миона снова мягко отстранилась от него:

— И вот он, наш сынулька, не сможет жить на Земле, — закончила она с глубокой грустью.

Этим было сказано все. Это был последний приговор. Мозг отказывался в него верить. Именно сейчас, узнав эту счастливейшую новость, Максим меньше всего мог представить, что им грозит разлука. Но в глазах Мионы была бесконечная печаль:

— Мы с ним должны остаться на корабле, Максим. А корабль... Корабль улетает, — закончила она прерывающимся голосом.

— Как?! Улетает совсем?

— Да, и раньше, чем я думала. Этана закончила почти все приготовления. А земляне могут обнаружить нас каждую минуту. Тогда придется стартовать немедленно. Видно, придется нам расстаться, милый...

— Нет! Никогда! — вскричал Максим, вскакивая с места и беря ее на руки, как малое дитя.

. — Что нет? Что никогда? — грустно улыбнулась Миона, пряча лицо у него на груди. — Как часто вы, земляне, не хотите взглянуть правде в глаза, понять, что жизнь сурова, что иной она просто не может быть. Нам же с тобой она до сих пор дарила только радости. И я никогда не забуду этого, Максим.

— Нет! Нет! — твердил он словно в исступлении. — Наша любовь должна преодолеть все!

— Наша любовь — только любовь. А жизнь — нечто значительно большее, — сказала Миона тихо, но твердо. И Максим понял, что перед ним уже не девочка, а взрослая женщина системы Агно. — Мы смогли бы остаться вместе лишь при одном условии: если бы ты согласился покинуть Землю и лететь с нами. Но у тебя не хватит на это сил, Максим. Хотя... Прости, что я выскажу одно немудреное соображение. На Земле больше трех миллиардов людей. Больше трех миллиардов, Максим! Что будет, если один из них покинет планету? Земля даже не заметит этого. А здесь... Как трудно будет здесь без тебя твоей жене... Твоему сыну... Нет-нет, не отвечай! Не говори ни слова! Такие решения не принимаются мгновенно. У нас еще будет время подумать и поговорить об этом. А сейчас прощай! Любимый мой!... — она прижалась лицом к его лицу и выскользнула из комнаты! Тут только он почувствовал, что лицо его мокро от слез Мионы.

— Миона! — он бросился за ней следом, настиг ее в прихожей, жадно обхватил за плечи, повернул к себе лицом.

Миона плакала. Плакала впервые за все время, что он видел и знал ее. Плакала, сотрясаясь от рыданий. И это было так противоестественно, так невероятно жестоко, что он едва не проклял себя за то, что даже в мыслях собирался покинуть ее:

— Миона, милая! Я никогда... Она зажала ему рот ладошкой:

— Я просила тебя, — ничего не говори. Ведь я все чувствую, все знаю. У нас еще будет время принять окончательное решение. А сейчас... Мне надо побыть наедине со своими мыслями. И тебе — тоже.

Больше они к этому разговору не возвращались. А несколько дней спустя, когда вечером, после ужина спустились в иллюзионорий и просмотрели несколько видовых картин из разных уголков Земли, начав с крохотного поселка жалких хижин в долине Замбези и завершив величественными дворцовыми ансамблями на берегах Невы, Миона вдруг сказала:

— Нет, подожди, не вставай. Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, с кем хотел бы еще увидеться на Земле. И ты прав — это надо, Максим. Надо и для тебя и для нее. Сейчас ты увидишь Лару. И поговоришь с ней.

— Как?!

— Так же, как я когда-то говорила с тобой. Кибер введет тебя в ее сон. Ведь у нее тоже есть элемент связи. А я поеду к себе.

— Ты не подождешь меня?

— Вам надо побыть вдвоем. Только вдвоем. До свидания, Максим. Сеанс прервется автоматически, когда Лара пробудится ото сна. Тогда ты вызовешь меня к экрану ближней связи. Приготовься, генераторы включаются.

Свет погас. Забрел снова. И Максим вошел в небольшую, скромно обставленную комнату, где в свете ночника можно было рассмотреть кровать, небольшой платяной

шкаф, стол с раскрытой книгой и пустыми облатками из-под лекарств, два стула, на одном из которых лежала аккуратно свернутая женская одежда.

Лара была в кровати. Худенькая, с тонкими лучиками морщин вокруг глаз, остро выступающими из-под кружев сорочки косточками ключиц и лихорадочным румянцем на щеках, она спала, чуть приоткрыв губы, положив ладошки под голову.

Тихо, очень тихо, боясь разбудить милую больную женщину, подошел Максим к кровати. Но Лара уже проснулась, раскрыла глаза, потянулась к нему, испуганная, обрадованная, смущенная:

— Максим?... Я знала, что ты придешь. Знала, что разыщешь меня, как бы я от тебя ни пряталась. Знала всегда, боялась этого и ждала. Каждый день, каждый час... Ведь ты один на всей земле по-настоящему близкий мне, любимый человек. Но не в этом дело. Все это время, с тех пор, как мы увиделись в последний раз в Ленинграде, я живу с неискупимой виной перед тобой. Я не знаю точно, в чем эта вина. И так ли она велика, как мне кажется. Но она давит меня. Мне так надо высказаться перед тобой! Итак, слушай. Сядь сюда, ко мне на кровать и слушай.

Лара чуть приподнялась, надвинула одеяло на грудь, коротко вздохнула:

— Это был самый счастливый день в моей жизни, слышишь, самый счастливый, когда ты нашел меня на берегу Невы. Но ты слишком поздно разыскал меня. Слишком поздно! Нет, дело не в замужестве. Мужа я вычеркнула из жизни много раньше. Но я устала жить одна. Не знаю, поймешь ли ты меня. Я очень устала... И когда мне встретился один хороший человек, мы подружились, сблизились... Нет, я не любила его. Да он и не требовал этого. Он был много старше меня. Он просто помогал мне жить. И получилось так, что, когда ты разыскал меня, я ждала от него ребенка. Все это, конечно, можно было еще исправить. Я пошла бы на все. Но многое зависело от тебя. Я собиралась рассказать тебе все. И все было бы так, как захотел ты. Но в тот первый день я не хотела омрачать твою радость. А потом... Потом это кошмарное несчастье. Я думала, не перенесу такого удара. Нет, это не громкие слова. Я не суеверна. Но два таких страшных совпадения... Помнишь наш разговор в читальном зале? Как я была счастлива тогда услышать твое первое полупризнание. И в тот же день ты узнал о смерти отца. Потом наша встреча в Ленинграде. И снова несчастье — с твоим сыном, И я... Может быть, это было глупо. Но я дала себе слово больше не видеть тебя. Оборвать все. Оборвать навсегда. И я уехала к этому человеку. Счастлива ли была я в эти последние годы? Смешно задавать такой вопрос. Но без этого человека я вообще не смогла бы жить. Вскоре умер мой отец, а через два месяца мы похоронили дочку. Да, Максим, я не смогла ее спасти... Сынишка же родился мертвым. Мне нельзя было, оказывается, иметь детей. Я и сама безнадежно больна. Дни мои сочтены, Максим... Но я говорю, кажется, совсем не то, что нужно. Я хотела только, чтобы ты понял, почему я спряталась от тебя. Ведь знала, ты будешь искать меня, знала, что оставляю тебя в кошмарном состоянии. А уехала к другому... — она закрыла глаза рукой и судорожно вздохнула, стараясь унять душившие ее рыдания. Кое-как ей удалось это, она снова заговорила, но так тихо, что Максим еле улавливал ее прерывистый шепот:

— Вспоминала ли я тебя все это время? Да, часто, очень часто. Ты поцеловал меня один лишь раз. И это был вообще единственный ПОЦЕЛУЙ в моей жизни. Но если бы ты разыскал меня снова, я бы сказала: нет! Нет, Максим, поздно. Жизнь идет по каким-то своим сложным и непонятным законам, и ломать их нельзя. В жизни далеко не все можно исправить, даже если представляется для этого возможность. Поэтому — не разыскивай больше меня, не пытайся встретиться с бедной Ларой. Как бы я этого ни хотела. Сколько бы этого ни ждала. Пойми меня! Ты видишь, я снова одна, совсем одна. И снова плачу. Смотрю на тебя и плачу. И буду плакать еще не раз. Так же горько, так же безутешно. И все-таки, прощай, прощай навсегда! И не сердись на меня, если сможешь...

— Лара, что ты говоришь! Ведь я сам... — он осторожно взял в руки ее худые, вздрагивающие пальцы...

И все исчезло.

Холодный свет матового светильника залил огромный зал, мягко разомкнулись захваты на руках и ногах, легко соскользнул с головы подхваченный длинным рычажком блестящий обруч, кресло само ушло под пол.

Максим поднялся на лифте вверх и долго стоял перед экраном связи, не в силах нажать на кнопку вызова Мионы.

Наконец рука его легла на знакомую клавишу. Миона подошла к самому экрану:

— Не будем сегодня встречаться, Максим. У меня очень много работы. Да и тебе стоит побыть одному. Доброй ночи, милый.

— Доброй ночи, Ми.

Экран погас. Максим вышел на свежий воздух и, не разбирая дороги, прямо через лес, пошел вниз, к морю...

17

В этот день он оказался здесь случайно, решил сократить дорогу к морю и, лишь увидев сидящую в задумчивости Этану, понял, что попал на аллею с засохшим камилло. Следовало свернуть, конечно, в сторону. Однако Этана уже заметила его:

— Рада вас видеть, Максим. Садитесь, прошу вас. Пришлось подойти ближе. Однако не успел он сделать

и шагу, как земля под ногами качнулась. Он вопросительно взглянул на Этану.

— Это челночный рудовоз. С Луны или с Марса. Они всегда так причаливают. Да вы садитесь, садитесь!

Максим направился к скамье. Но вдруг взглянул случайно на гигантское дерево, высившееся над инопланетянкой, и вмиг застыл от ужаса. Нет, тот отвратительный треск, который словно вспорол ему мозг, он услышал позже, много позже. Сначала он увидел лишь, как громадный ствол почему-то накренился и, приняв совершенно неестественное положение, начал падать на них с Этаной. Только после этого в сознание ворвался треск, и он понял, что видит смерть.

— Этана! — закричал Максим.

Но она не поняла его. Да если б и поняла! Бесчисленные автоматы давно отучили ее от мгновенной реакции на опасность. Мозг же Максима работал, как высокочастотный генератор. Дерево шло так, что Этану накрывал ствол, а его самого — густой шатер сучьев. Он мог еще отскочить в сторону, чтобы уйти от центральной части кроны. Для Этаны это было исключено. Он мог успеть подбежать к ней, стащить ее со скамьи. Но тогда оба оказались бы под стволом — времени на то, чтобы выскользнуть из-под него, не оставалось. Он мог наконец сильно толкнуть Этану вперед. В этом был шанс на спасение. Один из тысячи! Но все же шанс.

И Максим, не раздумывая ни секунды, в стремительном прыжке, оттолкнувшись всей силой своих ног и распластавшись над землей, как делают иногда волейболисты, беря трудный мяч, бросился вперед и обеими руками, вытянув их как можно дальше, — толкнул Этану вперед.

В последнее мгновение он успел еще увидеть ее расширившиеся от удивления глаза и поднявшиеся для защиты руки. Но толчок был так силен, что она кубарем покатилась вниз по склону. А он перелетел по инерции через скамью и, зацепившись за нее ногами, тяжело упал в колючую траву. В тот же миг вместе с глухим грохотом мозг пронзила острая боль в ногах и бедре, и он провалился в черный, бешено крутящийся омут.

Очнулся Максим в незнакомом белом помещении, под низким прозрачным колпаком. Ноги словно окаменели. Тупая боль сковала всю нижнюю часть тела. И сразу вспомнилось все. Неужели он уже без ног?

От одной этой мысли липкий пот покрыл лицо и руки. Непроизвольный стон вырвался из груди. Боль сразу усилилась. Но уже в следующее мгновение откуда-то сзади, из-за головы, потянуло прохладой, запахло свежестью, боль начала стихать. Он попытался

дотянуться рукой до колен. Однако что-то темное отгородило от него свет, колпак распался на две половинки, и красивое озабоченное лицо Этаны склонилось над ним:

— Вам больно, Максим?

Он молча кивнул. Она бережно, еле ощутимым прикосновением пальцев отвела у него со лба влажные волосы:

— Не волнуйтесь, так должно быть. Скоро это пройдет. К счастью, обошлось без осложнений. Повреждения в ногах и бедре были серьезными. Но все удалось восстановить без малейших отклонений. Регенерация тканей заканчивается. Потерпите, Максим. Я знаю, это трудно, но... — ее мягкая прохладная ладонь легла на лоб, и боль почти прошла.

— Давно я так... под этим колпаком? — спросил он.

— Давно, мой друг. Скоро три месяца.

— О-о! — снова не сдержал стоны Максим. — Так, значит, корабль...

— Старт корабля задерживается. Пришлось реконструировать некоторые системы.

— Но три месяца!

— Зато вы снова здоровый человек.

— А как там... на Земле?

— На Земле за это время не произошло ничего существенного. Но позвольте и мне задать один вопрос, — Этана пригладила ему волосы, задержала руку на виске. — Скажите, зачем вы сделали это?

— Сделал что?

— Бросились ради меня навстречу смерти. Ведь я... Ведь мы совершенно чужие люди.

— При чем тут свои или чужие? Я видел, дерево падает прямо на вас. Даже отскочив от скамьи, вы не избежали бы удара стволом. И тогда... Тогда была бессильна бы даже ваша медицина.

— Да, пожалуй. Это вы рассчитали точно. Но как вам не удалось рассчитать, что, бросившись ко мне и потеряв опору под ногами, вы сами лишились всякой возможности избежать удара?

— Я не успел об этом подумать.

— Вы не успели об этом подумать?... — она покачала головой. — Вы не хотели об этом подумать, странный, так и не понятый мною человек. Но я утомила вас. Вам нужен еще покой и покой.

— Нет, мне уже лучше. И я попросил бы вас... Пусть придет Миона.

— Миона... Она не сможет к вам прийти.

— Неужели она так занята, что даже сейчас...

— Мы поговорим еще о Мионе. А теперь — спать, мой друг.

— Поговорим... О чем? С ней что-нибудь случилось?

— Ничего с ней не случилось. Но вам следует уснуть. Спать! Спать, Максим! — она посмотрела прямо ему в глаза, и он почувствовал, что против своей воли погружается в глубокий сон...

А когда он снова проснулся, то с удивлением увидел, что нет уже ни белой комнаты, ни прозрачного колпака, и лежит он в своей постели, но рядом в кресле опять сидит Этана.

Увидев, что Максим проснулся, она подошла к нему:

— Добрый день, Максим. Вот и все! Ткани восстановились. Завтра встанете и будете ходить, как прежде. — Но в голосе инопланетянки чувствовалось что-то недоговоренное.

— Этана, ради всего святого! Прошлый раз вы говорили о Мионе так странно... Где она? Что с ней?

— Да что вы опять разволновались? Миона готовится стать матерью. И по законам Системы пока не сможет видаться с вами. Долго. Несколько месяцев.

— Несколько месяцев?! Но почему? Ведь она моя жена. Мы любим друг друга.

— Я знаю это. Но Миона не женщина Земли. У нас так бывает всегда.

— Но это нелепо, глупо, чудовищно! Я должен ее видеть! Этана решительно покачала головой:

— Вы не увидите ее, Максим. Я знаю, вам будет трудно. Но есть обстоятельства, переступить которые невозможно. Я сделаю все, чтобы облегчить боль разлуки. Сейчас автомат приготовит вам покусать и включит тонизирующий душ. А мне пора на пульт. Поправляйтесь, мой друг, — она легонько сжала его руку и пошла к выходу. Но на полпути обернулась;

— Я дам указание Киберу: он соединит вас со мной, где бы я ни находилась, можете вызывать меня в любое время дня и ночи.

Инопланетянка вышла. А он соскочил с постели и, несмотря на большую слабость, начал поспешно одеваться:

— Законы Системы... Плевал я на законы Системы!

Я должен видеть Миону. Сейчас. Немедленно! — Он толкнул стену и вышел наружу.

Там все было прежним. Все так же благоухали на солнце бесчисленные газоны и куртины. Все так же утопал в цветах и зелени маленький домик Мионы. И тот же свежий ветер дул со стороны моря. И так же лениво плыли по небу белоснежные облака.

Да полно, так ли уж непреодолимы запреты Этаны? В конце концов, сама Миона не потерпит этого. Максим не задумываясь поднялся к домику юной инопланетянки. Вход в него тотчас раскрылся передним. И никаких препятствий не встало на пути. Но комнаты домика были пусты. Не видно было даже личных вещей Мионы, не чувствовалось и запаха любимого ею астиийского эдельвейса.

Максим бессильно опустился на пол осиротевшей спальни жены. Ясно, что она давно не живет здесь. Этана упрятала ее за десятью замками. Но не будет же она держать ее взаперти день и ночь. Мионе захочется погулять, подышать свежим воздухом. Может, и сейчас она бродит где-нибудь по острову или сидит в одном из своих любимых уголков. И Максим, не теряя ни минуты, отправился на поиски.

Но все было тщетно. Мионы не было нигде. Лишь поздно вечером совершенно разбитый и отчаявшийся, еле волоча ноги от усталости, вернулся он в свой домик. И тут же раздался сигнал ближней связи. В безумном волнении бросился Максим к экрану. Перед ним стояла Этана:

— Добрый вечер, Максим. Как вы себя чувствуете? Вам ничего не нужно?

— Благодарю вас, ничего! — он махнул рукой и отвернулся.

Экран погас. Максим, не раздеваясь, упал в постель и сразу погрузился в тревожную полудремоту, которая была ни сном, ни бодрствованием. Временами он будто засыпал, неясные обрывки сновидений начинали тесниться перед ним. Но в следующее мгновение сон снова оставлял его, и он ворочался с боку на бок, мучительно переживал все случившееся.

Так продолжалось, наверное, до полуночи. Максим хотел уже встать, выйти на воздух, как послышался тихий шорох, и слабый, еле ощутимый запах эдельвейса повеял в темноте.

Он сразу вскочил:

— Миона?...

— Тише, тише, милый! И ляг, как лежал. Я пришла к тебе... — слабый, прерывистый голос любимой звучал как журчание далекого ручейка, и была в нем нескончаемая печаль.

— Я пришла к тебе, не могла не прийти... Но это величайшее преступление против законов Системы и самого естества моего.

— Что ты говоришь, Ми?!

— Да, это так, дорогой мой человек. Но разве мы виноваты, что все закончилось так трагично, ведь мы даже не простились перед разлукой. И ты обещаешь лишь лежать и слушать. Ты обещаешь это, милый! — трепетные пальцы на миг коснулись его лба, частое дыхание обожгло лицо.

Он непроизвольно потянулся к ней руками.

— Нет-нет, ты обещал! Лежи и слушай.

— Но я не вижу тебя, Ми. Почему ты не светишься?

— Так должно быть. Так надо, милый. Ведь скоро я стану матерью. Ты слушай, только слушай. Видишь, мне трудно даже говорить. Я смогу пробыть с тобой очень недолго. А надо сказать так много. Прежде всего — не сердись на Этану: она здесь ни при чем, мне действительно нельзя встречаться с тобой. Теперь самое главное — скоро корабль покинет систему Солнца, раньше, чем мы сможем увидеться, поэтому...

— Миона!

— Что поделаешь, милый... Да, ты уже не увидишь меня. Поэтому я должна, обязательно должна сказать тебе: ты дал мне величайшее счастье, какое только может испытать женщина. Я сохраню воспоминание о нем, как и любовь к тебе, на всю жизнь...

— Зачем ты все это говоришь, Ми? Я не расстанусь с тобой.

— Нет. Нет, Максим, это невозможно. Есть ли радость большая, чем всю жизнь быть с тобой? Но ты... Ты не сможешь жить без Земли. Я знаю, как ты любишь меня. Но знаю, что есть и еще большая любовь — любовь к Родине. И как ни страшно, как ни безумно страшно расстаться с тобой, но в тысячу раз страшнее увидеть тебя тоскующим по Земле, раскаивающимся в том, что ты улетел со мной. А так было

бы, милый. Поэтому, любя тебя, я не могу даже в мыслях допустить, чтобы ты покинул Землю. Прости меня за то, что я говорила тебе в прошлый раз. Прости и забудь это.

Что же сказать тебе еще? Да, ты не торопись покидать корабль. Ведь в оставшееся время ты сможешь почерпнуть, столько знаний для Земли. А я люблю ее, Землю. Я люби, ее всегда. Но с тех пор, как она дала мне тебя... С тех пор как я... — голос ее прервался рыданиями. — Ну вот и... все. Наше время истекло. Прощай, мой дорогой, мой любимый человек! Я знаю, ты не забудешь меня. Прощай... — голос Мионы совсем ослаб. Последние слова она произносила с трудом. И вдруг он почувствовал, как ее пылающее, мокрое от слез лицо прижалось к его глазам.

— Миона! — не в силах больше выдержать эту пытку, он вскочил, протянул к ней руки и... проснулся.

Этого следовало ожидать. Она посетила его лишь во сне. Как он сам посетил когда-то Лару. Значит, больше он действительно не увидит ее никогда.

Вконец раздавленный и опустошенный, Максим встал и вышел на свежий воздух. Глухая ночь еще окутывала тьмой безмолвный остров. Чужие звезды с холодным равнодушием мерцали в черном небе. Но кровавый Церо уже поднялся над кромкой леса, и фиолетовые тени побежали по багровой траве.

Максим пересек поляну перед домом и свернул на дорожку к морю. Ночь была прохладной. Или его знобило от всего пережитого. Он вошел в лес, прибавил шагу. Но только было начал спускаться вниз, как черная тень метнулась у него из-под ног и знакомый истерический хохот раздался в зарослях кустов. Он невольно попятился. Огромные синие глаза смотрели оттуда в упор. И был в них точно приговор судьбы...

18

Все последующие дни остались в памяти как сплошная вереница безликих теней. Максим машинально вставал, машинально проглатывал то, что выставлял на стол бесстрастный автомат, машинально садился в гондолу и ехал в информаторий. По сторонам и вниз он старался не смотреть. Вид острова с его красотами вызывал лишь тоску.

Только в информаторий наедине с кибером-информатором он возвращался к жизни и просиживал там с утра до вечера. Благо, теперь никто не напоминал ему ни о еде, ни об отдыхе, и никто не ждал его, не беспокоился о его настроении. Лишь глубокой ночью возвращался он в свой домик, но и здесь еще работал, заносил в дневник все, что узнал за день, до тех пор, пока мозг окончательно не переставал соображать, а глаза не начинали слипаться от усталости. Тогда он валился в постель и засыпал сном, похожим на обморок. Так прошел месяц или около того. Максим потерял счет дням, перестал переводить даже стрелки на часах. И, может быть, поэтому вышел однажды из информатория задолго до

захода солнца. Но возвращаться уже не хотелось: голова кружилась от утомления, а море так соблазнительно поблескивало вдаль, что он решил дать себе отдых, покататься и поплавать.

Через минуту серпантин дорожки вывел его на открытую поляну, вокруг которой высились огромные деревья, сплошь увитые цветущими лианами. Здесь Максим еще не бывал. Деревья, чем-то похожие на ели, имели форму безукоризненных конусов и стояли сплошной стеной, отчего вся поляна напоминала фантастически расцвеченный амфитеатр. Стены этого живого цирка уходили, казалось, к самому небу, а в центре блестело небольшое озерко.

И это озерко, круглое, затененное травой, будто глаз доверчивой птицы, воскресило в памяти тот, другой амфитеатр, где все только начиналось, только угадывалось, как в скрытых глубинах разворачивающегося цветка. Да, это там, на Лысой гриве, он впервые понял, что вступает в большую самостоятельную жизнь. Это там, над лесным озером, он в первый раз почувствовал, что любит Миону, еще не зная, кто она и как он ее найдет. И вот финал...

Максим сел на одну из каменных скамей, что почти скрывались под густыми кронами деревьев, и отдался нахлынувшим воспоминаниям. Два амфитеатра, два мгновенья времени... И между ними — вся сознательная жизнь. А что сделал, чего добился он за эти годы? Кажется, не в чем упрекнуть себя: учился, работал, не бежал от трудностей. Но для чего? Чтобы найти Миону, стать достойным ее любви и... потерять навсегда? Так неужели вся жизнь оказалась столь бессмысленной и нелепой?

Нет. Нет! Не может быть! Просто смысл жизни больше и сложнее. Конечно, он любил Миону и сделал все возможное, чтобы разыскать ее. Но была еще любовь и цель: он любил Родину и с детских пор хотел принести ей как можно больше пользы. И эти цели переплелись, слились в одно целое. Он бился над разгадкой тайны астийского эдельвейса, чтобы найти Миону. Но ведь это нужно было и чтобы пополнить арсенал знаний Отчизны. Он искал Миону, чтобы отдать ей свою любовь. Но ведь только с ее помощью и можно было решить загадку астийского эдельвейса.

И вот он потерял ее, потерял навсегда. Можно ли представить испытание большее, чем это? Но его ждет Земля, ждет Родина, ей как никогда нужны знания, добытые Максимом. И он вернется к ней. И отдаст людям все, что узнал для них. Отдаст все, кроме счастья тех минут, какие провел с Мионкой. Это он оставит себе и сохранит в глубине души своей до конца жизни. А сейчас работать! Работать и работать...

Он отвел в сторону свисавшие над ним лианы, но тут же выпустил их из рук. Перед ним стояла Этана:

— Добрый вечер, Максим. Нег-нет, не вставайте, я сяду с вами.

Он молча подвинулся, давая ей место. Она опустилась на скамью:

— Как вы похудели, мой друг! Как плохо выглядите! Он только пожал плечами. Она чуть заметно вздохнула:

— Я знаю, вы страдаете, знаю, что вините в этом меня, и оттого, поверьте, мне тяжелее, чем вам.

Он поднял на нее глаза, хотел усмехнуться, ответить какой-нибудь резкостью. Но встретился с ней взглядом и осекся: такой болью было искажено лицо прекрасной инопланетянки:

— Вы уверены, что я ответила вам черной неблагодарностью. Вам не хочется, возможно, даже говорить со мной. И все-таки, я прошу вас, выслушайте меня. Я знаю, что значит любить человека и не быть с ним вместе. Да, теперь я знаю это... Я понимаю также, что некоторые законы Системы кажутся вам бессмысленными, даже жестокими. У вас есть на это основания. Но в данном случае дело не только в законах, хотя все наши законы отражают лишь объективную необходимость. Я не хотела об этом говорить. Но, наверное, надо было давно сказать вам все. Поймите, Максим, хотя внешне у нас с вами много общего, мы, тем не менее, сильно отличаемся друг от друга. Наивно было бы ожидать

иного. Вы думаете, то был каприз Мионы, что она так долго не могла стать вашей женой? Нет, мой друг, нам пришлось сделать очень многое, чтобы изменить ее физиологию настолько, чтобы в будущем она имела возможность стать матерью вашего ребенка. Нечто подобное происходит и теперь. Мне трудно объяснить все детали. Но малейший контакт ее с вами в таком положении может привести к гибели и ее и вашего будущего сына. Она сейчас находится в состоянии полного анабиоза. И так будет долго, очень долго. К сожалению, это удел всех наших женщин. Достигнув совершенства во многом другом, мы стали очень ранимы в естественных, само собой разумеющихся у вас на земле актах. Может быть, это следствие какой-то большой ошибки нашей цивилизации. Но что толку копаться теперь в истории. Факт тот, что Миона на несколько месяцев фактически ушла из жизни. Мне жаль и вас и ее. Но не хотите же вы гибели Мионы...

— Как можете вы это говорить?!

— Я снова обидела вас? Вы еще не доверяете мне? — в голосе Этаны послышались слезы. Лицо ее дрогнуло. В глазах мелькнуло отчаяние.

Но ведь она, действительно, ни в чем не виновата! Максиму стало стыдно:

— Простите меня, Этана. Я веду себя как последний эгоист. Простите, если можете!

Она подавила вздох:

— Вы не виноваты, мой друг. Мне давно следовало быть с вами более откровенной. Но с тех пор, как вы поселились на корабле, я... Впрочем, это не имеет значения. Важно другое. Что вы делаете с собой, Максим? Неужели не чувствуете, как подтачиваете свое здоровье? Мы можем сделать многое. Но вы истощаете нервную систему. Восстановить ее не в силах никто. Вам нужен отдых. Немедленный! И что-то такое, что заставило бы вас встряхнуться...

— Что вы хотите этим сказать?

— Разве я не достаточно точно выражаюсь на вашем языке? Я могла бы пригласить вас в звездную сферу Дворца астронавтов, показать с помощью иллюзионория поверхность других ваших планет, познакомить кое с чем из внутренней механики корабля. Вы многого еще не видели...

— Спасибо, Этана. Мне, действительно, пора... встряхнуться. Когда вы смогли бы показать мне эту звездную сферу?

— Да хоть... завтра утром, если не возражаете. И вообще я жду вашего вызова в любое время. Прощайте, мой друг! — она протянула к нему руки и вдруг вспыхнула до корней волос, когда он по обыкновению коснулся губами ее пальцев.

Это было не просто страшно. Это было сверх всякого человеческого воображения: черная бездна и сверху и снизу — со всех сторон. Не знаешь даже, летишь вверх или вниз. И где он верх, где низ? Лишь яркие островки созвездий мелькают перед глазами. И всюду, куда ни глянь, эти черные провалы, без дна, без расстояний — бесконечность...

Максим почувствовал, что еще мгновение, — и дыхание прервется, остановится сердце, отключится сознание. Последним усилием воли он нащупал на груди приборный щиток и нажал кнопку.

Этана встретила его у самого лифта, понимающе улыбнулась, подала взятые перед этим часы:

— Почти две минуты! Я думала, вы не продержитесь и нескольких секунд. Впрочем... Не в первый раз вы удивляете меня.

— Нет, Этана, — возразил Максим, — не вы, а я должен удивляться бесстрашию ваших космоштурманов. Это предел человеческих возможностей — ориентироваться в таком хаосе тьмы.

— Человеческие возможности в этом смысле не имеют границ, — ответила инопланетянка. — Вы сами не знаете своих возможностей. Когда я вот так же, в первый раз, оказалась в «звездной сфере», то на шестой секунде потеряла сознание. А в последние месяцы, отрабатывая маршрут к Системе, целые часы проводила здесь. Правда, со мной был Кибер...

— Вы говорите о нем как о живом существе.

— Тоже привычка. Когда всю жизнь живешь в одиночестве, с годами станешь одушевлять и универсальный автомат. Жаль только, что все они ждут моего приказа...

— Жаль?

— Да. Не знаю, поймете ли вы меня, может, это чисто женское. Но иногда мне безумно хочется хоть на день, хоть на час оказаться во власти другой воли. Пусть грубой, даже жестокой, но такой, чтобы она подавила меня, позволила стать просто... женщиной.

Они прошли через огромный, слабо освещенный зал Дворца астронавтов и остановились перед одной из внутренних стен.

— А сейчас я покажу вам нечто совсем противоположное, — сказала Этана, нажимая невидимую кнопку.

Стена тотчас исчезла, и перед ними открылся большой внутренний дворик, сплошь засаженный диковинными растениями.

— Это своего рода музей, — продолжала инопланетянка, осторожно пробираясь через заросли громадных, в рост человека, цветов и крохотных, не более карандаша, деревьев.

— Здесь собраны растения всех миров, известных Системе. Здесь же вы увидите и наш ингрезио. Вот он, смотрите!

Клумба астийских эдельвейсов возвышалась в самом центре сада, в окружении целого кольца фонтанов, и, казалось, это от шелеста их струй бежит по цветам живая радуга, создавая неповторимо прекрасный благоухающий калейдоскоп.

Вокруг клумбы, прямо перед фонтанами, под навесом из широких листьев красивых зонтичных растений, напоминающих веерные пальмы, чуть возвышались над землей несколько длинных каменных скамей. Этана опустилась на одну из них, жестом пригласила Максима сесть рядом:

— В последнее время, особенно после несчастья с вами, я часто бываю здесь. И этот запах... Он всегда возвращает меня к мысли, что я прошла в своей жизни мимо чего-то большого и невозвратимого...

— Отчего же невозвратимого? — возразил Максим. — Жизнь у вас еще впереди, Этана. Ведь фактически вы моложе меня.

— Может быть... Но впереди только космос да... Кибер, — сказала инопланетянка с непередаваемой горечью, и Максим впервые ощутил всю глубину одиночества этой изумительной женщины.

— Но ведь космос — это временно, — попытался он утешить ее. — Вы вернетесь в Систему...

— Разве на дне озера, — вздохнула она.

— Ну, зачем вы так, Этана? — он непроизвольно коснулся ее плеча.

Она вздрогнула:

— Максим, ответьте мне на один вопрос. Только откровенно, честно. Мне это очень важно. Очень! Скажите, если бы тогда, под деревом, сидел человек неприятный, несимпатичный вам, или такой, к какому вы относились бы совершенно равнодушно, как, скажем... к камню, вы и тогда не задумываясь бросились бы ему на помощь?

— Нет! — твердо ответил Максим. — Я не машина.

— Значит, вы... Значит, я... несмотря ни на что, все-таки нравлюсь вам?

Он взглянул на нее. Этана всегда была ослепительно красива. Но сейчас, когда в глазах ее, вместо привычной ледяной надменности, светились доверчивость и грусть, когда вся она была охвачена неуверенностью, смятением, тоской по любви, — это было чудо женской красоты.

— Почему, «все-таки»? Вы нравитесь мне. Очень!

— Отчего же, в таком случае, вы избегаете меня? Отчего даже сейчас — я чувствую — между нами стена? — прошептала она чуть слышно.

— Потому, что я люблю Миону. Только поэтому...

Она долго молчала, глядя на бегущую по клумбе «радугу» и словно забыв о присутствии Максима. Потом заговорила, тихо, с остановками, будто с трудом подбирая слова:

— Я понимаю... То есть, я должна была бы понять... Но я не женщина Земли. И, может быть, поэтому не в силах объяснить себе, почему сейчас, когда вы не можете быть с Мионой, вы не могли бы... не могли бы хоть почаще видиться со мной? Если бы вы сказали, что я не нравлюсь вам, тогда естественно... Атак... Нет, я ничего не понимаю, ничего...

Она опустила голову на грудь, поникла плечами. И столько милой непосредственности, столько искреннего недоумения, растерянности, столько немой мольбы было в ней в эту минуту, что Максим должен был собрать все силы, чтобы не броситься к ее ногам и не начать целовать ей колени.

А запах астийских эдельвейсов пьянил, как крепкое вино, электризовал нервы, расслаблял волю, пронизывал все тело сладостной истомой, отчего хотелось обнять весь мир, всю Вселенную. Максим поспешно встал:

— Этана! Поверьте, я даже в мыслях никогда не смог бы представить женщину, более изумительную, чем вы. Ради вашего счастья, вашего благополучия я, не задумываясь, пошел бы на любые муки. Но... Позвольте мне сейчас уйти?

Она еще ниже опустила голову, закрыла лицо руками:

— Идите, Максим...

День клонился к вечеру, когда лифт вынес их из глубокой шахты после осмотра маршевых гравииогенераторов звездолета.

— Сядем отдохнем? — сказала Этана, направляясь к скамье в тени деревьев, что высились на краю знакомой поляны с озерком.

— Пожалуй... — рассеянно ответил Максим, послушно направляясь за инопланетянкой. Он был не просто поражен. Он был подавлен, потрясен картиной энергетической мощи, которая оказалась упрятанной в недрах корабля. Мозг отказывался верить, что эти циклопические машины сделаны людьми, подобными людям Земли, как отказался бы представить муравья в роли создателя какого-нибудь земного супертанкера. Он не находил слов, не мог подобрать сравнений, чтобы поделиться увиденным. Молчала и Этана, занятая своими мыслями. Наконец она сказала:

— Видите, как это непросто — подчинить себе силы гравитации. Но это еще не все, мой друг. Завтра увидите кое-что поинтереснее. А сейчас, простите, мне пора.

— Всего вам доброго, Этана, — с минуту Максим стоял на месте и смотрел, как она легко и быстро, едва касаясь ногами земли, поднимается вверх по склону, и, только поймав себя на мысли, что любит ее, поспешил отвести глаза и направиться к информаторию. Однако Этана успела обернуться к нему, обжечь зелеными сполохами. И вдруг лицо ее исказилось от ужаса.

— Максим! — крикнула она нечеловеческим голосом и бросилась назад. А он увидел, что вся поляна вместе с озерком и буйной зеленью вокруг него вдруг как-то странно накренилась и с тихим шуршанием пошла вниз.

Обвал! Максим ухватился за одну из лиан и прыгнул на край образовавшейся воронки. На миг показалось, что вся опасность позади. Но в следующее мгновение дерево, на котором он висел, начало также клониться вниз, а чуть выше, на тропинке, по какой бежала Этана, образовалась зияющая трещина. Она ширилась на глазах, и вся очерченная ею часть террасы с растущими на ней деревьями-гигантами должна была вот-вот рухнуть в образовавшуюся бездну.

Но Этана, видимо, не замечала этого. Ее взгляд был прикован к Максиму и дереву, на котором он висел. Оно продолжало медленно клониться в сторону провала, и в глазах инопланетянки застыл смертельный ужас.

Но зачем она бежит к нему, что сможет сделать? Дерево пошло вниз быстрее. С треском ломались его корни. Гулко, со свистом рвались упругие стебли лиан. А трещина на тропе

становилась все шире и шире. Может, Этана успеет перепрыгнуть через нее. А дальше? Дальше оба они рухнут с этой глыбой вниз. Что она, с ума сошла?

— Стой! Стой, Этана! Ни шагу дальше! — крикнул Максим, стараясь перекрыть грохот обвала.

Инопланетянка продолжала бежать, видимо, совсем обезумев от страха.

— Стой! Я приказываю, черт возьми! — закричал Максим что было мочи. — Стой, безумная!!!

Это последнее слово точно ударило ее по лицу. Она судорожно глотнула воздух и остановилась, заметалась перед трещиной:

— Но ведь это... Это... Вы гибнете... Что мне делать?

— Снаряд! Аварийный снаряд! Что медлит ваш хваленый Кибер?

— Кибер вышел из строя. Оборвалась линия, питающая его. Видите эти обрывки кабелей? О, что же делать? Что делать?!

Максим еле успел рассмотреть торчащие неподалеку от него черные жилы проводов, как дерево страшно ухнуло и стремительно пошло вниз. Он едва успел перехватиться на концы кабелей. В тот же миг площадка перед трещиной развалилась на куски и с грохотом устремилась вслед за деревом.

На секунду Максим был ослеплен и оглушен этим новым обвалом. К счастью, он прошел мимо. Видно, кабели, за которые держался Максим, были заключены в какую-то жесткую конструкцию, которая не дала разрушиться этому участку террасы.

Но долго ли он сможет удержаться на этих проводах? Максим начал ощупывать ногами голую стену обрыва, стараясь найти точку опоры, когда снова услышал голос Этаны:

— Максим! Максим! Как вы там? Вы живы? Наконец одна нога уперлась в какую-то расселину. Он

поднял голову вверх. Этана лежала на самом краю пропасти, с тревогой и надеждой всматриваясь в клубы пыли, поднятые обвалом.

Но вот она увидела его. Глаза зажглись радостью:

— Максим, милый! Держитесь! Только держитесь! Сейчас я что-нибудь придумаю.

— Чего думать. Пошлите автоматы с тросом.

— Без Кибера это почти невозможно — использовать автоматы.

— Опять Кибер! Тогда гравилет! Неужели у вас здесь нет гравилета или чего-нибудь в этом роде?

— Гравилет? Вы молодец, Максим! Как я могла забыть о нем. Сейчас он будет здесь. Только держитесь. Умоляю вас, держитесь!

Голова Этаны исчезла. Он крепче уперся в расселину ногой, плотнее прижался к обрыву. Руки совсем онемели. Липкий пот заливал глаза. От едкой пыли першило в горле. Сколько же так висеть? Сколько он сможет еще продержаться?

И вдруг — свист. Тугой удар воздуха снизу. Максим посмотрел под ноги. Блестящий тороид гравилета подошел к самому обрыву, гондола его с открытым люком зависла совсем рядом. Но как перебраться в нее?

А от гондолы уже протянулось некое подобие трапа. Максим опустил на него ноги, ухватился за тонкие перила и через секунду повалился в мягкое кресло машины.

— Максим!... Как вы? Ушиблись, ранены? Вам очень больно? — лицо Этаны, полное тревоги и страха, склонилось к самым его глазам, руки скользнули по груди, бережно прижались к голове. Он нахмурился:

— Простите, Этана, я... В общем, нагрубил вам. Так получилось...

— Максим, милый! Что вы говорите?... — она склонилась еще ближе и вдруг прижалась лицом к его лицу.

Этого еще не хватало! Он попытался отвести лицо в сторону. Но вдруг почувствовал, что все тело инопланетянки сотрясается от беззвучных рыданий...

— Та-ак... Потяни еще! Еще немного... Стоп! Сваривай! Робот мигнул фонариком и тотчас окутал себя облаком

синих искр. А Максим выскочил из траншеи, взял в руки переносной телефон:

— Этана?... Все в порядке, Этана! Включайте генераторы. Сейчас ваш Кибер оживет. В аппарате раздался не то вздох, не то всхлипывание:

— Если бы так, Максим. Боюсь поверить... Но включаю. Отойдите на всякий случай подальше от траншеи.

— А роботы?

— Автоматам это не страшно.

Максим отошел в сторону и повалился на траву. Во рту у него было сухо, руки горели, все тело ломило от усталости. Вторые сутки, не разгибая спины, с помощью лишь двух автоматов, срочно перепрограммированных Этаной на голосовое управление, восстанавливал он поврежденную линию питания Кибера.

Работа была адская. Под руками не оказывалось то того, то другого, незнакомый инструмент требовал особой сноровки. А время не ждало. Жизнь на корабле словно замерла. Величайшее благо, каким казалось сосредоточение всех без исключения функций управления кораблем в руках Кибера, обернулось величайшим бедствием. Враз нарушилась система воздухообеспечения, вышла из строя связь, остановились гондолы фуникулера, перестали действовать даже автоматы, приготовляющие пищу. Этана с трудом отыскивала на деревьях полусозревшие плоды и приносила Максиму, чтобы он мог хоть немного подкрепить силы, не прерывая тяжелой работы. О более калорийной пище оставалось лишь мечтать.

Сама инопланетянка осунулась, подурнела, забыла и думать о своих туалетах и прическе, в глазах ее поселился плохо скрываемый страх. Максим же с головой ушел в работу. Не обращая внимания на голод и усталость, на кровоточащие мозоли и ссадины, на нестерпимую жару, вдруг установившуюся на корабле, он часами разбирался в сложных схемах коммуникаций, вместе с роботами копал землю, тянул тяжелый кабель, свинчивал изолировочные шины, не переставая при этом подбадривать Этану и даже подшучивать над их незавидным положением.

В конце концов авария оказалась не такая уж страшная: обвалившийся блок не повредил ни одного важного механизма, и не будь оборвана линия питания Кибера, автоматы восстановили бы все за несколько часов. Но выход из строя Кибера парализовал все. Сотни автоматов застыли в неподвижности, не смея ничего предпринять без указания «шефа». Напрочь заблокированными оказались склады с инструментом, приспособлениями, материалами. Этана же настолько растерялась, что не могла припомнить даже, где что лежит, вернее, до сих пор ей просто незачем было хранить это в памяти, достаточно было обратиться к тому же Киберу. А тот спал теперь мертвым сном... Вот почему Максим вынужден был взять всю инициативу на себя и принялся, не теряя ни минуты, восстанавливать разорванную кабельную линию, решив пустить ее в обход провала, прямо по поверхности земли.

Больше двух суток продолжалась тяжелая непривычная работа. И вот сварен последний стык. Сейчас Этана включит генераторы, и Кибер оживет. Максим отер с лица пот и потянулся за оставшимися от обеда плодами, чтобы хоть немного утолить жажду, но не успел разыскать их в траве, как крошечная тьма обрушилась на остров, и мощный звуковой сигнал пронзил напряженную тишину.

Максим инстинктивно вскочил. Но уже через секунду вновь засияло солнце, и он не смог удержаться от смеха. Ну, ясно, Кибер поднял тревогу. С чего еще мог он начать, «придя в сознание». А у Этаны — гора с плеч! Сидит, наверное, уже за пультом вводной системы. Сколько всякого рода сверхсрочной информации свалится сейчас ей на голову, сколько проблем потребуют немедленного решения! Достается все-таки бедняжке. Хорошо еще он, Максим, не успел покинуть корабль до катастрофы. Что бы она стала делать одна?...

Он пошел к траншее, чтобы поблагодарить своих «товарищей». Но тех уж и след простыл. Теперь они подчинялись только Киберу. Максим нагнулся над выемкой, желая еще раз удостовериться в прочности стыков и... непроизвольно попятился назад. Какая-то властная сила будто приподняла его над землей и мягко отодвинула от траншеи. Между ним и провалом встала сплошная невидимая стена: Кибер обвел опасную зону заградительным полем. А по дорожке к провалу уже двигалась вереница оранжевых «коровок»...

Максим снова усмехнулся. Больше здесь делать нечего. Он подхватил брошенный еще вчера пиджак и устало побрел в сторону своего домика. Впервые за много дней на душе у него было спокойно и легко.

Между тем, Кибер разошелся вовсю. С моря подул свежий прохладный ветер. Высоко над озером показались черные клубящиеся тучи, там, очевидно, шел дождь. А навстречу Максиму двигались все новые и новые вереницы роботов, с трубами, металлическими конструкциями, ящиками материалов, и их фиолетовые фонарики словно приветствовали землянина, возвратившего жизнь этому сложному механизму звездолета.

Вскоре тучи затянули почти все небо. Только здесь, над провалом, где дождь был, естественно, нежелателен, оно по-прежнему сияло чистой бирюзой, и низкое заходящее солнце мягко золотило верхушки деревьев.

Максим вышел к станции фуникулера. Мокрая, еще не обсохшая от дождя гондола, видимо, только что примчалась сверху и, казалось, принесла с собой свежесть грозовых облаков. Он открыл кабину, сел в мягкое удобное кресло, надвинул обтекатель. На нем также блестели капли дождя, и в каждой из них отражалось маленькое зеленоватое солнце.

Такие же капли падали сейчас, наверное, и в воду озера. Оно кипело от них тонкими фонтанчиками брызг. А по берегам его так же, как много дней назад, влажно блестел розовый пружинящий песок. Но никто уже не подбежит к нему там, не крикнет: «Догони, Максим!» И пальцы, нацелившиеся было на сектор «Озеро», скользнули по щитку вниз...

Через несколько минут он опустил к вилле с чайкой и высадился у куста сирени. Куст был в цвету, и щемящий аромат Земли плыл в тихом предвечернем воздухе чужого мира. Он подошел к нему вплотную, зарылся лицом в тяжелые махровые кисти. Потом открыл дверь и прошел прямо в столовую.

Здесь все было прежним. Сохранились даже сделанные Мионой надписи на русском языке. Он сел за стол, попросил стакан соку.

— Будь здорова, Ми!

В ответ лишь глухой шум прибоя.

Он медленно ел, уминая все подряд, что выставит перед ним автомат. Потом долго сидел, уронив голову на руки, отдавшись воспоминаниям, какие набегали и гасли, как шумящий за стенами прибой, и в каких не было уже прежней боли, а была лишь большая, глубокая печаль.

Потом, уже засыпая на ходу, он прошел в шестигранную гостиную, кое-как разделся и, бросив одежду прямо на пол, повалился на голую кушетку. Но уснуть не успел. Входная стена виллы вдруг раскрылась, и в комнату вкатил оранжевый автомат. Волна густого, до боли знакомого аромата будто накрыла Максима с головой. Он невольно приподнялся. Робот подплыл к самой кушетке и вывалил перед ним целую охапку астийских эдельвейсов.

Внутри автомата что-то щелкнуло:

— Командир корабля желает землянину доброй ночи и просит принять эти цветы.

— Спасибо, старина. Передай командиру — спасибо! Или постой! — Максим соскочил с кушетки и, выбравшись наружу, выломал несколько веток сирени:

— Возьми это, передай командиру и скажи, что землянин искренне желает ему большого настоящего счастья.

Робот послушно подхватил цветы, и через секунду фонарик его скрылся за поворотом серпантина. Максим сел на верхнюю ступеньку лестницы и, поеживаясь от ночного ветерка, долго еще смотрел на белеющий во тьме куст разросшегося аулоро...

А наутро, едва он успел искупаться в море и привести себя в порядок, к нему сноса вплыл оранжевый автомат:

— Командир просит землянина пройти к нему. Если землянин не очень занят.

Максим натянул рубаху, поспешно пригладил волосы:

— Я готов.

— Тогда следуйте за мной! — отчеканил робот.

К удивлению Максима, на этот раз автомат повел его совсем в другую часть Дворца и остановился в просторном зале, сплошь задрапированном голубовато зеленой тканью. Максим знал уже, что так оформлялись личные апартаменты Этаны.

— Командир ждет землянина за этой стеной, — коротко доложил автомат.

Максим чуть помедлил, стараясь сообразить, чем вызвано столь раннее приглашение, но, так ничего и не придумав, осторожно коснулся стены. Та тотчас разомкнулась, открыв небольшую полузатемненную комнату, где в глубоком алькове, слабо освещенном зеленоватым светом, под воздушно-легким, будто вспененным покрывалом лежала Этана. Но что это? Лицо инопланетянки было бледным, осунувшимся, пышные волосы рассыпались по изголовью, в глазах застыло плохо скрываемое страдание.

— Этана, что с вами?

Она с трудом приподняла голову, постаралась улыбнуться:

— Подойдите ко мне, Максим, и сядьте вот здесь, поближе. Да не пугайтесь, мой друг! Просто переволновалась сверх меры. Все пройдет. Электронный врач уже осматривал меня. Ничего страшного. Но необходимо время. А надо срочно произвести одну операцию, какую автоматам не доверишь. Вы уж простите, что я снова беспокою вас.

— О чем говорить, Этана! Я сделаю все, что нужно!

— Нужно вот что, Максим... Нужно пройти к пульту вводной системы Кибера и перевести его в автономный режим, то есть такой, как если бы корабль оказался без командира. Это делается в исключительных случаях. Но сегодня придется сделать: несколько дней я не смогу подняться с постели. Так вот, слушайте, — Этана подробно объяснила, как и что нужно сделать, и тихо добавила: — А потом зайдите ко мне. Пожалуйста...

— Зайду, Этана. Обязательно зайду! — Максим осторожно отер ей со лба капельки пота и вышел из комнаты.

А когда, сделав все, что следовало, вернулся в спальню инопланетянки, то увидел, что она спит, свернувшись калачиком, положив ладошки под голову, точно так, как тогда, в подводной оранжерее, и беспомощно-детская улыбка точно так же играет на ее губах.

Максим хотел выйти из комнаты, но едва коснулся стены, как Этана открыла глаза:

— Вы уже вернулись, Максим? Все сделал?

— Все, как вы сказали.

— Спасибо вам. А теперь позавтракаем вместе там через две комнаты — мой «официант». Выберите что-нибудь по своему вкусу. И принесите сюда. Не будем вызывать автоматы.

Максим принес завтрак, помог Этане поест. Она благодарно улыбнулась:

— Спасибо, мой друг. Мне уже много-много легче. И я хотела бы поговорить с вами. Нам давно следовало обсудить один вопрос. Да как-то не представлялось удобного случая... Через несколько ваших месяцев Ао Тэо Ларра вынужден будет покинуть систему Солнца и взять курс к родным мирам...

— Я знаю это.

— И я хотела бы предложить вам... Хотела бы просить вас не покидать корабль, лететь с нами. Я уже не говорю, насколько важным для вас должно быть благополучие вашей юной жены и сына. Но во сто крат важнее, чтобы знания о цивилизации Земли стали

достоянием системы Агно и других разумных миров. А без вас... Признаюсь честно, без вас я боюсь выходить в космос.

— Ну что вы, Этана!

— Да. Да, Максим! И последняя катастрофа еще более усилила этот страх. А вы... Мы сделаем вас полноправным гражданином Системы, подключим к Киберу и со временем... Со временем я передам вам командование кораблем.

— Что вы говорите, Этана! И почему вы думаете, что я...

— Здесь нельзя думать. Здесь нужно знать. И Кибер по моей просьбе давно все оценил и взвесил. Ваши личные качества вполне позволяют вам принять командование кораблем. Ну, а знания... Знания вы приобретете быстро. К тому же в вашем распоряжении будет вся информация, накопленная Кибером. Соглашайтесь, Максим. Я не обещаю вам легкого путешествия. Но вам ли говорить о трудностях...

— Спасибо, Этана, за все ваши предложения, но...

— Нет-нет, пока не отвечайте. Подумайте обо всем этом.

— Я думал, Этана, много думал. Я рад, что Кибер вынес хорошее мнение обо мне. Но до вас мне далеко. И как командир вы — вполне на месте. Что же касается вашего предложения остаться здесь... Да, мне трудно будет покинуть корабль, трудно будет расстаться с Мионой, да и... с вами, к чему лукавить. И тем не менее, я не могу оставить Землю. Я нужен Земле, нужен Родине. Вы должны согласиться со мной, Этана.

Она взглянула ему в глаза, подавила вздох:

— Я могу только преклоняться перед вашим благородством, Максим. Вы вправе располагать собой, как считаете нужным. По первому требованию я доставлю вас на Землю и сделаю все необходимое, чтобы ваше появление там не вызвало недоумения ваших соотечественников. Я, разумеется, позволю вам взять с собой все ваши записи. Хотя в этом и не будет большой нужды, потому что я приготовила специально для вас диск с таким объемом информации, какой вы не усвоили бы в информатории и за два десятка лет. Диск этот тем более удобен, что пользоваться им сможете только вы: информацию с него можно считывать лишь через, ваш элемент связи, любой выход из строя этого элемента, как и ваша гибель, повлечет немедленное самоуничтожение диска. Я дарю вам этот диск, потому что знаю теперь, у вас хватит ума и добропорядочности использовать наши знания лишь на благо прогресса цивилизации Земли.

— Благодарю вас, Этана.

— И еще... — Этана судорожно глотнула воздух. — Я хотела сказать вам... Я хотела, чтобы вы знали, что я... что я люблю вас, Максим. Люблю... Я полюбила вас давно, сразу после памятного сеанса в иллюзионории и все это время — столько дней и ночей! — ни одного часа не могла не думать о встрече с вами. Я впервые почувствовала себя женщиной, впервые поняла, что значит радость, мечта, надежда. А потом... Потом было самое страшное: я узнала, что можно любить и не быть любимой. Я поняла, почему женщины могут плакать... Да, я впервые узнала вкус слез, Максим. Но если бы мне предложили избавиться от этой муки — Кибер, наверное, смог бы это сделать — я с негодованием отвергла бы такое предложение. И вот теперь мы расстаемся. Расстаемся навсегда. Я понимаю, иначе быть не может. И все-таки... Только зачем я говорю все это? Не знаю... — она словно запнулась, глаза ее, полные отчаяния и боли, налились слезами; она быстро отвернулась и закрыла лицо руками. Сейчас перед Максимом была действительно просто женщина — совсем еще молодая, несказанно красивая, бесподобно умная и... несчастная. Жгучее чувство сострадания опалило ему душу. Он склонился над нею и, отведя от лица мягкие, точно струящиеся волосы, коснулся губами кончиков ее вздрагивающих пальцев:

— Простите меня, Этана... Простите, что при всем моем расположении к вам, я не могу...

— Не надо, Максим. Я все понимаю. Все-все! Вам не в чем винить себя. Я сама не знаю, как вырвалось у меня это никому не нужное признание. В первый раз в жизни я говорила без всякой цели, всякой надобности, просто так... Просто потому, что не могла не сказать,

не справилась с собой... — голос ее замер, две крупные слезы выкатились из-под полусомкнутых век. — Но ведь и я... Разве я виновата в чем-нибудь?... — она слабо всхлипнула и, притянув к себе большие натруженные ладони Максима, зарылась в них лицом...

20

Этот сигнал ближней связи не был неожиданным для Максима. Он ждал его. Этана подошла к самому экрану, протянула к нему руки:

— Добрый день, Максим.

— Добрый день, Этана.

Она долго смотрела на него широко раскрытыми глазами, точно желая вобрать в себя образ землянина. Потом сказала:

— Вы все успели? Познакомились и с теорией мезонного поля, и с теорией нейтринной стабилизации радиоактивных изотопов?

— Я полностью разобрался и в том, и в другом. Спасибо вам. Земля избавится наконец от кошмара ядерной войны.

— Жалеете только, что не смогли познакомиться со всем этим раньше?

— Я не жалею ни о чем, вы знаете.

— Однако решение ваше покинуть корабль — остается в силе?

— Да, — коротко ответил Максим, стараясь не смотреть в глаза инопланетянке.

Она молча вздохнула.

— Я не могу поступить иначе. Я говорил вам...

Она улыбнулась ему бесконечно нежной благодарной улыбкой:

— Знаю, Максим... И, как ни тяжело мне, напоминаю вам: сегодня в полночь — старт. Последний челночек отбывает на Землю через час.

— Я готов.

— Вы зайдете ко мне проститься?

— Нет, простимся сейчас, здесь.

— Понимаю... Каплей океана не добавишь...

— Не в этом дело... — Максим отвел глаза от прекрасной инопланетянки и больно закусил губу. Он, действительно, не жалел ни о чем. И то, что пришлось пережить ему здесь, на звездолете АО Тэо Ларра, действительно можно было соизмерить только с океаном. Но все это уже отодвинулось в прошлое, отгородилось неумолимой, как вечность, стеной.

Впереди была лишь Земля, Россия, Родина...

Корчагин Владимир Владимирович

АСТИЙСКИЙ ЭДЕЛЬВЕЙС Научно-фантастический роман

ISBN 5-298-00329-X

Редактор Г. Магдеева

Художник М. Покалев

Художественный редактор А. Тимергалина

Технический редактор Н. Зайнуллина Корректоры А. Халитова, Н. Максимова

ИБ К. 6461

Сдано в набор 26.05.93. Подписано в печать 27.09.94. Формат 84x108 /,,.

Бумага тип. № 2. Гарнитура "Татар-Антиква". Печать высокая. Усл. неч. л.

20,16+форз. 0,21. Уел кр.-отт. 20,79. Уч.-изд. л. 22,41+форз.О,35. Тираж

5000 экз. Заказ П-146.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул. Баумана, 19.

Полиграфический комбинат имени Камиля Якуба

Министерства информации и печати Республики Татарстан.

420111. Казань, ул. Баумана, 19.